ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ТЯЖЕЛЫЯ ВРЕМЕНА.

Переводъ А. Н. Линдегренъ.

подъ редакціей

М. А. Орлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
Стремянная, собств. д. № 12.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОСѢВЪ.

I. Единственное, что намъ нужно.

— Что мнѣ нужно, такъ это факты. Не преподавайте этимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ ничего, кромѣ фактовъ. Одни факты нужны въ жизни. Насаждайте одно это, искореняя все остальное. Умъ мыслящихъ существъ можетъ образоваться лишь на основаніи фактовъ; ничто иное не принесетъ ему ни малѣйшей пользы. Держась этого правила, я воспитываю собственныхъ дѣтей, и оно же положено въ основу воспитанія этихъ учащихся. Держитесь, фактовъ, сэръ.

Мѣсто дѣйствія — классная комната въ школѣ, — простая, невзрачная, съ сводчатымъ потолкомъ, голыми стѣнами, а квадратный указательный палецъ говорившаго внушительно подчеркивалъ каждое нравоученіе на рукавѣ школьнаго учителя. Внушительности словъ содѣйствовалъ квадратный лобъ оратора, напоминавшій крѣпкую стѣну, съ бровями вмѣсто фундамента, тогда какъ его глаза свободно помѣщались въ двухъ темныхъ подвалахъ подъ сѣнью этой стѣны. Внушительности способствовалъ также и широкій ротъ говорившаго съ тонкими, рѣзко очерченными губами. Внушительность поддерживалъ и его голосъ, деревянный, сухой и повелительный. Эффектъ усиливался и его волосами, которые торчали по краямъ плѣшивой головы на подобіе сосновой плантаціи, предназначенной защищать отъ вѣтра ея блестящую поверхность, покрытую сплошь шишками, подобно коркѣ пирога со сливами, точно этотъ черепъ служилъ тѣсной кладовою для твердыхъ фактовъ, собранныхъ въ ней. Внѣшность оратора, дышавшая упорствомъ, квадратный сюртукъ, квадратныя ноги, квадратныя плечи, даже галстухъ, пріученный схватывать его за горло, точно несговорчивый фактъ,—все это, вмѣстѣ взятое, способствовало внушительности произносимыхъ имъ рѣчей.

— Въ здѣшней жизни намъ не нужно ничего, кромѣ фактовъ, сэръ; ничего. кромѣ фактовъ!

Говорившій, такимъ образомъ, школьный учитель и еще третье присутствовавшее здѣсь взрослое лицо подались немного назадъ и окинули взглядомъ наклонную плоскость выстроенныхъ по ранжиру малыхъ человѣческихъ сосудовъ, готовыхъ къ воспріятію цѣлыми ведрами, дѣйствительныхъ фактовъ, которымъ предстояло наполнить ихъ до самыхъ краевъ.

II. Избіеніе младенцевъ.

— Томасъ Гредграйндъ, сэръ. Человѣкъ дѣйствительности. Человѣкъ фактовъ и разсчетовъ. Человѣкъ, дѣйствующій на основаніи принципа, что два и два составляютъ четыре, ни больше и ни меньше. Человѣкъ, котораго нельзя заставить согласиться ни на какую прибавку къ этому итогу. Томасъ Гредграйндъ, сэръ— именно, Томасъ,—Томасъ Гредграйндъ. Вѣчно съ линейкой, вѣсами и таблицею умноженія въ карманѣ, сэръ, готовый взвѣсить и измѣрить всякую частицу человѣческой природы и сказать вамъ въ точности, чего она стоитъ. Это простой вопросъ цифръ, простое ариѳметическое дѣйствіе. Вы можете разсчитывать вбить какое-нибудь иное нелѣпое убѣжденіе въ голову Джорджа Гредграйнда или Августа Гредграйнда или Джона Гредграйнда или Джозефа Гредграйнда (все воображаемыхъ, но не существующихъ лицъ), но Томаса Гредграйнда вамъ не переубѣдить ни за что, сэръ, нѣтъ, ужъ извините!

Въ подобныхъ выраженіяхъ мистеръ Гредграйндъ всегда мысленно рекомендовалъ самого себя частному ли кружку знакомыхъ, или публикѣ вообще. Въ такихъ же, несомнѣнно, выраженіяхъ, замѣнивъ словами „мальчики и дѣвочки“ обращеніе „сэръ“, Томасъ Гредграйндъ представилъ самого себя маленькимъ сосудамъ, сгруппированнымъ противъ него, которымъ предстояло такъ обильно наполниться фактами.

Дѣйствительно, когда онъ энергично сверкалъ на нихъ своими глазками изъ глубины вышеупомянутыхъ подваловъ, то казался подобіемъ пушки, заряженной до самаго жерла фактами и готовой однимъ залпомъ вымести учащихся изъ области дѣтства. Онъ казался также гальваническимъ аппаратомъ, заряженнымъ какимъ-то страннымъ механическимъ замѣстителемъ нѣжнаго, молодого воображенія, которое слѣдовало развѣять прахомъ.

— Дѣвочка нумеръ двадцатый, — сказалъ мистеръ Гредграйндъ, указывая на одну изъ учениць своимъ квадратнымъ пальцемъ.—Я не знаю этой дѣвочки. Кто она такая?

— Сэсси Джюпъ, сэръ,—отвѣчалъ нумеръ двадцатый, краснѣя, вставъ съ своего мѣста и присѣдая.

— Сэсси, такого имени не существуетъ на свѣтѣ,—возразилъ мистеръ Гредграйндъ.—Не зови себя Сэсси, зови Сесиліей.

— Это мой папа зоветъ меня Сэсси, сэръ,—дрожащимъ голосомъ оправдывалась ученица, снова присѣдая.

— Ему не слѣдуетъ этого дѣлать,—изрекъ мистеръ Гредграйндъ.—Скажи ему такъ отъ меня. Сесилія Джюпъ. Постой-ка, кто твой отецъ?

— Онъ служитъ въ циркѣ, съ вашего позволенія, сэръ.

Мистеръ Гредграйндъ нахмурился и махнулъ рукой въ знакъ пренебреженія къ столь предосудительной профессіи.

— Намъ нѣтъ надобности знать объ этомъ здѣсь. Не смѣй говорить о такихъ вещахъ въ школѣ. Твой отецъ объѣзжаетъ лошадей, не такъ ли?

— Съ позволенія сказать, сэръ, когда у нихъ есть что объѣзжать, то они объѣзжаютъ лошадей въ циркѣ.

— Не смѣй упоминать здѣсь про циркъ. Ну, ладно.. Пускай твой отецъ будетъ наѣздникомъ. Онъ, должно быть, лечитъ больныхъ лошадей, не такъ ли?

— О, да, сэръ.

— Вотъ и хорошо. Значитъ, твой отецъ ветеринаръ, кузнецъ и берейторъ. Такъ, сдѣлай же мнѣ точное опредѣленіе лошади.

(Сэсси Джюпъ повергнута въ величайшую тревогу при этомъ требованіи).

— Дѣвочка нумеръ двадцатый неспособна опредѣлить, что такое лошадь!—сказалъ мистеръ Гредграйндъ въ назиданіе всѣхъ малыхъ сосудовъ.—Дѣвочка нумеръ двадцатый не усвоила себѣ фактовъ, относящихся къ самому обыкновенному животному! Пусть кто-нибудь изъ мальчиковъ дастъ мнѣ опредѣленіе лошади вмѣсто нея. Битцеръ—ты.

Квадратный указательный палецъ, прогулявшись по рядамъ учениковъ, внезапно направился на Битцера, можетъ быть, потому, что его задѣлъ тотъ же солнечный лучъ, который, ворвавшись въ одно изъ голыхъ оконъ отштукатуренной известкою комнаты, озарялъ Сэсси. Дѣло въ томъ, что мальчики и дѣвочки занимали наклонную плоскость двумя плотными рядами, раздѣленными посрединѣ узкимъ проходомъ; и Сэсси, помѣщаясь съ краю одного изъ рядовъ на солнечной сторонѣ, освѣщалась началомъ луча, конецъ котораго задѣвалъ Битцера, сидѣвшаго также съ краю, по другую сторону, нѣсколькими рядами ниже. Но тогда какъ дѣвочка была такая темноглазая и темноволосая, что казалась еще болѣе сильной брюнеткой на солнцѣ, мальчикъ былъ до того свѣтлоглазымъ и бѣлобрысымъ, что тѣ же самые солнечные лучи отнимали у него послѣднюю окраску. Его холодные глаза трудно было бы и различить, еслибъ не коротенькія рѣсницы, которыя были потемнѣе и потому обрисовывали ихъ форму. Коротко подстриженные волосы можно было принять за простое продолженіе веснушекъ на его лбу и щекахъ. Цвѣтъ его лица былъ

такъ болѣзненно блѣденъ, такъ лишенъ малѣйшаго румянца, словно бы изъ этого ребенка выпустили всю кровь.

— Битцеръ,—произнесъ Томасъ Гредграйндъ, — ну-ка, опредѣли, что такое лошадь.

— Четвероногое, травоядное. Сорокъ зубовъ, а именно: двадцать четыре коренныхъ, четыре клыка и двѣнадцать рѣзцовъ. Линяетъ весной; въ болотистыхъ странахъ мѣняетъ также копыта. Копыта твердыя, но требуютъ оковки желѣзомъ. Возрастъ узнается по признакамъ во рту,—такъ началъ и продолжалъ Битцеръ.

— Теперь дѣвочка нумеръ двадцатый, — сказалъ мистеръ Гредграйндъ,—ты знаешь, что такое лошадь.

Она присѣла и покраснѣла еще гуще, если это возможно. Битцеръ заморгалъ глазами, глядя на Томаса Гредграйнда, причемъ солнечный лучъ, задѣвъ концы его рѣсницъ, придалъ имъ сходство съ щупальцами суетящагося насѣкомаго; послѣ того мальчикъ коснулся суставами пальцевъ своего лба, покрытаго веснушками и сѣлъ на мѣсто.

Тутъ выступилъ впередъ третій джентльменъ. Великій человѣкъ по части расчистки и осушенія; правительственный чиновникъ; въ своемъ родѣ (по примѣру весьма многихъ другихъ), настоящій кулачный боецъ; вѣчно занятый собственной тренировкой, вѣчно носящійся съ какой нибудь системой, которую онъ старался протиснуть въ общественную глотку, какъ пилюли; вѣчно ораторствующій за конторкой въ своемъ маленькомъ правительственномъ учрежденіи и готовый сразиться съ цѣлой Англіей. Однимъ словомъ, выражаясь на боксерскомъ діалектѣ, то былъ настоящій геній по части рукопашныхъ схватокъ, гдѣ угодно и ради чего угодно, недававшій никому спуска. Онъ набрасывался на любой общественный вопросъ, оглушая его правымъ кулакомъ, поддавая лѣвымъ, останавливаясь, мѣняя фронтъ, отражая удары, притискивая своего противника къ самой веревкѣ (онъ всегда воевалъ съ цѣлой Англіей) и наступая на него тутъ для окончательнаго пораженія. Онъ былъ увѣренъ, что сумѣетъ вышибить духъ изъ здраваго смысла и сдѣлать своего злополучнаго антагониста глухимъ къ требованіямъ времени. Зато онъ былъ уполномоченъ высшей властью водворить въ крупномъ общественномъ учрежденіи тысячелѣтіе господства чиновниковъ на землѣ.

— Очень хорошо, — сказалъ этотъ джентльменъ, мимолетно усмѣхнувшись и скрещивая руки.—Вы опредѣлили лошадь. Теперь я спрошу у васъ, дѣвочки и мальчики, оклеили бы вы свою комнату обоями съ изображеніемъ лошадей?

Послѣ нѣкотораго молчанія половина дѣтей крикнула хоромъ:

— Да, сэръ!—на что другая половина, замѣтивъ по лицу джентльмена, что онъ недоволенъ отвѣтомъ. въ свою очередь крикнула хоромъ:

— Нѣтъ, сэръ!—какъ бываетъ всегда при такихъ экзаменахъ

— Ну, разумѣется, нѣтъ. Почему же, однако?

Молчаніе. Наконецъ, одинъ толстый неповоротливый мальчикъ, сопѣвшій носомъ, отважился отвѣтить:—Потому что я не сталъ бы оклеивать своей комнаты обоями, а выкрасилъ бы ее лучше краской.

— Но если ты *долженъ* оклеить ее,—возразилъ джентльменъ съ порядочной горячностью.

— Ты долженъ оклеить ее, — подтвердилъ Томасъ Гредграйндъ,—хочешь ты, или не хочешь. Не говори же *намъ*, что ты не сталъ бы дѣлать этого. И что забралъ ты себѣ въ голову, мальчикъ?

— Постойте, я объясню вамъ тогда,—продолжалъ джентльменъ послѣ второй унылой паузы со стороны дѣтей, почему вы не оклеили бы своей комнаты изображеніями лошадей. Развѣ вы видали когда нибудь, въ дѣйствительности, чтобъ лошади прогуливались по комнатнымъ стѣнамъ? Извѣстенъ ли вамъ такой фактъ?

— Да, сэръ,—отвѣчала одна половина.—Нѣтъ, сэръ,—отозвалась другая.

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ джентльменъ, бросая негодующій взглядъ на опростоволосившуюся половину.—Вамъ не слѣдуетъ видѣть нигдѣ того, чего нельзя видѣть въ дѣйствительности; вамъ не слѣдуетъ имѣть того, чего нельзя имѣть на самомъ дѣлѣ. То, что называется вкусомъ, есть лишь иное названіе факта.

Томасъ Гредграйндъ одобрительно кивнулъ головою.

— Таковъ новый принципъ, открытіе, великое открытіе, — прибавилъ джентльменъ.—Теперь я задамъ еще одинъ вопросъ. Представьте себѣ, что вамъ нужно обить ковромъ вашу комнату. Употребите ли вы для этого коверъ съ изображеніемъ цѣтовъ на немъ?

Такъ какъ у всѣхъ составилось тѣмъ временемъ убѣжденіе, что отрицательный отвѣтъ приходился больше по вкусу этому джентльмену, то дѣтскій хоръ очень громко крикнулъ „нѣтъ". Лишь нѣсколько учащихся отвѣчало слабымъ голосомъ „да": между ними Сэсси Джюпъ.

— Дѣвочка нумеръ двадцатый,—сказалъ джентльменъ, улыбаясь въ спокойномъ сознаніе своего умственнаго превосходства.

Сэсси покраснѣла и встала.

— Значитъ, ты обила бы ковромъ твою комнату или комнату твоего мужа, еслибъ ты была взрослой и замужней женщиной,—ковромъ съ изображеніями цвѣтовъ?—спросилъ ее джентльменъ.—Почему?

— Съ вашего позволенія, сэръ, я очень люблю цвѣты,—отвѣчала дѣвочка.

— И потому ты разставила бы на нихъ столы и стулья и позволила бы топтать ихъ людямъ въ тяжелыхъ сапогахъ?

— Это не повредило бы имъ, сэръ. Они не смялись бы отъ того и не поблекли, съ вашего позволенія, сэръ. Они напоминали бы мнѣ живые цвѣты и я воображала бы...

— Ай-ай-ай! Вотъ, именно, воображать-то тебѣ и не слѣдуетъ!—воскликнулъ джентльменъ, восхищенный тѣмъ, что онъ такъ удачно достигъ своей цѣли.—Въ томъ-то и дѣло! Ты никогда не должна воображать.

— Сесилія Джюпъ,—торжественно подтвердилъ Томасъ Гредграйндъ,—ты не должна дѣлать ничего подобнаго.

— Фактъ, фактъ, фактъ!—изрекъ джентльменъ.

— Фактъ, фактъ, фактъ! — отозвался, какъ эхо, Томасъ Гредграйндъ.

— Вездѣ и во всемъ вы должны сообразоваться только съ фактомъ и подчиняться ему,—сказалъ джентльменъ.—Мы надѣемся въ скоромъ времени составить комиссію для разработки фактовъ изъ людей факта, которые принудятъ народъ быть народомъ факта и ничего иного. Вы должны совершенно изгнать слово воображеніе. Вамъ оно совсѣмъ не нужно; вы не должны имѣть никакихъ украшеній, никакихъ предметовъ обихода, которые противорѣчили бы факту. Вѣдь, вы не ходите по цвѣтамъ на самомъ дѣлѣ; значитъ, вамъ нельзя позволить ходить по нимъ и на коврахъ. Вы никогда не видали, чтобъ заморскія птицы и бабочки прилетали и садились на вашу фарфоровую посуду; поэтому вамъ нельзя позволить расписывать ее заморскими птицами и бабочками. Вы никогда не видывали, чтобъ четвероногіе ходили вверхъ и внизъ по стѣнамъ; вы не должны украшать своихъ стѣнъ ихъ изображеніями. Для всѣхъ этихъ цѣлей,—заключилъ джентльменъ,—вы должны пользоваться различными сочетаніями и видоизмѣненіями (въ первобытной окраскѣ) математическихъ фигуръ, доступныхъ объясненію и доказательству. Вотъ новое открытіе. Вотъ фактъ. Вотъ вкусъ.

Дѣвочка присѣла передъ нимъ и опустилась на свое мѣсто. Она была еще слишкомъ мала и, повидимому, ее ошеломила перспектива голыхъ фактовъ, вытѣснявшихъ передъ нею все остальное.

— Теперь, если мистеръ Макъ-Чоакумчайльдъ соблаговолитъ приступить къ своему первому уроку,—прибавилъ джентльменъ,—я буду очень радъ ознакомиться съ его учебными пріемами, согласно вашему желанію, мистеръ Гредграйндъ.

Мистеръ Гредграйндъ поблагодарилъ.

— Мистеръ Макъ-Чоакумчайльдъ, не угодно ли вамъ приступить,—мы послушаемъ.

И мистеръ Чоакумчайльдъ постарался не ударить въ грязь лицомъ. Онъ и еще около ста сорока другихъ школьныхъ учителей

недавно были выточены на одной фабрикѣ по тѣмъ же правиламъ, по какимъ вытачиваютъ на одинаковомъ станкѣ такое же количество фортепіанныхъ ножекъ. Ему пришлось побывать въ большой передѣлкѣ и совершить безчисленное множество оборотовъ, отвѣтить на цѣлые томы головоломныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ онъ приготовился къ своему призванію. Орѳографія, этимологія, и просодія, астрономія, географія и общая космографія, пропорціи, тройное правило и алгебра, геодезія и нивелировка, пѣніе и рисованіе съ моделей,—все это онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. По скалистому пути онъ пробрался въ высшее учебное заведеніе и сорвалъ цвѣтъ съ высочайшихъ отраслей математическихъ и физическихъ наукъ, французскаго, нѣмецкаго, греческаго и латинскаго языковъ. Онъ зналъ все насчетъ водныхъ системъ цѣлаго свѣта (гдѣ только онѣ существуютъ), зналъ всѣ исторіи всѣхъ народовъ, названія всѣхъ рѣкъ и горъ, всѣ произведенія, нравы и обычаи всевозможныхъ странъ со всѣми ихъ границами и положеніемъ на тридцати двухъ румбахъ компаса. О мистеръ Чоакумчайльдъ скорѣе перешелъ, чѣмъ не дошелъ въ смыслѣ научной подготовки! Еслибъ онъ учился чуточку поменьше, насколько лучше могъ бы онъ преподавать!

Мистеръ Макъ-Чоакумчайльдъ приступилъ къ дѣлу на своемъ образцовомъ урокѣ, нѣсколько подражая Морджіанѣ въ „Сорока разбойникахъ“:—заглядывая поочередно во всѣ сосуды, выстроенные передъ нимъ, чтобъ узнать, что въ нихъ содержится. Скажи-ка, добрый Макъ-Чоакумчайльдъ, когда ты наполнишь до краевъ каждый изъ этихъ кувшиновъ изъ твоего богатаго запаса познаній, будешь ли ты увѣренъ, что тебѣ удалось убить въ нихъ разбойницу-фантазію? Можешь ли ты быть увѣренъ, что совсѣмъ покончилъ съ нею, а не искалѣчилъ и не изуродовалъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ?

III. Сквозь щелку.

Мистеръ Грэдграйндъ возвращался домой въ довольно пріятномъ настроеніи духа. То была его школа, и онъ старался сдѣлать ее образцовой. Ему хотѣлось, чтобы каждый учащійся въ ней былъ образцовымъ ребенкомъ совершенно такъ, какъ молодые Грэдграйнды.

Ихъ было пятеро и всѣ они сплошь были образцовыми дѣтьми. Ихъ поучали съ младенческаго возраста; гоняли, какъ зайчатъ; почти съ того момента, когда они становились на ноги, ихъ водили въ классную комнату. Первымъ предметомъ, запечатлѣвшимся у нихъ въ сознаніи или сохранившимся въ памяти, была большая черная доска и сухопарый людоѣдъ, чертившій на ней мѣломъ какія-то страшныя бѣлыя фигуры.

Не думайте, чтобы они знали по имени или свойствамъ что нибудь насчетъ людоѣда. Оборони васъ отъ этого дѣйствительный фактъ! Я выражаюсь такъ, чтобы дать понятіе о чудовищѣ въ учебномъ замкѣ съ несмѣтнымъ множествомъ головъ, совмѣстившихся въ одной, которая брала дѣтство въ плѣнъ и тащила его за волосы въ мрачныя логовища статистики.

Ни одинъ изъ маленькихъ Гредграйндовъ не видывалъ никогда лица на лунѣ; его убирали съ луны прежде, чѣмъ ребенокъ успѣвалъ научиться говорить. Ни одинъ изъ нихъ не училъ глупой пѣсенки: „Мерцай, мерцай, звѣздочка. Хотѣлъ бы я знать, что ты такое". Ни одинъ изъ маленькихъ Гредграйндовъ не ломалъ себѣ головы насчетъ этого вопроса, потому что каждый изъ нихъ, будучи пяти лѣтъ отъ роду ,анатомировалъ уже Большую Медвѣдицу, что твой профессоръ Оуэнъ, и гонялъ Чарльза Уэна, какъ машинистъ свой локомотивъ. Ни одинъ изъ маленькихъ Гредграйндовъ не видѣлъ въ обыкновенной коровѣ на лугу ту пресловутую корову „съ кривымъ рогомъ, которая забодала собаку, растерзала кошку, убила крысу, съѣла солодъ", или еще болѣе знаменитую корову, которая проглотила Мальчика съ пальчикъ. Ни одинъ изъ тѣхъ образцовыхъ дѣтей не слышалъ объ этихъ знаменитостяхъ и зналъ о коровѣ лишь то, что она четвероногое, травоядное, жвачное животное съ нѣсколькими желудками.

Итакъ, мистеръ Грегграйндъ направилъ стопы къ своему прозаическому жилищу, которое называлось Стонъ-Лоджъ. Онъ безпорочно удалился отъ дѣлъ, оставивъ оптовую торговлю желѣзомъ прежде, чѣмъ построилъ этотъ домъ, а теперь выжидалъ только подходящаго случая, чтобы составить собою нѣкоторую ариѳметическую величину въ парламентѣ. Его домъ былъ выстроенъ на пустырѣ въ одной или двухъ миляхъ отъ большого города, который въ нашемъ достовѣрномъ повѣствованіи будетъ называться Коктоуномъ.

Стонъ-Лоджъ представлялъ совершенно правильную фигуру на лицѣ земли въ этой мѣстности. Ничто не загораживало, ничто не осѣняло этого неопровержимаго факта на окружающемъ ландшафтѣ. Большой квадратный домъ съ массивнымъ крыльцомъ, затемнявшимъ окна главнаго фасада, какъ нависшія брови хозяина омрачали его глаза. Ни дать ни взять, математическая формула, точно, логически выведенная, провѣренная и доказанная. Шесть оконъ по одну сторону входа, шесть по другую, всего двѣнадцать по этому фасаду и столько же по другому, итого съ двухъ сторонъ двадцать четыре окна. Лужайка и садъ съ молодой аллеей для въѣзда, все выровненное по линейкѣ, точно ботаническая бухгалтерская книга. Газъ и вентиляція, водостоки и водоснабженіе, все было первѣйшаго сорта. Желѣзныя скобы и брусья сверху до низу; всѣ предохранительныя средства отъ огня; подъемныя ма-

шины для горничныхъ со всѣми ихъ щетками и метелками; однимъ словомъ, все, чего только душѣ угодно.

Все ли, однако? Пожалуй и такъ. У маленькихъ Гредграйндовъ были сверхъ того кабинеты по различнымъ отраслямъ науки; у нихъ былъ конхологическій кабинетикъ, металлургическій кабинетикъ и минералогическій кабинетикъ, гдѣ всѣ образцы были размѣщены въ порядкѣ и снабжены ярлыками, а кусочки камня и руды казались отбитыми отъ первобытныхъ массъ такими же твердыми массивными орудіями, какъ ихъ названія. Такимъ образомъ, переиначивъ старинную сказочку о „Петрушѣ-трубачѣ", которая, конечно, никогда не находила дороги въ ихъ дѣтскую, можно было бы спросить:—„если этимъ ненасытнымъ маленькимъ Гредграйндамъ было мало всего этого, то ради всего святого,—чего же имъ было еще нужно?"

Итакъ, отецъ юныхъ Гредграйндовъ подвигался впередъ въ пріятномъ настроеніи духа. По своему, то былъ любящій родитель; но еслибъ ему, подобно Сэсси Джюпъ, понадобилось дать опредѣленіе своей собственной персоны, то онъ, вѣроятно, назвалъ бы себя замѣчательно практическимъ отцомъ. Въ немъ шевелилось чувство особенной гордости при этихъ двухъ словахъ: „замѣчательно практическій", которыя особенно подходили къ нему. На каждомъ общественномъ собраніи въ Коктоунѣ, по какому бы поводу оно ни созывалось, кто нибудь изъ коктоунцевъ непремѣнно пользовался случаемъ намекнуть на „замѣчательную практичность" Гредграйнда, что чрезвычайно льстило ему. Онъ считалъ эту похвалу заслуженной данью, но тѣмъ не менѣе принималъ ее благосклонно.

Томасъ Гредграйндъ достигъ нейтральной территоріи на выѣздѣ изъ города, которая не могла назваться ни городомъ, ни деревней, но соединяла въ себѣ всѣ отрицательныя стороны того и другого. Тутъ до его слуха долетѣли звуки музыки. Трескучій оркестръ, принадлежавшій цирку, который занялъ въ тѣхъ краяхъ деревянный павильонъ, жарилъ во всю. Флагъ, развѣвавшійся на вершинѣ этого храма искусства, возвѣщалъ человѣческому роду, что то былъ „циркъ Слири", разсчитывавшій на благосклонность публики. Самъ хозяинъ, въ видѣ внушительной статуи новѣйшаго образца, съ денежнымъ ящикомъ у локтя, сидѣлъ въ кассѣ, напоминавшей церковную нишу въ стилѣ ранней готики, и собиралъ деньги за входъ. Миссъ Джозефина Слири, какъ гласили необычайно длинныя и необычайно узкія полосы печатныхъ афишъ, открывала сегодняшнее представленіе своей граціозной тирольской цвѣточной пантомимой на лошади. Въ числѣ другихъ „весьма забавныхъ, но, безусловно, приличныхъ чудесъ искусства, которыя надо видѣть своими глазами, чтобы повѣрить въ нихъ", синьоръ Джюпъ долженъ былъ показать въ тотъ вечеръ потѣшные таланты

своей превосходно вышколенной собаки Меррилегъ. Сверхъ того, ему предстояло исполнить свой „неподражаемый фокусъ—перекинуть себѣ черезъ голову семьдесятъ пять центнеровъ желѣза, безпрерывно перебрасывая желѣзныя гири и образуя, такимъ образомъ, въ воздухѣ настоящій желѣзный фонтанъ. Фокусъ, невиданный не только здѣсь, но и нигдѣ на земномъ шарѣ и вызывающій такія восторженныя рукоплесканія, что его приходится повторять". Наконецъ, тотъ же синьоръ Джюпъ долженъ былъ „оживлять различныя представленія при частыхъ перерывахъ своими веселыми, но всегда пристойными шекспировскими шутками и остротами". Въ заключеніе ему же предстояло выступить въ своей любимой роли мистера Уильяма Буттона изъ Тулей-стрита „въ самоновѣйшемъ и потѣшномъ фарсѣ на лошади: „Путешествіе портного въ Брентфордъ".

Само собою разумѣется, Томасъ Гредграйндъ не обратилъ вниманія на подобныя пошлости и прошелъ мимо, какъ подобаетъ практичному человѣку, который или отмахивается отъ этихъ надоѣдливыхъ мошекъ, чтобъ они не мѣшали ему думать, или велитъ убрать ихъ въ исправительный домъ. Между тѣмъ дорога, сдѣлавъ въ этомъ мѣстѣ поворотъ, привела его почти къ самымъ задамъ барака, гдѣ онъ увидѣлъ кучку дѣтей въ различныхъ позахъ, старавшихся взглянуть сквозь щели на скрытыя прелести этого любопытнаго мѣста.

Гредграйндъ остановился, какъ вкопанный. „Неужели,—подумалъ онъ, — эти бродяги сбиваютъ съ толку дѣтей изъ образцовой школы?"

Пространство, покрытое чахлой травой и сухимъ мусоромъ, отдѣляло его отъ юной ватаги. Поэтому онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана свой монокль, чтобы посмотрѣть, не найдется ли между ними малыша, котораго онъ знаетъ по имени, чтобъ потребовать его на расправу. Каково же было его изумленіе, когда онъ ясно различилъ свою собственную металлургическую Луизу, которая жадно припала глазомъ къ щелкѣ въ еловой доскѣ, и своего собственнаго математическаго Томаса, растянувшагося плашмя на землѣ, чтобъ увидѣть хоть конское копыто при исполненіи граціозной тирольской цвѣточной пантомимы!

Онѣмѣвъ отъ такой неожиданности, отецъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ его потомство унижало себя подобнымъ образомъ, дотронулся рукой до своихъ провинившихся чадъ и воскликнулъ:

— Луиза!! Томасъ!!

Оба вскочили, красные и смущенные. Однако, Луиза смотрѣла на отца смѣлѣе своего брата. Тотъ, собственно, совсѣмъ не смотрѣлъ на него, машинально позволяя увести себя прочь.

— Что это? Что за глупость? Что за бездѣльничанье?—раз-

разился мистеръ Гредграйндъ, уводя дѣтей за руку. — Что вы тутъ дѣлали?

— Намъ хотѣлось посмотрѣть, что тамъ такое,—отрывисто отвѣчала дочь.

— Что тамъ такое?

— Да, отецъ

На лицахъ обоихъ дѣтей было унылое недовольство, особенно у дѣвочки; однако, сквозь эту досаду у ней пробивался свѣтъ, которому было не на чемъ остановиться; огонь, напрасно, искавшій горючаго матеріала, воображеніе, не находившее себѣ пищи, но всетаки живучее и оживлявшее дѣтскія черты. То не была естественная ясность веселаго отрочества, но несмѣлыя, порывистыя, обманчивыя вспышки, въ которыхъ таилось что-то мучительное, напоминавшее перемѣны выраженія на лицѣ слѣпого, который отыскиваетъ ощупью дорогу.

Луиза была подросткомъ лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, но обѣщала очень скоро превратиться въ женщину. Эта мысль пришла въ голову отцу, когда онъ смотрѣлъ на нее. Она была хорошенькая. И могла бы сдѣлаться своенравной (подумалъ онъ по своей практичности), еслибъ не полученное ею воспитаніе.

— Томасъ, хотя фактъ налицо, но мнѣ трудно повѣрить, что ты, при твоемъ воспитаніи и съ твоими задатками, могъ привести свою сестру на подобное зрѣлище!

— Я сама привела его, отецъ,—поспѣшила сказать Луиза.— Я просила, чтобъ онъ пошелъ со мною.

— Мнѣ очень непріятно слышать это, очень непріятно. Это не оправдываетъ Томаса и усиливаетъ твою вину, Луиза.

Она посмотрѣла на отца, но не выронила ни одной слезы.

— Ты! Томасъ и ты, которымъ открыта обширная область наукъ; Томасъ и ты, которыхъ можно назвать дѣтьми, насыщенными фактами; Томасъ и ты, пріученные къ математической точности; Томасъ и ты здѣсь,—воскликнулъ мистеръ Гредграйндъ—въ этомъ унизительномъ положеніи! Я пораженъ.

— Я чувствовала себя утомленной, отецъ. Мнѣ давно уже надоѣло,—отвѣчала Луиза.

— Надоѣло? Что тебѣ надоѣло?—спросилъ удивленный родитель.

— Право, не знаю, что,—пожалуй, все.

— Перестань говорить глупости,—возразилъ мистеръ Гредграйндъ.—Это нелѣпое ребячество. Я не хочу больше слышать подобнаго вздора.

Онъ не раскрывалъ рта, пока они прошли около полумили въ совершенномъ молчаніи; наконецъ, онъ спросилъ:—что сказали бы на это твои лучшіе друзья, Луиза? Неужели ты нисколько не до-

рожишь ихъ добрымъ мнѣніемъ? Что сказалъ бы мистеръ Баундерби?

При этомъ имени дочь украдкой бросила на него бѣглый взглядъ, пристальный и пытливый. Но онъ ничего не замѣтилъ, потому что, когда взглянулъ на нее опять, она снова потупилась!

Всю дорогу до Стонъ-Лоджа отецъ повторялъ, отъ времени до времени, уводя домой двоихъ преступниковъ:—,,что сказалъ бы мистеръ Баундерби?" Точно мистеръ Баундерби воплощалъ въ себѣ общественное мнѣніе.

IV. Мистеръ Баундерби.

Кто же былъ такой мистеръ Баундерби, если онъ такъ воплощалъ въ себѣ общественное мнѣнія?

Мистеръ Баундерби былъ въ такой мѣрѣ закадычнымъ другомъ мистера Гредграйнда, въ какой только человѣкъ, лишенный всякаго чувства, способенъ духовно сблизиться съ другимъ человѣкомъ, также лишеннымъ всякаго чувства. Настолько мистеръ Баундерби и былъ близокъ къ дружбѣ, или, если угодно читателю, настолько онъ былъ далекъ отъ нее.

Мистеръ Баундерби былъ богачъ: банкиръ, купецъ, фабрикантъ и еще Богъ вѣсть что. Человѣкъ крупный, громогласный, съ наглымъ взглядомъ и металлическимъ хохотомъ. Человѣкъ, сдѣланный изъ грубаго матеріала, который, казалось, былъ вытянутъ, чтобъ его хватило на такую громоздкую фигуру. Человѣкъ съ большой раздутой головой и выпуклымъ лбомъ, съ надувшимися жилами на вискахъ. Кожа у него на лицѣ была такъ туго натянута, что она какъ будто этимъ натяженіемъ держала его глаза открытыми, а брови вздернутыми кверху. Человѣкъ, похожій на раздутый воздушный шаръ, готовый улетѣть. Человѣкъ, который не могъ достаточно нахвалиться, что онъ обязанъ самому себѣ всѣмъ. Человѣкъ, который вѣчно хвастался своимъ прежнимъ невѣжествомъ и нищетой, оглушая слушателей громоподобнымъ голосомъ, словно вырывавшимся изъ мѣднаго рупора. Человѣкъ, доходившій въ своемъ самоуничиженіи до бахвальства.

Будучи на годъ или на два моложе своего замѣчательнаго практическаго друга, мистеръ Баундерби казался, однако, старше. Къ его сорока семи, сорока восьми годамъ можно было бы прикинуть годковъ семь, восемь лишнихъ, не удививъ этимъ никого. Онъ не отличался обиліемъ волосъ, которые какъ будто разлетѣлись отъ его многословія, а то, что еще уцѣлѣло, торчало въ безпорядкѣ на головѣ, точно постоянно развѣваемое хвастливостью своего обладателя.

Въ неуютной гостиной Стонъ-Лоджа, стоя на коврѣ и грѣясь у каминнаго огня, мистеръ Баундерби разговаривалъ съ мистриссъ

Гредграйндъ; онъ сообщилъ ей, что въ тотъ день было его рожденіе. Гость стоялъ передъ каминомъ отчасти изъ за того, что осенній вечеръ былъ холоденъ, несмотря на яркое солнце, отчасти потому что подъ кровлей Стонъ-Лоджа всегда бродилъ призракъ сырости; отчасти потому, что здѣсь онъ занималъ выгодную позицію, откуда ему было легко господствовать надъ мистриссъ Гредграйндъ.

— У меня не было башмака на ногѣ. Что же касается чулокъ, то я не зналъ ихъ даже по названію. День я проводилъ въ канавѣ, а ночь въ свиномъ хлѣву. Вотъ какимъ образомъ отпраздновалъ я свою десятую годовщину. Впрочемъ, канава не представляла для меня никакой новизны; вѣдь я и родился-то въ ней.

Мистриссъ Гредграйндъ, маленькая, тонкая, блѣдная, красноглазая женщина, настоящая груда всевозможныхъ шалей, воплощеніе невѣроятной слабости, духовной и тѣлесной, постоянно глотала лекарство безъ всякой пользы. Стоило ей обнаружить хотя бы малѣйшій признакъ возвращенія къ жизни, какъ ее тотчасъ ошеломлялъ ударъ какого нибудь тяжеловѣснаго факта. Слушая своего собесѣдника, она робко выразила надежду, что канава была, по крайней мѣрѣ, сухая.

— Какъ бы не такъ! Мокра, какъ похлебка. Въ ней было на цѣлый футъ воды,—отвѣчалъ мистеръ Баундерби.

— Достаточно, чтобъ простудиться ребенку,—замѣтила хозяйка дома.

— Простудиться? Да я, должно быть, родился съ воспаленіемъ легкихъ и всего прочаго, что только способно воспаляться,—возразилъ гость.—Цѣлые годы, сударыня, былъ я несчастнѣйшимъ маленькимъ созданіемъ, до того хилымъ, что постоянно стоналъ и охалъ. Я ходилъ такимъ грязнымъ оборванцемъ, что вы, конечно, не согласились бы прикоснуться ко мнѣ даже щипцами.

Мистриссъ Гредграйндъ бросила томный взглядъ на каминные щипцы; то было самое подходящее дѣйствіе, какое могло подсказать ей ея крайнее умственное убожество.

— Положительно не понимаю, какъ могъ я выдержать все это,—продолжалъ Баундерби.—Должно быть, моя рѣшительность преодолѣла обстоятельства. Впослѣдствіи у меня обнаружился твердый характеръ, и, вѣроятно, эти задатки были во мнѣ съ самаго рожденья. И вотъ, теперь я стою передъ вами, мистриссъ Гредграйндъ, какимъ вы меня знаете, и никому не обязанъ тѣмъ, что изъ меня вышло, кромѣ себя.

Мистриссъ Гредграйндъ мягкимъ и слабымъ голосомъ выразила надежду, что его мать...

— Моя мать? Да она сбѣжала, сударыня! — воскликнулъ гость.

Хозяйка дома, ошеломленная, по своему обыкновенію, оцѣпенѣла и не стала возражать.

— Моя мать бросила меня у бабушки,—продолжала Баундерби, а бабушка, насколько помнится, была самая порочная и гадкая старуха, какую только можно себѣ представить. Если мнѣ случайно дарили башмаки, она тотчасъ отнимала ихъ у меня, чтобы пропить. Какъ теперь помню, прежде чѣмъ стать съ постели и позавтракать, она выпивала четырнадцать рюмокъ водки натощакъ.

Мистриссъ Гредграйндъ, слабо улыбаясь и не подавая иныхъ признаковъ жизни, сильно смахивала (какъ всегда) на тусклое изображеніе на плохо исполненномъ и слабо освѣщенномъ транспарантѣ.

— Моя бабушка держала мелочную лавочку, — разглагольствовалъ дальше гость,—и укладывала меня спать въ ящикъ изъ-подъ яицъ. Вотъ какова была колыбель моего дѣтства. Едва я подросъ настолько, что могъ убѣжать, я, разумѣется, удралъ отъ нея. Изъ меня вышелъ маленькій бродяга; вмѣсто того, чтобы голодать и терпѣть колотушки отъ одной старухи, я голодалъ не меньше и выносилъ побои отъ людей всѣхъ возрастовъ. И эти люди были вполнѣ правы; ничто не обязывало ихъ поступать иначе; я былъ язвой, обузой и сущей чумой; мнѣ самому это хорошо извѣстно.

Гордость по поводу того, что нѣкогда онъ достигъ такого высокаго соціальнаго отличія, что имѣлъ право назваться язвой, обузой и чумой, могла быть удовлетворена лишь звонкимъ троекратнымъ повтореніемъ этой похвальбы.

— Вѣроятно, мнѣ было предназначено пройти черезъ это, миссисъ Гредграйндъ. Какъ бы то ни было, сударыня, но я вышелъ побѣдителемъ изъ тяжкаго испытанія. Я выкарабкался изъ болота, хотя никто не кидалъ мнѣ спасительной веревки. Бродяга, посыльный, опять бродяга, потомъ работникъ, носильщикъ, конторщикъ, управляющій, мелкій компаньонъ фирмы, Джозія Баундерби изъ Коктоуна. Вотъ ступени, приведшія меня на вершину. Джозія Баундерби изъ Коктоуна выучился разбирать буквы по лавочнымъ вывѣскамъ, а узнавать время по башеннымъ часамъ на колокольнѣ св. Джильса въ Лондонѣ подъ руководствомъ пьянаго калѣки, отъявленнаго вора и неисправимаго лодыря. Толкуйте послѣ того Джозіи Баундерби изъ Коктоуна о вашихъ окружныхъ школахъ, о вашихъ образцовыхъ и нормальныхъ школахъ и о какихъ угодно выдумкахъ то этой части,—Джозія Баундерби изъ Коктоуна скажетъ вамъ просто и прямо, коротко и ясно,—вѣдь, онъ не пользовался этими преимуществами!—„давайте намъ людей съ крѣпкой головой и сильными кулаками“. Конечно, житейская школа, пройденная имъ, годится не для всякаго, онъ это отлично знаетъ, но таково было полученное имъ воспитаніе. И вы можете заставить его проглотить кипящее сало, но никогда не заставите утаить ни единаго факта изъ его жизни.

Разгорячившись, когда онъ дошелъ до этого пункта, Джозія Баундерби изъ Коктоуна остановился въ своихъ разглагольствованіяхъ. Онъ умолкъ какъ разъ въ ту минуту, когда его отмѣнно практическій другъ вошелъ въ комнату въ сопровожденіи двухъ преступниковъ. При видѣ гостя, практическій другъ остановился въ свою очередь и бросилъ на Луизу укоризненный взглядъ, ясно говорившій: „Вотъ тебѣ твой Баундерби!“

— Ну, что случилось?—выпалилъ Баундерби.—Почему юный Томасъ такой унылый?

Онъ говорилъ о юномъ Томасѣ, но смотрѣлъ на Луизу.

— Мы глядѣли въ щелку на представленіе въ циркѣ,—надменно пробормотала Луиза, не поднимая глазъ,—и отецъ поймалъ насъ врасплохъ.

— Да, миссисъ Гредграйндъ, — сказалъ отецъ высокомѣрнымъ тономъ;—я менѣе удивился бы, еслибъ засталъ своихъ дѣтей за чтеніемъ стиховъ.

— Боже милосердный, — заохала мистриссъ Гредграйндъ,— какъ это можно, Луиза и Томасъ? Вы меня поражаете. Говорю прямо, вы способны заставить меня пожалѣть, что я имѣю семью. Я почти готова сказать, что предпочла бы остаться бездѣтной. Вотъ, что бы вы тогда сдѣлали, интересно знать?

Мистеръ Гредграйндъ, казалось, не одобрялъ этихъ убѣдительныхъ доводовъ. Онъ нетерпѣливо нахмурилъ брови.

— Какъ будто вы не могли при моей сегодняшней головной боли заняться своими раковинами, минералами и всякой всячиной, припасенной для васъ, вмѣсто того, чтобъ бѣгать по циркамъ,—продолжала мать.—Вамъ извѣстно не хуже моего, что дѣтямъ не берутъ наставниковъ изъ цирка, что для нихъ не составляютъ циркологическихъ коллекцій и никто не слушаетъ лекцій о циркахъ. И что вамъ понадобилось знать о циркѣ? Дѣла у васъ, кажется, довольно, если только вамъ этого нужно. При теперешнемъ состояніи моей больной головы, я не въ силахъ припомнить даже и названій половины фактовъ, съ которыми вамъ надо познакомиться.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда,—надувъ губы, подхватила Луиза.

— Не говори мнѣ этого, потому что ничего подобнаго не можетъ быть,—возразила мать.—Ступай и займись сейчасъ чѣмъ нибудь *ологическимъ*.

Мистриссъ Гредграйндъ была слаба по части науки и, отсылая отъ себя дѣтей, обыкновенно, давала имъ это общее указаніе относительно выбора ихъ занятій.

Дѣйствительно, запасъ фактовъ въ памяти мистриссъ Гредграйндъ былъ страшно скуденъ, но мистеръ Гредграйндъ, возвышая ее до званія своей супруги, руководствовался двумя сообра-

женіями. во-первыхъ, относительно цифры приданаго она не оставляла желать ничего большаго; во-вторыхъ, у ней не было никакихъ фанаберій. Подъ именемъ фанаберій онъ подразумѣвалъ воображеніе. И, дѣйствительно, мистриссъ Гредграйндъ была лишена его, насколько это возможно для человѣка, еще не впавшаго въ идіотство.

Когда она осталась снова наединѣ со своимъ мужемъ и мистеромъ Баундерби, уже столь простого обстоятельства было достаточно, чтобы ошеломить эту превосходную лэди, безъ всякихъ коллизій между нею и какимъ либо инымъ фактомъ. Такимъ образомъ, она снова замерла, и никто не обращалъ на нее больше вниманія.

— Баундерби, — произнесъ мистеръ Гредграйндъ, подвигая стулъ къ камину,—вы всегда принимали такое горячее участіе въ моей молодежи—особенно въ Луизѣ—что я безъ обиняковъ скажу вамъ, насколько сильно разстроило меня сегодняшнее открытіе. Какъ вамъ извѣстно, я систематически посвящалъ себя воспитанію разума въ моей семьѣ. Разумъ, какъ вамъ извѣстно, есть единственная способность, на которую слѣдуетъ обратить усилія воспитанія. Между тѣмъ, Баундерби, изъ неожиданнаго сегодняшняго происшествія, какъ бы оно ни было ничтожно само по себѣ, какъ будто вытекаетъ, что въ мышленіе Томаса и Луизы проскользнуло нѣчто... нѣчто такое... право не знаю, какъ выразиться точнѣе,— чего совсѣмъ не хотѣли въ нихъ развивать и въ чемъ не участвуетъ ихъ разумъ.

— Конечно, нѣтъ смысла заглядываться на шайку бродягъ,— отвѣчалъ Баундерби.—Когда я былъ бродягой, никто не заглядывался *на меня;* это мнѣ хорошо извѣстно.

— Тогда возникаетъ вопросъ,—продолжалъ отмѣнно практическій отецъ, не сводя глазъ съ огня,—откуда же взялось это вульгарное любопытство?

— Я сейчасъ скажу вамъ, откуда. Оно зародилось въ праздномъ воображеніи.

— Едва ли,—возразилъ практическій человѣкъ;—признаюсь, однако, что то же самое опасеніе мелькнуло и у меня, когда я шелъ домой.

— Праздное воображеніе, Гредграйндъ,—повторилъ Баундерби.—Весьма скверная штука для всякаго и настоящее проклятіе для такой дѣвочки, какъ Луиза. Прошу прощенья у миссисъ Гредграйндъ за рѣзкость моихъ выраженій; но ей хорошо извѣстно, что я человѣкъ далеко не утонченный. Тотъ, кто ищетъ утонченности во мнѣ, жестоко ошибется. Я не получилъ утонченнаго воспитанія.

— Не наслушались ли они чего нибудь такого отъ одного изъ учителей или отъ прислуги?... — задумчиво промолвилъ Гредграйндъ, засунувъ руки въ карманы и устремивъ на огонь свои

впалые глаза. — А не то, пожалуй, наша Луиза или Томасъ прочли что нибудь запретное? Ужъ не попала ли въ нашъ домъ, несмотря ни на какія предосторожности, какая нибудь пустая книжонка съ разсказами? Иначе, какъ объяснить себѣ такое странное, такое непонятное извращеніе умовъ, которые отъ самой колыбели практически развивались съ строгою правильностью?...

— Постойте! — воскликнулъ Баундерби, который попрежнему стоялъ на коврѣ противъ камина, какъ будто обдавая даже мебель въ комнатѣ своимъ хвастливымъ самоуничиженіемъ, бившимъ черезъ край. Вѣдь, у васъ въ школѣ есть дѣвочка изъ семьи этихъ странствующихъ акробатовъ?

— Да, Сесилія Джюпъ, — подтвердилъ мистеръ Гредграйндъ, взглянувъ почти въ смущеніи на своего друга.

— Постойте еще немного! — продолжалъ Баундерби. — Какъ она сюда попала?

— Дѣло въ томъ, что я самъ въ первыи разъ увидалъ ее сегодня. Не принадлежа къ числу городскихъ обывателей, она пришла ко мнѣ на домъ съ просьбою о пріемѣ, и вотъ... Да, вы правы, Баундерби, вы правы!

— Постойте еще! — воскликнулъ опять Баундерби. — Луиза видѣла ее, когда она приходила?

— Разумѣется, Луиза видѣла ее, потому что сама передала мнѣ просьбу дѣвочки. Но ихъ свиданіе, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, происходило въ присутствіи миссисъ Гредграйндъ

— Будьте такъ добры, миссисъ Гредграйндъ,—сказалъ гость,— разскажите, какъ было дѣло.

— Охъ, мнѣ такъ нездоровится, — простонала хозяйка. — Дѣвочка хотѣла поступить въ школу, а мистеръ Гредграйндъ желалъ, чтобъ дѣвочки поступали въ его училище. И Луиза съ Томасомъ оба говорили, что дѣвочка хочетъ поступить, а мистеръ Гредграйндъ желаетъ принимать дѣвочекъ. Развѣ можно было противорѣчить имъ въ виду такого факта?

— Послушайте, что я скажу вамъ теперь, Гредграйндъ, — изрекъ Баундерби. — Вытурите вонъ эту дѣвчонку; вотъ и дѣлу конецъ.

— Я и самъ того же мнѣнія.

— Такъ и не откладывайте этого, — уговаривалъ гость; — не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, таковъ былъ мой девизъ съ самаго дѣтства. Когда я вздумалъ сбѣжать отъ бабушки, то исполнилъ это немедленно. Послѣдуйте моему примѣру. Не надо мѣшкать понапрасну.

— Вы пѣшкомъ? — спросилъ его другъ. — У меня есть адресъ ея отца. Можетъ быть, вы не откажетесь пройтись со мною до города?

— Я не прочь, — согласился мистеръ Баундерби; — идемте, куда хотите, только не откладывайте своего рѣшенія!

Мистеръ Баундерби небрежно надѣлъ шляпу — онъ всегда носилъ ее небрежно, какъ человѣкъ слишкомъ занятой устройствомъ своей карьеры для того, чтобы научиться надѣвать шляпу съ изяществомъ — и, засунулъ руки въ карманы, побрелъ въ прихожую. „Я никогда не ношу перчатокъ", говаривалъ онъ обыкновенно. „Мнѣ удалось взобраться на вершину общественной лѣстницы безъ нихъ. Едва ли бы я поднялся такъ высоко, еслибы щеголялъ въ перчаткахъ".

Пока мистеръ Гредграйндъ ходилъ наверхъ за адресомъ, мистеръ Баундерби продолжалъ бродить по прихожей; тутъ ему вздумалось отворить дверь въ классную комнату и заглянуть въ это тихое убѣжище, обитое клеенкой, которое, несмотря на книжные шкапы, учебныя коллекціи и множество научныхъ и философскихъ приспособленій всякаго рода, сильно смахивало на залу для стрижки волосъ. Луиза, томно прислонившись къ косяку окна, смотрѣла вдаль, не видя ничего, тогда какъ юный Томасъ стоялъ противъ камина, злобно фыркая на огонь. Адамъ Смитъ и Мальтусъ, двое младшихъ Гредграйндовъ, отсутствовали: они сидѣли за чтеніемъ въ карцерѣ, тогда какъ маленькая Дженъ, размазавъ по своему лицу липкое тѣсто изъ грифельнаго порошка, смоченнаго слезами, крѣпко спала надъ задачей изъ простыхъ дробей.

— Все уладилось хорошо, Луиза, все уладилось, юный Томасъ,—сказалъ мистеръ Баундерби.—Не глупите больше. Ручаюсь вамъ, что отецъ пересталъ сердиться. Ну, Луиза, вѣдь, за это стоитъ поцѣловать меня?

— Цѣлуйте, если хотите, мистеръ Баундерби,—отвѣчала Луиза; въ холодномъ молчаніи она нехотя перешла черезъ комнату и неласково подставила гостю щеку, отвернувшись въ сторону.

— Моя неизмѣнная любимица, не такъ ли, Луиза?—промолвилъ онъ.—Ну прощай, Луиза.

Баундерби вышелъ, но она стояла на прежнемъ мѣстѣ, вытирая носовымъ платкомъ поцѣлованную имъ щеку до тѣхъ поръ, пока нѣжная кожа у нея разгорѣлась до красна. Молодая дѣвушка продолжала эту операцію еще минутъ пять послѣ ухода посѣтителя.

— Что съ тобою, Лу?—проворчалъ, наконецъ, ея братъ,—вѣдь, этакъ ты протрешь себѣ щеку насквозь.

— Ты можешь вырѣзать изъ нея кусочекъ своимъ ножичкомъ, если хочешь, Томъ, я не заплачу.

V. Основной тонъ.

Коктоунъ, куда направлялись теперь Баундерби съ Гредграйндомъ, былъ истиннымъ торжествомъ факта; этотъ городъ также отличался отсутствіемъ всего фантастическаго, какъ и мистриссъ

Гредграйндъ. Возьмемъ основной тонъ Коктоуна, прежде чѣмъ продолжать нашу пѣснь.

То былъ городъ изъ краснаго кирпича или точнѣе изъ кирпича, который былъ бы краснымъ, еслибъ не покрывавшая его копоть и зола; при данныхъ же обстоятельствахъ то былъ городъ неестественно красный и черный, подобно расписанному лицу дикаря. То былъ городъ машинъ и высокихъ трубъ, изъ которыхъ безпрерывно валили клубы дыма, извивавшіеся на подобіе безконечныхъ змѣй. Въ немъ былъ черный каналъ и рѣка, отливавшая пурпуромъ отъ вонючей краски; въ немъ были огромныя зданія со множествомъ оконъ, дрожавшія и гремѣвшія съ утра до ночи, гдѣ поршни паровыхъ машинъ опускались и подымались съ убійственной монотонностью, точно голова слона, постигнутаго меланхолическимъ помѣшательствомъ. Въ немъ было много большихъ улицъ, похожихъ одна на другую, и много маленькихъ улочекъ, еще болѣе схожихъ между собою, населенныхъ людьми, не менѣе похожими другъ на друга, которые всѣ выходили изъ дома въ одни и тѣ же часы, одинаково стуча сапогами по однимъ и тѣмъ же плитамъ тротуара, спѣша къ одному и тому же дѣлу; у нихъ каждый день походилъ на вчерашній и завтрашній, и каждый годъ былъ копіей предыдущаго и прообразомъ послѣдующаго.

Эти особенности Коктоуна были въ главныхъ своихъ чертахъ нераздѣльно связаны съ промышленностью, которою онъ жилъ; зато онъ надѣлялъ весь свѣтъ удобствами жизни и снабжалъ рынокъ множествомъ изящныхъ украшеній, придающихъ такое великолѣпіе обстановкѣ и туалету свѣтской дамы, передъ которой не посмѣешь произнести даже имени этого закопченнаго города. Остальныя черты города были уже, такъ сказать, произвольныя и независимыя.

Здѣсь мы не встрѣчаемъ ничего такого, что не имѣло бы строго рабочаго отпечатка. Если члены какой нибудь религіозной общины строили церковь, то, по примѣру существовавшихъ въ Коктоунѣ восемнадцати общинъ, они сооружали нѣчто въ родѣ благочестиваго склада изъ краснаго кирпича, надъ которымъ иной разъ (но только въ образцово-стильныхъ постройкахъ) помѣщался колоколъ въ птичьей клѣткѣ. Одинокимъ исключеніемъ служила Новая Церковь, отштукатуренное зданіе съ квадратной колокольней надъ воротами, увѣнчанной четырьмя низкими башенками на подобіе деревянныхъ ногъ. Всѣ общественныя надписи въ городѣ были выведены одинаковыми литерами строгаго образца черной и бѣлой краской. Тюрьма могла сойти за больницу, а больница за тюрьму; городская ратуша могла быть тѣмъ или другимъ или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, или чѣмъ угодно, потому что никакая особенность въ архитектурѣ этихъ общественныхъ сооруженій не подтверждала противнаго. Фактъ, фактъ, фактъ повсюду во внѣш-

ности города; фактъ, фактъ, фактъ повсюду въ его внутреннемъ строѣ. Школа Чоакумчайльда была сплошнымъ фактомъ, и рисовальная школа была сплошнымъ фактомъ, и отношенія между хозяиномъ и рабочимъ были сплошнымъ фактомъ, и все было фактомъ, отъ родильнаго дома до кладбища; все же, что не можетъ быть выражено цыфрами или выставлено на продажу по самой дешевой или самой дорогой цѣнѣ, не существовало вовсе и не будетъ существовать во вѣки вѣковъ, аминь.

Казалось бы, городъ, безусловно, посвященный факту и такъ побѣдоносно подтверждающій его, долженъ процвѣтать и благоденствовать. И Коктоунъ, навѣрно, процвѣталъ? Ну нѣтъ. не совсѣмъ. Нѣтъ? Да неужели?

Нѣтъ, Коктоунъ не вышелъ изъ своихъ доменныхъ печей во всѣхъ отношеніяхъ такимъ чистымъ, какъ золото, прошедшее черезъ огонь. Во-первыхъ, его тревожилъ таинственный вопросъ:— кто принадлежалъ къ восемнадцати религіознымъ общинамъ? Но кто бы къ нимъ ни принадлежалъ, рабочій классъ не входилъ въ составъ ихъ членовъ. Гуляя по городу въ воскресное утро, было странно видѣть, сколь немногіе изъ фабричныхъ спѣшили на варварскій трезвонъ колоколовъ, доводившій до сумасшествія больныхъ и нервныхъ людей. Самое ничтожное число рабочихъ показывалось при этомъ изъ своего квартала, изъ своихъ запертыхъ квартиръ, изъ-за угла своихъ улицъ, гдѣ они били баклуши, безучастно поглядывая на богомольцевъ, направлявшихся къ церквамъ и часовнямъ, какъ на людей, совершенно чуждыхъ имъ.

И не однимъ пріѣзжимъ бросалось въ глаза такое явленіе, потому что въ самомъ Коктоунѣ существовала мѣстная партія, члены которой каждую сессію съ негодованіемъ возвышали свой голосъ въ палатѣ общинъ, требуя парламентскихъ актовъ, которые принудили бы рабочее сословіе къ благочестію силой. Затѣмъ слѣдовало общество трезвости, которое жаловалось, что эти люди непремѣнно будутъ напиваться, и показывало, на основаніи статистическихъ таблицъ, что они, дѣйствительно, напиваются, и увѣряло самымъ убѣдительнымъ образомъ на вечерахъ за чашкой чая, что никакое увѣщаніе ни человѣческое, ни божеское (исключая почетной медали) не заставитъ ихъ отказаться отъ привычки злоупотреблять спиртными напитками. За обществомъ трезвости слѣдовали аптекарь и дрогистъ съ новыми цыфровыми данными, которыя свидѣтельствовали о томъ, что если рабочій людъ не пьянствуетъ, то дурманитъ себя опіумомъ. Затѣмъ слѣдовалъ тюремный священникъ, человѣкъ, богатый опытомъ, съ новыми цыфровыми данными, далеко оставлявшими за собою всѣ предыдущія; онъ настаивалъ на томъ, что эти люди посѣщали непристойные притоны, скрытые отъ общественнаго надзора, гдѣ слушали непотребныя пѣсни и смотрѣли на непотребныя пляски, а, можетъ

быть, и участвовали въ нихъ. Такъ, между прочимъ, нѣкій А. Б., двадцатичетырехлѣтній мужчина, приговоренный къ одиночному заключенію на полтора года, увѣрялъ (хотя онъ и не особенно заслуживаютъ довѣрія), что его гибель началась, именно, тамъ; по крайней мѣрѣ онъ вполнѣ убѣжденъ и готовъ поклясться, что еслибы не этотъ развращающій примѣръ, то онъ остался бы образцомъ высокой нравственности. Затѣмъ слѣдовали мистеръ Гредграйндъ и мистеръ Баундерби, двое джентльменовъ, шедшіе въ данный моментъ по Коктоуну, оба замѣчательные практики, которые могли представить при случаѣ, сколько угодно цыфровыхъ данныхъ, добытыхъ путемъ ихъ личнаго опыта и подтвержденныхъ случаями, происшедшими у нихъ на глазахъ и извѣстными имъ по наслышкѣ, откуда ясно вытекало (собственно, это одно только и было ясно въ настоящемъ дѣлѣ), что эти люди были „сплошь негоднымъ сбродомъ, джентльмены, что, дѣлай для нихъ, что хочешь, отъ нихъ никогда не увидишь благодарности, джентльмены; что это народъ безпокойный, джентльмены; что они никогда не знаютъ, чего хотятъ; что они живутъ припѣваючи и покупаютъ свѣжее масло, и требуютъ непремѣнно мокскаго кофе, и гнушаются мясомъ, если оно не перваго сорта, а между тѣмъ вѣчно ропщутъ, и съ ними нѣтъ никакого сладу".—Однимъ словомъ, то была мораль старой побасенки для ребятъ:

Жила была старуха, все ѣла да пила,
А все таки до смерти довольна не была.

Но возможно ли, спрашиваю я себя, чтобъ существовала какая нибудь аналогія между нравственнымъ состояніемъ коктоунскаго населенія и душевнымъ настроеніемъ юныхъ Гредграйндовъ? Навѣрно, никто изъ насъ, при своемъ здравомысліи и знакомствѣ съ цифрами, не повѣритъ въ данную пору дня, что впродолженіи множества лѣтъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ существованія рабочаго класса въ Коктоунѣ былъ умышленно сведенъ къ нулю?

Неужели правда, что эти люди сохранили въ себѣ еще искру воображенія, которое требовало нормальнаго развитія вмѣсто судорожныхъ порывовъ? Неужели правда, что продолжительность и однообразіе ихъ работы порождаютъ въ нихъ жажду какого нибудь физическаго облегченія, какого нибудь удовольствія, придающаго бодрости и энергіи, какого нибудь признаннаго праздника, хотя бы для того, чтобъ поплясать достойнымъ образомъ подъ шумный оркестръ, какого нибудь вкуснаго угощенія, въ которое не совалъ бы своего носа даже Макъ-Чоакумчайльдъ? Неужели правда, что эту жажду слѣдуетъ удовлетворять разумнымъ образомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она неизбѣжно будетъ приводить людей къ дурному концу до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся законы мірозданія?

— Этотъ человѣкъ живетъ въ Подсъ-Эндѣ, а я совсѣмъ не знаю, гдѣ находится Подсъ-Эндъ, — сказалъ мистеръ Гредграйндъ.—Куда надо повернуть, Баундерби?

Мистеръ Баундерби зналъ только, что такъ называется нижняя часть города, но этимъ и ограничивались всѣ его свѣдѣнія. Такимъ образомъ, пріятели остановились, осматривались по сторонамъ.

Почти въ ту же минуту изъ-за угла улицы выбѣжала стремглавъ дѣвочка съ перепуганнымъ лицомъ, которую мистеръ Гредграйндъ тотчасъ узналъ.

— Стой,—крикнулъ онъ.—Куда ты? Остановись.

Дѣвочка нумеръ двадцатый остановилась, дрожа отъ страха, и присѣла.

— Зачѣмъ ты носишься вихремъ по улицамъ? Развѣ это пристойно?—замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ.

— Я... за мной гнались, сэръ,—отвѣчала дѣвочка прерывистымъ голосомъ,—я спасалась отъ погони.

— Гнались? — недовѣрчиво повторилъ почтенный джентльменъ.—Кому это охота гнаться за тобой?

На этотъ вопросъ послѣдовалъ неожиданный и внезапный отвѣтъ со стороны бѣлобрысаго мальчика Битцера, который такъ стремительно вылетѣлъ изъ-за угла, очевидно, не ожидая встрѣтить препятствія на тротуарѣ, что угодилъ прямо головою въ животъ мистера Гредграйнда и отскочилъ на мостовую.

— Что это значитъ, мальчуганъ? — воскликнулъ мистеръ Гредграйндъ.—Что ты дѣлаешь? Какъ ты смѣешь натыкаться на... на людей?

Битцеръ поднялъ свою шапку, свалившуюся на земь отъ толчка, попятился назадъ и, приставивъ согнутый палецъ ко лбу, сталъ оправдываться, увѣряя, что это случилось нечаянно.

— Такъ это онъ гнался за тобою, Джюпъ?—спросилъ мистеръ Гредграйндъ.

— Да,—нерѣшительно отвѣчала дѣвочка.

— Нѣтъ, сэръ!—воскликнулъ Битцеръ.—Она первая кинулась опрометью отъ меня прочь. Эти акробаты только и знаютъ, что врать, сэръ, дѣло извѣстное. Ты сама знаешь, что вашему брату вѣрить нельзя,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Сэсси. — Это также извѣстно всему городу, съ вашего позволенія, сэръ, какъ и то, что скоморохи изъ цирка не знаютъ таблицы умноженія,—прибавилъ мальчишка, стараясь ловко поддѣлаться къ мистеру Баундерби.

— Онъ такъ напугалъ меня своими страшными гримасами,—жаловалась дѣвочка.

—Вотъ еще,—подхватилъ Битцеръ,—сейчасъ видно, что ты скоморошье отродье! Такая же лгунья и выдумщица! Я и не глядѣлъ на нее, сэръ. Я только спросилъ, сумѣетъ ли она завтра въ

школѣ сдѣлать опредѣленіе лошади, и предложилъ ей помочь, а она кинулась бѣжать; ну и я ударился за ней вдогонку, сэръ, чтобъ она знала, какъ отвѣчать, когда ее спросятъ въ классѣ. Ты не выдумала бы такой небылицы, еслибы не была изъ цирка.

— Ея профессія, должно быть, получила широкую огласку среди учащихся,—замѣтилъ мистеръ Баундерби.—Не пройдетъ и недѣли, какъ вся ваша школа выстроится въ рядъ и станетъ заглядывать въ щелку на цирковыя представленія.

— Ваша правда, я такъ и думаю,—отвѣчалъ его другъ.—Ступай, Битцеръ, домой, а ты, Джюпъ, останься на минуту здѣсь. Если я еще когда нибудь услышу, мальчуганъ, что ты бѣгаешь по улицамъ, сломя голову, то тебѣ достанется отъ меня черезъ школьнаго учителя. Понялъ, чѣмъ это пахнетъ? Ну ступай.

Мальчикъ пересталъ моргать глазами, снова ударилъ себя въ лобъ, взглянулъ на Сэсси и былъ таковъ.

— Ну теперь, дѣвочка,—началъ мистеръ Гредграйндъ,—проводи-ка насъ, вотъ этого господина и меня, къ твоему отцу; мы идемъ къ нему. Что такое несешь ты въ бутылкѣ?

— Джинъ,—подсказалъ мистеръ Баундерби.

— Какъ можно, сэръ! Это масло девяти сортовъ.

— Что такое?

— Масло девяти сортовъ, сэръ. Для растиранія, отцу.

— На кой чертъ растираешь ты отца этимъ снадобьемъ?—продолжалъ мистеръ Баундерби съ громкимъ, отрывистымъ смѣхомъ.

— Наши всегда такъ дѣлаютъ, сэръ, когда ушибутся въ циркѣ,—отвѣчала дѣвочка, пугливо озираясь назадъ, чтобъ удостовѣриться въ исчезновеніи своего мучителя.—Вѣдь они иногда сильно расшибаются.

— Такъ имъ и надо за ихъ праздность,—отрѣзалъ мистеръ Баундерби.

Сэсси подняла глаза на его лицо съ изумленіемъ и страхомъ.

— Честное слово, — продолжалъ мистеръ Баундерби, — когда я былъ года на четыре, на пять моложе тебя, то все мое тѣло болѣло отъ такихъ ушибовъ, какихъ не залечить втираньемъ не то, что изъ десяти сортовъ масла, но даже изъ двадцати, изъ сорока. Да и наживалъ я синяки не кривляньемъ, какъ ваша братья; нѣтъ, меня просто тузили всѣ, кому было не лѣнь. На канатѣ я не плясалъ, а плясалъ по голой землѣ, и меня подхлестывали веревкой.

При всей своей грубости мистеръ Гредграйндъ всетаки былъ гораздо мягче мистера Баундерби. Онъ вовсе не былъ золъ по натурѣ; изъ него, пожалуй, вышелъ бы очень добрый человѣкъ, еслибъ онъ не увлекся такъ ариѳметикой, которая изсушила ему сердце.

— Не это ли Подсъ-Эндъ, Джюпъ?—спросилъ онъ дѣвочку,

когда они свернули на узкую улицу, спускавшуюся подъ гору, причемъ старался придать голосу нѣкоторую привѣтливость.

— Точно такъ, сэръ,—отвѣчала она;—а вотъ, съ вашего позволенія, и нашъ домъ.

Наступали уже сумерки, когда Сэсси остановилась у дверей убогаго кабачка, гдѣ горѣлъ тусклый красный свѣтъ. Домишко былъ жалокъ и невзраченъ, точно за недостаткомъ посѣтителей онъ самъ ударился въ пьянство и опустился, по примѣру всѣхъ пьяницъ, такъ что стоялъ на краю гибели.

— Нужно только пройти черезъ общую залу, сэръ, и подняться по лѣстницѣ, если вы не побоитесь, а тамъ вы подождете, пока я зажгу свѣчу. Когда услышите собачій лай. сэръ, то не пугайтесь. Это нашъ Меррилегъ.

— Меррилегъ, масло девяти сортовъ!—проговорилъ мистеръ Баундерби, входя послѣднимъ и заливаясь своимъ раскатистымъ хохотомъ; не дурно для человѣка, самостоятельно проложившаго себѣ дорогу!

VI. Труппа Слири.

Кабачокъ носилъ громкое названіе „Гербъ Пегаса“. Оно не совсѣмъ подходило къ нему, но, тѣмъ не менѣе, на вывѣскѣ подъ намалеваннымъ крылатымъ конемъ красовалась эта странная надпись латинскими буквами. А пониже ея, на развернутомъ свиткѣ, живописецъ начерталъ слѣдующія строки:

„Изъ хорошаго солода доброе пиво,
Войдите и вамъ нацѣдятъ его.
Изъ хорошаго вина добрая водка,
Кликните кличъ и вамъ ее подадутъ“.

На стѣнѣ за грязнымъ прилавкомъ висѣлъ въ рамкѣ подъ стекломъ другой Пегасъ — театральный — съ настоящими газовыми крыльями, весь усыпанный звѣздами изъ золоченой бумаги и въ эфирной упряжи изъ краснаго шелка.

Такъ какъ на улицѣ стало слишкомъ темно, для того чтобъ можно было разсмотрѣть вывѣску, а кабачокъ освѣщался черезчуръ скудно, чтобъ увидѣть картинку, то мистеръ Гредграйндъ и мистеръ Баундерби не имѣли повода возмутиться этими миѳологическими изображеніями. Они послѣдовали за дѣвочкой по крутой лѣстницѣ, не встрѣтивъ никого, и остановились на первой площадкѣ въ темнотѣ. Посѣтители ожидали каждую минуту, что Меррилегъ подастъ свой голосъ, однако, превосходно дрессированная собака не залаяла, когда дѣвочка появилась на порогѣ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу.

— Отца нѣтъ въ комнатѣ, сэръ,—сказала она въ сильнѣйшемъ изумленіи.—Неугодно ли будетъ вамъ пройти; я сейчасъ отыщу его.

Они вошли, и Сэсси, подвинувъ имъ два стула, поспѣшно удалилась быстрой и легкой походкой. То была невзрачная, скудно меблированная комната съ кроватью у стѣны. Бѣлый колпакъ, украшенный двумя павлиньими перьями и торчащей кверху косичкой, въ которомъ синьоръ Джюпъ каждый вечеръ „оживлялъ различныя представленія вполнѣ пристойными шекспировскими шутками и остротами", висѣлъ на гвоздѣ; но кромѣ него, здѣсь не было больше никакой принадлежности клоунскаго гардероба, никакого признака самого клоуна или его профессіи. Что же касается пса, то, должно быть, почтенный предокъ этого чудесно выдрессированнаго животнаго, находившійся въ ноевомъ ковчегѣ, былъ случайно выкинутъ оттуда, такъ какъ ничто не указывало ни слуху, ни зрѣнію на присутствіе собаки въ кабачкѣ подъ Гербомъ Пегаса.

Посѣтители слышали хлопанье дверей въ комнатахъ наверху, куда Сэсси поочередно заглядывала въ поискахъ за своимъ отцомъ, и, наконецъ, до нихъ долетѣли голоса, выражавшіе изумленіе. Дѣвочка вернулась обратно бѣгомъ, открыла истертый и обтрепанный чемоданъ, нашла его пустымъ и дико озиралась теперь по сторонамъ, стиснувъ руки, съ ужасомъ на лицѣ.

— Должно быть, отецъ вернулся за чѣмъ нибудь въ циркъ, сэръ. Не знаю, что ему понадобилось, но онъ долженъ быть тамъ; я приведу его въ одну минуту.

Она опять убѣжала, даже безъ шляпы; только ея длинные темные, по дѣтски распущенные волосы развѣвались по вѣтру.

— Что она толкуетъ!—подхватилъ мистеръ Гредграйндъ.— Вернуться черезъ минуту! Да, вѣдь, это больше мили отсюда.

Не успѣлъ мистеръ Баундерби отвѣтить, какъ въ дверяхъ показался молодой человѣкъ и, промолвивъ:—„Съ вашего позволенія, джентльмены!"—вошелъ въ комнату, заложивъ руки въ карманы. Его гладко выбритое лицо, худое и желтовато-блѣдное, отѣнялось темными густыми волосами, зачесанными валикомъ вокругъ головы и раздѣленными посрединѣ проборомъ. Его ноги были очень крѣпки, но не пропорціонально коротки, а грудь и спина также непропорціонально широки. Онъ щеголялъ въ рыночномъ пальто и въ узкихъ брюкахъ, съ шарфомъ на шеѣ; отъ него несло ламповымъ масломъ, соломой, апельсинной коркой, лошадинымъ кормомъ и опилками; то былъ замѣчательный образецъ центавра— помѣсь конюшни и театра. Трудно было бы съ точностью опредѣлить, гдѣ начиналось одно и кончалось другое. На афишахъ этотъ джентльменъ значился подъ именемъ мистера Е. В. Б. Чайльдерса, „знаменитаго по заслугамъ своимъ смѣлымъ вольтижерствомъ въ роли дикаря-охотника сѣверо-американскихъ прерій". Въ этомъ популярномъ представленіи мальчикъ съ старообразнымъ лицомъ, пришедшій за нимъ слѣдомъ, изображалъ его малютку-сына. Отецъ

то перекидывалъ его черезъ плечо, держа за одну ногу, то ставилъ на темя пятками кверху на ладонь своей руки, вѣроятно, въ знакъ особенной родительской нѣжности, какъ это принято у дикарей-охотниковъ. Съ помощью накладныхъ локоновъ, гирляндъ, крыльевъ, румянъ и бѣлилъ, этотъ подающій надежды юнецъ превращался въ такого прелестнаго купидона, что приводилъ въ восторгъ всю женскую половину публики; но въ частной жизни, гдѣ онъ носилъ слишкомъ короткую куртку и отличался хриплымъ голосомъ, смазливый малый смахивалъ на настоящаго жокея.

— Съ вашего позволенія джентльмены, — началъ мистеръ Е. В. Б. Чайльдерсъ, окидывая взглядомъ комнату, — не вы ли спрашивали Джюпа?

— Мы,—отвѣчалъ мистеръ Гредграйндъ.—Его дочь пошла за нимъ, но мнѣ некогда ждать; поэтому, если позволите, я попрошу васъ передать ему кое-что отъ меня.

— Видите ли, мой другъ, вмѣшался мистеръ Баундерби,—мы люди такого сорта, которые знаютъ цѣну времени, тогда какъ вы принадлежите къ разряду людей, не знающихъ ему цѣны.

— Не имѣю чести васъ знать,—отвѣчалъ мистеръ Чайльдерсъ, предварительно смѣривъ его глазами съ ногъ до головы,—но если вы хотите сказать, что лучше моего умѣете пользоваться временемъ, чтобы сколачивать деньгу, я готовъ повѣрить вамъ, судя по вашей наружности.

— А сколоченныя деньги вы умѣете и беречь, какъ мнѣ сдается,—добавилъ купидонъ.

— Киддерминстеръ, тебя не спрашиваютъ! — воскликнулъ мистеръ Чайльдерсъ.

Киддерминстеръ было земное имя купидона.

— А зачѣмъ онъ задираетъ насъ?—разгорячился мистеръ Киддерминстеръ, обнаруживая признаки большой запальчивости.—Если у васъ есть охота посмѣяться надъ нами, такъ заплатите деньги въ кассу, раскошельтесь.

— Киддерминстеръ, замолчи, говорятъ тебѣ,—возвысилъ голосъ Чайльдерсъ и обернулся къ мистеру Гредграйнду.—Я обращался къ вамъ, сэръ. Вы знаете, а, можетъ быть, и не знаете, такъ какъ, пожалуй, не особенно часто бывали въ числѣ нашихъ зрителей, что Джюпъ то и дѣло давалъ маху послѣднее время.

— Давалъ... чего? — спросилъ мистеръ Гредграйндъ, безпомощно оглядываясь на всемогущаго Баундерби.

— Маху.

— Принимался вчера вечеромъ кувыркаться четыре раза, и все неудачно,—подтвердилъ мастеръ Киддерминстеръ.—Скиксовалъ съ флагами и не могъ стать на голову.

— Не сдѣлалъ того, что слѣдовало. Прошелъ недалеко и не

могъ перекувырнуться,—пояснилъ мистеръ Чайльдерсъ.—Однимъ словомъ, скиксовалъ по всей линіи.

— Ахъ, такъ вотъ что значитъ у васъ „скисковать“?—полюбопытствовалъ мистеръ Гредграйндъ.

— Да, у насъ принято такъ выражаться,—подтвердилъ мистеръ Чайльдерсъ.

— Масло девяти сортовъ, Меррилегъ, „скиксовалъ“, кувырканье, флаги, стоянье на головѣ, каково?—покатывался съ хохоту мистеръ Баундерби. Нечего сказать, славная компанія для человѣка, обязаннаго всѣмъ самому себѣ!

— Тогда снизойдите до насъ,—брякнулъ купидонъ. Если ужъ вы забрались такъ высоко, что до васъ рукой не достать, то не угодно ли спуститься малую толику

— Какой навязчивый парень!—сказалъ мистеръ Гредграйндъ, поворачиваясь къ нему и хмуря брови.

— Мы пригласили бы молодого джентльмена для вашего пріема, еслибъ знали заранѣе, что вы удостите насъ своимъ посѣщеніемъ, — ни мало не смущаясь, возразилъ мастеръ Киддерминстеръ.—Жаль, что вы не уговорились раньше на этотъ счетъ при вашей щепетильности. Вы, должно быть, упражняетесь на самомъ тугомъ?

— Что за околесную несетъ этотъ невѣжа?—воскликнулъ мистеръ Гредграйндъ, разсматривая купидона съ нѣкоторымъ отчаяніемъ.

— Ты опять? Убирайся вонъ!—подхватилъ мистеръ Чайльдерсъ, выталкивая своего юнаго друга изъ комнаты съ безцеремонностью, напоминавшей сѣверо-американскія преріи.—Такъ у насъ говорится:—на самомъ тугомъ или на самомъ слабомъ. Тутъ нѣтъ ничего обиднаго. Это насчетъ каната для акробатовъ, который натягиваютъ потуже или послабѣе!... Однако, вы хотѣли дать мнѣ какое то порученіе къ Джюпу?

— Вотъ, именно.

— Въ такомъ случаѣ, — поспѣшно сказалъ мистеръ Чайльдерсъ,—по моему, оно никогда не дойдетъ до него. Вы коротко знаете Джюпа?

— Да я и въ глаза его не видалъ.

— Ну такъ и не увидите совсѣмъ. Для меня достаточно ясно, что онъ скрылся.

— Неужели вы полагаете, что онъ бросилъ свою дочь?

— Да, полагаю,—подтвердилъ мистеръ Чайльдерсъ, кивая головой;—онъ удралъ отъ насъ, я въ томъ увѣренъ. Его освистали и вчера вечеромъ, и третьяго дня, и сегодня. Послѣднее время бѣднягѣ совсѣмъ не везло, и ему стало не втерпежъ.

— За что же ему... такъ много свистали?—спросилъ мистеръ

Гредграйндъ, выжимая изъ себя это слово съ большой торжественностью и принужденіемъ.

— Потому что его суставы начали деревенѣть, да и весь онъ износился,—отвѣчалъ Чайльдерсъ.—Джюпъ имѣлъ еще успѣхъ, какъ зубоскалъ, но съ этимъ далеко не уѣдешь.

— Зубоскалъ! — подхватилъ Баундерби.—Вотъ еще хорошее словечко.

— Ну, острякъ, если такъ больше нравится джентльмену, которому ничѣмъ не угодишь,—замѣтилъ Е. В. Б. Чайльдерсъ, небрежно кидая это объясненіе черезъ плечо и встряхивая своей длинной гривой.—Но вотъ что замѣчательно, сэръ:—этому человѣку не такъ было тошно слушать свистки,—какъ знать. что его дочь прослышала о нихъ.

— Прекрасно,—перебилъ его мистеръ Баундерби.—Это прекрасно, Гредграйндъ! Скоморохъ такъ любитъ свою дочь, что кидаетъ ее на произволъ судьбы! Чертовски славно! Ха-ха! Послушайте, молодой человѣкъ, что я вамъ скажу. Я не всегда занималъ мое теперешнее положеніе въ жизни. Мнѣ знакомы по опыту подобныя вещи. Вы, пожалуй, удивитесь, когда услышите, что моя мать также сбѣжала отъ меня.

Мистеръ Е. В. Б. Чайльдерсъ колко замѣтилъ, что это его ничуть не удивляетъ.

— Отлично,—продолжалъ Баундерби.—Я родился въ канавѣ и былъ брошенъ своей матерью. Извиняю ли я ей это? Нѣтъ. Извинялъ ли когда нибудь? Никогда. Какъ я называю ее за такой поступокъ? Ужъ, конечно, я называю ее самой скверной женщиной, какая только жила на свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ горькой пьяницы, моей бабушки. Во мнѣ нѣтъ фамильной гордости, и я не признаю никакой чувствительной дребедени. Я называю вещи ихъ именами и совершеннно безпристрастно назову мать Джозіи Баундерби изъ Коктоуна такимъ именемъ, какимъ назвалъ бы ее, будь она матерью какого нибудь Дика-Джонса изъ Уэпинга. Точно также и насчетъ того человѣка. Онъ безстыжій негодяй и бродяга. Вотъ онъ что такое, говоря попросту.

— Мнѣ рѣшительно все равно, каковъ онъ есть, говоря ли по просту, или не попросту,—возразилъ мистеръ Е. В. Б. Чайльдерсъ, повернувшись къ нему лицомъ.—Я сообщаю вашему другу о томъ, что случилось; если вамъ нелюбо это слушать, пошли бы вы лучше провѣтриться. Слишкомъ ужъ много вы горланите; горланили бы, по крайней мѣрѣ, въ своемъ собственномъ домѣ, продолжалъ Е. В. Б. Чайльдерсъ съ мрачной ироніей.—А здѣсь ужъ лучше помолчите, пока васъ не спрашиваютъ. Вѣдь у васъ есть какое нибудь собственное жилище, смѣю спросить?

— Весьма возможно,—отвѣчалъ мистеръ Баундерби, позвякивая деньгами въ карманѣ и смѣясь.

— Такъ не угодно ли вамъ горланить у себя? — продолжалъ Чайльдерсъ.—Вѣдь, мы живемъ въ такомъ ветхомъ домишкѣ, что онъ, того и гляди, рухнетъ отъ вашего оранья.—И, смѣривъ мистера Баундерби глазами съ ногъ до головы, онъ отвернулся отъ него, точно не желая имъ больше заниматься, и снова заговорилъ съ Гредграйндомъ.

— Меньше часа тому назадъ Джюпъ услалъ свою дочь за покупками, а немного спустя вышелъ изъ дома въ нахлобученной шляпѣ, съ узелкомъ подъ мышкой. Дѣвочка ни за что не повѣритъ этому, но онъ, дѣйствительно, сбѣжалъ и бросилъ ее.

— Скажите пожалуйста,—спросилъ мистеръ Гредграйндъ,— почему она ни за что не повѣритъ?

— Потому что они жили душа въ душу. Потому что они никогда не разлучались. Потому что до сихъ поръ отецъ, казалось, не могъ надышаться на свою дочь,—отвѣчалъ Чайльдерсъ, отходя въ сторону, чтобъ заглянуть въ пустой чемоданъ.

Оба они, и мистеръ Чайльдерсъ, и мистеръ Киддерминстеръ, отличались очень странной походкой: широко разставляли ноги, при ходьбѣ, а колѣни у нихъ какъ будто не гнулись. Такая поступь была свойственна всей мужской половинѣ труппы Слири и зависѣла отъ того, что эти люди почти не слѣзали съ лошади.

— Бѣдняжка Сэсси! Отцу слѣдовало бы лучше заняться ея обученіемъ,—замѣтилъ Чайльдерсъ, опять встряхнувъ волосами, когда онъ поднялъ голову отъ пустого чемодана.—Теперь же она брошена безъ всякихъ средствъ, и дѣвочкѣ не за что взяться.

— Ваши слова дѣлаютъ вамъ честь, тѣмъ болѣе, что вы нигдѣ не учились сами,—одобрительно заявилъ мистеръ Гредграйндъ.

— Я-то нигдѣ не учился? Да меня отдали въ ученіе семи лѣтъ!

— Неужели?—воскликнулъ мистеръ Гредграйндъ, почти со злобой по поводу своего невольнаго промаха.—Вѣдь, я совсѣмъ не зналъ, что молодыхъ людей обучаютъ...

— Праздности...—съ громкимъ хохотомъ подхватилъ мистеръ Баундерби.—Вотъ и я также не зналъ.

— Ея отецъ всегда намѣревался,—объяснилъ Чайльдерсъ, дѣлая видъ, что совершенно не замѣчаетъ мистера Баундерби,—дать дѣвочкѣ приличное образованіе. Какъ это запало ему въ голвоу, не могу сказать; знаю только, что онъ вѣчно лелѣялъ эту мечту. Въ эти семь лѣтъ Сэсси постоянно училась чему нибудь урывками: въ одномъ мѣстѣ ее научили съ грѣхомъ пополамъ читать, въ другомъ писать, въ третьемъ ариѳметикѣ.

Мистеръ Е. В. Б. Чайльдерсъ вынулъ руку изъ кармана, провелъ ею по своему лицу, погладилъ свой подбородокъ и взглянулъ на мистера Гредграйнда съ сомнѣньемъ и робкой надеждой. Съ первой минуты ихъ разговора онъ старался расположить этого джентльмена въ пользу несчастнаго покинутаго ребенка.

— Когда дѣвочку приняли въ здѣшнюю школу,—продолжалъ наѣздникъ,—отецъ не помнилъ себя отъ радости. Признаться, я не могъ хорошенько понять, чему онъ такъ радуется, въ виду нашей бродячей жизни: вѣдь мы нигдѣ не заживаемся подолгу, какъ перелетныя птицы. Впрочемъ, я думаю, что бѣдняга чуточку тронулся умомъ; онъ и всегда былъ какой-то полоумный—а тутъ вообразилъ, что его дочка пристроена. Если вы заглянули къ намъ сегодня, чтобъ порадовать его чѣмъ нибудь, оказать благодѣяніе Сэсси,—прибавилъ мистеръ Чайльдерсъ, снова проводя рукой по лицу и кидая на гостя нерѣшительный взглядъ,—это было бы большимъ счастьемъ и пришлось бы очень кстати... именно, кстати.

— Напротивъ,—возразилъ мистеръ Гредграйндъ,—я пришелъ ему сообщить, что изъ-за родства и знакомства дѣвочки, ей не мѣсто въ нашей школѣ, гдѣ ее не будутъ больше держать. Но если отецъ, дѣйствительно, бросилъ ее, совершенно не позаботившись о ней, въ такомъ случаѣ... Баундерби, мнѣ надо съ вами потолковать!

Тутъ мистеръ Чайльдерсъ вѣжливо удалился своей походкой кавалериста на площадку лѣстницы, гдѣ и стоялъ, поглаживая себѣ лицо и тихонько насвистывая. Пока онъороталъ, такимъ образомъ, время, до него долетали отрывочныя фразы, произносимыя голосомъ Баундерби:—„Нѣтъ. Говорю же вамъ, нѣтъ! Я вамъ не совѣтую. Ни въ какомъ случаѣ".—На это мистеръ Гредграйндъ возразилъ несравненно тише:—„Но, именно, какъ примѣръ для Луизы, чтобъ показать ей на дѣлѣ, къ чему приводитъ профессія, возбудившая въ ней вульгарное любопытство! Взгляните на вопросъ съ этой точки зрѣнія, Баундерби!"

Между тѣмъ, многіе члены труппы Слири понемногу собрались изъ верхнихъ областей, гдѣ квартировали, и столпились, сначала на лѣстничной площадкѣ, разговаривая между собой въ полголоса, а потомъ постепенно проникли въ комнату, втолкнувъ туда же и мистера Чайльдерса. Среди нихъ находилось двѣ, три хорошенькихъ женщины съ мужьями, матерями и восемью или девятью ребятишками, которые, въ случаѣ надобности, изображали на сценѣ воздушныхъ фей или эльфовъ. Одинъ изъ отцовъ семейства имѣлъ обыкновеніе раскачивать на верхнемъ концѣ громаднаго шеста другого отца семейства, а третій изъ нихъ часто строилъ пирамиду изъ первыхъ двухъ, причемъ мастеръ Киддерминстеръ служилъ ей вершиной, а самъ онъ основаніемъ; всѣ отцы умѣли плясать на катавшихся бочкахъ, становиться на бутылки, ловить ножи и шары, вертѣть тазики, ѣздить верхомъ на чемъ угодно, прыгать черезъ что вамъ угодно и ни передъ чѣмъ не останавливаться. Всѣ матери умѣли плясать и плясали на слабо натянутой проволокѣ и на тугомъ канатѣ, продѣлывали всевозможныя штуки на неосѣдланной лошади; ни одна изъ нихъ не церемонилась показывать при этомъ свои ноги, а одна, правя шестеркой лошадей, въѣзжала на греческой

колесницѣ въ каждый городъ, гдѣ останавливалась труппа. Всѣ они прикидывались необычайно разгульными и дошлыми людьми; не отличались опрятностью въ домашнемъ туалетѣ и особеннымъ порядкомъ въ домашнемъ быту, а литературныя познанія всей труппы въ совокупности не простирались дальше умѣнья сочинить какое нибудь письмо. Однако, въ этихъ людяхъ было что-то мягкое, удивительно ребяческое,—полное отсутствіе всякой способности къ интригѣ и низкому разсчету и неисчерпаемая готовность помочь ближнему въ бѣдѣ, пожалѣть его — качество, заслуживающее не меньше уваженія и проистекающее изъ того же великодушія, какъ и обыденныя добродѣтели всякаго другого общественнаго класса.

Самымъ послѣднимъ пришелъ мистеръ Слири,—полный, высокій мужчина, о которомъ мы уже упоминали, съ однимъ неподвижнымъ и другимъ бѣгающимъ глазомъ; голосъ его (если можно только назвать это голосомъ) напоминалъ сопѣніе старыхъ прорванныхъ кузнечныхъ мѣховъ, кожа на его тѣлѣ была дряблая, а голова никогда не могла похвалиться свѣжестью, находясь постоянно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ.

— Фквайръ *),—заговорилъ мистеръ Слири, который до такой степени страдалъ астмой, что при своемъ порывистомъ дыханіи никакъ не могъ произнести буквы с, — вашъ покорнѣйшій флуга.—Скверное дѣло, нечего сказать. Вы, вѣдь, кажется, уже слышали, что мой клоунъ, судя по всему, сбѣжалъ со своей собакой?

Онъ обращался къ мистеру Гредграйнду, который отвѣтилъ ему утвердительно.

— Такъ какъ же, сквайръ?—продолжалъ онъ, снимая шляпу и вытирая ея подкладку носовымъ платкомъ, который съ этой цѣлью всегда хранился въ тульѣ.—Не имѣете ли вы намѣреніе сдѣлать что нибудь для бѣдной дѣвочки?

— Я предложу ей кое-что, когда она вернется,—отвѣчалъ мистеръ Гредграйндъ.

— Весьма радъ слышать это, сквайръ. Не потому, чтобъ я желалъ избавиться отъ ребенка, но мнѣ не хотѣлось бы становиться ей поперекъ дороги. Я не прочь взять ее въ ученіе, хотя она уже немножко вышла изъ лѣтъ. Голосъ у меня чуточку хриплый, сквайръ, и съ непривычки мои слова трудно понять, но еслибъ вамъ смолоду пришлось, какъ мнѣ, потѣть и мерзнуть, мерзнуть и потѣть и опять мерзнуть въ циркѣ, вашъ голосъ также пропалъ бы, сквайръ, какъ и мой.

---

*) Онъ хочетъ сказать—squire, слово соотвѣтствующее нашему: баринъ, сударь, но съ ироническимъ оттѣнкомъ. Вмѣсто *s*, у него выходитъ *th*, совершенно своеобразный звукъ англійскаго языка, напоминающій *ф*, произносимое сквозь зубы.

Примѣч. перев.

— Смѣю думать, что нѣтъ,—возразилъ мистеръ Гредграйндъ.

— Не прикажете ли подать вамъ чего нибудь, сквайръ, до прихода дѣвочки? Не прикажете ли хересу? Вы только скажите, что вамъ по вкусу, сквайръ!—упрашивалъ мистеръ Слири съ радушной развязностью.

— Благодарю васъ, я ничего не хочу, — отвѣчалъ мистеръ Гредграйндъ.

— Не говорите этого, сквайръ. Посмотримъ, что скажетъ вашъ другъ? Если вы еще не обѣдали, то, пожалуй, выпьете рюмочку горькой?

Тутъ его дочь Джозефина, хорошенькая восемнадцатилѣтняя блондинка, которая съ двухлѣтняго возраста уже скакала, привязанная къ лошади, а двѣнадцати лѣтъ составила завѣщаніе, которое всегда носила при себѣ и гдѣ было выражено желаніе, чтобы въ случаѣ смерти она была свезена на кладбище на парѣ пѣгихъ пони—внезапно прервала рѣчь мистера Слири:

— Постой, отецъ! Вотъ она вернулась!

Сэсси Джюпъ вбѣжала въ комнату такъ же стремительно, какъ выбѣжала оттуда. Увидавъ собравшихся, замѣтивъ ихъ соболѣзнующіе взгляды и убѣдившись, что между ними нѣтъ ея отца, она залилась самыми горькими слезами и бросилась на грудь самой лучшей канатной плясуньѣ (въ интересномъ положеніи), которая опустилась на колѣни, чтобъ приласкать бѣдняжку и поплакать надъ нею.

— Эдакая дьявольщина, чтобы мнѣ провалиться на семъ мѣстѣ!—воскликнулъ Слири.

— О, мой дорогой отецъ, мой добрый отецъ, куда ты дѣвался? Ты ушелъ для того, чтобы мнѣ было лучше, я знаю! Ты ушелъ ради меня, я увѣрена! И какимъ жалкимъ, какимъ безпомощнымъ будешь ты безъ меня, бѣдный, бѣдный отецъ, пока не вернешься ко мнѣ назадъ!

То было потрясающее зрѣлище: эта дѣвочка съ блѣднымъ лицомъ, обращеннымъ къ небу, и простертыми руками, которыми она какъ будто старалась остановить убѣгающую отцовскую тѣнь и обнять ее. Невозможно было равнодушно слышать жалобныхъ рѣчей бѣднаго ребенка, и всѣ невольно притихли, пока, наконецъ, мистеръ Баундерби (которому это стало надоѣдать) не взялся за дѣло со свойственной ему рѣшительностью.

— Ну, добрые люди,—началъ онъ,—мы только попусту теряемъ время. Заставьте дѣвочку освоиться съ фактомъ. Дайте мнѣ растолковать его ей, потому что я также былъ брошенъ своими родителями на произволъ судьбы. Послушай, дѣвочка... какъ тамъ тебя зовутъ. Твой родитель удралъ, бросилъ тебя и для тебя нѣтъ никакой надежды увидѣть его опять, пока ты жива.

Однако, собравшіеся люди такъ мало заботились о простомъ

фактѣ и такъ далеко зашли въ своемъ заблужденіи относительно этого предмета, что вмѣсто подчиненія здравому смыслу говорившаго, они возмутились его словами. Мужчины бормотали: „какъ ему не стыдно“, а женщины ворчали: „скотина“. Что же касается мистера Слири, то онъ поспѣшилъ незамѣтно шепнуть мистеру Баундерби:

— Вотъ, что я вамъ скажу, сквайръ. Говоря откровенно, помоему вамъ слѣдуетъ замолчать и не соваться въ это дѣло. Мои служащіе славный народъ, но привыкли дѣйствовать круто; и если вы меня не послушаетесь, то я не ручаюсь, что они не вышвырнутъ васъ за окошко.

Когда это кроткое внушеніе заставило мистера Баундерби прикусить языкъ, мистеръ Гредграйндъ воспользовался случаемъ, чтобъ приступить къ чисто практическому изложенію разбираемаго вопроса.

— Дѣло не въ томъ,—сказалъ онъ,—можно ли надѣяться на возвращеніе того человѣка, или нѣтъ. Онъ скрылся, и мало шансовъ на то, чтобъ ему вздумалось вернуться назадъ. Я полагаю, что въ этомъ всѣ согласны со мною?

— Вполнѣ согласны, сквайръ, и надо махнуть на это рукой,— подхватилъ Слири.

— Хорошо. Я пришелъ сюда съ цѣлью объявить отцу этой дѣвочки, Джюпу, что мы не можемъ больше держать ее въ школѣ, въ виду нѣкоторыхъ практическихъ соображеній, въ которыя я не имѣю надобности входить, препятствующихъ пріему въ училище дѣтей, родители которыхъ занимаются извѣстными профессіями. Теперь же, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, я намѣренъ сдѣлать одно предложеніе. Я намѣренъ взять тебя, Джюпъ, на свое попеченіе, воспитать тебя и позаботиться о тебѣ. Единственное условіе, которое я ставлю тебѣ (конечно, кромѣ твоего хорошаго поведенія) заключается въ томъ, чтобы ты рѣшила сразу, пойдешь ли ты со мною или останешься тутъ. Итакъ, если ты согласна принять мое предложеніе, то, само собою разумѣется, ты прекращаешь всякую близость съ твоими друзьями, собравшимися здѣсь. Вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ сказать.

— Дайте мнѣ вставить свое словечко, — вмѣшался мистеръ Слири, — чтобы дѣвочка могла, такъ сказать, обсудить обѣ стороны вопроса. Если хочешь, Сесилія, поступить ко мнѣ ученицей, то ты вѣдь знаешь, въ чемъ состоитъ наша работа и какова наша компанія. Эмма Гордонъ, которая теперь прижимаетъ тебя къ своей груди, замѣнитъ тебѣ мать, и моя дочь Джозефина старшую сестру. Самого себя я не выдаю за ангела кротости, и еслибъ тебѣ случилось скиксовать, то я жестоко разбранилъ бы тебя и, можетъ быть, не удержался бы отъ крѣпкаго словца. Но дурной ли у меня характеръ, или хорошій, сквайръ, я никому въ жизни не

наносилъ ни вреда, ни обиды. Что же касается брани, то, вѣдь, она на вороту не виснетъ, и нельзя думать, чтобы мое обращеніе съ подчиненными измѣнилось въ дурную сторону на старости лѣтъ. Никогда я не былъ краснобаемъ, сквайръ, и мною сказано теперь все, что слѣдовало сказать.

Послѣдняя часть этой рѣчи была обращена къ Гредграйнду, который отвѣчалъ на нее важнымъ наклоненіемъ головы, послѣ чего произнесъ:

— Единственное замѣчаніе, которое я хочу сдѣлать тебѣ, Джюпъ, чтобъ повліять на твое рѣшеніе, заключается въ томъ, что весьма важно получить здравое и практическое воспитаніе и что отецъ твой (по крайней мѣрѣ насколько я слышалъ) чувствовалъ и понималъ всю его важность для тебя.

Послѣднія слова, очевидно, подѣйствовали на дѣвочку. Она перестала неутѣшно рыдать, отклонилась немного отъ Эммы Гордонъ и повернула лицо къ содержателю цирка. Вся труппа замѣтила происшедшую въ ней рѣзкую перемѣну и разомъ перевела духъ. Этотъ вздохъ ясно говорилъ: „она согласится“.

— Подумай хорошенько, прежде чѣмъ рѣшиться, Джюпъ, — предостерегъ ее мистеръ Гредграйндъ. — Я не прибавлю ни слова болѣе. Обдумай хорошенько свое рѣшеніе!

— Когда отецъ вернется, — воскликнула дѣвочка, снова заливаясь слезами послѣ минутной паузы,—какъ же найдетъ онъ меня, если я уѣду отсюда?

— На этотъ счетъ ты можешь быть совершенно спокойна, — хладнокровно замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ (онъ разобралъ все заранѣе и подвелъ итогъ, какъ будто въ ариѳметической задачѣ на простое сложеніе),—можетъ быть совершенно спокойна. Вѣдь, въ случаѣ своего возвращенія твой отецъ, я думаю, долженъ отыскать мистера...

— Флири, это мое имя, фквайръ. Я не стыжусь его. Оно извѣстно во всей Англіи и вездѣ пользуется доброй славой.

— Итакъ, ему придется прежде всего разыскать мистера Слири, отъ котораго онъ и узнаетъ, гдѣ ты находишься. Я не имѣю права удерживать тебя противъ воли отца; значитъ, ты будешь вполнѣ свободна, а мистеру Джюпу не составитъ затрудненія во всякій данный моментъ узнатъ адресъ мистера Томаса Гредграйнда изъ Коктоуна. Я пользуюсь достаточной извѣстностью.

— Достаточной извѣстностью, — подтвердилъ мистеръ Слири, вращая своимъ подвижнымъ глазомъ. — Вы принадлежите къ тому сорту людей, сквайръ, благодаря которымъ моя касса отощала... Но дѣло теперь не въ томъ.

Настала новая пауза, и тутъ дѣвочка воскликнула, рыдая и закрывъ лицо руками:

— Соберите скорѣе мои платья, соберите скорѣе мои платья и отпустите меня, пока мое сердце не разбилось!

Женщины съ грустной поспѣшностью принялись укладывать вещи дѣвочки. Сборы были не долги, благодаря скудности ея пожитковъ, свободно умѣстившихся въ корзину, которая уже давно странствовала вмѣстѣ съ труппой. Во время укладыванья Сэсси попрежнему сидѣла на полу, продолжая рыдать, закрывъ лицо руками. Мистеръ Гредграйндъ и его другъ Баундерби стояли по близости дверей, готовые взять дѣвочку съ собою. Мистеръ Слири остановился посреди комнаты, окруженный можскою половиной своей труппы, точно онъ стоялъ въ центрѣ цирка во время представленія его дочери Джозефины. Ему недоставало только бича въ рукахъ.

Молча уложивъ корзинку, женщины пригладили растрепавшіеся волосы Сэсси, отыскали ея шляпу и надѣли ей на голову. Потомъ, обступивъ дѣвочку со всѣхъ сторонъ и нагнувшись къ ней въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, онѣ принялись цѣловать и обнимать бѣдняжку на прощанье, и привели своихъ дѣтей проститься съ нею, и вели себя при этомъ по примѣру всѣхъ простодушныхъ, ласковыхъ и сумасбродныхъ женщинъ.

— Ну, Джюпъ, — сказалъ мистеръ Гредграйндъ, — если ты вполнѣ рѣшилась, то пойдемъ.

Но дѣвочка еще не успѣла проститься съ мужской половиной труппы, и теперь каждый изъ мужчинъ раскрывалъ ей свои объятія (потому что въ присутствіи мистера Слири, всѣ они считали нужнымъ принимать свою профессіональную позу) и награждалъ дѣвочку прощальнымъ поцѣлуемъ, исключая мистера Киддерминстера. Въ юной душѣ послѣдняго таилась нѣкоторая доля мизантропіи; вдобавокъ, всѣмъ было извѣстно, что онъ имѣлъ на Сэсси матримоніальные виды, вслѣдствіе чего угрюмо ретировался. Очередь мистера Слири наступила напослѣдокъ. Широко раскрывъ объятія, онъ взялъ дѣвочку за обѣ руки и, вѣроятно, заставилъ бы ее попрыгать передъ собою, какъ это принято у хозяевъ цирка въ видѣ поощренія юнымъ наѣздницамъ, когда ихъ снимутъ съ лошади послѣ быстрой скачки; но Сэсси было не до прыганья; она только стояла передъ нимъ, заливаясь слезами.

— Прощай, моя милочка! — сказалъ Слири. — Надѣюсь, ты составишь свое счастье, и никто изъ твоихъ прежнихъ товарищей-горемыкъ не станетъ докучать тебѣ, я въ этомъ увѣренъ. Жаль, что твой отецъ увелъ съ собою собаку; неудобно, что ее не будетъ больше на нашихъ афишахъ. Но и то сказать, вѣдь, она не стала бы продѣлывать своихъ фокусовъ безъ хозяина, такъ что, какъ ни кинь, все выходитъ клинъ!

Тутъ онъ внимательно посмотрѣлъ на Сэсси своимъ неподвижнымъ глазомъ, не спуская въ то же время своего подвижнаго глаза

съ труппы, поцѣловалъ дѣвочку, тряхнулъ головой и передалъ ее съ рукъ на руки Гредграйнду, точно подсадилъ на лошадь.

— Вотъ она, сквайръ, — сказалъ онъ, окидывая дѣвочку критическимъ взглядомъ, какъ будто она усаживалась въ сѣдло. — Эта дѣвочка не ударитъ въ грязь лицомъ. Прощай, Фефилія!

— Прощай, Сесилія! Прощай Сэсси! Дай Богъ тебѣ счастья, дорогая!—раздавались голоса по всей комнатѣ.

Между тѣмъ, зоркій глазъ хозяина цирка замѣтилъ бутылку съ масломъ девяти сортовъ у ней за пазухой и сказалъ:

— Оставь ее, душечка; куда тебѣ съ ней возиться? Какой въ ней для тебя прокъ? Ишь какая большущая! Подай ее мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — пролепетала Сэсси съ новымъ потокомъ слезъ. — О, нѣтъ! Прошу васъ, позвольте мнѣ сберечь ее для отца. Она ему понадобится, когда онъ вернется. Навѣрно, онъ не думалъ еще уходить, когда послалъ меня за нею. Я должна сберечь лѣкарство для него. Пожалуйста, оставьте мнѣ ее.

— Ну, какъ хочешь, милая. (Вы видите, до чего она разстроена, сквайръ!) Всякаго благополучія, Фефилія! Вотъ тебѣ мой послѣдній совѣтъ, помни условія, на которыхъ тебя берутъ; слушайся сквайра и забудь о насъ. Но когда ты выростешь, выйдешь замужъ и будешь обезпечена, то, если тебѣ случится встрѣтить труппу изъ цирка, не будь безсердечна съ этими людьми, не гнушайся ими, но помоги имъ, чѣмъ можешь, и вспомни, какова могла быть твоя собственная участь. Вѣдь, надо же, сквайръ, чтобъ люди какъ нибудь развлекались, — продолжалъ Слири, задыхаясь больше прежняго при такомъ продолжительномъ разговорѣ; нельзя же вѣчно работать, какъ нельзя вѣчно учиться. Итакъ, не думайте о насъ слишкомъ дурно, какъ о самыхъ послѣднихъ людяхъ. Дѣйствительно, я всю жизнь зарабатывалъ себѣ насущный хлѣбъ верховою ѣздою въ циркѣ; но мнѣ сдается, что я излагаю философію этого предмета, когда говорю вамъ, сквайръ: не думайте о насъ дурно, мы не хуже людей!

Философія Слири провожала посѣтителей, пока они спускались по лѣстницѣ; наконецъ, оба глаза философа — неподвижный, и блуждающій — потеряли изъ виду троихъ путниковъ и корзину. когда все это потонуло воليمракѣ улицы.

VII. Мистриссъ Спарситъ.

Мистеръ Баундерби былъ холостъ, и потому его хозяйствомъ завѣдывала одна пожилая леди за извѣстное годовое вознагражденіе. Эту особу звали мистриссъ Спарситъ, и она занимала весьма видное положеніе среди домочадцевъ въ тріумфальной колесницѣ мистера Баундерби, побѣдоносно катившейся съ этимъ воплощеніемъ хвастливаго смиренія.

Дѣло въ томъ, что мистриссъ Спартитъ не только видѣла на своемъ вѣку лучшіе дни, но и могла похвастаться знатнымъ родствомъ. У нея до сихъ поръ оставалась въ живыхъ бабушка, тетка матери, называвшаяся леди Скаджерсъ. Покойный мистеръ Спарситъ, супругъ экономки былъ съ материнской стороны ни болѣе, ни менѣе, какъ „Паулеръ“, о чемъ его вдова весьма любила распространяться кстати и не кстати. Люди съ ограниченными свѣдѣніями и недостаточной смекалкой иногда не могли понять, что такое „Паулеръ“. Нѣкоторые недоумѣвали даже, что означаетъ это слово: особую ли профессію, принадлежность ли къ какой нибудь политической партіи или къ какой либо религіозной сектѣ. Но людямъ болѣе просвѣщеннымъ и свѣдущимъ не надо было объяснять, что Паулеры служили представителями весьма древняго рода и насчитывали у себя такое множество предковъ, что иной разъ невольно сбивались съ прямого пути, а это, говоря по правдѣ, случалось съ ними частенько, благодаря скачкамъ, рулеткѣ, жидамъ-заимодавцамъ и суду несостоятельныхъ должниковъ.

Покойный мистеръ Спарситъ, происходившій отъ Паулеровъ съ материнской стороны, женился на миссъ, урожденной Скаджерсъ. Леди Скаджерсъ (необычайно тучная старуха съ чудовищнымъ пристрастіемъ къ сырому мясу, обладавшая какой-то таинственной ногой, и не встававшая съ постели уже сорокъ лѣтъ) устроила этотъ бракъ еще въ то время, когда мистеръ Спарситъ только что вошелъ въ годы и отличался, главнымъ образомъ, сухопарымъ тѣломъ на двухъ слабыхъ, длинныхъ, какъ жерди ногахъ, тогда какъ его голова не представляла собою ничего особеннаго. Онъ получилъ въ наслѣдство онъ дяди порядочное состояніе, но успѣлъ застрянуть по уши въ долгахъ прежде, чѣмъ вступилъ во владѣніе своимъ имуществомъ, которое и промоталъ тотчасъ послѣ полученія, разорившись до тла. Такимъ образомъ, когда онъ умеръ двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду (мѣсто происшествія — Калэ, причина — спиртные напитки), то оставилъ свою вдову, съ которою разошелся вскорѣ послѣ медоваго мѣсяца, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Обнищавшая леди, бывшая на пятнадцать лѣтъ старше мужа, ожесточилась послѣ того противъ своей единственной родственницы, леди Скаджерсъ, и стала питать къ ней непримиримую вражду. И вотъ, отчасти, чтобъ насолить этой знатной особѣ, отчасти ради средствъ къ существованію, она рѣшилась поступить на мѣсто. Теперь, на старости лѣтъ, со своимъ коріолановскимъ носомъ и густыми черными бровями, плѣнившими нѣкогда сердце мистера Спарсита, она сидѣла за столомъ мистера Баундерби и заваривала ему чай, пока онъ завтракалъ.

Еслибъ Баундерби былъ славнымъ завоевателемъ, а мистриссъ Спарситъ плѣнною царицей, которая слѣдовала бы за нимъ въ

видѣ главнаго трофея въ его тріумфальномъ шествіи, онъ и тогда не могъ бы хвастаться ею болѣе, чѣмъ дѣлалъ это теперь. Насколько онъ любилъ въ своемъ самохвальствѣ преувеличивать убожество своего собственнаго происхожденія, настолько же онъ старался превозносить знатность мистриссъ Спарситъ. Насколько онъ не допускалъ ни одного проблеска счастья, ни одного благопріятнаго обстоятельства въ своей собственной юности, настолько же ему нравилось украшать всевозможными благами юные годы мистриссъ Спарситъ и усыпать ея жизненный путь цѣлыми возами розъ.

— А къ чему все это привело, сэръ? — обыкновенно говаривалъ мистеръ Баундерби. — Теперь она за сто фунтовъ стерлинговъ въ годъ (я положилъ ей сто фунтовъ жалованья, которое она считаетъ весьма приличнымъ) завѣдуетъ домомъ Джозіи Баундерби, изъ Коктоуна.

Онъ такъ старательно распространялся объ этомъ, что многіе подхватывали его слова и при случаѣ распространяли ихъ дальше съ большою стремительностью. Однимъ изъ самыхъ досадныхъ свойствъ Баундерби было то, что онъ не только самъ пѣлъ себѣ хвалебные гимны, но заставлялъ восхвалять себя и другихъ. Въ его бахвальствѣ таилась какая-то нравственная зараза. Посторонніе люди, вообще, всегда и всюду скромные и сдержанные, принимались, ни съ того ни съ сего, на парадныхъ обѣдахъ въ Коктоунѣ хвастаться мистеромъ Баундерби прямо съ какимъ-то подобострастіемъ. Они уподобляли его и королевскому гербу и государственному флагу, и Великой Хартіи; онъ былъ у нихъ и Джонъ Буль, и habeas corpus и Bill of Rights и „домъ англичанина — его крѣпость“, и союзъ государства съ церковью и „Боже храни королеву“; все это вмѣстѣ взятое какимъ-то невѣроятнымъ образомъ совмѣщалось въ лицѣ одного мистера Баундерби. И всякій разъ (а это бывало частенько), когда кто нибудь изъ ораторовъ подобнаго рода вставлялъ въ свою рѣчь двустишіе:

Пусть государи и лорды цвѣтутъ или увядаютъ,
Дуновеніе можетъ ихъ создать и дуновеніе развѣять,

для присутствующихъ становилось болѣе или менѣе ясно, что онъ намекалъ на мистриссъ Спарситъ.

— Мистеръ Баундерби, — сказала мистриссъ Спарситъ, — вы что-то вяло кушаете сегодня по утру, сэръ.

— Немудрено, сударыня, — отвѣчалъ онъ, — я все думаю о странной причудѣ Тома Гредграйнда. (Томъ Гредграйндъ, — это имя произносится мистеромъ Баундерби съ невѣроятной развязностью, точно кто нибудь постоянно старался подкупить его громадными суммами, чтобъ заставить называть Гредграйнда Томасомъ, но безуспѣшно). Въ самомъ дѣлѣ странная причуда, сударыня, взять на воспитаніе эту дѣвчонку акробата.

— Дѣвочка какъ разъ дожидается, чтобъ ей сказали, куда нужно идти: прямо ли въ школу, или сначала въ Стонъ-Лоджъ?

— Пусть подождетъ, пока я узнаю самъ. Томъ Гредграйндъ, кажется, собирался побывать у насъ. Если онъ захочетъ, чтобъ она прогостила здѣсь еще денекъ или два, то, конечно, пусть остается.

— Ну, разумѣется! Почему же и нѣтъ, если вы того желаете, мистеръ Баундерби.

— Вчера вечеромъ я предложилъ Тому Гредграйнду оставить дѣвочку у себя на ночлегъ, чтобъ дать ему время одуматься за ночь, прежде чѣмъ онъ окончательно рѣшитъ свести ее съ Луизой.

— Неужели, мистеръ Баундерби? Какъ вы предусмотрительны.

Ноздри коріоланскаго носа мистриссъ Спарситъ слегка раздулись, а ея черныя брови сдвинулись, когда она отхлебнула глотокъ чаю.

— Для меня вполнѣ ясно, — продолжалъ Баундерби, — что нашей маленькой кошечкѣ будетъ мало проку отъ подобной компаніи.

— Вы говорите о маленькой Гредграйндъ, мистеръ Баундерби?

— Да, я говорю о Луизѣ.

— Вы упомянули о маленькой кошечкѣ, — сказала миссисъ Спарситъ, — а такъ какъ разговоръ у насъ шелъ о двухъ дѣвочкахъ, то я не разобрала сначала, къ которой изъ нихъ относилось это названіе.

— Къ Луизѣ, — повторилъ мистеръ Баундерби. — Къ Луизѣ, къ Луизѣ.

— Вы для нея все равно, что второй отецъ, сэръ.

Мистриссъ Спарситъ отхлебнула еще глотокъ чаю и когда она снова склонила свои сдвинутыя брови надъ дымившейся чашкой, ея классическое лицо имѣло такое выраженіе, точно почтенная леди заклинала въ ту минуту боговъ преисподней.

— Еслибъ вы сказали, что я второй отецъ для Тома — Тома младшаго, само собою разумѣется, а не моего друга Гредграйнда — вы были бы ближе къ истинѣ. Я собираюсь пристроить этого юношу въ свою контору. Хочу взять его къ себѣ подъ крылышко, сударыня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Не слишкомъ ли онъ еще молодъ, сэръ?

Слово „сэръ", обращенное къ мистеру Баундерби со стороны миссисъ Спарситъ, было простою формою вѣжливости и скорѣе требовало почтительнаго обхожденія съ нею самою, чѣмъ воздавало честь ему.

— Я возьму его не сейчасъ; ему сначала нужно окончить свое образованіе, — отвѣчалъ Баундерби. — Чортъ возьми, я думаю, онъ будетъ напичканъ ученостью по горло! Воображаю, какъ вытя-

ращилъ бы глаза этотъ мальчишка, еслибъ зналъ, какъ мало познаній было въ моей собственной башкѣ въ его годы. (Къ слову сказать, это обстоятельство не могло оставаться тайной для юнаго Тома, которому прожужжали о немъ всѣ уши). Но мнѣ, чрезвычайно трудно толковать о подобныхъ вещахъ съ людьми, стоящими со мною на равной ногѣ. Вотъ, напримѣръ, сегодня утромъ я заговаривалъ съ вами объ акробатахъ. Какое понятіе можете вы имѣть о людяхъ этого сорта? Въ то давнишнее время, когда сдѣлаться акробатомъ, чтобъ кувыркаться въ уличной грязи, было бы для меня величайшимъ благополучіемъ, громаднымъ выигрышемъ въ лотереѣ жизни, вы посѣщали итальянскую оперу и выходили оттуда въ бѣломъ атласѣ, унизанная драгоцѣнностями, сіяющая великолѣпіемъ, тогда какъ у меня не нашлось бы даже пенни на покупку факела, чтобъ посвѣтить вамъ до экипажа.

— Совершенно вѣрно, сэръ, — подтвердила мистриссъ Спарситъ съ спокойнымъ, но грустнымъ достоинствомъ; — я въ самой ранней юности познакомилась съ итальянской оперой.

— Чортъ побери, и я то же, — отвѣчалъ Баундерби, — только не въ пріятномъ смыслѣ слова. Тротуаръ подъ ея аркадами представляетъ очень жестокое ложе, смѣю васъ увѣрить. Люди вашего закала, сударыня, привыкшіе съ дѣтства спать на пуховикахъ, не имѣютъ и понятія о томъ, какъ жестокъ булыжникъ мостовой. Это можно знать, потершись объ него только собственными боками. Нѣтъ, нѣтъ, совершенно напрасно толковать съ вами объ акробатахъ. Будемъ лучше говорить о заграничныхъ балеринахъ, о лондонскомъ Вестъ-Эндѣ, о майской ярмаркѣ, о лордахъ, леди и сановникахъ.

— Я полагаю, сэръ, — возразила мистриссъ Спарситъ съ приличною покорностью судьбѣ, — что вамъ нѣтъ надобности примѣняться къ моимъ вкусамъ. Надѣюсь, я достаточно успѣла приспособиться къ превратностямъ жизни. Если я съ интересомъ слушаю поучительные разсказы о вашихъ испытаніяхъ и даже заслушиваюсь ими, то не ставлю этого себѣ въ заслугу, такъ какъ, вѣроятно, они возбуждаютъ всеобщее участіе.

— Допустимъ, сударыня,—сказалъ на это хозяинъ,—что нѣкоторые люди не прочь послушать о томъ, что пережилъ Джозія Баундерби изъ Коктоуна, несмотря на грубую необработанность его языка. Но вы-то, сударыня, должны сознаться, что родились, такъ сказать, на лонѣ роскоши. Вѣдь вы не станете опровергать этого и согласитесь со мною, что родились на лонѣ роскоши?

— Я и не отрицаю этого, сэръ,—отвѣчала мистриссъ Спарситъ, качая головою.

Мистеръ Баундерби почувствовалъ необходимость встать изъ-за стола и, подойдя къ камину, повернулся къ нему спиной, чтобъ

лучше видѣть мистриссъ Спарситъ, придававшую такой блескъ его положенію.

— Вѣдь вы вращались въ самомъ шикарномъ обществѣ, чертовски знатномъ,—продолжалъ онъ, грѣя у огня ноги.

— Несомнѣнно, сэръ,—подтвердила мистриссъ Спарситъ съ притворнымъ смиреніемъ, совершенно противоположнымъ самоуничиженію Баундерби и потому не способнымъ задѣть его.

— Вы были приняты въ самомъ высшемъ кругу у самыхъ знатныхъ лицъ,—продолжалъ мистеръ Баундерби.

— Да, сэръ, — отвѣчала экономка, подавленная своимъ соціальнымъ положеніемъ аристократической вдовы,—это не подлежитъ никакому спору.

Мистеръ Баундерби согнулъ колѣни и обхватилъ ихъ руками въ приливѣ сильнѣйшаго довольства, причемъ разразился громкимъ хохотомъ. Какъ разъ въ эту минуту ему доложили о приходѣ мистера и миссъ Гредграйндъ, и Баундерби поспѣшилъ привѣтствовать перваго пожатіемъ руки, а послѣднюю поцѣлуемъ.

— Можно позвать сюда Джюпъ, Баундерби?—спросилъ гость.

— Разумѣется.

Послали за Джюпъ. Войдя въ столовую, она сдѣлала реверансъ мистеру Баундерби, его другу Тому Гредграйнду, а также Луизѣ; но въ своемъ замѣшательствѣ, къ несчастью, позабыла мистриссъ Спарситъ. Замѣтивъ ея промахъ, хозяинъ счелъ нужнымъ сдѣлать ей слѣдующее внушеніе:

— Послушай, дѣвочка, что я тебѣ скажу. Эта леди за чайнымъ столомъ—мистриссъ Спарситъ. Она занимаетъ мѣсто хозяйки въ моемъ домѣ и принадлежитъ къ очень знатному роду. Отсюда слѣдуетъ, что, когда ты войдешь въ одну изъ комнатъ этого дома, то не долго останешься въ ней, если не будешь выказывать почтительности къ этой леди. Я не требую отъ тебя вѣжливости къ самому себѣ, мнѣ на это наплевать, потому что я не разыгрываю никакой важной роли. У меня нѣтъ не только знатнаго, но и никакого родства, и я вышелъ изъ подонковъ общества. Но что касается этой леди, то мнѣ не все равно, какъ ты съ нею обращаешься; ты обязана оказывать ей вниманіе и почтеніе, иначе и нога твоя не будетъ у меня въ домѣ.

— Она сдѣлала это просто по разсѣянности,—заступился за дѣвочку Гредграйндъ, заговоривъ въ примирительномъ тонѣ.

— Мистриссъ Спарситъ, — сказалъ Баундерби, — мой другъ Томъ Гредграйндъ полагаетъ, что то была простая оплошность. Весьма возможно. Тѣмъ не менѣе, какъ вамъ извѣстно, сударыня, я не потерплю неуваженія къ вамъ, хотя бы оно происходило даже отъ оплошности.

— Вы, право, очень добры, сэръ,—отвѣчала мистриссъ Спар-

ситъ, качая головой въ своемъ величавомъ смиреніи.—Право, не стоитъ объ этомъ говорить.

Сэсси все это время лепетала робкія оправданія со слезами на глазахъ. Наконецъ, хозяинъ дома подалъ ей знакъ приблизиться къ мистеру Гредграйнду. Она стояла теперь, пристально глядя на него, а Луиза остановилась возлѣ отца съ холоднымъ видомъ, потупивъ глаза въ землю, когда онъ заговорилъ:

— Джюпъ, я рѣшилъ взять тебя къ себѣ въ домъ, съ тѣмъ, чтобы въ свободное отъ ученія время ты ухаживала за мистриссъ Гредграйндъ, которая часто хвораетъ. Я разсказалъ миссъ Луизѣ (вотъ это миссъ Луиза) жалкій, но естественный конецъ твоей прежней жизни и я особенно настаиваю на томъ, чтобъ ты выкинула изъ головы свое прошлое и даже не заикалась о немъ больше. Твоя жизнь должна начаться съ сегодняшняго дня. Ты, вѣдь, я знаю, круглая невѣжда.

— Точно такъ, сэръ,—подтвердила дѣвочка, присѣдая.

— Я съ удовольствіемъ дамъ тебѣ возможность получить тщательное воспитаніе, и ты послужишь живымъ доказательствомъ превосходства примѣненной къ тебѣ воспитательной системы для всѣхъ, кто будетъ сталкиваться съ тобою въ жизни. Тебя перевоспитаютъ и образуютъ. Кажется, ты имѣла привычку читать вслухъ своему отцу и тѣмъ людямъ, среди которыхъ я тебя нашелъ? — продолжалъ мистеръ Гредграйндъ, привлекая дѣвочку ближе къ себѣ и понизивъ голосъ.

— Только отцу и Меррилегу, сэръ. Разумѣется, собственно отцу, но Меррилегъ торчалъ постоянно тутъ же.

— Оставь въ покоѣ Меррилега, Джюпъ,—замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ, нахмуривъ на минуту брови,—вѣдь, я не спрашиваю тебя о немъ. Насколько я понялъ, ты имѣла привычку читать отцу.

— О, да, сэръ, я читала ему тысячу разъ. То были самыя счастливыя времена... О, самыя счастливыя, которыя мы проходили вмѣстѣ!

Лишь теперь, когда ея горе прорвалось наружу, Луиза взглянула на дѣвочку.

— А что читала ты своему отцу, Джюпъ?—полюбопытствовалъ мистеръ Гредграйндъ, еще сильнѣе понижая голосъ.

— Волшебныя сказки, сэръ; о Карликѣ, о Горбунѣ и геніяхъ,—рыдая, отвѣчала она,—и еще...

— Молчи, — перебилъ ее мистеръ Гредграйндъ; — довольно. Никогда не смѣй больше заикаться объ этомъ пагубномъ вздорѣ. Баундерби, вотъ прекрасный случай для опыта строгаго воспитанія; я съ удовольствіемъ буду слѣдить за нимъ.

— Дѣлайте, какъ знаете,—отвѣчалъ мистеръ Баундерби.—Я уже высказалъ свое мнѣніе и не сталъ бы затѣвать ничего

подобнаго. Ну, да ладно; будь по вашему, если вамъ такъ нравится!

Послѣ того мистеръ Гредграйндъ и его дочь увели съ собою Сесилію Джюпъ въ Стонъ-Лоджъ. На обратномъ пути Луиза не проронила ни словечка. Проводивъ гостей, мистеръ Баундерби отправился по своимъ дѣламъ. А мистриссъ Спарситъ удалилась подъ сѣнь своихъ бровей и размышляла весь вечеръ въ сумракѣ этого убѣжища.

VIII. Никогда не удивляйтесь ничему.

Возьмемъ опять основной тонъ, прежде чѣмъ продолжать нашу пѣсенку.

Однажды, лѣтъ шесть тому назадъ, отецъ подслушалъ нечаянно, какъ Луиза начала бесѣду съ братомъ словами: „Я удивляюсь, Томъ...“ Мистеръ Гредграйндъ тотчасъ выросъ передъ нею, какъ изъ подъ земли, и сказалъ:

— Никогда не удивляйся ничему, Луиза!

Въ этомъ заключалась пружина механическаго искусства и тайна воспитанія разума, безъ всякой остановки надъ развитіемъ чувствъ и привязанностей. Никогда ничему не удивляйтесь. Устраивайте такъ или иначе свои дѣла съ помощью сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, но не дивитесь ничему. „Приведите ко мнѣ, — говаривалъ Макъ-Чоакумчайльдъ, — ребенка только что начавшаго ходить, и я вамъ ручаюсь, что у меня онъ никогда ничему не станетъ удивляться“.

Между тѣмъ, кромѣ множества младенцевъ, едва умѣвшихъ ходить, въ Коктоунѣ было цѣлое населеніе изъ такихъ ребятъ, которые ходили по жизненной стезѣ уже лѣтъ двадцать, тридцать, сорокъ, пятьдесятъ и болѣе. Такъ какъ эти чудовищные младенцы были безпокойныя созданія и причиняли немало хлопотъ своими несуразными дѣйствіями, то между восемнадцатью религіозными общинами не прекращались ожесточенныя потасовки, въ видахъ скорѣйшаго соглашенія относительно мѣръ для ихъ исправленія. Однако, всѣ эти усилія набожныхъ людей не приводили ни къ чему; соглашеніе никакъ не могло состояться— удивительное обстоятельство, если принять во вниманіе удачное соотвѣтствіе средствъ съ намѣченной цѣлью! Но какъ ни расходились вышеупомянутыя общины въ своихъ взглядахъ по всѣмъ прочимъ вопросамъ, постижимымъ и непостижимымъ (въ особенности непостижимымъ), онѣ съ замѣчательнымъ единодушіемъ признавали одно, что эти несчастныя взрослыя дѣти не должны ничему удивляться. Община нумеръ первый утверждала, что имъ слѣдуетъ принимать все на вѣру. Община нумеръ второй—что они должны судить обо всемъ съ точки зрѣнія политической эко-

номіи. Община нумеръ третій сочиняла для нихъ нелѣпыя книжечки, въ которыхъ излагалось, какимъ образомъ благовоспитанный младенецъ непремѣнно дѣлался членомъ сберегательной кассы, а неблаговоспитанный неминуемо попадалъ въ ссылку. Община нумеръ четвертый, при безплодныхъ усиліяхъ быть забавной (тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была невыносимо скучна), неуклюже старалась замаскировать ловушки знанія съ цѣлью залучить въ нихъ обманомъ этихъ взрослыхъ дѣтей. Однако, всѣ общины были согласны между собою въ томъ. что взрослыя дѣти не должны ничему удивляться.

Въ Коктоунѣ существовала общественная библіотека, доступъ въ которую былъ открытъ для всѣхъ. Мистеръ Гредграйндъ мучительно ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, что читаетъ въ ней простонародье. Вотъ вопросъ, по которому мелкія рѣчки статистическихъ данныхъ періодически вливаются въ бушующій океанъ статистическихъ свѣдѣній, куда не могъ нырнуть на значительную глубину ни единый пловецъ, не поплатившись за это разсудкомъ Безотрадный и плачевный фактъ—но, однако, фактъ,—состоялъ въ томъ, что даже эти читатели упорно продолжали удивляться. Они дивились человѣческой природѣ, человѣческимъ страстямъ, человѣческимъ надеждамъ и опасеніямъ, борьбѣ, побѣдамъ и пораженіямъ, заботамъ, радостямъ и печалямъ, дивились жизни и смерти заурядныхъ мужчинъ и женщинъ! Порою, послѣ пятнадцати-часовой работы, они садились за чтеніе пустыхъ выдумокъ о мужчинахъ и женщинахъ, болѣе или менѣе похожихъ на нихъ самихъ, и о дѣтяхъ, болѣе или менѣе смахивавшихъ на ихъ собственныхъ. Они прижимали къ груди Де-Фоэ вмѣсто Эвклида и какъ будто находили для себя больше утѣшенія у Гольдсмита, чѣмъ у Кокера. Мистеръ Гредграйндъ постоянно бился (и въ печати и на словахъ) надъ разрѣшеніемъ этого страннаго вопроса и былъ не въ состояніи уяснить самому себѣ, какимъ путемъ получался у него такой несоотвѣтственный итогъ.

— Мнѣ надоѣла моя жизнь, Лу. Я прямо ненавижу ее; я ненавижу всѣхъ, кромѣ тебя,—говорилъ однажды безчувственный юнецъ Томасъ Гредграйндъ.

Дѣло происходило въ сумерки, въ комнатѣ, похожей на залу для стрижки волосъ.

— Надѣюсь, твоя ненависть не распространяется на Сэсси, Томъ?

— Мнѣ ненавистно то, что я обязанъ называть ее Джюпъ. И сама она ненавидитъ меня,—угрюмо прибавилъ мальчикъ

— Вотъ ужъ неправда, Томъ, я увѣрена.

— Она должна меня ненавидѣть, — настаивалъ Томъ. — Она должна ненавидѣть всю нашу орду и гнушаться нами. Ее совсѣмъ замучили ученьемъ; и она, по-моему спятитъ съ ума, не успѣвъ

пройти составленной для нея программы. Дѣвочка ужъ и то блѣдна, какъ воскъ, и становится тупоголовой... какъ я.

Юный Томъ предавался этимъ изліяніямъ, сидя передъ каминомъ верхомъ на стулѣ, облокотившись на его спинку и опираясь подбородкомъ на сложенныя руки. Лицо мальчика было сумрачно Сестра его сидѣла поодаль, въ болѣе темномъ углу, и смотрѣла то на брата, то на блестящія искры, сыпавшіяся на очагъ.

— Что касается меня,—продолжалъ Томъ, отчаянно ероша себѣ волосы, то я оселъ, вотъ я что такое. Я не уступаю ослу въ упрямствѣ, но гораздо глупѣе его; мнѣ также весело живется, какъ ему, и я ужасно хотѣлъ бы лягаться по ослиному.

— Но, конечно, ты не лягнулъ бы меня, Томъ?

— Нѣтъ, Лу; тебѣ я не причинилъ бы вреда. Я съ самаго начала сдѣлалъ бы исключеніе въ твою пользу. Еслибъ не ты, даже не знаю, что дѣлалъ бы я въ этой порядкомъ обветшалой... болѣющей желтухой тюрьмѣ.

Томъ запнулся, стараясь найти достаточно лестный и выразительный эпитетъ для родительскаго крова. Удачное сравненіе, пришедшее ему на умъ, какъ будто оживило его на минуту.

— Неужели, Томъ? Ты искренно и серьезно говоришь это?

— Ну, разумѣется. Но что проку толковать объ этомъ!—отвѣчалъ братъ, принимаясь тереться лицомъ о рукавъ куртки, точно ему хотѣлось терзать и свою плоть, чтобъ она страдала за одно съ его удрученной душою.

— Послушай, Томъ, — заговорила сестра послѣ нѣкоторой паузы, въ теченіе которой она молча слѣдила за падающими искрами,—по мѣрѣ того, какъ я дѣлаюсь старше и становлюсь взрослой дѣвушкой, мною часто овладѣваетъ сожалѣніе, что я не умѣю примирить тебя съ нашей домашней жизнью при всемъ своемъ желаніи. Сколько разъ сидѣла я вотъ тутъ и горевала объ этомъ. Я не училась многому, чему учатъ другихъ дѣвушекъ. Я не могу ни сыграть тебѣ, ни спѣть. Я не могу облегчить твою душу никакимъ пріятнымъ разговоромъ, потому что никогда не видѣла ничего занимательнаго, никогда не читала ничего интереснаго, чѣмъ можно было бы развлечь тебя въ минуту скуки.

— Да и я не перещеголялъ тебя въ этомъ отношеніи; вдобавокъ, я набитый болванъ, чего нельзя сказать о тебѣ. Такъ какъ отецъ твердо рѣшилъ сдѣлать изъ меня или болвана, или мерзавца, а я не мерзавецъ, то ясно, что мнѣ остается быть болваномъ. Такъ оно и есть,—съ отчаяніемъ заключилъ Томъ.

— Это ужасно жаль,—задумчиво отозвалась Луиза изъ своего темнаго уголка послѣ вторичной паузы.—Это ужасно жаль, Томъ. Это большое несчастіе для насъ обоихъ.

— Ну, тебѣ-то еще что, Лу,—возразилъ Томъ;—вѣдь, ты дѣвушка, а дѣвушкѣ всегда легче устроиться, чѣмъ молодому че-

ловѣку. По-моему, ты не страдаешь никакими недостатками. И ты моя единственная отрада. Твое присутствіе скрашиваетъ для меня даже этотъ домъ, и ты всегда можешь дѣлать изъ меня, что тебѣ угодно.

— Ты отличный братъ, Томъ; если правда, что я способна на такія вещи, то я не стану слишкомъ горевать о своемъ невѣжествѣ. Впрочемъ, я знаю многое, чего мнѣ не хотѣлось бы знать.

Она подошла, поцѣловала брата и снова удалилась въ уголъ.

— Съ какимъ удовольствіемъ собралъ бы я всѣ факты, которыми намъ прожужжали уши,—сказалъ Томъ, злобно стиснувъ зубы,—всѣ цифры и тѣхъ, кто ихъ выдумалъ, подкатилъ бы подъ нихъ тысячу боченковъ пороха и взорвалъ бы на воздухъ всю эту мерзость! Впрочемъ, когда я стану жить у старика Баундерби, то ужъ возьму свое.

— Возьмешь свое, Томъ?

— Я хотѣлъ сказать, что стану понемногу развлекаться, увижу и услышу что нибудь интересное. Надо же вознаградить себя за всю скуку домашняго воспитанія.

— Смотри, не ошибись въ разстчетѣ, Томъ. Мистеръ Баундерби однихъ понятій съ отцомъ, только онъ куда грубѣе и на половину не такъ добръ, какъ нашъ отецъ.

— О, я этого не боюсь!—со смѣхомъ подхватилъ юноша.— Ужъ я сумѣю провести стараго хрыча и поддѣлаться къ нему.

На стѣнѣ рисовались тѣни брата и сестры, а тѣни огромныхъ шкаповъ, загромождавшихъ комнату, сливались вмѣстѣ на стѣнахъ и потолкѣ, точно Луиза и Томъ сидѣли въ темной пещерѣ. Болѣе прихотливое воображеніе (если только подобное предательство могло проникнуть сюда) увидѣло бы, пожалуй, здѣсь, въ этой нависшей надъ ними темнотѣ, символъ ихъ безотрадной бесѣды и предвѣщаніе ихъ будущности.

— Въ чемъ же заключается средство провести мистера Баундерби и поддѣлаться къ нему?—спросила сестра.—Пожалуй, это секретъ?

— Если такъ,—воскликнулъ Томъ,—то за разгадкой не надо ходить далеко. Это средство—ты сама. Ты его маленькая любимица и баловница; онъ готовъ на все въ угоду тебѣ. Если онъ скажетъ мнѣ что нибудь непріятное, я сейчасъ брякну ему: „моя сестра Лу будетъ очень обижена и огорчена вашей суровостью, мистеръ Баундерби. Она всегда увѣряла меня, что вы будете обращаться со мною снисходительнѣе". Ужъ если онъ не уступитъ въ этомъ случаѣ, значитъ, съ нимъ нѣтъ никакого сладу.

Напрасно подождавъ и не получивъ отвѣта, Томъ нехотя спустился въ область настоящаго и предался снова своей скукѣ. Онъ

ерзалъ на стулѣ, потягивался, зѣвалъ, ерошилъ себѣ волосы, и, наконецъ, внезапно спросилъ, поднявъ голову:

— Лу, никакъ ты уснула?

— Нѣтъ, Томъ, я смотрю на огонь.

— Ты, кажется, видишь въ немъ много такого, чего я никогда не видывалъ,—сказалъ Томъ,—Вѣроятно, это также одно изъ преимуществъ дѣвочекъ надъ мальчиками.

— Томъ,—заговорила его сестра какимъ-то особеннымъ тономъ, медленно выговаривая слова, точно она съ усиліемъ читала отвѣтъ въ огнѣ, гдѣ онъ выступалъ недостаточно ясно;—Томъ, ты съ удовольствіемъ думаешь объ ожидающей тебя перемѣнѣ, о своемъ поступленіи на службу къ мистеру Баундерби?

— Во всякомъ случаѣ, тогда я несомнѣнно выиграю въ одномъ,—отвѣчалъ Томъ, поднявшись со стула и отодвигая его въ сторону: избавлюсь отъ домашней тираніи и скуки.

— Конечно, ты выиграешь въ одномъ, — почти машинально повторила Луиза, говоря, какъ во снѣ;—ты избавишься отъ домашняго гнета, это правда.

— Мнѣ будетъ только жаль разстаться съ тобою, Лу, а главное покинуть тебя здѣсь; но, вѣдь, я долженъ же когда нибудь уйти, волей или неволей; и ужъ лучше переселиться мнѣ въ такое мѣсто, гдѣ я могу воспользоваться твоимъ вліяніемъ, чѣмъ во всякое другое. Понимаешь?

— Да, Томъ.

Отвѣтъ сестры такъ долго заставилъ себя ждать, хотя въ немъ не было и тѣни нерѣшительности, что Томъ подошелъ и облокотился на стулъ за спиной Луизы, желая взглянуть на пламя, такъ сильно поглощавшее ея вниманіе, съ того же пункта, откуда смотрѣла она, и убѣдиться, нѣтъ ли тамъ разгадки ея непостижимой разсѣянности.

— Хоть это и огонь,—замѣтилъ Томъ,—но онъ кажется мнѣ такимъ же глупымъ и блѣднымъ, какъ все остальное. Что ты въ немъ видишь? Не циркъ ли?

— Я не вижу въ немъ ничего особеннаго, Томъ. Но чѣмъ больше я въ него гляжу, тѣмъ больше дивлюсь на насъ съ тобою; вотъ ужъ мы почти выросли...

— Ты опять удивляешься!—воскликнулъ Томъ.

— Мнѣ такъ трудно сладить съ моими мыслями,—возразила сестра;—онѣ наводятъ меня на удивленіе.

— Прошу тебя, Луиза, не дѣлать ничего подобнаго,—вмѣшалась мистриссъ Гредграйндъ, неслышно отворившая въ эту минуту дверь.—Ради Бога не говори такихъ вещей, безразсудная дѣвочка, не то вашъ отецъ не дастъ мнѣ покою. Да и ты хорошъ, Томасъ, нечего сказать. Не стыдно ли тебѣ при моей

вѣчной головной боли вести себя такъ безобразно? Мальчикъ съ твоимъ воспитаніемъ, которое стоило вдобавокъ цѣлую уйму денегъ, поощряетъ вдругъ свою сестру удивляться. зная, что отецъ запретилъ ей это разъ навсегда.

Луиза начала было оправдывать Тома, принимая всю вину на себя. Но мать остановила ее слѣдующей заключительной тирадой:

— Луиза, не противорѣчь мнѣ при моемъ теперешнемъ болѣзненномъ состояніи; вѣдь, это невозможно физически и нравственно, чтобъ ты вела себя такъ дурно, еслибъ тебя не поощряли къ тому.

— Ничто не поощряло меня, мама. Это огонь навелъ меня на эти мысли; я слѣдила за раскаленными искрами, которыя выскакивали изъ камина и падали въ золу, гдѣ блѣднѣли и гасли. Глядя на нихъ, я невольно подумала, какъ коротка будетъ моя жизнь и какъ мало удастся мнѣ сдѣлать полезнаго.

— Какой вздоръ!—подхватила мистриссъ Гредграйндъ, почти воодушевляясь.—Какой вздоръ! Не смѣй говорить мнѣ въ лицо подобной чепухи, Луиза. Развѣ ты не знаешь, что если твои слова дойдутъ когда нибудь до слуха отца, то онъ изведетъ меня выговорами? И это послѣ всѣхъ трудовъ, положенныхъ на васъ! Послѣ всѣхъ лекцій, слышанныхъ вами, послѣ всѣхъ опытовъ, на которыхъ вы присутствовали! Послѣ того, какъ я слышала своими ушами,—еще у меня отнялась тогда вся правая сторона—какъ вы отвѣчали учителю разныя разности насчетъ горѣнія, окисленія, теплоты и всякой всячины, отъ которой голова у больной невольно пойдетъ кругомъ. Да, послѣ всего этого ты вдругъ несешь чепуху о какихъ-то искрахъ и золѣ! О, я хотѣла бы,—захныкала мистриссъ Гредграйндъ, взявъ стулъ и разражаясь своимъ сильнѣйшимъ аргументомъ прежде, чѣмъ окончательно изнемочь подъ гнетомъ призраковъ фактовъ,—да, я хотѣла бы никогда не имѣть дѣтей. Посмотрѣла бы я тогда, какъ бы вы обошлись безъ меня.

IX. Успѣхи Сэсси.

Нелегко жилось Сэсси Джюпъ между мистеромъ Чоакумчайльдомъ и мистриссъ Гредграйндъ, такъ что въ первый мѣсяцъ ея искуса дѣвочка не разъ подвергалась соблазну сбѣжать. Цѣлый день съ утра до вечера осыпали ее градомъ такихъ суровыхъ фактовъ, а вся жизнь ея въ этомъ домѣ была до такой степени похожа на мелко разграфленную ариѳметическую тетрадь, что Сэсси, навѣрное, обратилась бы въ бѣгство, еслибъ ее не останавливала одна мысль.

Къ сожалѣнію, надо сознаться, что благоразумная покорность обстоятельствамъ не была въ ней результатомъ какой-нибудь ариѳметической выкладки; напротивъ, она овладѣла дѣвочкой на-

перекоръ всѣмъ разсчетамъ и шла совершенно въ разрѣзъ всякой таблицѣ вѣроятностей, какую только можно было построить на существующихъ данныхъ. Сэсси твердо вѣрила, что отецъ не бросилъ ее; она жила надеждой на его возвращеніе и была убѣждена, что, оставаясь въ домѣ мистера Гредграйнда, она доставитъ ему больше удовольствія.

Жалкое невѣжество, съ какимъ Джюпъ цѣплялась за это утѣшеніе, пренебрегая доводами разсудка и не имѣя никакой охоты убѣдиться на прочныхъ математическихъ основаніяхъ, что отецъ ея былъ безсердечнымъ бродягой, внушало состраданіе мистеру Гредграйнду. Между тѣмъ, что же оставалось дѣлать? Макъ-Чоакумчайльдъ докладывалъ ему, что у дѣвочки страшно тупая голова, и цифры ей рѣшительно не даются, что, получивъ общее понятіе о земномъ шарѣ, она не обнаружила ни малѣйшаго интереса къ его точнымъ измѣреніямъ; что она очень плохо заучивала хронологическія числа, если съ ними не было связано какое нибудь ничтожное событіе; что она заливалась слезами, когда ее заставляли рѣшать въ умѣ, что будутъ стоить двѣсти сорокъ семь кисейныхъ чепчиковъ по четырнадцати съ половиной пенсовъ за штуку; что она идетъ въ школѣ послѣднею по ученію, что, наконецъ, послѣ восьми недѣль посвященія въ основные законы политической экономіи, не дальше какъ вчера, ее поправила на урокѣ маленькая пичужка въ три фута ростомъ, такъ какъ на вопросъ:—каковъ основной принципъ этой науки?—Сэсси Джюпъ дала безсмысленный отвѣтъ:—„Поступать съ другими такъ, какъ ты желаешь, чтобъ они поступали съ тобою“.

Мистеръ Гредграйндъ замѣтилъ, качая головою, что все это весьма неутѣшительно и указываетъ на необходимость кореннымъ образомъ переработать умъ ребенка въ горнилѣ знанія, руководствуясь системой, книгой, и статистическими таблицами отъ A до Z включительно. И онъ прибавилъ, что на Джюпъ слѣдуетъ „приналечь“. На нее, дѣйствительно, „приналегли“, отчего она впала въ уныніе, нисколько, однако, не поумнѣвъ.

— Вотъ было бы славно превратиться въ васъ, миссъ Луиза! — сказала Сэсси однажды вечеромъ, когда молодая дѣвушка вздумала помочь ей въ приготовленіи уроковъ къ слѣдующему дню.

— Ты такъ думаешь?

— Тогда я знала бы ужасно много! Все, что затрудняетъ меня теперь, давалось бы мнѣ легко.

— Едва ли ты стала бы лучше отъ этого, Сэсси.

— Но не стала бы и хуже, миссъ Луиза,—возразила та послѣ нѣкотораго колебанія.

— Ну, не знаю,—отвѣтила на это миссъ Луиза.

Благодаря тому, что жизнь обитателей Стонъ-Лоджа протекала съ убійственнымъ однообразіемъ, съ механической правиль-

ностью, не располагавшей къ сердечнымъ порывамъ, а также, благодаря строгому запрещенію касаться прошлаго Сэсси, эти двѣ дѣвочки не сближались до сихъ поръ между собою, и почти не знали другъ друга. Съ удивленіемъ уставившись на Луизу своими темными глазами, Сэсси колебалась, продолжать ли ей разговоръ, или умолкнуть.

— Ты полезнѣй для моей матери и гораздо ласковѣе съ нею, чѣмъ бываю я,—начала опять Луиза. Да и самой собою ты не тяготишься, тогда какъ я себѣ ужасно надоѣла.

— Но, съ вашего позволенія, миссъ Луиза,—жалобно возразила Сэсси, вѣдь я... о, я такъ глупа!

Луиза разсмѣялась веселѣе обыкновеннаго и сказала, что она постепенно поумнѣетъ.

— Нѣтъ, вы не знаете,—настаивала дѣвочка, чуть не плача,—до какой степени я дура. За уроками въ школѣ я то и дѣло ошибаюсь. Мистеръ и миссисъ Макъ-Чоакумчайльдъ вызываютъ меня ежеминутно прямо для того, чтобъ я ошибалась. Такова ужъ моя горькая участь. Ошибки точно сами приходятъ ко мнѣ.

— Ну, а мистеръ и миссисъ Чоакумчайльдъ, надо полагать, никогда не ошибаются, Сэсси?

— Какъ можно! — съ живостью подхватила школьница. — Вѣдь, они все знаютъ.

— Разскажи-ка мнѣ, въ чемъ заключались, напримѣръ, твои ошибки?

— Мнѣ прямо стыдно,—нехотя отвѣчала Сэсси. Вотъ хоть бы сегодня, мистеръ Макъ-Чоакумчайльдъ толковалъ намъ насчетъ природнаго благосостоянія.

— Народнаго, должно быть,—поправила Луиза.

— Да, и то бишь народнаго! Но развѣ это не одно и тоже?— робко спросила дѣвочка.

— Ты ужъ лучше говори „народное", если такъ сказалъ учитель,—посовѣтовала Луиза со свойственной ей сухою сдержанностью.

— Народное благосостояніе. Вотъ онъ и говоритъ: „представьте себѣ, что эта классная комната—народъ. И у этого народа пятьдесятъ милліоновъ денегъ. Какъ по вашему, этотъ народъ благоденствуетъ? Дѣвочка нумеръ двадцатый, можно ли назвать этотъ народъ благоденствующимъ, а про тебя сказать, что ты процвѣтаешь, принадлежа къ нему?"

— Ну, чтожъ ты отвѣтила?—спросила Луиза.

— Да я сказала, что ничего не знаю, миссъ Луиза. Я подумала, откуда же мнѣ знать, благоденствуетъ ли этотъ народъ, или нѣтъ, и процвѣтаю ли я сама, принадлежа къ нему, покуда мнѣ не скажутъ, кому отданы въ руки эти деньги и есть ли въ нихъ

и моя доля? Но дѣло было совсѣмъ не въ томъ. Цифры вовсе не показывали этого,—сказала Сэсси, вытирая глаза.

— То была важная ошибка съ твоей стороны, — замѣтила Луиза.

— Да, миссъ Луиза, теперь я понимаю свой промахъ. Послѣ того мистеръ Макъ-Чоакумчайльдъ сказалъ, что задастъ мнѣ новый вопросъ. „Представь себѣ", началъ онъ опять, „что эта классная комната громадный городъ съ милліоннымъ населеніемъ, изъ котораго только двадцать пять человѣкъ умираютъ голодной смертью на улицахъ впродолженіи года. Каково твое мнѣніе объ этой пропорціи?" А мое мнѣніе было—потому что я не могла придумать ничего лучшаго—что тѣмъ людямъ, которые умерли съ голода, было нисколько не легче отъ того, былъ ли кромѣ нихъ еще милліонъ народа въ городѣ или милліонъ милліоновъ. И опять это вышло неправильно.

— Ну, разумѣется.

— Тутъ мистеръ Макъ-Чоакумчайльдъ вздумалъ проэкзаменовать меня еще. „Вотъ гимнастика", сказалъ онъ...

— Статистика,—поправила Луиза.

— Да, миссъ Луиза, это слово всегда напоминаетъ мнѣ гимнастику,—и это опять одна изъ моихъ постоянныхъ ошибокъ—„вотъ статистика несчастныхъ случаевъ на морѣ. Оказывается, что въ данное время ушло въ дальнее плаваніе сто тысячъ человѣкъ, и только пятьсотъ изъ нихъ утонуло или погибло въ огнѣ. Какой это составитъ процентъ?" А я и брякнула, миссъ—тутъ Сэсси горько зарыдала съ крайней неохотой сознаваясь въ своей грубѣйшей ошибкѣ;—я и брякнула, что это все равно...

— Какъ-же все равно, Сэсси?

— Все равно, миссъ, для родныхъ и друзей погибшихъ. Нѣтъ, видно никогда мнѣ не выучиться!—съ сокрушеніемъ заключила дѣвочка.—И что всего хуже, такъ это то, что хотя мой бѣдный отецъ такъ сильно хотѣлъ, чтобъ я училась, и что я сама такъ стараюсь учиться въ угоду ему, я боюсь, что не люблю ученья.

Луиза не спускала глазъ съ хорошенькой скромной головки, стыдливо опущенной передъ нею, пока Сэсси снова не подняла на нее глазъ. Тогда она спросила:

— Вѣрно, твой отецъ самъ былъ очень образованный человѣкъ, если такъ сильно желалъ дать тебѣ образованіе?

Сэсси не рѣшалась отвѣтить и такъ явно обнаружила боязнь ступить на запретную почву, что Луиза нашла нужнымъ прибавить:

— Никто насъ не услышитъ, да еслибъ и услыхали, такъ что-жъ за бѣда? Въ такомъ невинномъ вопросѣ нѣтъ ничего непозволительнаго.

— Нѣтъ, миссъ Луиза,—отвѣчала Сэсси, ободренная ея сло-

вами,—отецъ мой совсѣмъ неученый. Онъ умѣетъ только читать и писать, да и то не всякій разберетъ его писаніе, кромѣ меня Я-то разбираю его отлично.

— А твоя мать?

— Отецъ говорилъ, что она была образованная. Моя мать умерла, когда я родилась. Она была...

Сэсси пришла въ безпокойство при этомъ ужасномъ признаніи— она была танцовщицей.

— А твой отецъ любилъ ее?

Луиза задавала эти вопросы со свойственнымъ ей страстнымъ, порывистымъ, измѣнчивымъ любопытствомъ, которое, будучи подавлено въ человѣкѣ, мечется во всѣ стороны и таится, какъ бѣглецъ во время преслѣдованія.

— О, да, онъ любилъ ее такъ же горячо, какъ и меня. Да и меня-то онъ началъ любить ради нея. Онъ повсюду возилъ меня съ собою, когда я была совсѣмъ еще малюткой; мы съ нимъ никогда не разставались.

— Однако, онъ бросилъ же тебя, Сэсси?

— Только для моего блага. Никто не понимаетъ моего отца, никто не знаетъ его такъ, какъ я. Если онъ и рѣшился покинуть меня, ради моей пользы, — онъ никогда не сдѣлалъ бы этого изъ-за своего интереса,—то я увѣрена, сердце у него разрывалось отъ горя передъ разлукой. Онъ не увидитъ ни одной счастливой минуты, пока не вернется ко мнѣ назадъ.

— Разскажи мнѣ о немъ еще что нибудь,—попросила Луиза,—и я никогда больше не буду разспрашивать тебя. Гдѣ вы съ нимъ жили?

— Мы странствовали съ мѣста на мѣсто, у насъ не было нигдѣ постояннаго жилья. Вѣдь, мой отецъ клоунъ.

Это ужасное слово Сэсси произнесла шопотомъ.

— Знаю; это который смѣшитъ публику?—подхватила Луиза, кивая головой въ знакъ того, что она поняла.

— Да. Но иногда публика не хотѣла смѣяться, и тогда отецъ плакалъ. Послѣднее время публика почти совсѣмъ не смѣялась, и онъ приходилъ домой въ отчаяніи. Отецъ мало похожъ на другихъ людей. Тѣмъ, кто не зналъ его такъ коротко, какъ я, и не любилъ его такъ крѣпко, могло казаться, что голова у него не въ порядкѣ. Порою надъ нимъ подшучивали въ циркѣ, дурачили его, но никто не зналъ, какъ онъ обижался этимъ и какъ горевалъ, когда мы оставались вдвоемъ. Никому и въ голову не приходило, до чего онъ былъ застѣнчивъ, мой отецъ.

— И ты утѣшала его во всякомъ горѣ?

Сэсси кивнула головой; слезы катились у нея по лицу.

— Надѣюсь, что такъ; по крайней мѣрѣ, отецъ всегда увѣрялъ меня въ томъ. Становясь такимъ запуганнымъ и робкимъ,

чувствуя себя такимъ несчастнымъ, слабымъ, невѣжественнымъ и безпомощнымъ (таковы были его собственныя слова), отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я научилась многому и не походила на него. Я обыкновенно читала ему вслухъ, чтобъ развеселить его, и онъ ужасно любилъ мое чтеніе. То были скверныя книги,—здѣсь мнѣ запрещено и поминать про нихъ,—но мы тогда не думали, что въ нихъ заключается какой нибудь вредъ.

— А ему-то онѣ нравились?—спросила Луиза, все время неспускавшая съ Сэсси испытующаго взгляда.

— Ужасно нравились! Не разъ удерживали онѣ его отъ дѣйствительно вредныхъ привычекъ и зачастую по вечерамъ отецъ забывалъ за ними всѣ огорченія, интересуясь тѣмъ, дастъ ли султанъ своей супругѣ договорить сказку, или велитъ отрубить ей голову, не дослушавъ ее до конца.

— И твой отецъ былъ всегда добръ къ тебѣ, до самаго послѣдняго дня? — допытывалась Луиза, охваченная невольнымъ удивленіемъ, вопреки внушенному ей великому принципу.

— Всегда, всегда!—воскликнула Сэсси, всплеснувъ руками.—Ужъ такъ онъ былъ добръ, что и сказать нельзя. Только однажды вечеромъ разсердился отецъ, да и то не на меня, а на Меррилега—(она сообщила шепотомъ такой ужасающій фактъ); это была его ученая собака.

— Почему разсердился онъ на собаку?—полюбопытствовала Луиза.

— Вскорѣ по возвращеніи изъ цирка, отецъ приказалъ Меррилегу вскочить на спинки двухъ стульевъ и встать на нихъ поперекъ. Это былъ одинъ изъ его фокусовъ. Собака посмотрѣла на отца и не сразу послушалась. Въ тотъ вечеръ отцу во всемъ была неудача, и онъ ничѣмъ не могъ угодить публикѣ. Тутъ онъ закричалъ, что даже собака видитъ, что онъ никуда не годенъ, и не имѣетъ къ нему жалости. Вотъ съ горя онъ и давай бить Меррилега. А я перепугалась и упрашиваю:—„Отецъ, отецъ! Не обижай безсловесную тварь, которая тебя такъ любитъ! Перестань драться, ради Бога!“ Онъ пересталъ, но собака была вся въ крови; бѣдняга отецъ кинулся въ слезахъ на полъ, обнялъ собаку, растянулся съ ней рядомъ, а Меррилегъ сталъ лизать ему лицо.

Замѣтивъ, что Сэсси рыдаетъ втихомолку, Луиза подошла къ ней, поцѣловала ее, взяла за руку и сѣла возлѣ нея.

— Разскажи-ка мнѣ напослѣдокъ, какъ отецъ покинулъ тебя, Сэсси. Я разспрашивала тебя такъ много, что хочу слышать и конецъ. Всю вину, если тутъ есть какая нибудь вина, я беру на себя.

— Дорогая миссъ Луиза, — сказала Сэсси, закрывъ руками лицо и не переставая рыдать, — вернувшись въ тотъ день изъ школы, я застала дома своего бѣднаго отца, который также только

что пришелъ изъ балагана. Онъ сидѣлъ, раскачиваясь передъ огнемъ, точно у него что-то болѣло. Я спросила:—„не ушибся ли ты, отецъ?“ (что бывало съ нимъ иногда, какъ и со всѣми служащими въ циркѣ).—„Немножко есть грѣхъ, моя милая“,—отвѣчалъ онъ.—А когда я подошла, наклонилась и посмотрѣла ему въ лицо, то увидала, что онъ плачетъ. Чѣмъ больше я говорила, тѣмъ больше онъ отворачивался отъ меня; его точно колотилъ ознобъ, и онъ то и дѣло повторялъ только одно: „моя милочка“, или „сокровище мое!“

Тутъ въ комнату лѣнивой походкой забрелъ Томъ и уставился на дѣвочекъ съ жестокимъ равнодушіемъ, ясно говорившимъ, что онъ неспособенъ интересоваться ничѣмъ, кромѣ собственной персоны, да и она ему порядкомъ надоѣла.

— Мы тутъ разговорились съ Сэсси, Томъ,—замѣтила его сестра.—Тебѣ нѣтъ надобности уходить прочь, но не мѣшай намъ одну минутку, милый Томъ.

— Ладно,—отвѣчалъ Томъ. Только отецъ привелъ въ гости старика Баундерби, и мнѣ хочется, чтобъ ты вышла въ гостиную. Дѣло въ томъ, что если ты придешь, то старый хрѣнъ, пожалуй, пригласитъ меня на обѣдъ; въ противномъ же случаѣ онъ этого не сдѣлаетъ.

— Я приду сейчасъ.

— Я подожду тебя,—сказалъ Томъ,—для вѣрности, чтобъ ты не забыла.

Сэсси продолжала, понизивъ голосъ:

— Наконецъ, бѣдный отецъ признался, что публика опять была имъ недовольна въ тотъ день, что теперь онъ ничѣмъ не можетъ ей угодить, что это стыдъ и позоръ, и что я могла бы гораздо лучше устроиться безъ него. Я осыпала его самыми ласковыми словами, какія только подсказывало мнѣ сердце, и отецъ успокоился. Тутъ я подсѣла къ нему и разсказала о нашей школѣ и обо всемъ, что тамъ дѣлалось и говорилось. Когда мнѣ было нечего больше разсказывать, онъ обнялъ меня за шею и поцѣловалъ нѣсколько разъ, а потомъ послалъ за лекарствомъ, которымъ лечился отъ ушибовъ. Мнѣ было велѣно купить его въ самой лучшей москательной лавкѣ, гдѣ отецъ бралъ всегда это снадобье—на другомъ концѣ города. Послѣ того онъ поцѣловалъ меня еще разъ и отпустилъ. Сбѣжавъ съ лѣстницы, я вернулась назадъ, чтобъ хоть еще немного побыть съ отцомъ, и, заглянувши въ дверь, спросила:—„не взять ли мнѣ съ собою Меррилега, милый отецъ?“—Но отецъ покачалъ головой и возразилъ: „нѣтъ, Сэсси, нѣтъ; не бери съ собой ничего изъ моего имущества, моя душечка“. Такъ я и оставила его, сидящимъ у огня. Должно быть, тутъ ему и пришла мысль о бѣгствѣ. Бѣдный, бѣдный отецъ!

Онъ вздумалъ скрыться, чтобъ попытать счастья для меня, потому что, когда я вернулась обратно, онъ уже исчезъ.

— Ну что же ты? Старикъ Баундерби, того и гляди, уйдетъ отъ насъ, Лу!—торопилъ Томъ.

— Вотъ я все разсказала вамъ, миссъ Луиза. Бутылка съ масломъ девяти сортовъ хранится у меня до сихъ поръ, и я все поджидаю отца къ себѣ. Стоитъ мнѣ увидать письмо въ рукахъ мистера Гредграйнда, какъ у меня захватитъ дыханіе и потемнѣетъ въ глазахъ при мысли, что его прислалъ отецъ, или мистеръ Слири написалъ что нибудь о немъ. Мистеръ Слири обѣщалъ написать тотчасъ, какъ онъ услышитъ объ отцѣ, и я вѣрю, что онъ сдержитъ слово.

— Не прозѣвай старика Баундерби, Лу,—приставалъ Томъ, нетерпѣливо насвистывая. — Онъ сейчасъ удеретъ, если ты не выйдешь къ нему.

Послѣ того всякій разъ, когда Сэсси дѣлала реверансъ мистеру Гредграйнду въ присутствіи его домашнихъ и говорила, запинаясь: „прошу прощенія, сэръ, что осмѣливаюсь васъ безпокоить... но... не получали ли вы письма на мое имя?“—Луиза отрывалась на минуту отъ своего занятія, каково бы оно ни было, и ждала отвѣта съ неменьшей тревогой, чѣмъ сама Сэсси. Когда же мистеръ Гредграйндъ неизмѣнно отвѣчалъ на этотъ вопросъ:— „Нѣтъ, Джюпъ, ничего подобнаго“,—трепетъ губъ Сэсси передавался Луизѣ, и взглядъ молодой дѣвушки съ участіемъ провожалъ до дверей одинокаго ребенка. При этомъ мистеръ Гредграйндъ обыкновенно пользовался случаемъ, чтобъ замѣтить послѣ ея ухода, что еслибъ Джюпъ была воспитана, какъ слѣдуетъ, съ ранняго дѣтства, то она давно доказала бы себѣ, на основаніи здравыхъ принциповъ, всю неосновательность такихъ фантастическихъ надеждъ. Между тѣмъ, казалось (конечно, не мистеру Гредграйнду; онъ этого не замѣчалъ), что фантастическая надежда можетъ также сильно завладѣть человѣкомъ, какъ и дѣйствительный фактъ.

Это соображеніе, впрочемъ, приходило въ голову только его дочери. Что же касается Тома, то онъ постепенно превращался, подобно многимъ другимъ, въ торжество разсчета, вращающагося обыкновенно вокругъ цифры. О мистриссъ Гредграйндъ нечего и говорить. Когда она касалась порою этого предмета, то высовывала немного свою голову изъ-подъ груды одѣялъ и шалей, точно сонливый сурокъ, и начинала свои причитанья.

— Боже милосердый, моя бѣдная голова готова разлетѣться въ куски изъ-за этой дѣвчонки Джюпъ, которая такъ назойливо пристаетъ со своими несносными письмами! Честное слово, мнѣ видно ужъ на роду написано и предназначено судьбой вѣчно жить среди такихъ вещей, о которыхъ нѣтъ конца разговорамъ. Пря-

мо удивительно и ни на что не похоже, что я, кажется, никогда не дождусь послѣдняго слова о чемъ бы то ни было.

На этомъ пунктѣ ея рѣчи мистеръ Гредграйндъ обыкновенно взглядывалъ на жену, и подъ вліяніемъ этого леденящаго факта она снова впадала въ свое обычное оцѣпенѣніе.

X. Стефенъ Блэкпуль.

Я имѣю слабость думать, что англійскій народъ не уступаетъ въ прилежаніи къ работѣ всякому другому народу, живущему подъ солнцемъ. Я указываю на эту смѣшную странность въ моемъ характерѣ какъ на причину, заставляющую меня желать для этой трудолюбивой націи хоть немножко побольше досуга.

Въ одномъ изъ наиболѣе трудовыхъ кварталовъ Коктоуна, за центральными укрѣпленіями этой безобразной цитадели, гдѣ природа была также старательно вытѣснена грудами кирпича, какъ старательно замкнута въ нихъ отравленная атмосфера и убійственные газы; въ самомъ сердцѣ лабиринта тѣсныхъ дворовъ и узкихъ улицъ, выроставшихъ по частямъ ради поспѣшнаго достиженія личныхъ цѣлей какого-нибудь промышленника и составлявшихъ въ своей совокупности какую-то противоестественную семью, члены которой давили и топтали другъ друга до смерти; въ послѣднемъ тупикѣ этого громаднаго опорожненнаго пріемника, гдѣ дымовыя трубы за недостаткомъ воздуха для тяги выводились самыми уродливыми извилинами, какъ будто каждый домъ хотѣлъ наглядно показать, какіе изломанные и искалѣченные люди могли родиться въ немъ; среди главный массы населенія Коктоуна, называемаго обыкновенно „рабочими руками“,—особая порода людей, которая встрѣтила бы болѣе благосклонности со стороны нѣкоторыхъ лицъ, еслибъ Провидѣніе соблаговолило сотворить ихъ въ видѣ однѣхъ рукъ или, самое большее, въ видѣ рукъ съ прибавкою желудковъ, на подобіе низшихъ животныхъ, населяющихъ моря—жилъ нѣкто Стефенъ Блэкпуль, сорокалѣтній мужчина.

Стефенъ казался старше своихъ лѣтъ, благодаря каторжной жизни. Увѣряютъ, будто бы въ существованіи каждаго человѣка разсѣяны свои розы и шипы; между тѣмъ, въ жизни Стефена, по какой-то несчастной случайности или по ошибкѣ, выходило такъ, точно кто-то посторонній завладѣлъ всѣми его розами, предоставивъ ему за это всѣ свои шипы въ придачу къ его собственнымъ. По словамъ этого человѣка, на него сыпались всѣ невзгоды. Блекпуля обыкновенно звали „старикомъ Стефеномъ“ въ видѣ грубой дани почтенія къ этому факту.

Немного сгорбленный, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ задумчивымъ выраженіемъ лица и суровой объемистой головой, съ длинными жидкими волосами темносѣраго цвѣта, старикъ Стефенъ

имѣлъ видъ необычайно интеллигентнаго человѣка для своей среды. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этого не было. Онъ не занималъ въ ней никакого выдающагося положенія. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ рабочихъ, которые, пользуясь рѣдкими досугами, умудряются изучать урывками разныя мудрыя науки и знакомиться со множествомъ вещей, чуждыхъ быту бѣднаго фабричнаго. Онъ не стоялъ на ряду съ тѣми рабочими, которые умѣютъ произносить рѣчи и вести пренія на сходкахъ. Тысячи его сотоварищей владѣли разговорной рѣчью искуснѣе его въ любую минуту. Онъ былъ искуснымъ ткачемъ на механическомъ станкѣ и человѣкомъ высокой честности. Чѣмъ онъ былъ еще или какими отличался свойствами, пусть Стефенъ Блэкпуль покажетъ это самъ.

Огни въ окнахъ громадныхъ фабрикъ, напоминавшихъ по ночамъ волшебные дворцы (по крайней мѣрѣ, по мнѣнію пассажировъ курьерскаго ночного поѣзда), были всѣ погашены, колокола прозвонили, возвѣщая прекращеніе работы на ночь, и умолкли; рабочія руки—мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки—брели по домамъ, топая по гулкимъ плитамъ тротуара. Старикъ Стефенъ стоялъ на улицѣ съ тѣмъ страннымъ ощущеніемъ, которое всегда вызывала въ немъ остановка машинъ: ему казалось, будто бы вмѣстѣ съ ними остановилось и замерло что-то въ его собственной головѣ.

— А Рэчели все нѣтъ, какъ нѣтъ,—пробормоталъ онъ.

Шелъ дождь, и Блэкпуля обгоняли группы молодыхъ женщинъ въ накинутыхъ на голову платкахъ, которые онѣ поддерживали рукой у подбородка. Стефенъ хорошо зналъ Рэчель, и ему было достаточно одного взгляда на каждую изъ этихъ группъ, чтобъ убѣдиться, что ея тутъ не было. Наконецъ, всѣ разошлись, улица опустѣла. Тогда онъ пошелъ прочь, съ досадой бормоча себѣ подъ носъ:—„Должно быть, я ее пропустилъ“

Однако, не успѣлъ ткачъ миновать и трехъ улицъ, какъ увидалъ впереди еще одну закутанную фигуру, къ которой сталъ присматриваться такъ пристально, что, пожалуй, одной ея тѣни смутно рисовавшейся на мокромъ тротуарѣ, — еслибъ онъ могъ видѣть ее безъ самой фигуры, скользившей отъ фонаря къ фонарю попеременно то озаряясь свѣтомъ, то померкая, — было бы достаточно, чтобъ онъ узналъ этотъ женскій силуэтъ. Ускоривъ шагъ и въ то же время ступая мягче, Стефенъ спѣшилъ впередъ, пока не догналъ закутаной женщины, послѣ чего пошелъ своей обыкновенной походкой и окликнулъ шедшую:

— Рэчель!

Она обернулась, ярко освѣщенная фонаремъ, откинула слегка свой капюшонъ и показала спокойный овалъ лица, смуглаго и довольно нѣжнаго, освѣщеннаго парою замѣчательно кроткихъ глазъ, отѣняемаго безукоризненно приглаженными черными во-

лосами. Лицо это не блистало цвѣтомъ первой юности; Рэчель была женщина тридцати пяти лѣтъ.

— Ахъ, это ты!

Она сказала это съ улыбкой, которую можно было бы угадать даже по однимъ ея глазамъ, до такой степени она освѣтила лицо молодой работницы; послѣ того Рэчель снова надвинула на лобъ свой капюшонъ и пошла рядомъ со Стефеномъ.

— А я думалъ, ты еще замѣшкалась, Рэчель.

— Нѣтъ.

— Сегодня ты пораньше?

— Я выхожу, какъ случится, Стефенъ, иногда раньше, иногда позже. На меня никогда нельзя разсчитывать въ этомъ отношеніи по вечерамъ.

— Кажется, нельзя заранѣе знать, когда ты и выходишь изъ дома, Рэчель?

— Да, Стефенъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторой досадой на лицѣ, но въ то же время съ почтительнымъ и покорнымъ убѣжденіемъ, что она во всемъ поступаетъ правильно. Это выраженіе не ускользнуло отъ нея, и Рэчель тихонько дотронулась до руки своего товарища, точно въ знакъ благодарности.

— Мы съ тобою такіе вѣрные и старинные друзья, Стефенъ, да и сами становимся такими стариками!

— Нѣтъ, Рэчель, ты ни крошечки не постарѣла

— Мудрено, чтобъ одинъ изъ насъ старился, а другой нѣтъ, пока мы оба остаемся въ живыхъ, — со смѣхомъ подхватила она, — но во всякомъ случаѣ такимъ стариннымъ друзьямъ было бы грѣшно и безполезно скрывать другъ отъ друга правду. Намъ лучше не гулять вдвоемъ слишкомъ часто. Изрѣдка, конечно, можно! Въ самомъ дѣлѣ было бы слишкомъ тяжело никогда не бывать вмѣстѣ, — прибавила молодая женщина съ беззаботной веселостью, которую старалась передать и своему спутнику.

— Да, это тяжело во всѣхъ отношеніяхъ, Рэчель.

— А ты старайся не думать объ этомъ; тогда будетъ легче.

— Я стараюсь уже давно, да все мало толку. Но ты права, люди пожалуй начнутъ судачить даже про тебя. Ты была для меня такой отрадой всѣ эти годы, Рэчель; ты сдѣлала мнѣ столько добра, столько разъ ободряла меня въ горькія минуты, что твоя воля для меня законъ. И законъ справедливый, свѣтлый, какъ солнце! Лучше многихъ писаныхъ законовъ.

— Не брани ихъ, Стефенъ, — поспѣшно возразила она, съ нѣкоторой тревогой, взглядывая на его лицо. — Оставь ихъ въ покоѣ.

— Да, — произнесъ онъ, медленно покачивая головой. —

Оставь ихъ въ покоѣ; не касайся ничего. Пускай все идетъ своимъ чередомъ. Это какой-то омутъ, болото· а между тѣмъ — не тронь его!...

— Ты опять за то же? — сказала Рэчель, снова ласково касаясь его руки, какъ будто съ тѣмъ, чтобъ вывести Стефена изъ задумчивости, въ которой онъ на ходу покусывалъ длинные концы своего развязаннаго шейнаго платка.

Это прикосновеніе произвело немедленное дѣйствіе. Стефенъ оставилъ въ покоѣ свой плащъ, и, повернувъ къ молодой женщинѣ улыбающееся лицо, сказалъ съ добродушнымъ смѣхомъ:

— Да, милая Рэчель, невылазное болото, въ которомъ я застрялъ. Ужъ много разъ проваливался я въ него и никакъ не могу оттуда выбраться совсѣмъ.

Они прошли порядочное разстояніе и теперь приближались къ своимъ домамъ. Жилище Рэчели было ближе. Оно помѣщалось въ одной изъ многочисленныхъ улочекъ, къ услугамъ которыхъ популярный гробовщикъ (извлекавшій порядочный доходъ изъ единственной, жалкой и зловѣщей роскоши, доступной бѣднякамъ) держалъ траурную лѣстницу съ тѣмъ, чтобы убогій людъ, ежедневно поднимавшійся и спускавшійся по крутымъ лѣстницамъ, могъ плавно спуститься изъ этого міра печали и воздыханій — прямо черезъ окна. Рэчель остановилась на углу и, пожимая руку Стефена, пожелала ему спокойной ночи.

— Доброй ночи, дорогая, доброй ночи, — отвѣчалъ онъ.

Она пошла своей скромной женской поступью по темной улицѣ, а онъ стоялъ, провожая глазами ея легкую фигуру, пока она не скрылась въ одномъ изъ убогихъ домишекъ. Пожалуй, каждая складка ея грубой шали была полна интереса для этого человѣка, а каждый звукъ ея голоса находилъ откликъ въ его сердцѣ.

Потерявъ ее изъ вида, онъ повернулъ къ себѣ домой, поглядывая отъ времени до времени на небо, по которому быстро неслись облака. Но погода стала проясняться, дождь прекратился, и мѣсяцъ выглянулъ изъ-за тучъ, освѣщая высокія трубы Коктоуна надъ громадными доменными печами и отбрасывая титаническія тѣни отъ паровыхъ машинъ на стѣны фабричныхъ помѣщеній. Настроеніе Стефена какъ будто прояснилось вмѣстѣ съ погодой, пока онъ шелъ домой.

Его квартира въ еще болѣе узкой улицѣ, чѣмъ та, гдѣ жила Рэчель, была расположена надъ маленькой лавченкой. Какимъ образомъ находились люди, считавшіе выгоднымъ продавать или покупать убогія игрушки, выставленныя въ окнѣ этой лавченки между дешевыми газетами и окорокомъ (которому на другой день предстояло выдти въ тиражъ) это вопросъ посторонній. Жилецъ досталъ съ полки своей огарокъ, зажегъ его отъ другого огарка, горѣвшаго на прилавкѣ, и, не обезпокоивъ хозяйку, заснувшую

въ своей коморкѣ рядомъ, поднялся по лѣстницѣ къ себѣ на квартиру.

Она состояла изъ одной комнатки, уже давно познакомившейся съ траурной лѣстницей при другихъ постояльцахъ, но такой опрятной въ настоящее время, какъ только возможно требовать отъ крайнѣ тѣснаго помѣщенія. Въ одномъ углу стоялъ старый письменный столъ съ разложенными на немъ книгами и рукописями; мебель была приличная, въ достаточномъ количествѣ и хотя воздухъ здѣсь былъ спертый, но комната отличалась чистотой.

Направляясь къ камину, чтобъ поставить свѣчу на придвинутый къ нему маленькій столикъ, Стефенъ внезапно споткнулся обо что-то. Отступивъ назадъ, онъ посмотрѣлъ на полъ и увидалъ сидѣвшую на немъ женскую фигуру.

— Боже мой, это ты! — воскликнулъ онъ, отшатнувшись еще дальше. — Какъ попала ты опять сюда?

Что это была за женщина! Опустившееся, пьяное существо. Съ трудомъ удерживалась она въ сидячемъ положеніи, упираясь въ полъ ладонью одной руки, тогда какъ другая свободная рука напрасно старалась откинуть спутанные волосы съ ея лица и только больше пачкала его при этомъ грязью. Отталкивающее созданіе въ лохмотьяхъ, въ сальныхъ пятнахъ и брызгахъ грязи, и еще болѣе отталкивающее своимъ нравственнымъ паденьемъ, оскорблявшее чувство стыдливости своимъ непристойнымъ видомъ.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сопровождаемыхъ нетерпѣливой бранью, пьяной женщинѣ все таки удалось откинуть волосы со лба, чтобъ взглянуть на Стефена. Она сидѣла на полу, покачиваясь взадъ и впередъ, выдѣлывая какіе-то жесты своей ослабѣвшей рукой, какъ будто въ дополненіе къ взрыву смѣха, хотя лицо ея оставалось попрежнему безсмысленнымъ и соннымъ.

— Что, пришелъ? Явился, любезный, — хрипло вымолвила, наконецъ, она, еле ворочая языкомъ, и опустила голову на грудь.— Вернулась? — скрипучимъ голосомъ продолжала гостья нѣсколько минутъ спустя, точно отвѣчая на вопросъ хозяина. — Ну да, вернулась! И опять вернусь и всегда буду возвращаться. Назадъ? Да, назадъ. Почему же нѣтъ?

Очнувшись отъ своего собственнаго безсмысленнаго крика, она кое-какъ поднялась съ пола и стояла теперь, прислонившись спиною къ стѣнѣ, размахивая жалкимъ обрывкомъ шляпки, завязки которой были у нея въ рукѣ, и усиливаясь смутить Стефена своимъ презрительнымъ взглядомъ.

— Вотъ я опять продамъ всѣ твои пожитки и снова продамъ ихъ, и еще двадцать разъ буду продавать! — кричала она съ яростной угрозой, порываясь въ то же время пуститься въ какую-то дикую вызывающую пляску. — Пошелъ прочь съ кровати, — прибавила она (Стефенъ сидѣлъ на краю постели, закрывъ ру-

ками лицо). — Ступай прочь, говорятъ тебѣ. Это моя кровать, я имѣю на нее право!

Когда названная гостья направилась невѣрными шагами къ постели, Стефенъ съ дрожью брезгливости уклонился отъ нея и перешелъ на другой конецъ комнаты, не отнимая руки отъ лица. Между тѣмъ, женщина грузно шлепнулась на кровать и вскорѣ захрапѣла. Стефенъ сѣлъ на стулъ, на которомъ и провелъ всю ночь. Только разъ поднялся онъ, чтобъ прикрыть жену одѣяломъ; ему казалось, что руки недостаточно заслоняли ее отъ его глазъ даже въ темнотѣ.

XI. Безъ исхода.

Волшебные замки загораются огнями еще задолго до того, какъ блѣдное утро освѣтитъ чудовищныхъ дымныхъ змѣй извивающихся надъ Коктоуномъ. Шлепанье калошъ по тротуару, торопливые звонки, и огромныя машины, вычищенныя и смазанныя масломъ для однообразнаго дневного труда, начинаютъ свои неуклюжія упражненія, напоминая собою одержимыхъ меланхоліей слоновъ.

Стефенъ склонился надъ своимъ стаканомъ, спокойный, внимательный, усердный. Онъ и другіе рабочіе представляли поразительный контрастъ со скрипучей, грохочущей дергающей машиной въ этомъ лѣсу ткацкихъ станковъ. Не бойтесь, добрые люди, живущіе въ вѣчной тревогѣ, не бойтесь; никогда искусство не обречетъ природу на забвеніе. Сопоставьте, гдѣ угодно, твореніе Божіе и дѣло рукъ человѣческихъ, и первое, хотя бы то была кучка простыхъ, немудрящихъ рабочихъ, всегда выиграетъ въ достоинствѣ при этомъ сравненіи.

Столько-то сотенъ мастеровыхъ на этой фабрикѣ и паровая машина въ столько-то лошадиныхъ силъ. Съ точностью до одного фунта извѣстно, сколько сработаетъ каждая машина; но всѣ счетчики въ государственномъ контролѣ не могутъ исчислить способности къ добру или злу, къ любви или ненависти, къ патріотизму или къ недовольству, къ перерожденію добродѣтели въ порокъ, или, наоборотъ, въ любой моментъ, въ душѣ каждаго изъ этихъ спокойныхъ слугъ съ сосредоточенными лицами и размѣренными движеніями. Въ машинѣ нѣтъ тайны, но въ каждомъ ничтожнѣйшемъ изъ этихъ людей вѣчно кроется непроницаемая тайна. — Допустимъ, что намъ пришлось бы перевернуть вверхъ дномъ ариѳметику для вещественныхъ предметовъ и подчинить себѣ тѣ страшныя невѣдомыя величины, съ помощью иныхъ средствъ!

Свѣтало все замѣтнѣе, и по мѣрѣ приближенія дня тускнѣли газовые огни. Наконецъ, они были погашены и работа въ мастерскихъ продолжалась. Шелъ дождь; въ сырой атмосферѣ змѣи дыма, подчиняясь проклятію, поразившему всю ихъ породу, извивались по землѣ. На заднемъ дворѣ подъ открытымъ небомъ паръ изъ от-

водной трубы, груды боченковъ и стараго желѣза, куча блестящаго каменнаго угля, насыпанная всюду зола были окутаны дымкой дождя и тумана.

Работа шла безпрерывно, пока не ударили въ обѣденный колоколъ. Опять шлепаніе по тротуарамъ. Станки, колеса и рабочія руки успокоились на одинъ часъ.

Стефенъ вышелъ изъ жаркой мастерской на сырость и вѣтеръ, гулявшій по мокрымъ улицамъ, измученный и угрюмый. Онъ повернулъ въ сторону отъ своей компаніи и своего рабочаго квартала и, утоляя голодъ на ходу небольшимъ хлѣбцомъ, направился къ холму, гдѣ жилъ владѣлецъ фабрики. Этотъ джентльменъ занималъ красный кирпичный домъ съ черными наружными ставнями и зелеными внутренними жалузи съ черной наружной дверью, къ которой вели двѣ бѣлыхъ ступени и гдѣ на мѣдной дощечкѣ было выведено „Баундерби" (литерами, весьма похожими на него самого), тогда какъ пониже сіяла круглая дверная ручка на подобіе мѣдной точки.

Мистеръ Баундерби сидѣлъ за завтракомъ. Стефенъ того и ожидалъ. Не передастъ ли лакей хозяину, что одинъ изъ его мастеровыхъ хочетъ съ нимъ поговорить? Въ отвѣтъ на эту просьбу — требованіе узнать имя рабочаго. Стефенъ Блэкпуль. На Стефена Блэкпуля не поступало никакихъ жалобъ. Онъ можетъ войти.

Стефенъ Блэкпуль въ пріемной. Мистеръ Баундерби (котораго онъ зналъ только съ вида) утоляетъ голодъ котлетой, прихлебывая хересъ. Миссисъ Спарситъ у камина вяжетъ на спицахъ въ позѣ амазонки, продѣвъ ногу въ мотокъ шерсти на подобіе стремени. Чувство собственнаго достоинства и сознаніе служебнаго долга не позволяли экономкѣ завтракать вмѣстѣ съ хозяиномъ; она лишь оффиціально присутствовала за этой трапезой, но давала понять своимъ внушительнымъ видомъ, что смотритъ на завтракъ, какъ на предосудительную слабость.

— Ну, Стефенъ, — сказалъ мистеръ Баундерби, — что такое стряслось надъ вами?

Стефенъ поклонился. (Не подобострастно, Боже упаси! Фабричный на это не способенъ! Нѣтъ, сэръ, вы никогда не уличите его въ томъ, прослужи онъ у васъ хоть двадцать лѣтъ!) Затѣмъ, въ знакъ почтенія къ присутствію дамы, посѣтитель заправилъ подъ жилетъ концы своего шейнаго платка.

— Долженъ сознаться, — продолжалъ хозяинъ, прихлебывая хересъ, — что съ вами никогда не бывало хлопотъ, и вы не принадлежите къ числу безразсудныхъ глупцовъ. Вы не мечтаете о томъ, чтобы кататься въ каретѣ шестеркой и кушать черепаховый супъ золотою ложкой, заѣдая его дичью, какъ очень многіе изъ вашей братіи фабричныхъ. (Мистеръ Баундерби всегда воображалъ, что такова была единственная, непосредственная и прямая

цѣль, къ которой стремился каждый недовольный рабочій). — Поэтому, я увѣренъ заранѣе, что вы пришли ко мнѣ не съ жалобой. Прямо говорю, я увѣренъ въ томъ заранѣе.

— Нѣтъ, сэръ, конечно, я пришелъ совсѣмъ не за этимъ.

Мистеръ Баундерби видимо пріятно изумился, вопреки только что выраженной имъ твердой увѣренности.

— Отлично,—продолжалъ онъ,—вы порядочный рабочій, я въ васъ не ошибся. Ну, скажите же мнѣ, что привело васъ сюда? Въ чемъ дѣло? Что вы хотѣли мнѣ сказать? Говорите безъ стѣсненій!

Стефенъ случайно взглянулъ на миссисъ Спарситъ.

— Я могу удалиться, мистеръ Баундерби, если вы желаете,— сказала эта самоотверженная леди, дѣлая видъ, что она готова вынуть ногу изъ стремени.

Хозяинъ остановилъ ее, протянувъ лѣвую руку, такъ какъ ротъ у него былъ набитъ ѣдой. Наконецъ, проглотивъ кусокъ котлеты, онъ сказалъ, обращаясь къ Стефену:

— Знайте, любезный, что эта добрѣйшая леди знатнаго рода, весьма знатнаго рода. Изъ того, что она смотритъ за моимъ домомъ, вы не должны выводить заключенія, что она стоитъ невысоко на общественной лѣстницѣ,—совсѣмъ наоборотъ, она достигла ея вершины. Итакъ, если вы имѣете сообщить что нибудь такое, чего нельзя касаться въ присутствіи женщины благороднаго происхожденія, то эта леди выйдетъ изъ комнаты. Если же ваша рѣчь не оскорбитъ ея слуха, то миссисъ Спарситъ останется здѣсь.

— Надѣюсь, сэръ, что я никогда въ жизни не говорилъ ничего такого, что не годилось бы слушать природной леди,—послѣдовалъ отвѣтъ, сопровождаемый легкой вспышкой румянца на лицѣ говорившаго.

— Прекрасно,—замѣтилъ мистеръ Баундерби, отодвигая тарелку и откидываясь на спинку стула.—Такъ выпаливайте, Блэкпуль!

— Я пришелъ,—началъ Стефенъ послѣ минутнаго размышленія, поднимая глаза, потупленные до сихъ поръ,—я пришелъ просить у васъ совѣта, въ которомъ весьма нуждаюсь. Въ понедѣльникъ на святой исполнится девятнадцать лѣтъ, какъ я женился. Жена моя была молоденькая дѣвушка, довольно красивая и пользовалась доброю славой. Но вотъ—изволите видѣть—она свихнулась, очень скоро. Не черезъ меня. Богъ свидѣтель, я былъ для нея добрымъ мужемъ.

— Мнѣ давно это извѣстно,—сказалъ мистеръ Баундерби.— Она пристрастилась къ вину, отстала отъ работы, продала вашу мебель, заложила платья, однимъ словомъ, совсѣмъ свихнулась.

— Я долго терпѣлъ...—продолжалъ Стефенъ.

(Тѣмъ глупѣе съ твоей стороны,—сказалъ про себя мистеръ Баундерби, мысленно обращаясь къ своей рюмкѣ).

— Да, я былъ очень терпѣливъ; пробовалъ ее образумить и такъ, и сякъ. Сколько разъ, вернувшись домой съ работы, находилъ я однѣ пустыя стѣны, а ее мертвецки пьяной на голомъ полу. Это повторялось не разъ, не два, а двадцать разъ.

Каждая морщина на его лицѣ углублялась по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, краснорѣчиво указывая на пережитыя имъ страданія.

— Такъ шло все хуже, да хуже. Наконецъ, жена меня бросила. Она опустилась до такой степени, что сказать невозможно: стала совсѣмъ пропащей бабой. И все нѣтъ, нѣтъ, да и придетъ назадъ; нѣтъ, нѣтъ, да и придетъ. Какъ было мнѣ отъ нея отвязаться? Иногда я бродилъ по улицамъ цѣлыя ночи напролетъ, избѣгая вернуться домой. Я ходилъ на мостъ, чтобъ броситься въ воду и покончить разомъ съ такой каторжной жизнью. И такъ мнѣ приходилось тошно, что я состарѣлся раньше времени.

Миссисъ Спарситъ, проворно перебирая своими вязальными спицами, подняла свои коріолановскія брови и покачала головой, какъ будто желая сказать:—„Великимъ міра посылаются испытанія, какъ и малымъ. Стоитъ вамъ только обратить свой смиренный взоръ въ мою сторону“.

— Я откупался отъ нея деньгами, чтобъ она оставила меня въ покоѣ,—продолжалъ Блэкпуль.—Вотъ ужъ цѣлыхъ пять лѣтъ, какъ я ей плачу. Съ той поры мнѣ удалось кое-какъ опериться снова. Жилъ я, положимъ, въ скудности и печали, но, по крайней мѣрѣ, не терпѣлъ сраму и не дрожалъ ежечасно. И вотъ, прихожу вчера домой,—жена опять у меня; валяется пьяная на полу передъ каминомъ. Она и теперь у меня на квартирѣ.

Въ порывѣ горя и охватившаго его отчаянія этотъ человѣкъ воодушевился на минуту гордостью. Но это продолжалось недолго. Онъ снова впалъ въ апатію, сгорбился съ усталымъ видомъ и обратилъ къ мистеру Баундерби свое задумчивое лицо съ страннымъ выраженіемъ проницательности и тревоги, точно вся его душа была поглощена рѣшеніемъ какой-то крайне запутанной задачи; его лѣвая рука, лежавшая на колѣняхъ, мяла шапку, тогда какъ правой онъ жестикулировалъ энергично, но сдержанно, сопровождая этими движеніями свой разсказъ; иногда во время перерывовъ его рука замирала въ воздухѣ.

— Я давно уже слышалъ обо всемъ этомъ, кромѣ послѣдней ея выходки,—сказалъ мистеръ Баундерби.—Плохо ваше дѣло, надо правду сказать. Лучше довольствовались бы вы холостою жизнью, вмѣсто того, чтобы жениться. Впрочемъ, теперь ужъ поздно толковать объ этомъ.

— А развѣ это былъ неравный бракъ въ смыслѣ возраста, сэръ?—внезапно полюбопытствовала миссисъ Спарситъ.

— Слышите, что спрашиваетъ эта леди? Была ли ваша злосчастная женитьба неравнымъ союзомъ въ смыслѣ возраста?—сказалъ Баундерби.

— Нѣтъ, даже и того не было. Мнѣ шелъ двадцать второй годъ; женѣ только что минуло двадцать.

— Неужели, сэръ!—продолжала миссисъ Спарситъ, невозмутимо обращаясь къ своему хозяину. Слушая разсказъ объ этомъ несчастномъ супружествѣ, я подумала, что вся бѣда заключалась здѣсь въ большой разницѣ лѣтъ.

Мистеръ Баундерби покосился очень пристально на добрѣйшую лэди съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ, послѣ чего поспѣшилъ подкрѣпить себя новымъ глоткомъ хереса.

— Ну, что же дальше?—спросилъ онъ, съ нѣкоторой досадой обращаясь къ Стефену Блэкпулю.

— Я пришелъ спросить васъ, сэръ, какъ мнѣ избавиться отъ этой женщины?—отвѣчалъ Стефенъ съ еще большей серьезностью на своемъ лицѣ и въ напряженномъ взорѣ.

У миссисъ Спарситъ вырвалось легкое восклицаніе испуга.

— Что вы говорите?—воскликнулъ Баундерби, вставая, чтобъ прислониться спиною къ камину.—О чемъ вы толкуете! Вѣдь вы женились на ней, чтобъ дѣлить съ ней и радость и горе.

— Я хочу отъ нея освободиться, я не въ силахъ выносить этого дольше. Если я терпѣлъ до сихъ поръ, то благодаря тому, что лучшая дѣвушка въ мірѣ жалѣла и уговаривала меня. Еслибъ не она, пожалуй, давно бы впалъ въ буйное помѣшательство.

— Боюсь, сэръ, что онъ домогается свободы ради женитьбы на той дѣвушкѣ,—вполголоса замѣтила миссисъ Спарситъ, глубоко оскорбленная безнравственностью простонародья.

— Вотъ именно. Эта лэди права. Именно этого я и хочу. Я только что собирался коснуться этого вопроса. Случалось ихъ читать въ газетахъ, что знатные люди (прости имъ господи всякаго благополучія, я не желаю имъ зла) не связаны брачными узами такъ крѣпко, на радость и на горе, и что они могутъ расторгать свои несчастные браки, чтобъ жениться снова. Вѣдь, у нихъ, если мужъ не сходится характеромъ съ женою, принято жить на разныхъ половинахъ, чтобъ не мѣшать другъ другу; у бѣднаго же люда одна комната, гдѣ супруги не могутъ жить порознь. А если и этого имъ недостаточно, такъ, вѣдь, у нихъ есть большіе капиталы; они могутъ сказать другъ другу: „вотъ это твое, а это мое“ и разъѣхаться въ разныя стороны. А намъ и то недоступно. Вдобавокъ, они могутъ формально развестись изъ-за меньшихъ обидъ, чѣмъ мои. Значитъ, я могу избавиться отъ этой женщины, и потому хочу знать, какъ за это взяться. Какъ можно это устроить?

— Да никакъ,—возразилъ мистеръ Баундерби.

— Если я нанесу моей женѣ какой нибудь вредъ, то существуетъ ли такой законъ, сэръ, по которому я буду наказанъ?

— Разумѣется, существуетъ.

— Если я сбѣгу отъ нея, есть такой законъ, по которому меня покараютъ?

— Разумѣется, есть.

— А если я, женатый, женюсь на той хорошей дѣвушкѣ, то опять таки буду наказанъ по закону?

— Несомнѣнно.

— А еслибъ я сталъ жить съ нею не въ бракѣ—конечно, это только такъ говорится, хотя этому никогда не бывать,—она для этого слишкомъ честна,—покараетъ ли меня законъ въ каждомъ невинномъ ребенкѣ, родившимся отъ нашего союза?

— Нечего и спрашивать!

— Въ такомъ случаѣ, ради всего святого,—сказалъ Стефенъ Блэкпуль,—укажите мнѣ такой законъ, который пришелъ бы мнѣ на выручку!

— Гм! Въ супружескихъ отношеніяхъ есть нѣчто священное,—отвѣчалъ мистеръ Баундерби,—и... и... святыню брака слѣдуетъ блюсти.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого, сэръ! Этимъ путемъ ее не соблюдешь. Нѣтъ, только не этимъ путемъ! Этимъ способомъ ее можно только нарушить. Я простой ткачъ. Еще ребенкомъ отдали меня на фабрику работать, но Богъ далъ мнѣ глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать. Во всякой газетѣ, въ отдѣлѣ судебной хроники я съ ужасомъ читаю—да и вы тоже, разумѣется,—какъ предполагаемая невозможность разбить супружескія цѣпи, ни за какія деньги, ни при какихъ условіяхъ, обагряетъ кровью нашу страну и приводитъ женатыхъ людей въ простонародьѣ къ ...мъ. къ убійству и внезапной смерти. Вникнемъ въ это хорошенько. Его положеніе ужасно тяжкое, и я хотѣлъ бы,—если вы окажете мнѣ такую милость узнать законъ въ которомъ могу найти защиту.

— Ладно, я вамъ скажу!—произнесъ мистеръ Баундерби, засовывая руки въ карманы. Такой законъ существуетъ.

Стефенъ, вернувшись къ своей обычной разсудительности, кивнулъ головой и слушалъ дальше съ сосредоточеннымъ вниманіемъ.

— Да только законъ этотъ не про васъ писанъ, совсѣмъ не про васъ. Онъ стоитъ денегъ, уйму денегъ.

— Ну, а, примѣрно, сколько?—спокойно спросилъ ткачъ.

— Да вотъ, сначала вы должны подать прошеніе въ врачебный совѣтъ, а другое въ судебную палату; затѣмъ обратиться въ палату лордовъ и получить парламентскій актъ, которымъ разрѣшалось бы вамъ жениться вторично. Допуская даже, что ваше дѣло по-

шло бы, какъ по маслу, безъ сучка и задоринки, оно стоило бы вамъ, я полагаю, не меньше полуторы тысячи фунтовъ стерлинговъ,—отвѣчалъ фабрикантъ.—А не то и вдвое больше.

— Ну, а другого закона нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ,—произнесъ Стефенъ, блѣднѣя и размахивая правой рукой, точно онъ хотѣлъ развѣять по вѣтру всѣ законы въ мірѣ,—въ такомъ случаѣ это невылазное болото. Прямо невылазное болото, кругомъ и около, и чѣмъ скорѣе я умру, тѣмъ будетъ лучше!

(Миссисъ Спарситъ снова поражена нечестіемъ простого люда).

— Полно! полно!—остановилъ Стефена мистеръ Баундерби.— Не болтайте вздора о вещахъ, въ которыхъ вы ничего не смыслите,—не называйте болотомъ установленій вашего отечества, иначе вы рискуете въ одно прекрасное утро увязнуть въ настоящемъ болотѣ сами. Отечественные законы и уставы не вашего ума дѣло; знайте одну свою работу—вотъ это по вашей части. Вы брали себѣ жену не съ тѣмъ, чтобы нарушать супружескіе обѣты, но на радость и горе цѣлой жизни. Если она пошла по дурной дорогѣ, то, вѣдь, она могла пойти и по хорошей,—вотъ все, что можемъ мы о ней сказать.

— Болото!—твердилъ Стефенъ, качая головой и направляясь къ дверямъ. Невылазное болото!

— Постойте, что я вамъ скажу!—снова началъ мистеръ Баундерби въ видѣ напутствія.—Ваши кощунственныя мнѣнія—иначе я не могу ихъ назвать—жестоко оскорбили чувства этой лэди, которая, какъ вы уже слышали отъ меня, происходитъ изъ знатной фамиліи, и которая, — чего я не говорилъ вамъ раньше, — была также несчастлива въ супружествѣ и понесла денежныя потери въ десятки тысячъ фунтовъ,—въ десятки тысячъ фунтовъ,—повторилъ онъ, съ наслажденіемъ смакуя эту цифру. До сихъ поръ вы были всегда примѣрнымъ работникомъ, однако же я подозрѣваю и говорю вамъ прямо, что теперь вы близки къ тому, чтобы вступить на ложный путь. Вѣроятно, васъ сбилъ съ толку какой нибудь пришлый негодяй—они постоянно тутъ шляются—и для васъ будетъ лучше всего образумиться поскорѣе. Я долженъ вамъ сказать (тутъ черты мистера Баундерби приняли необыкновенно лукавое выраженіе)—я долженъ вамъ сказать, что меня трудно провести, и я, пожалуй, вижу подальше многихъ другихъ,—можетъ быть, отъ того, что мнѣ жилось далеко не сладко въ молодости. Во всѣхъ вашихъ разглагольствованіяхъ я замѣчаю слѣды черепашьяго супа, дичи и золотой ложки. Положительно такъ!—воскликнулъ мистеръ Баундерби, покачивая головою съ упрямымъ лукавствомъ. — Да, чертъ возьми, я чую, откуда вѣтеръ дуетъ!

Совсѣмъ иначе тряхнулъ головою Стефенъ Блэкпуль, когда сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Покорнѣйше благодарю, сэръ. Мое вамъ почтеніе.

И онъ оставилъ мистера Баундерби чваниться передъ собственнымъ портретомъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, точно фабрикантъ собирался лопнуть отъ спѣси. Между тѣмъ, миссисъ Спарситъ продолжала трусить верхомъ, держа ногу въ стремени, совершенно подавленная картиной пороковъ, укоренившихся въ простонародьѣ.

XII. Старуха.

Старикъ Стефенъ спустился по бѣлымъ ступенямъ крыльца, затворивъ за собою черную дверь съ мѣдной дощечкой при помощи громадной мѣдной точки, которую онъ потеръ на прощаніе рукавомъ своего пальто, замѣтивъ, что прикосновеніе его горячей руки заставило потускнѣть ея блескъ. Послѣ того рабочій перешелъ на другую сторону улицы, не подымая своихъ потупленныхъ глазъ, и хотѣлъ двинуться дальше въ печальномъ раздумьѣ, какъ вдругъ кто-то дотронулся до его руки.

То не было прикосновеніе, въ которомъ онъ болѣе всего нуждался въ ту минуту—прикосновеніе, способное утишить бурю, бушевавшую у него въ душѣ, какъ та простертая десница высочайшей любви и терпѣнія, что усмирила нѣкогда разъяренное море,—хотя тѣмъ не менѣе до него дотронулась рука женщины. Когда Стефенъ остановился и обернулся, глазамъ его представилась старуха, высокая и все еще статная, несмотря на преклонные годы. Ея простое платье отличалось опрятностью, хотя къ башмакамъ прилипла грязь съ большой дороги, которая указывала на далекое путешествіе пѣшкомъ. Ея растерянность среди непривычнаго уличнаго шума, свернутый теплый платокъ на рукѣ, тяжелый зонтикъ и маленькая корзинка, свободныя перчатки съ черезчуръ длинными пальцами, къ которымъ были непривычны ея руки,—все обнаруживало въ ней деревенскую старушку въ праздничной одеждѣ, пришедшую въ Коктоунъ по какому нибудь экстренному дѣлу. Стефенъ Блэкпуль схватилъ всѣ эти мелочи въ одну минуту съ быстрой наблюдательностью его сословія. Съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ на лицѣ, которое характеризуетъ глухихъ людей и многихъ фабричныхъ, принужденныхъ работать руками и вмѣстѣ съ тѣмъ напрягать зрѣніе среди оглушительнаго грохота и стука машинъ, онъ нагнулся къ старушкѣ, чтобы хорошенько разслышать, о чемъ она его спрашиваетъ.

— Извините, сэръ, не вы-ли это вышли сейчасъ вонъ изъ того дома?—спросила женщина, указывая на жилище мистера Баундерби.—Мнѣ кажется, то были вы, если только, на мою неудачу, я не приняла васъ за другого.

— Да, миссисъ, то былъ я.

— А довелось ли вамъ—простите любопытство старухи!— увидѣть хозяина?

— Да, миссисъ.

— Ну, какъ онъ поживаетъ, сэръ? Попрежнему осанистъ, смѣлъ, рѣчистъ и крѣпокъ?

Когда крестьянка выпрямилась сама и подняла голову, чтобъ наглядно пояснить свой вопросъ, Стефену вдругъ показалось, что онъ уже видѣлъ ее гдѣ-то, и она произвела на него тогда непріятное впечатлѣніе.

— О, да,—отвѣчалъ онъ, пристальнѣе всматриваясь въ нее,— мистеръ Баундерби, именно, таковъ, какъ вы говорите.

— Значитъ, здоровъ и свѣжъ, какъ вольный вѣтеръ?—продолжала старуха.

— Точно такъ, — подтвердилъ рабочій. Какъ разъ, когда я тамъ былъ, онъ пилъ и ѣлъ до отвалу. Самъ толстый, а голосъ, что твоя труба.

— Покорнѣйше благодарю!—воскликнула старуха, внѣ себя отъ восхищенія. Большое вамъ спасибо!

Тутъ Стефенъ убѣдился, что первый разъ въ жизни видитъ ее, хотя у него все еще мелькало въ головѣ смутное воспоминаніе, точно ему приснилась однажды старая женщина, похожая на эту старуху.

Между тѣмъ, она не отставала отъ него, идя съ нимъ рядомъ, и онъ, желая оказать ей вниманіе, спросилъ наобумъ:

— Не правда ли, какой хлопотливый городъ нашъ Коктоунъ?

— Ужасно хлопотливый!—подтвердила крестьянка.

Тутъ Стефенъ замѣтилъ, что, судя по всему, она явилась сюда прямо изъ деревни, и получилъ отъ старухи утвердительный отвѣтъ:

— Какъ же, сегодня поутру съ парламентскимъ поѣздомъ. Проѣхала сорокъ миль по желѣзной дорогѣ и сегодня же укачу назадъ за сорокъ миль. До станціи мнѣ понадобилось пройти девять миль пѣшкомъ да и на обратномъ пути, если никто не подвезетъ меня до дому, пройду опять столько же. Вѣдь, недурно для моихъ лѣтъ, сэръ, какъ по вашему?—прибавила болтливая старушка, весело блестя глазами.

— Что и говорить! Только не дѣлайте этого слишкомъ часто, миссисъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Всего разъ въ годъ,—отвѣчала она, качая головой. Я трачу на это свои сбереженія однажды въ годъ. Я пріѣзжаю сюда въ положенное время, чтобъ погулять по улицамъ и посмотрѣть на господъ.

— Только посмотрѣть на нихъ?

— Съ меня и того довольно,—отвѣчала женщина съ большою серьезностью и одушевленіемъ. Мнѣ ничего и не требуется больше! Я давно уже стояла на этой сторонѣ улицы, поджидая выхода того джентльмена, объяснила она, кивая головой на жилище мистера Баундерби. Да, нынѣшній годъ, онъ что-то замѣшкался, я такъ и не видала его. Вмѣсто хозяина дома оттуда вышли вы. Но если мнѣ суждено уѣхать обратно, не взглянувши на него хоть мелькомъ,—вѣдь, съ меня и того достаточно!—то я, по крайней мѣрѣ, повидала васъ, а вы только что видѣли его. Нечего дѣлать, надо удовольствоваться этимъ!

Тутъ она посмотрѣла на Стефена такъ пристально, точно старалась запечатлѣть въ памяти его черты, и глаза ея уже не были такъ веселы, какъ за минуту передъ тѣмъ.

При всей терпимости Стефена къ различію человѣческихъ вкусовъ и при всемъ его подчиненіи коктоунскимъ патриціямъ, онъ отказывался постичь, какъ можно было такъ сильно интересоваться личностью мистера Баундерби. Но въ ту минуту они проходили какъ разъ мимо церкви, и при взглядѣ на башенные часы, ткачъ ускорилъ свой шагъ.

— Вы спѣшите на работу?—спросила его крестьянка, безъ труда поспѣвая за нимъ.

— Да, мнѣ пора.

Когда она узнала, гдѣ онъ работаетъ, то стала держать себя еще страннѣе.

— Неужели вы не счастливы?—спросила чудачка.

— Почти ни одинъ человѣкъ не проживетъ безъ печали, миссисъ,—уклончиво отвѣчалъ Стефенъ, потому что старуха, казалось, была вполнѣ убѣждена въ его необычайномъ благополучіи, и ему стало жаль разочаровывать ее. Онъ зналъ по опыту, что на свѣтѣ много всякаго горя, но если эта женщина, проживъ такъ долго, могла еще вѣрить въ человѣческое счастье, то тѣмъ лучше для нея. Что ему за дѣло до ея заблужденій!

— Эдакая жалость! Должно быть, у васъ семейныя непріятности?—продолжала она.

— Не безъ того,—небрежно отвѣчалъ ткачъ.

— Но за то на фабрикѣ вы совершенно счастливы у такого хозяина, какъ вашъ?

— Да, тамъ у меня нѣтъ никакихъ непріятностей,—подтвердилъ Стефенъ. Тамъ все въ порядкѣ. Все идетъ правильно.

Онъ не дошелъ до того, чтобъ сказать, въ угоду ей, что тамъ господствовало подобіе божественнаго права, хотя мнѣ приходилось слышать не разъ кое что въ этомъ родѣ за послѣдніе годы.

Они вступили теперь на покрытую угольной пылью окольную дорогу, которая вела на фабрику; она была уже запружена рабо-

чими. Колоколъ звонилъ; дымный змѣй извивался кольцами, а слонъ готовился закивать головою. Придурковатая старуха восхищалась даже колоколомъ. По ея словамъ, нигдѣ не слыхивала она колокола лучше этого и съ такимъ внушительнымъ звономъ!

Когда Стефенъ остановился и добродушно протянулъ ей руку на прощанье, она полюбопытствовала, давно ли онъ работаетъ здѣсь.

— Да ужъ лѣтъ двѣнадцать,—отвѣчалъ ткачъ.

— Я должна поцѣловать руку, трудившуюся двѣнадцать лѣтъ на такой славной фабрикѣ!—подхватила крестьянка.

И какъ онъ не отбивался, она поймала таки его руку и поднесла къ губамъ. Независимо отъ ея преклоннаго возраста и деревенской простоты, въ этой женщинѣ таилось что то привлекательное, въ чемъ Стефенъ не могъ хорошенько дать себѣ отчета. Странное дѣло, даже въ этомъ фантастическомъ поступкѣ какъ будто не было ничего несвоевременнаго и неумѣстнаго, но заключалось, напротивъ, что то такое, что никто, кромѣ нея, не съумѣлъ бы такъ сдѣлать, съ такою серьезностью или такъ искренно и трогательно.

Ткачъ просидѣлъ за своимъ станкомъ добрыхъ полчаса, раздумывая объ этой странной встрѣчѣ, какъ вдругъ ему понадобилось встать, чтобъ поправить что то. Пользуясь случаемъ, онъ выглянулъ изъ окна, примыкавшаго къ его углу, и увидалъ старуху, которая, попрежнему, стояла передъ фабрикой, восторженно любуясь грудою фабричныхъ зданій. Не замѣчая ни копоти, ни грязи, ни сырости, позабывъ длинные концы отъ деревни до города и обратно, она погрузилась въ ихъ созерцаніе, словно тяжелый грохотъ, вылетавшій изъ многоэтажнаго корпуса, ласкалъ ея слухъ, какъ упоительная музыка.

Немного спустя она исчезла, а за нею исчезъ и дневной свѣтъ. Снова вспыхнули газовые огни, и курьерскій поѣздъ промчался на всѣхъ парахъ мимо волшебнаго замка по аркамъ сосѣдняго віадука, почти незамѣтный среди однообразнаго движенія машинъ, почти неслышный, благодаря ихъ стуку и гудѣнью. Но мысли Стефена давно уже блуждали въ унылой комнатѣ надъ маленькой лавчонкой, вокругъ гнуснаго образа пьяной женщины, валявшейся на кровати, давившаго тяжелымъ бременемъ его сердце.

Но вотъ машина замедляетъ свой ходъ, слабо вздрагиваетъ, подобно падающему пульсу, и останавливается. Опять ударяютъ въ колоколъ; яркій свѣтъ въ мастерской гаснетъ; жара смѣняется прохладой; затихшія фабрики тонутъ въ сырыхъ потемкахъ ночи, тогда какъ ихъ высокія трубы тянутся къ небу, словно соперничая съ вавилонскою башней.

Съ тѣхъ поръ, какъ Стефенъ разговаривалъ съ Рэчель и провожалъ ее домой, прошло не болѣе сутокъ; но послѣ того надъ нимъ стряслась новая бѣда, въ которой никто не могъ его утѣ-

шить, кромѣ этой дѣвушки. Зная, какъ ему необходимо услышать единственный голосъ, способный смягчить его гнѣвъ, онъ рѣшился пренебречь ея запрещеніемъ и подождать еще разъ свою подругу. Онъ такъ и сдѣлалъ, но молодая дѣвушка, очевидно, избѣгала встрѣчи съ нимъ; она уже ушла. Никогда еще не было ему такъ тяжело, какъ теперь, не видѣть ея кроткаго лица.

О, лучше совсѣмъ не имѣть пристанища, гдѣ преклонить голову, чѣмъ имѣть его и бояться туда заглянуть, какъ было съ нимъ!

Стефенъ поѣлъ и выпилъ, потому что дошелъ до крайняго изнеможенія, но онъ даже не замѣтилъ, что ему подавали, и, подкрѣпившись пищей, пошелъ бродить подъ холоднымъ дождемъ,— одинъ со своими безотрадными думами.

Между нимъ и Рэчелью никогда не заходила рѣчь о новомъ бракѣ, но Рэчель, много лѣтъ тому назадъ, выказала ему горячее участіе. Вотъ почему лишь ей одной открывалъ онъ свое замкнутое сердце все это время, повѣряя терпѣливой подругѣ, терзавшее его безъисходное горе. И ему было хорошо извѣстно, что будь онъ свободенъ, то Рэчель съ радостью вышла бы за него. Онъ рисовалъ себѣ семейный очагъ, къ которому теперь могъ бы спѣшить, счастливый и гордый; думалъ о благопріятной перемѣнѣ въ немъ самомъ при такомъ благополучіи, думалъ о той легкости, которая смѣнила бы невыносимый гнетъ, давившій ему грудь, думалъ о возстановленіи своей поруганной чести, о самоуваженіи и спокойствіи, развѣянныхъ прахомъ. Онъ думалъ о безвозвратной утратѣ лучшей поры жизни, о гибельной перемѣнѣ въ своемъ характерѣ, становившемся хуже съ каждымъ днемъ; думалъ о своемъ ужасномъ существованіи, которое онъ влачилъ, связанный по ногамъ и рукамъ, прикованный къ женщинѣ, давно умершей для него, терзаемый злымъ демономъ въ ея образѣ. Онъ думалъ о Рэчели, о томъ, какъ молода была она, когда ихъ сблизило его семейное несчастье, какъ созрѣла она теперь и какъ скоро предстоитъ ей постарѣть. Онъ вспоминалъ, сколько дѣвушекъ повышло замужъ на ея глазахъ, сколько семействъ выросло вокругъ нея за эти годы; вспомнилъ, какъ безропотно шла она своей одинокой стезей—ради него—и какъ порою облачко грусти омрачало ея милое лицо, повергая его въ отчаяніе, вызывая въ немъ жестокіе укоры совѣсти. Онъ мысленно сопоставлялъ ея черты съ гнуснымъ обликомъ женщины, забравшейся къ нему вчера вечеромъ, и задавалъ себѣ вопросъ: возможно ли, чтобъ вся жизнь такого кроткаго, добраго, самоотверженнаго существа была принесена въ жертву такой низкой твари!

Обуреваемый этими думами, переполненный ими до того, что ему стало мерещиться, будто бы онѣ распираютъ все его тѣло, доведенный до болѣзненныхъ галлюцинацій, подъ вліяніемъ которыхъ

окружающіе предметы начали принимать въ его глазахъ неестественныя формы и положенія, тогда какъ тусклое сіяніе уличныхъ фонарей окрашивалось багрянцемъ, Стефенъ побрелъ, наконецъ, домой.

XIII. Рэчель.

Тусклый свѣтъ свѣчи мерцалъ въ окнѣ, къ которому нерѣдко приставлялась траурная лѣстница, чтобъ спустить по ней то, что было дороже всего на свѣтѣ для убитой горемъ вдовы съ кучей голодныхъ дѣтей. И подъ этимъ окномъ у Стефена стало еще мрачнѣе на душѣ при мысли, что изъ всѣхъ случайностей земного существованія ни одна не постигаетъ людей съ такимъ лицепріятіемъ, какъ смерть.

Передъ нею ничто — неравенство рожденія. Положимъ, что сегодня ночью въ одно и тоже мгновеніе родился ребенокъ у короля и у простого ткача. Что значило различіе ихъ жребія на ряду со смертью, которая постигаетъ полезное другимъ или безгранично любимое существо и въ тоже время щадитъ никому не нужную постылую женщину?

Угрюмо вступилъ рабочій въ свое жилище, притаивъ дыханіе, замедляя шаги. Онъ поднялся по лѣстницѣ, отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

Тамъ господствовала тишина и спокойствіе. Рэчель сидѣла у кровати.

Она повернула голову, и ея свѣтлый образъ разсѣялъ полночный мракъ въ душѣ Стефена. Дѣвушка сидѣла у кровати, бодрствуя у изголовья его жены и ухаживая за нею. Собственно, онъ только угадывалъ, что тамъ лежитъ его жена; но Рэчель повѣсила пологъ надъ кроватью, чтобъ скрыть ее отъ его глазъ. Отвратительная одежда жены была убрана, а нѣкоторыя вещи Рэчель лежали въ комнатѣ. Все было на своемъ мѣстѣ, все въ порядкѣ, который постоянно соблюдалъ самъ Стефенъ; небольшой огонь былъ недавно разведенъ въ каминѣ, а мѣсто передъ очагомъ тщательно подметено. Ткачу казалось, что онъ видитъ все это по лицу Рэчель, и онъ не спускалъ съ него глазъ. Впрочемъ, оно заволоклось передъ нимъ туманомъ умиленныхъ слезъ, наполнившихъ его глаза; тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ замѣтить раньше, какъ серьезно смотрѣла она на него также сквозь слезы.

Дѣвушка снова повернулась къ постели и, убѣдившись, что тамъ все смирно, заговорила тихимъ, спокойнымъ, веселымъ голосомъ:

— Я такъ рада, что ты пришелъ, наконецъ, Стефенъ. Сегодня ты замѣшкался.

— Я бродилъ взадъ и впередъ по улицамъ.

— Я такъ и думала. Но погода совсѣмъ не годится для прогулки. Льетъ дожь и шумитъ вѣтеръ.

Вѣтеръ? И то правда. Настоящая буря. Въ трубѣ такъ и гудитъ и воетъ! Бродить часами въ такое ненастье и даже не замѣчать, вѣтрено ли на дворѣ!

— Я заходила сюда еще днемъ, Стефенъ! Хозяйка прибѣгала за мною въ обѣденное время, такъ какъ здѣсь оказалась больная, которой нуженъ уходъ. И она хорошо сдѣлала, Стефенъ. Больная лежитъ въ бреду и безпамятствѣ. Вдобавокъ, она избита и изранена.

Ткачъ подошелъ къ стулу, еле передвигая ноги, и сѣлъ противъ Рэчели, поникнувъ головой.

— Я пришла, чтобы помочь, насколько хватитъ моихъ силъ. Пришла, во-первыхъ, потому, что мы когда-то работали съ ней вмѣстѣ въ молодые годы и еще потому что ты полюбилъ ее и женился на ней, когда она была моей подругой...

Онъ приникъ морщинистымъ лбомъ къ своей рукѣ, съ подавленнымъ стономъ.

— И, потомъ, я знаю твое сердце и вполнѣ увѣрена, что ты слишкомъ жалостливъ, чтобъ допустить ее умереть или хотя бы только страдать за недостаткомъ помощи. Ты знаешь, что сказано въ писаній: „Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень". Много нашлось людей, которые дѣлали это. Но ты не способенъ добить ее послѣднимъ камнемъ, Стефенъ, когда она дошла до такого жалкаго положенія.

— О, Рэчель, Рэчель!

— Ты жестоко страдалъ; пусть вознаградитъ тебя небо!—сказала она съ глубокою жалостью. А я навсегда останусь твоимъ убогимъ другомъ всѣмъ моимъ сердцемъ и помышленіемъ.

Раны, о которыхъ говорила дѣвушка, должно быть, покрывали шею добровольной изгнанницы. Рэчель принялась перевязывать ихъ, попрежнему не отдергивая занавѣски. Она намочила полотняную тряпку въ тазу, куда влила какой-то жидкости изъ пузырька, и осторожно приложила компресъ къ больному мѣсту. Трехногій столикъ былъ придвинутъ къ самой кровати, и на немъ стояли двѣ стклянки.

Слѣдя за проворными руками Рэчели, Стефенъ свободно могъ разобрать со своего мѣста надпись крупными буквами на сигнатуркѣ. Онъ вдругъ смертельно поблѣднѣлъ, чувствуя, какъ имъ овладѣваетъ ужасъ.

— Я посижу здѣсь до трехъ часовъ, Стефенъ,—сказала молодая женщина, спокойно опускаясь на прежнее мѣсто.—Компресъ надо перемѣнить ровно въ три, и тогда будетъ можно оставить больную до утра.

— Но тебѣ необходимо отдохнуть; вѣдь, завтра ты должна работать, дорогая.

— Я отлично выспалась вчера и могу не спать нѣсколько ночей подрядъ, если понадобится. Вотъ тебѣ такъ нуженъ отдыхъ, ты блѣденъ и страшно утомленъ. Постарайся заснуть въ креслѣ, пока я здѣсь. Навѣрно, ты не спалъ вчера, а завтра тебя ждетъ работа потруднѣе моей.

Въ эту минуту на дворѣ снова зашумѣла и завыла буря, и ему почудилось, что бѣсъ его недавней злобы носится надъ домомъ, отыскивая лазейку, чтобъ снова овладѣть имъ. Рэчель изгнала злого духа и не впуститъ его; Стефенъ былъ увѣренъ, что она способна защитить его отъ него же самого.

— Больная не узнаетъ меня, Стефенъ,—продолжала дѣвушка,—она только бормочетъ невнятныя слова и смотритъ въ упоръ, не видя ничего. Нѣсколько разъ заговаривала я съ нею, но она ничего не понимаетъ! Пожалуй, это къ лучшему; когда она придетъ въ себя, мое дѣло будетъ уже сдѣлано, и она не догадается ни о чемъ!

— А долго ли, Рэчель, пробудетъ она безъ памяти?

— Докторъ надѣется, что завтрашній день она, пожалуй, придетъ въ себя.

Взглядъ Стефена снова упалъ на пузырекъ, и по его тѣлу прошелъ трепетъ, отъ котораго онъ весь содрогнулся. Рэчель подумала, что онъ простудился на сырости.

— Нѣтъ,—возразилъ ткачъ,—это не отъ того. Я испугался.

— Испугался?

— Да, да; мнѣ было страшно при возвращеніи... страшно, когда я бродилъ по улицамъ. Когда я раздумывалъ. Когда я...

Его опять заколотилъ ознобъ, и Стефенъ поднялся, держась за каминную доску. Рука, которою онъ приглаживалъ свои намокшіе волосы, дрожала, точно парализованная.

— Стефенъ!

Рэчель рванулась къ нему, но онъ протянулъ руку, удерживая ее.

— Нѣтъ! Не надо; прошу тебя, не надо. Оставайся тамъ, гдѣ ты сидѣла, у кровати. Я хочу смотрѣть на тебя, такую добрую, такую милосердную. Я хочу тебя видѣть тамъ, гдѣ увидѣлъ, когда вошелъ сюда. Ничто не можетъ быть лучше этого зрѣлища. Ничто! Ничто! Ничто!

Съ нимъ сдѣлалась сильнѣйшая дрожь, и Стефенъ опустился въ кресло. Немного спустя, онъ овладѣлъ собою и, облокотившись на колѣно, а ладонью подпирая голову, могъ, наконецъ, взглянуть на Рэчель. При тускломъ свѣтѣ свѣчи сквозь слезы, застилавшія глаза, ему мерещилось сіяніе вокругъ ея головы. И онъ былъ готовъ повѣрить, что такъ оно и было. Ему невольно вѣрилось въ это подъ завыванье бури, которая потрясала окно, стучала дверью внизу и носилась надъ домомъ съ жалобнымъ воемъ и стономъ.

— Когда она поправится, Стефенъ, то, пожалуй, оставитъ тебя въ покоѣ и перестанетъ докучать тебѣ. Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться на это. А теперь я замолчу, потому что ты долженъ заснуть.

Онъ закрылъ глаза больше въ угоду ей, чѣмъ ради отдыха своей усталой головѣ; но мало-по-малу, прислушиваясь къ шуму вѣтра, Стефенъ пересталъ его слышать; завыванія бури какъ будто заглушилъ мѣрный стукъ ткацкого станка или громкій людской говоръ, который гудѣлъ въ ушахъ рабочаго цѣлыми днями (въ этомъ гулѣ онъ различалъ и собственный голосъ). Наконецъ, даже это послѣднее слабое сознаніе дѣйствительности исчезло. Онъ забылся долгимъ безпокойнымъ сномъ.

Ему снилось, что онъ въ церкви, гдѣ сочетается бракомъ съ какою-то женщиной, давно любимой имъ. Но то не была Рэчель; и это удивило его даже въ чаду воображаемаго счастья. Во время совершенія обряда, когда онъ узнавалъ среди поѣзжанъ знакомыхъ людей, еще остававшихся въ живыхъ, и другихъ, которые давно умерли, въ церкви вдругъ настала кромѣшная тьма, смѣнившаяся вслѣдъ затѣмъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Свѣтъ лился отъ одной строки скрижалей съ десятью заповѣдями на алтарѣ, и слова этой строки озаряли собою все зданіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ они громко раздавались по церкви, точно огненныя литеры были одарены голосами. Тутъ все окружающее разомъ измѣнилось; все пропало; остался онъ да священникъ. Они стояли подъ открытымъ небомъ, лицомъ къ лицу съ такой огромной толпой народа, что еслибъ собрать всѣхъ людей на свѣтѣ въ одно мѣсто, она и тогда не могла быть многочисленнѣе; и весь этотъ народъ смотрѣлъ на него съ отвращеніемъ; и среди этого милліона глазъ, устремленныхъ на него, онъ не встрѣтилъ ни одного сострадательнаго или привѣтливаго взора. Онъ стоялъ на высокомъ помостѣ подъ своимъ собственнымъ ткацкимъ станкомъ. Однако, поднявъ глаза, чтобъ разглядѣть, какую принялъ форму этотъ станокъ, онъ услыхалъ внятное похоронное чтеніе и понялъ, что приговоренъ къ смерти. Еще минута, и роковой помостъ рухнулъ подъ нимъ, и онъ провалился.

Послѣ того Стефенъ рѣшительно не могъ постичь, какимъ образомъ вернулся онъ опять къ своей обыденной жизни и снова попалъ въ знакомыя мѣста; такъ или иначе, но это случилось. Онъ опять жилъ, но надъ нимъ тяготѣлъ жестокій приговоръ: ему было не суждено больше видѣть лица Рэчели и слышать ея голоса ни въ этой жизни, ни въ будущей, ни во вѣки вѣковъ. Безпрестанно скитаясь съ мѣста на мѣсто безъ малѣйшей надежды впереди, онъ отыскивалъ чего то, самъ не зная, въ чемъ оно заключается (ему было извѣстно только одно, что онъ безвозвратно обреченъ на эти поиски). Невыразимый ужасъ, леденящая боязнь какого-то неумолимаго призрака терзали его. Все, на что ни обращались его взоры, прини-

мало видъ этого страшнаго предмета. Единственной цѣлью такого жалкаго существованія было не допускать, чтобы кто нибудь изъ окружающихъ узналъ этотъ призракъ. Напрасный трудъ! Если онъ выпроваживалъ всѣхъ изъ комнатъ, гдѣ таилось привидѣніе, если запиралъ на ключъ ящики и шкапы, гдѣ оно пряталось, если удалялъ любопытныхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, оно скрывалось, и выгонялъ ихъ на улицы, то даже фабричныя трубы принимали все тотъ же ужасный видъ, а ихъ опоясывало крупными литерами роковое слово.

Но вотъ опять зашумѣлъ вѣтеръ, дождь забарабанилъ по крышамъ, и обширныя пространства, по которымъ скитался Стефенъ, тѣсно сдвинулись вокругъ него, оказавшись четырьмя стѣнами его собственной комнаты. Еслибъ не потухшій огонь въ комнатѣ, онъ подумалъ бы, что только сейчасъ закрылъ глаза. Рэчель, повидимому, дремала въ креслѣ у изголовья больной. По крайней мѣрѣ, она не шевелилась, закутавшись въ теплый платокъ. Столикъ былъ попрежнему придвинутъ къ самой кровати, а на немъ, въ своемъ естественномъ объемѣ и видѣ, стоялъ предметъ, который неотступно преслѣдовалъ Стефена во снѣ и мерещился ему въ каждомъ углу.

Вдругъ пологъ у постели какъ будто колыхнулся. Ткачъ сталъ присматриваться. Дѣйствительно, складки занавѣси шевелились. Вотъ изъ-за нея высунулась рука и стала шарить по столику. Потомъ пологъ заколебался замѣтнѣе; женщина, лежавшая на кровати, отдернула его и сѣла на постели.

Своими страшными глазами, такими блуждающими и дикими, такими пристальными и большими, она обводила комнату, минуя уголъ, гдѣ спалъ хозяинъ въ своемъ креслѣ. Потомъ ея глаза вернулись къ тому углу, и больная заслоняла ихъ рукою отъ свѣта, пока смотрѣла туда. Снова окинула она взоромъ окружающее, точно не замѣчая Рэчели, и опять уставилась въ уголъ. Когда женщина вторично заслонила рукою глаза, скорѣе отыскивая ими Стефена, чѣмъ всматриваясь въ него,—потому что она инстинктивно угадывала близость мужа,—онъ смотрѣлъ на нее и думалъ, что въ этихъ отталкивающихъ чертахъ, заклейменныхъ позоромъ, какъ и въ душѣ его жены, погрязшей въ распутствѣ, не осталось и слѣда той невинной дѣвушки, которая вступила съ нимъ въ супружество по любви восемнадцать лѣтъ назадъ. Еслибъ онъ самъ не былъ свидѣтелемъ ея постепеннаго паденія, то никогда не повѣрилъ бы, что это одно и то-же человѣческое существо.

Все это время Стефенъ не двигался и не имѣлъ силы пошевелиться, словно завороженный какими-то чарами; онъ могъ только наблюдать за нею.

То погружаясь въ сонливое отупѣніе, то несвязно бормоча про себя какой-то вздоръ, она сидѣла нѣкоторое время, облокотившись на согнутыя колѣни и подпирая руками голову. Но вотъ больная

принялась снова озираться и тутъ впервые замѣтила столикъ съ пузырьками.

Она тотчасъ кинула взглядъ въ сторону мужа съ тѣмъ же вызывающимъ видомъ, какъ и вчера, и съ жадностью, но тихо и осторожно протянула руку. Она взяла со столика кружку и сидѣла, съ минуту соображая, который изъ пузырьковъ ей выбрать. Наконецъ, она схватила тотъ изъ нихъ, въ которомъ заключалась быстрая и неизбѣжная смерть, и, на глазахъ мужа, вытащила пробку зубами.

Былъ ли то сонъ или дѣйствительность, но у Стефена пропалъ голосъ, и онъ не могъ пошевелиться. Если это не кошмаръ, и урочный часъ для нея еще не пробилъ, то проснись, Рэчель, проснись! Должно быть, та-же мысль мелькнула и у больной. По крайней мѣрѣ, она посмотрѣла на Рэчель и крайне медленно, крайне осторожно опорожнила стклянку. Питье поднесено къ ея губамъ. Еще мгновеніе, и она погибла безвозвратно, хотя бы проснулся весь свѣтъ и поспѣшилъ къ ней на помощь. Но тутъ Рэчель вскочила съ подавленнымъ крикомъ. Пьяница отбивалась, ударила дѣвушку, схватила ее за волосы; однако Рэчель отняла у нея кружку.

— Все обошлось благополучно, Стефенъ. Я сама уснула. Теперь скоро три. Постой!.. Вотъ бьютъ часы...

Вѣтеръ донесъ въ окно бой часовъ съ сосѣдней колокольни; пробило три. Стефенъ и Рэчель прислушивались къ монотоннымъ ударамъ. Стефенъ взглянулъ на дѣвушку, замѣтилъ ея блѣдность, растрепанные волосы, красныя царапины на лбу и убѣдился, что зрѣніе и слухъ его бодрствовали. Рэчель все еще не выпускала кружку изъ рукъ.

— Я такъ и думала, что теперь около трехъ,—сказала она, спокойно выливая лекарства изъ кружки въ тазикъ и смачивая въ этой жидкости свѣжій компресъ.—Какъ я рада, что осталась! Приложу послѣдній разъ примочку, и готово! Больная опять успокоилась. Остатки лекарства надо вылить изъ тазика: это слишкомъ вредное снадобье, чтобъ оставлять даже такую малость.

Говоря такимъ образомъ, она опорожнила тазикъ въ каминную золу, а пузырекъ разбила о камни очага. Послѣ того ей оставалось только хорошенько закутаться въ свой байковый платокъ передъ тѣмъ, какъ выйдти на улицу, на дождь и вѣтеръ.

— Ты позволишь мнѣ, Рэчель, проводить тебя въ эту позднюю пору?

— Нѣтъ, Стефенъ; вѣдь, тутъ близко.

— А ты не боишься оставить меня съ нею вдвоемъ?—сказалъ онъ шепотомъ, провожая ее до дверей.

Она только взглянула на него и промолвила: „Стефенъ", а онъ опустился передъ ней на колѣни на этой убогой, старой лѣстницѣ и поднесъ край ея теплаго платка къ губамъ.

— Ты ангелъ. Благослови тебя, Господь!

— Я твой другъ, Стефенъ, а больше ничего. Далеко мнѣ до ангеловъ. Между ними и грѣшной труженицей лежитъ цѣлая бездна. Моя маленькая сестренка теперь среди ангеловъ, но она перестала быть человѣкомъ.

При этихъ словахъ Рэчель подняла на минуту глаза, а затѣмъ ея взглядъ снова остановился съ кротостью на его лицѣ.

— Ты преобразила меня, привела отъ зла къ добру. Ты заставляешь меня смиренно желать быть похожимъ на тебя и опасаться быть разлученнымъ съ тобой въ будущей жизни. Благодаря тебѣ, я выхожу чистымъ изъ грязи. Ты ангелъ; ты и не знаешь, что, можетъ быть, спасла отъ гибели мою душу.

Она взглянула на него; онъ попрежнему стоялъ передъ нею на колѣняхъ съ измученнымъ лицомъ, не выпуская изъ рукъ ея платка,—и упрекъ замеръ на губахъ дѣвушки.

— Я пришелъ домой въ отчаяніи, утративъ всякую надежду. Я сходилъ съ ума при мысли, что за одно только слово жалобы съ моей стороны меня сочли какимъ-то бунтовщикомъ. Я сказалъ тебѣ тогда, что испугался. Меня напугалъ пузырекъ съ ядомъ, стоявшій на столѣ. Никогда въ жизни не сдѣлалъ я зла ни одной живой душѣ, но, увидавъ эту стклянку, подумалъ: „могу ли я поручиться, что не сотворю чего нибудь надъ собой, или надъ ней, или надъ нами обоими?“

Съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ, Рэчель прижала обѣ ладони къ его губамъ, чтобъ онъ умолкъ. Своей свободной рукой Стефенъ схватилъ эти руки и, придерживая ихъ, а въ тоже время не выпуская ея платка, поспѣшно продолжалъ:

— Но я увидѣлъ тебя, Рэчель, у кровати. Я видѣлъ тебя тамъ всю ночь. Въ своемъ тревожномъ снѣ я сознавалъ твое присутствіе. Съ этихъ поръ я буду видѣть тебя тамъ всегда. Теперь при каждомъ взглядѣ на жену, при каждой мысли о ней мнѣ будетъ казаться, что твой образъ витаетъ возлѣ нея. Я не стану смотрѣть ни на что, не стану думать ни о чемъ такомъ, что меня раздражаетъ, не вспомнивъ въ тоже время, что ты всегда при мнѣ. Я постараюсь терпѣливо ждать, постараюсь надѣяться, что настанетъ часъ, когда мы уйдемъ съ тобою вмѣстѣ въ дальнюю страну, за глубокую пропасть, въ тотъ лучшій міръ, куда пересилилась твоя маленькая сестра.

Онъ снова поцѣловалъ край ея платка и отпустилъ Рэчель. Она простилась съ нимъ прерывающимся голосомъ и вышла на улицу.

Вѣтеръ дулъ съ той стороны, гдѣ вскорѣ долженъ былъ забрезжить разсвѣтъ, и дулъ попрежнему яростно. Онъ разогналъ облака; дождь пересталъ, или передвинулся дальше, и на небѣ ярко сіяли звѣзды. Стефенъ стоялъ съ непокрытой головой на улицѣ, провожая глазами Рэчель. Въ грубомъ воображеніи этого человѣка между

Рэчелью и будничными событіями его жизни было такое же громадное разстояніе, какъ между сіяніемъ небесныхъ свѣтилъ и тусклымъ свѣтомъ свѣчи въ окнѣ.

XIV. Великій фабрикантъ.

Время двигалось въ Коктоунѣ подобно его машинамъ: переработано столько-то сырыхъ матеріаловъ, израсходовано столько-то топлива, истрачено столько-то силъ, пріобрѣтено столько-то денегъ. Но не столь неподатливое, какъ желѣзо, сталь и мѣдь, время вносило съ собою перемѣны даже въ эту пустыню кирпича и копоти и только оно одно шло въ разрѣзъ съ убійственнымъ однообразіемъ этого города.

— Луиза становится совсѣмъ взрослой дѣвицей,—сказалъ однажды мистеръ Гредграйндъ.

Время продолжало работать, пуская въ ходъ все свое несмѣтное множество лошадиныхъ силъ, не обращая вниманія ни на чьи рѣчи, и понемногу превратило юнаго Томаса въ порядочнаго верзилу, на цѣлый футъ выше, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда отецъ послѣдній разъ обратилъ на него свое особое вниманіе.

— Томасъ становится совсѣмъ взрослымъ юношей,—замѣтилъ Гредграйндъ.

Время продолжало обработывать Томаса на своей фабрикѣ, пока его отецъ размышлялъ на эту тему, и вотъ Томасъ щеголяетъ уже во фракѣ съ длинными фалдами и въ тугонакрахмаленныхъ воротничкахъ.

— Право,—изрекъ мистеръ Гредграйндъ,—Томасу пора поступать къ мистеру Баундерби.

Время, взявшись за него, не прекращало чудесныхъ превращеній. Вотъ Томасъ уже въ банкѣ Баундерби; вотъ онъ поступилъ въ домъ банкира, вотъ ему понадобилось купить свою первую бритву и прилежно упражняться въ разсчетахъ, отъ которыхъ зависѣло благополучіе его собственной персоны.

Все тотъ же великій фабрикантъ, вѣчно заваленный множествомъ работы въ различныхъ степеняхъ готовности, взялъ къ себѣ на фабрику Сэсси и выработалъ изъ нея дѣйствительно прелестную вещицу.

— Боюсь, Джюпъ,—сказалъ однажды мистеръ Гредграйндъ, что тебѣ совершенно безполезно продолжать ученіе въ школѣ.

— Боюсь, что вы правы, сэръ,—отвѣчала Сэсси, присѣдая.

— Не могу скрыть отъ тебя, Джюпъ,—продолжалъ хозяинъ дома, хмуря брови,—что результаты моего опыта съ тобой обманули мои надежды, сильно обманули! Подъ руководствомъ мистера и миссисъ Чоакумчайльдъ ты далеко не усвоила себѣ той суммы положительныхъ знаній, на которую я разсчитывалъ. Ты крайне от-

стала въ изученіи фактовъ. Твои ариѳметическія познанія весьма ограничены. Однимъ словомъ, ты не оказала никакихъ успѣховъ и нисколько не подвинулась впередъ.

— Мнѣ очень жаль, сэръ,—отвѣчала дѣвушка,—но это сущая правда. Между тѣмъ, сэръ, я старалась, не щадя силъ.

— Да,—согласился мистеръ Гредграйндъ;—по-моему, ты очень старалась. Я не могу пожаловаться на твое нерадѣніе.

— Благодарствуйте, сэръ. Мнѣ приходило иногда въ голову... (тутъ Сэсси видимо робѣетъ) не слишкомъ ли я налегала на свои уроки; пожалуй, еслибы я попросила позволенія стараться поменьше, то проку изъ этого...

— Нѣтъ, Джюпъ, нѣтъ,— перебилъ мистеръ Гредграйндъ, качая головой съ самымъ глубокомысленнымъ и необычайно практичнымъ видомъ.—Курсъ, который ты проходила, былъ составленъ по системѣ,— по системѣ,—этимъ все сказано. Остается лишь предположить, что обстоятельства твоей прежней жизни слишкомъ не благопріятствовали развитію твоихъ умственныхъ способностей, и что мы взялись за тебя слишкомъ поздно. Во всякомъ случаѣ, повторяю, ты обманула мои надежды.

— Я бы хотѣла, сэръ, лучше отблагодарить васъ за вашу доброту къ бѣдному покинутому ребенку, не имѣвшему правъ на васъ и ваше покровительство.

— Не плачь, Джюпъ, не плачь,—утѣшалъ ее мистеръ Гредграйндъ.—Я на тебя не жалуюсь. Ты добрая, дѣльная, признательная дѣвушка и... и намъ придется этимъ удовольствоваться.

— Благодарю васъ, сэръ, отъ всей души,—сказала Сэсси, снова присѣдая въ знакъ признательности.

— Ты полезна миссисъ Гредграйндъ... и, нѣкоторымъ образомъ, всей семьѣ, насколько я понялъ изъ словъ миссъ Луизы, да и замѣтилъ самъ. Поэтому я надѣюсь,—заключилъ хозяинъ,—что ты можешь чувствовать себя счастливой при данныхъ условіяхъ.

— Я не желала бы ничего больше, сэръ, еслибъ только...

— Понимаю,—подхватилъ мистеръ Гредграйндъ,—ты опять о своемъ отцѣ. Я знаю отъ миссъ Луизы, что ты все еще хранишь бутылку съ лекарствомъ. Ну чтожъ! Еслибъ ты успѣшнѣе училась и пріобрѣла умѣнье достигать точныхъ результатовъ, ты судила бы правильнѣе объ этомъ предметѣ. Я не скажу ничего больше на этотъ счетъ.

Дѣйствительно, онъ слишкомъ любилъ Сэсси, чтобы питать къ ней презрѣніе; въ противномъ случаѣ онъ презиралъ бы ее, потому что ариѳметическія способности дѣвочки стояли слишкомъ низко въ его мнѣніи. Какъ бы то ни было, но въ немъ укоренилась мысль, что въ Сэсси таится что-то, чего нельзя подвести ни подъ какія таблицы. Ея способность къ опредѣленіямъ могла быть выражена весьма низкой цифрой, ея математическія познанія могли равняться

нулю; тѣмъ не менѣе, мистеръ Гредграйндъ не былъ увѣренъ, что еслибъ ему понадобилось, напримѣръ, вписать ее въ одинъ изъ столбцовъ парламентскаго доклада, то онъ не сталъ бы втупикъ, къ какой категоріи слѣдуетъ ее отнести.

Въ нѣкоторыхъ стадіяхъ своей фабричной работы великій фабрикантъ человѣчества, время, дѣйствуетъ весьма проворно. Юный Томасъ и Сэсси находились теперь, какъ разъ, въ этой стадіи ихъ отдѣлки. Всѣ отмѣченныя здѣсь перемѣны произошли съ ними въ годъ или два, тогда какъ мистеръ Гредграйндъ, казалось, стоялъ все на одной точкѣ и не подвергался никакимъ измѣненіямъ.

Спѣшу оговориться: не измѣнился онъ за однимъ исключеніемъ, не имѣвшимъ, впрочемъ, ничего общаго съ неизбѣжной работой времени. Время втолкнуло его въ другой, маленькій, но шумный и довольно грязный механизмъ, въ отдѣльномъ углу, и превратило въ члена парламента, депутата отъ города Коктоуна. Такимъ образомъ, онъ сталъ однимъ изъ уважаемыхъ членовъ собранія калѣкъ, однимъ изъ почтительныхъ поклонниковъ аптекарскихъ мѣръ и вѣсовъ, однимъ изъ представителей таблицы умноженія, однимъ изъ числа тѣхъ уважаемыхъ джентльменовъ, которые нѣмы, слѣпы, хромы и мертвы во всѣхъ иныхъ вопросахъ. Иначе развѣ стоило бы родиться на свѣтъ, спустя слишкомъ восемнадцать столѣтій послѣ нашего Божественнаго Учителя?

Между тѣмъ, Луиза также не отставала отъ другихъ. Попрежнему спокойная и сдержанная, не измѣнившая старой привычкѣ заглядываться въ сумерки на красныя искры, вылетавшія изъ пламени, чтобъ потухнуть въ золѣ, она почти не привлекала на себя вниманія отца съ того дня, какъ онъ сказалъ: „Луиза становится почти взрослой дѣвушкой“. Мистеру Гредграйнду казалось, будто бы это произошло еще совсѣмъ недавно—чуть ли не вчера—когда онъ замѣтилъ вновь, что его дочь и въ самомъ дѣлѣ стала совсѣмъ большою.

— Да, она вполнѣ сложилась въ женщину,—задумчиво произнесъ отецъ.—Поразительно, какъ летитъ время!

Скоро послѣ того онъ нѣсколько дней подрядъ ходилъ необычайно задумчивымъ, точно его поглощала какая-то мысль. Однажды вечеромъ, когда мистеръ Гредграйндъ собирался изъ дома, Луиза пришла проститься съ нимъ передъ уходомъ, такъ какъ ему предстояло вернуться довольно поздно, и дочь не разсчитывала увидѣть его до завтрашняго утра. Онъ обнялъ ее, посмотрѣлъ на дѣвушку со всей лаской, на какую былъ способенъ, и сказалъ:

— Дорогая Луиза, ты превратилась уже въ женщину.

Она бросила на него быстрый, испытующій взглядъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда ее застали врасплохъ у цирка, и промолвила, потупивъ глаза:

— Да, папа.

— Я долженъ поговорить съ тобою серьезно и съ глазу на глазъ, мой дружокъ,—продолжалъ мистеръ Гредграйндъ.—Приходи ко мнѣ въ кабинетъ по утру послѣ завтрака. Хорошо?

— Хорошо, папа.

— У тебя довольно холодныя руки, Луиза. Пожалуй, тебѣ нездоровится?

— Я совершенно здорова, папа.

— И весела?

Она опять взглянула на него мелькомъ и отвѣчала со своей своеобразной улыбкой:

— Я весела, папа, какъ бываю обыкновенно, или какъ бывала раньше.

— Ну, это хорошо,—замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ.

Онъ поцѣловалъ ее и ушелъ; а Луиза вернулась въ тихую комнату, похожую на залу для стрижки волосъ, и, поддерживая локоть рукою, опять задумчиво смотрѣла на недолговѣчныя искры, которыя такъ быстро превращались въ пепелъ.

— Ты здѣсь, Лу?—спросилъ ее братъ, заглядывая въ двери.

Онъ сдѣлался совсѣмъ свѣтскимъ человѣкомъ, но не слишкомъ-то привлекательнымъ.

— Милый Томъ,—сказала дѣвушка, вставая и обнимая брата,—какъ давно не былъ ты у насъ!

— Меня приглашали во много мѣстъ по вечерамъ, а днемъ старикъ Баундерби держалъ на привязи. Но я всегда заговариваю о тебѣ, когда онъ заходитъ слишкомъ далеко, такъ что, въ сущности, мы ладимъ между собою. Скажи мнѣ, однако, Лу, вотъ о чемъ:—не заводилъ ли отецъ какого нибудь особеннаго разговора съ тобою сегодня или вчера?

— Нѣтъ, Томъ. Но онъ сказалъ мнѣ, что потолкуетъ со мною завтра утромъ.

— Ну вотъ, я такъ и зналъ, — замѣтилъ Томъ; — а извѣстно ли тебѣ, куда онъ сегодня пошелъ? — прибавилъ братъ съ особеннымъ выраженіемъ.

— Нѣтъ.

— Тогда я тебѣ скажу. Онъ отправился къ старику Баундерби. Они держатъ въ банкѣ настоящій совѣтъ. А почему, именно, въ банкѣ? — спросишь ты. Я сейчасъ объясню. Чтобъ быть какъ можно подальше отъ ушей миссисъ Спарситъ, по моему мнѣнію.

Держа руку на плечѣ брата, Луиза попрежнему смотрѣла въ огонь. Томъ заглянулъ ей въ лицо съ непривычнымъ любопытствомъ и, обнявъ сестру за талію, ласково привлекъ къ себѣ.

— Вѣдь, ты очень любишь меня, Лу?

— Очень люблю, Томъ, хотя ты сталъ заглядывать ко мнѣ ужасно рѣдко.

— Такъ слушай, сестра, — подхватилъ Томъ; — твои сло-

ва отвѣчаютъ моимъ мыслямъ. Мы могли бы видѣться между собою гораздо чаще, не такъ ли? Мы могли бы всегда или почти всегда находиться вмѣстѣ, не правда-ли? Какъ было бы славно для меня, еслибъ ты рѣшилась... я знаю, на что, Лу! Для меня это было бы великолѣпно! Прямо превосходно!

Задумчивость сестры совершенно сбивала съ толку пытливое лукавство Тома. Онъ не могъ ничего прочесть у ней на лицѣ. Юноша крѣпче прижалъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку. Она возвратила ему поцѣлуй, не отрывая, однако, глазъ отъ огня.

— Послушай, Лу! Я подумалъ, что съ моей стороны будетъ нелишнее прійти сюда и намекнуть тебѣ на то, что у насъ затѣвается, хотя, если не ошибаюсь, ты сама давно уже догадывалась объ этомъ. Остаться дольше мнѣ нельзя; меня ждутъ кое-кто изъ пріятелей сегодня вечеромъ. Такъ ты не забудешь о томъ. какъ дорогъ я твоему сердцу?

— Нѣтъ, мой дружокъ, не забуду.

— Славная ты дѣвушка, — сказалъ братъ. — Прощай, Лу!

Она ласково простилась съ нимъ и проводила его до крыльца, откуда были видны огни Коктоуна, отъ которыхъ окружающая темнота казалась еще мрачнѣе. Молодая дѣвушка стояла тутъ, пристально всматриваясь въ это отдаленное зарево и прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ брата. Томъ шелъ быстро, точно съ радостью спѣшилъ покинуть Стонъ-Лоджъ. Но когда шумъ его шаговъ совершенно замеръ въ отдаленіи и ничто не нарушало больше ночной тишины, Луиза все еще медлила на крыльцѣ. Какъ раньше въ бѣгломъ пламени своего камина, такъ теперь въ огненной дымкѣ на горизонтѣ она какъ будто искала отгадки мучительнаго вопроса. Можетъ быть, молодой дѣвушкѣ хотѣлось узнать, какого рода ткань примется ткать Сѣдое Время, этотъ искуснѣйшій и древнѣйшій ткачъ, изъ нитей, которыя уже вплетены имъ въ женскую душу. Но — увы! — его ткацкая фабрика — потаенное мѣсто; оно работаетъ неслышно, а его рабочіе нѣмы.

XV. Отецъ и дочь.

Хотя мистеръ Гредграйндъ и не шелъ по стопамъ Синей Бороды, тѣмъ не менѣе кабинетъ его былъ весь синій отъ множества собранныхъ въ немъ синихъ книгъ *). Все, что могли онѣ доказать (а эти книги обыкновенно берутся доказывать, что вамъ угодно), доказывалось ими здѣсь, гдѣ ихъ армія безпрерывно подкрѣплялась наплывомъ новыхъ рекрутъ. Въ этой заколдованной комнатѣ поднимались самые запутанные общественные вопросы, добросовѣстно исчерпывались, сводились къ точнымъ итогамъ

*) Синія книги—доклады, печатающіеся по распоряженію парламента и называемые такъ, благодаря своей синей обложкѣ.

и, наконецъ, разрѣшались. (Если тѣ, которыхъ они касаются, могли это знать!) Представьте себѣ обсерваторію безъ единаго окна и въ ней астронома, который вздумалъ бы привести въ систему весь звѣздный міръ единственно съ помощью пера, чернилъ и бумаги. Такъ точно и мистеръ Гредграйндъ въ *своей* обсерваторіи (какихъ очень много) не имѣлъ нужды останавливать своихъ взоровъ на милліонахъ копошащихся вокругъ него человѣческихъ существъ, но могъ преспокойно рѣшать ихъ судьбы на грифельной доскѣ и отиралъ всѣ ихъ слезы маленькимъ кусочкомъ грязной губки.

Въ эту то обсерваторію — угрюмую комнату съ убійственно статистическими часами, отмѣчавшими каждую истекшую секунду ударомъ, похожимъ на стукъ въ гробовую крышку, — вошла Луиза на другое утро послѣ свиданія съ Томомъ. Одно изъ оконъ въ кабинетѣ было обращено къ Коктоуну, и, когда молодая дѣвушка заняла мѣсто у отцовскаго письменнаго стола, ей были видны оттуда высокія фабричныя трубы и длинныя полосы дыма, неясно выступавшія въ туманной дали.

— Дорогая Луиза,—началъ мистеръ Гредграйндъ,—вчера вечеромъ я далъ тебѣ понять, что ты должна отнестись съ серьезнымъ вниманіемъ къ нашему теперешнему разговору. Ты была такъ хорошо воспитана, и ты дѣлаешь такую честь твоему воспитанію (въ чемъ я признаюсь съ величайшей радостью), что я вполнѣ полагаюсь на твой здравый смыслъ. Ты не поддаешься увлеченіямъ, ты не романтична, ты привыкла смотрѣть на все съ безпристрастной точки зрѣнія, оставаясь на почвѣ разума и разсчета. И я увѣренъ, что именно съ этой точки зрѣніи посмотришь ты на то, что я собираюсь тебѣ сообщить.

Онъ пріостановился, какъ будто желая услышать отъ нея что нибудь, но она молчала.

— Луиза, милая, тебѣ дѣлаютъ предложеніе черезъ меня.

Отецъ опять подождалъ, но безуспѣшно: молодая дѣвушка не вымолвила ни слова. Это такъ удивило его, что онъ мягко повторилъ:

— Брачное предложеніе, мой дружокъ.

На что дочь отвѣчала совершенно хладнокровно:

— Я слышу, папа. Я вникаю въ твои слова, будь увѣренъ.

— Отлично! — сказалъ мистеръ Гредграйндъ, улыбнувшись, тогда какъ минуту назадъ онъ растерялся. Ты даже разсудительнѣе, чѣмъ я ожидалъ, Луиза. Или, пожалуй, ты подготовлена заранѣе къ извѣстію, которое я хочу тебѣ сообщить?

— Не могу этого сказать, пока не узнаю, въ чемъ дѣло. Подготовлена я или не подготовлена, но мнѣ хочется услышать все отъ тебя. Я хочу, чтобъ ты сначала все сказалъ мнѣ.

Странное дѣло, мистеръ Грегграйндъ не былъ такъ спокоенъ

въ тотъ моментъ, какъ его дочь. Онъ взялъ со стола ножикъ для разрѣзыванья бумаги, повертѣлъ его въ рукахъ, положилъ обратно, взялъ опять и даже тутъ ему понадобилось посмотрѣть вдоль лезвія, соображая, какъ приступить къ щекотливому объясненію.

— Твои рѣчи вполнѣ разумны, дорогая Луиза. И, такъ, я взялся сообщить тебѣ, что... ну, однимъ словомъ, мистеръ Баундерби признался мнѣ, что давно слѣдилъ за твоимъ развитіемъ съ особеннымъ интересомъ и удовольствіемъ и давно надѣялся, что наступитъ пора, когда онъ предложитъ тебѣ свою руку. Эта пора, которой онъ ждалъ такъ долго и, безспорно, съ замѣчательнымъ постоянствомъ, наконецъ, наступила. Мистеръ Баундерби просилъ у меня твоей руки и поручилъ мнѣ передать тебѣ его предложеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразить надежду, что ты примешь его благосклонно.

Настало молчаніе. Убійственно-статистическіе часы стучали очень громко. Дымъ поднимался вдали, черный и густой.

— Папа, — вымолвила Луиза, — ты думаешь, что я люблю мистера Баундерби?

Мистеръ Гредграйндъ былъ крайне смущенъ такимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Видишь ли, дитя мое, — отвѣчалъ онъ, — я... право... не рѣшаюсь быть судьею въ этомъ дѣлѣ.

— Папа, — продолжала дѣвушка совершенно тѣмъ же тономъ, — а ты требуешь отъ меня, чтобъ я его любила?

— Нѣтъ, милая Луиза, нѣтъ! Я ровно ничего не требую.

— А требуетъ ли мистеръ Баундерби отъ меня любви? — не унималась дочь.

— Право, моя душечка, очень мудрено отвѣтить на твой вопросъ.

— Мудрено отвѣтить на него: „да“ или „нѣтъ“, папа?

— Разумѣется, дорогая. Дѣло въ томъ... (тутъ требовалось кое-что доказать, и это снова воодушевило Гредграйнда) дѣло въ томъ, что отвѣтъ на твой вопросъ существенно зависитъ отъ смысла, въ какомъ мы употребляемъ это выраженіе. Видишь ли, мистеръ Баундерби не унижаетъ ни тебя, ни себя, разсчитывая на что нибудь сумасбродное, фантастическое или (что одно и то же) сантиментальное. Вѣдь, ты выросла на глазахъ мистера Баундерби; тѣмъ меньше у него причинъ забыть уваженіе къ твоему здравому смыслу, — не говоря уже о его собственномъ, — чтобъ предъявлять тебѣ подобныя требованія. Поэтому, пожалуй, самое выраженіе — я говорю такъ только отъ себя — здѣсь немножко неумѣстно.

— Такъ чѣмъ же посовѣтовалъ бы ты мнѣ замѣнить его, отецъ?

— А вотъ, дорогая Луиза, — отвѣчалъ мистеръ Грэдграйндъ, успѣвшій тѣмъ временемъ совершенно оправиться, я посовѣтовалъ бы тебѣ (разъ ты спрашиваешь моего совѣта) взглянуть на этотъ вопросъ, какъ ты привыкла смотрѣть на все остальное,— просто какъ на осязаемый фактъ. Пускай невѣжда и сумасбродъ запутываетъ подобные предметы глупыми фантазіями и прочими нелѣпостями, вовсе не существующими,—собственно говоря, совсѣмъ несуществующими, — но ты неспособна на такое безразсудство, — можно сказать тебѣ безъ лести. Разсмотримъ же факты, относящіеся къ данному случаю. Тебѣ, — станемъ брать круглыя цифры—тебѣ двадцать лѣтъ; мистеру Баундерби—округлимъ опять число—пятьдесятъ. Въ вашихъ годахъ есть нѣкоторое несоотвѣтствіе, но за то въ вашихъ денежныхъ средствахъ и общественномъ положеніи нѣтъ никакого; напротивъ, въ этомъ отношеніи, вы какъ нельзя болѣе подходите одинъ къ другому. Тутъ возникаетъ вопросъ: можетъ ли это единственное несоотвѣтствіе между вами служить препятствіемъ къ предполагаемому браку? При обсужденіи настоящаго пункта будетъ нелишнее обратиться къ статистикѣ браковъ, поскольку она относится къ даннымъ, собраннымъ въ Англіи и Валлисѣ. Справившись съ цифрами, я нахожу, что большая пропорція брачныхъ союзовъ въ этихъ странахъ заключается между лицами весьма неравнаго возраста, при чемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ (пожалуй, свыше трехъ четвертей) старшею по годамъ изъ сочетавшихся сторонъ оказывается мужъ. И замѣчательно, — какъ доказательство широкаго распространенія этого закона — что среди туземцевъ британскихъ колоній въ Индіи, какъ и въ значительной части Китая, и даже у кламыковъ, цифры, добытыя путешественниками, даютъ подобный же результатъ. Такимъ образомъ, несоотвѣтствіе лѣтъ, упомянутое мною, почти перестаетъ быть несоотвѣтствіемъ и, такъ сказать, какъ бы исчезаетъ.

— Чѣмъ же посовѣтуешь ты мнѣ, отецъ, замѣнить терминъ, который я употребила сейчасъ? То неумѣстное выраженіе?.. спросила Луиза, не выходя изъ своей спокойной сдержанности.

— Луиза, — отвѣчалъ отецъ, по моему, ничего не можетъ быть проще. Строго придерживаясь фактической стороны дѣла, ты задаешь себѣ вопросъ: сватается ли ко мнѣ мистеръ Баундерби? Да, сватается. Единственный затѣмъ оставшійся вопросъ гласитъ: выходить ли мнѣ за него? Я полагаю, ничего не можетъ быть проще этого.

— Выходить ли мнѣ за него? — повторила Луиза съ большою разсудительностью.

— Вотъ, именно. И мнѣ, какъ отцу, весьма пріятно знать, дорогая Луиза, что ты приступаешь къ разсмотрѣнію этого вопро-

са не съ предвзятыми взглядами и обыкновеніями большинства молодыхъ дѣвушекъ.

— Ну, конечно, нѣтъ, отецъ,—подтвердила она.

— Теперь я предоставляю тебѣ рѣшать самой, — сказалъ мистеръ Гредграйндъ. Я изложилъ все дѣло, какъ обыкновенно излагаются дѣла между людьми съ практическимъ умомъ; я всесторонне разобралъ вопросъ о бракѣ, какъ разбирался онъ въ свое время передъ моей женитьбой на твоей матери. Остальное, дорогая Луиза, рѣшай сама.

Съ самаго начала ихъ бесѣды она смотрѣла на отца, не спуская глазъ. Откинувшись на спинку стула, теперь онъ въ свою очередь устремилъ на нее глаза, сидѣвшіе въ глубокихъ впадинахъ. Можетъ быть, отецъ уловилъ въ ней минутное колебаніе, когда она порывалась кинуться ему на грудь, чтобъ излить передъ нимъ свое сердце. Но для того, чтобъ замѣтить это, ему понадобилось бы перескочить однимъ прыжкомъ искусственныя преграды, такъ старательно воздвигнутыя имъ втеченіе многихъ лѣтъ между собою и всѣми тонкостями человѣческаго чувства, которыя будутъ ускользать отъ величайшихъ ухищреній алгебры до той самой минуты, когда трубный гласъ съ небесъ развѣетъ прахомъ и самую алгебру. Но воздвигнутыя преграды были слишкомъ многочисленны и высоки для такого прыжка. Своимъ непроклоннымъ, утилитарнымъ, черствымъ видомъ Гредграйндъ снова ожесточилъ молодую дѣвушку и моментъ сердечнаго порыва промелькнулъ мимо, канулъ въ неизмѣримыя глубины прошедшаго, чтобъ смѣшаться со всѣми потонувшими въ нихъ благопріятными мгновевеніями.

Отведя свои глаза отъ отца, Луиза такъ долго сидѣла молча, устремивъ взглядъ на городъ, виднѣвшійся вдали, что мистеръ Гредграйндъ сказалъ, наконецъ:

— Ужъ не ждешь ли ты совѣта отъ фабричныхъ трубъ Коктоуна, Луиза?

— Тамъ какъ будто ничего нѣтъ, кромѣ лѣниваго скучнаго дыма; между тѣмъ, при наступленіи ночи, изъ нихъ пышетъ пламя, папа! — отвѣчала она, проворно обернувшись.

— Конечно, мнѣ это извѣстно, Луиза. Однако, я не вижу, куда клонится твое замѣчаніе.

И надо отдать ему справедливость, онъ, дѣйствительно, не видѣлъ.

Она пропустила эти слова мимо ушей, слегда махнувъ рукою, и сказала, снова сосредоточивъ все свое вниманіе на отцѣ:

— Я часто думала о томъ, отецъ, что наша жизнь очень коротка.

Предметъ, затронутый Луизой былъ, такъ сказать, однимъ изъ коньковъ мистера Гредграйнда.

— Жизнь коротка, это безспорно, моя дорогая. Тѣмъ не менѣе, доказано, что средняя продолжительность человѣческой жизни за послѣдніе годы замѣтно возросла. Этотъ фактъ положительно подтверждается вычисленіями различныхъ обществъ страхованія жизни и конторъ для выдачи ренты такъ же, какъ и многими другими непогрѣшимыми цифрами.

— Но я говорю о моей собственной жизни, отецъ.

— Да? —сказалъ мистеръ Гредграйндъ. — Мнѣ нѣтъ надобности тебѣ напоминать, Луиза, что и твоя жизнь подвержена общимъ законамъ, какъ всѣ прочія человѣческія жизни въ совокупности.

— Пока я живу мнѣ хотѣлось бы совершить хотя то немногое, что я могу и на что я гожусь. А, вѣдь, это что-же такое?

Мистеръ Гредграйндъ казался озадаченнымъ ея послѣдними словами.

— Какъ, то-есть, что же такое? Что ты хочешь сказать? — спросилъ онъ.

— Мистеръ Баундерби, — продолжала дѣвушка твердо и прямо, не отвѣчая отцу, — предлагаетъ мнѣ свою руку. Вопросъ, который я должна себѣ задать, это — выходить ли мнѣ за него? Вѣдь, такъ, папа, не правда ли? Ты такъ сказалъ мнѣ давеча? Кажется, вѣрно?

— Разумѣется, милая.

— Пусть будетъ такъ. Если мистеръ Баундерби согласенъ жениться на мнѣ при данныхъ условіяхъ, я съ удовольствіемъ принимаю его предложеніе. Скажи ему, папа, если тебѣ будетъ угодно, что таковъ былъ мой отвѣтъ. Повтори его слово въ слово, если не забудешь; потому что я желала бы, чтобы онъ зналъ, что я сказала.

— Ты совершенно права, моя милая. Точность вездѣ и во всемъ — дѣло хорошее, — тономъ одобренія замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ. — Я постараюсь исполнить твое разумное требованіе. Нѣтъ ли у тебя какого нибудь желанія относительно времени свадьбы, дитя мое?

— Никакого, отецъ. Да и зачѣмъ это, что это такое?

Мистеръ Гредграйндъ придвинулъ свой стулъ поближе къ дочери и взялъ ее за руку. Но повтореніе Луизою этихъ странныхъ словъ непріятно отдалось у него въ ушахъ, какъ рѣжущій слухъ диссонансъ. Онъ молча посмотрѣлъ на нее съ минуту и, наконецъ, заговорилъ, не выпуская ея руки:

— Луиза, есть еще одинъ вопросъ, который я не находилъ нужнымъ предложить тебѣ, потому что заключающаяся въ немъ возможность казалась мнѣ слишкомъ невѣроятной. Но, пожалуй, я все таки долженъ его поставить. Къ тебѣ никто не сватался безъ моего вѣдома?

— Папа, — почти презрительно возразила она, — кто же

другой могъ свататься за меня? Кого я видѣла? Гдѣ я бывала? Что пережила своимъ сердцемъ?

— Милая Луиза, — сказалъ на это довольный и успокоенный мистеръ Гредграйндъ, — твои возраженія справедливы. Я только хотѣлъ исполнить свой долгъ.

— Что знаю я, отецъ, — продолжала Лузиа съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ, — по части увлеченій, склонностей, по части любви, завѣтныхъ желаній? Мнѣ совершенно невѣдома та область моей природы, которая могла бы дать пищу подобнымъ легкомысленнымъ чувствамъ. Могла ли я хоть на минуту отрѣшиться въ своемъ прошломъ отъ проблемъ, подлежащихъ демонстрированію, отъ осязаемыхъ фактовъ, которые требовалось усвоить?

При этихъ словахъ она машинально сжала свою руку, какъ будто ощущая въ ней какое-то твердое тѣло, а потомъ медленно разжала, точно высыпая изъ нея прахъ или пепелъ.

— Совершенно вѣрно, моя милая, совершенно вѣрно, — подтвердилъ ея необычайно практическій родитель.

— Развѣ можно обращаться ко мнѣ съ такимъ вопросомъ! — продолжала дѣвушка. — Даже дѣтская любовь, о которой я знаю по наслышкѣ, никогда не согрѣвала моей души своимъ невиннымъ огнемъ. Ты такъ заботливо воспитывалъ меня, что я не имѣла никогда дѣтскаго сердца. Ты велъ меня такъ разумно, что я не имѣла понятія о дѣтскихъ мечтахъ; ты развивалъ меня такъ правильно съ колыбели до настоящаго дня, что я никогда не видѣла ни дѣтской вѣры, ни дѣтскаго страха.

Мистеръ Гредграйндъ былъ тронутъ до глубины души успѣхами своего воспитанія и свидѣтельствомъ дочери о нихъ.

— Дорогая Луиза, — сказалъ онъ, — ты съ избыткомъ вознаградила меня за мои заботы. Поцѣлуй своего отца, милая дѣвочка.

И дочь поцѣловала его. Удержавъ ее въ своихъ объятіяхъ, онъ продолжалъ:

— Теперь я могу признаться тебѣ, мое любимое дитя, что ты осчастливила меня разумнымъ рѣшеніемъ, къ которому пришла. Мистеръ Баундерби весьма замѣчательный человѣкъ; а ничтожное несоотвѣтствіе лѣтъ между вами—если только оно существуетъ— болѣе, чѣмъ уравновѣшивается той дисциплиной, которую пріобрѣлъ твой умъ. Моей всегдашней цѣлью было воспитать тебя такимъ образомъ, чтобъ ты была съ самаго ранняго дѣтства, если можно такъ выразиться, внѣ всякаго возраста. Поцѣлуй меня еще разокъ, Луиза, и пойдемъ поищемъ твою мать.

Отецъ и дочь спустились въ гостиную, гдѣ эта почтенная леди, чуждая всякихъ фанаберій, валялась, по обыкновенію, на кушеткѣ, тогда какъ Сэсси сидѣла возлѣ нея съ рукодѣліемъ. Когда

они вошли, она обнаружила кой-какіе слабые признаки возвращнія къ жизни, и въ слѣдующую минуту эта блѣдная китайская тѣнь приняла сидячее положеніе.

— Миссисъ Гредграйндъ, — сказалъ ея супругъ, ожидавшій съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, когда она воспрянетъ, — позвольте представить вамъ миссисъ Баундерби.

— Такъ, значитъ, дѣло слажено? — подхватила миссисъ Гредграйндъ. — Надѣюсь, что ты будешь пользоваться хорошимъ здоровьемъ, Луиза; потому что если твоя голова начнетъ раскалываться на куски тотчасъ по выходѣ замужъ, какъ было со мною, то участь твоя будетъ незавидная, хотя, безъ сомнѣнія, ты думаешь наоборотъ, какъ и всѣ молодыя дѣвушки. Во всякомъ случаѣ желаю тебѣ счастья, моя дорогая, и надѣюсь, что теперь ты сумѣешь извлечь пользу изъ твоего всесторонняго образованія. Дай мнѣ поцѣловать тебя, Луиза. Только не задѣнь моего праваго плеча, потому что оно у меня ноетъ сегодня весь день. Ну вотъ, теперь,—захныкала миссисъ Гредграйндъ, поправляя свои шали— послѣ трогательной церемоніи, — я буду съ утра до ночи ломать себѣ голову: какъ мнѣ его называть?

— Миссисъ Гредграйндъ, — торжественно промолвилъ супругъ, — что вы хотите этимъ сказать?

— Какъ же мнѣ называть его, мистеръ Гредграйндъ, когда онъ станетъ мужемъ Луизы? Придется же мнѣ дать ему какое нибудь имя. Вѣдь, это невозможно, — продолжала миссисъ Гредграйндъ со смѣшаннымъ чувствомъ учтивости и обиды, — постоянно обращаться къ нему и никакъ его не называть. Я не стану звать его Джозія, потому что терпѣть не могу этого имени. Уменьшительное имя Джо не понравится вамъ самимъ, вы отлично это понимаете. Неужели же мнѣ звать своего зятя „мистеръ?" Никогда этому не бывать, по крайней мѣрѣ, до той поры, когда родные и близкіе станутъ гнушаться мною, какъ несчастной калѣкой. Ну, такъ какъ же мнѣ его называть?

Никто изъ присутствующихъ не могъ дать миссисъ Гредграйндъ никакого совѣта въ этомъ необычайномъ затрудненіи, и почтенная леди осталась при немъ, прибавивъ къ своимъ рѣчамъ еще слѣдующее заявленіе:

— Что же касается твоей свадьбы, Луиза, то я прошу объ одномъ, — и прошу съ сердечнымъ трепетомъ, отзывающимся у меня даже въ подошвахъ, — чтобъ она состоялась, какъ можно скорѣе. Иначе, я знаю, это будетъ одинъ изъ предметовъ, которымъ не предвидится конца.

Когда мистеръ Гредграйндъ представилъ своей женѣ миссисъ Баундерби, Сэсси поспѣшно повернула голову и устремила на Луизу удивленный, сострадательный, печальный и недовѣрчивый

взглядъ. Луиза угадала и почувствовала его, не глядя на молодую дѣвушку. Съ того дня она держала себя холодно, гордо, безстрастно, чуждалась Сэсси,—словомъ, совершенно перемѣнилась къ ней.

XVI. Мужъ и жена.

Первою тревогой мистера Баундерби, когда онъ узналъ объ успѣхѣ своего сватовства, была необходимость сообщить эту новость миссисъ Спарситъ. Онъ рѣшительно не зналъ, какъ взяться за такое дѣло и какого рода послѣдствія повлечетъ за собою подобный шагъ. Покинетъ ли она его домъ, забравъ всѣ свои пожитки, чтобъ поселиться у леди Скаджерсъ, или откажется наотрѣзъ оставить насиженное мѣсто? Расплачется ли, или начнетъ браниться, будетъ ли ныть, или дойметъ его самого? Разобьетъ ли она себѣ сердце или расколотитъ хозяйскія зеркала? Мистеръ Баундерби прямо терялся въ догадкахъ на этотъ счетъ. Такъ или иначе, но объясненіе было неизбѣжно, иного исхода не предвидѣлось. Хозяинъ нѣсколько разъ начиналъ писать ей письмо, но дѣло не клеилось, и онъ рѣшилъ объясниться съ нею словесно.

Вечеромъ, когда надлежало исполнить принятое рѣшеніе, по дорогѣ домой, мистеръ Баундерби зашелъ въ аптекарскій магазинъ и предусмотрительно запасся стклянкой самыхъ крѣпкихъ нюхательныхъ солей.

— Чортъ возьми, — говорилъ онъ про себя, — если ей вздумается хлопнуться въ обморокъ, я, по крайней мѣрѣ, сдеру всю кожу съ ея носа.

Однако, даже принявъ эту предосторожность, мистеръ Баундерби вошелъ къ себѣ въ домъ далеко не съ геройскимъ видомъ и предсталъ передъ предметомъ своихъ опасеній съ трепетомъ провинившейся собаки, которая возвращается прямо изъ кладовой.

— Добрый вечеръ, мистеръ Баундерби.

— Добрый вечеръ, сударыня, добрый вечеръ.

Онъ подвинулъ свое кресло къ огню, а миссисъ Спарситъ отодвинула свое прочь, какъ будто говоря: — это вашъ каминъ, сэръ. Я не спорю. Займите хоть все мѣсто передъ нимъ, если находите нужнымъ.

— Не удаляйтесь къ сѣверному полюсу, сударыня! — сказалъ мистеръ Баундерби.

— Благодарю васъ, сэръ, — отвѣчала экономка и снова подвинула свой стулъ къ огню, но не такъ близко, какъ прежде.

Хозяинъ смотрѣлъ, какъ она прокалывала концами тугихъ, острыхъ ножницъ дырочки на лоскуткѣ батиста для какой-то невѣдомой цѣли. Эта операція въ связи съ ея нависшими бровями и римскимъ носомъ невольно наводила на мысль о ястребѣ, выклевывающемъ глаза у какой нибудь бѣдной маленькой птички.

Экономка такъ углубилась въ свою работу, что прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ она подняла голову. Тутъ мистеръ Баундерби постарался привлечь ея вниманіе безмолвнымъ жестомъ.

— Миссисъ Спарситъ, — началъ онъ, засовывая руки въ карманы и пробуя правой рукой, достаточно ли свободно вынимается пробка изъ флакона съ солями, — мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что вы не только настоящая леди по рожденію и воспитанію, но также и чертовски смышленая женщина.

— Сэръ, — отвѣчала она, — уже не въ первый разъ удостаиваете вы меня такой лестной похвалы.

— Миссисъ Спарситъ, — продолжалъ хозяинъ, — мнѣ предстоитъ удивить васъ.

— Неужели? — подхватила экономка вопросительнымъ тономъ, безъ малѣйшаго слѣда волненія.

Она всегда носила митенки и, отложивъ теперь въ сторону свое рукодѣлье, разглаживала ихъ.

— Я женюсь на дочери мистера Гредграйнда, сударыня.

— Вотъ какъ, — отвѣчала миссисъ Спарситъ. — Надѣюсь, вы будете счастливы, мистеръ Баундерби. О, надѣюсь, что вы будете счастливы, сэръ!

Она вымолвила эти слова тономъ такой снисходительности и состраданія къ своему патрону, что мистеръ Баундерби, гораздо болѣе озадаченный такимъ хладнокровіемъ, чѣмъ еслибы она запустила въ зеркало своимъ рабочимъ ящикомъ или хлопнулась въ обморокъ на коверъ, крѣпко закупорилъ флаконъ въ своемъ карманѣ, думая про себя: „Кто бы могъ угадать заранѣе, что эта бестія приметъ такъ спокойно мою новость?“

— Желаю всѣмъ сердцемъ, сэръ, — продолжала миссисъ Спарситъ тономъ недосягаемаго превосходства, какъ будто въ тотъ моментъ она устанавливала право жалѣть его на вѣчныя времена, — желаю вамъ быть счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Весьма благодаренъ. Надѣюсь, ваше пожеланіе исполнится, — отвѣчалъ мистеръ Баундерби съ нѣкоторой досадой въ голосѣ, который онъ невольно понизилъ, самъ того не замѣчая.

— Надѣетесь, сэръ?—съ величайшей любезностью, подхватила миссисъ Спарситъ.— Ну, конечно, вы должны питать эту надежду.

Со стороны мистера Баундерби послѣдовало очень неловкое молчаніе. Миссисъ Спарситъ прилежно продолжала свою работу, изрѣдка покашливая многозначительнымъ кашлемъ человѣка, сознающаго свою силу и снисходительность.

— Такъ вотъ, сударыня, — началъ опять хозяинъ, — не думаю, чтобъ леди съ вашимъ характеромъ пожелала при настоящихъ условіяхъ оставаться въ этомъ домѣ, хотя вы всегда будете здѣсь желанной гостьей.

— О, Боже мой, конечно, нѣтъ, сэръ; объ этомъ нечего и думать!

Миссисъ Спарситъ покачала головой съ прежнимъ сознанiемъ недосягаемаго превосходства и нѣсколько измѣнила свое покашливанье, кашляя теперь такъ, какъ будто на нее снизошелъ духъ пророчества, который она старается, однако, въ себѣ подавить.

— Тѣмъ не менѣе, сударыня, — продолжалъ мистеръ Баундерби, — у меня въ банкѣ есть помѣщенiе, гдѣ настоящая леди по рожденiю и воспитанiю была бы сущимъ кладомъ въ качествѣ смотрительницы дома. И если теперешнее жалованье...

— Прошу извинить, сэръ, вы были такъ добры, что обѣщали говорить вмѣсто этого слова „ежегодное подношенiе".

— Извольте, сударыня, — ежегодное подношенiе. Итакъ, если вы найдете достаточнымъ ваше ежегодное подношенiе въ томъ же размѣрѣ, то я не вижу съ своей стороны никакой надобности разставаться съ вами.

— Ваше предложенiе достойно васъ, — отвѣчала миссисъ Спарситъ, и если мѣсто, которое я займу въ вашемъ банкѣ, не заставитъ меня спуститься ниже теперешняго по общественной лѣстницѣ...

— Ну, разумѣется, нѣтъ, — подхватилъ мистеръ Баундерби, — иначе, сударыня, я не предложилъ бы его лэди, вращавшейся въ высшемъ обществѣ! Не потому, чтобы я лично цѣнилъ его,— вы понимаете, — но ради васъ самихъ.

— Мистеръ Баундерби, вы весьма деликатны.

— Вы получите отдѣльную квартиру, отопленiе, освѣщенiе и все прочее; у васъ будетъ женщина для услугъ, а также разсыльный въ качествѣ сторожа. Такимъ образомъ, смѣю сказать, вы заживете припѣваючи, — заключилъ патронъ.

— Ни слова болѣе, сэръ, прошу васъ. Сложивъ съ себя мои здѣшнiя обязанности, я не избѣгну необходимости ѣсть трудовой хлѣбъ — она могла бы сказать „сладкое мясо", потому что это нѣжное кушанiе подъ коричневымъ соусомъ составляло ея любимый ужинъ, — и я охотнѣе приму его изъ вашихъ рукъ, чѣмъ отъ всякаго другого. Сэръ, я принимаю ваше предложенiе съ благодарностью и признательна вамъ за ваши прежнiя милости. Надѣюсь, сэръ, — заключила миссисъ Спарситъ съ особеннымъ состраданiемъ въ голосѣ, — надѣюсь искренно, что миссъ Гредграйндъ окажется такой женой, какую вы желаете себѣ сами и заслуживаете.

Съ того дня ничто не могло уже выбить миссисъ Спарситъ изъ занятой ею позицiи. Тщетно мистеръ Баундерби старался задавать тонъ усиленнымъ бахвальствомъ или внезапными вспышками гнѣва; миссисъ Спарситъ твердо рѣшилась относиться къ нему, какъ къ жертвѣ. Она была вѣжлива, любезна, весела, добра;

по чѣмъ вѣжливѣе, любезнѣе, веселѣе и добрѣе держала себя экономка, тѣмъ достойнѣе сожалѣнія былъ онъ самъ — жертва, обреченная на гибель. Она такъ нѣжно жалѣла мистера Баундерби въ его печальной участи, что отъ ея взгляда холодный потъ выступалъ на его красномъ лицѣ.

Между тѣмъ, свадьба была назначена черезъ восемь недѣль, и мистеръ Баундерби каждый вечеръ посѣщалъ Стонъ-Лоджъ въ качествѣ объявленнаго жениха. Любовь его при этихъ посѣщеніяхъ принимала форму браслета и, вообще, отличалась какимъ-то фабричнымъ характеромъ. Шились платья, изготовлялись драгоцѣнности, стряпался свадебный пирогъ, заказывались перчатки, дѣлались распоряженія, составлялся свадебный контрактъ съ обширнымъ подборомъ фактовъ, — все это сватовство было однимъ сплошнымъ фактомъ съ начала до конца. Счастливые часы влюбленныхъ не отмѣчали никакихъ моментовъ безоблачнаго блаженства, о которыхъ любятъ распространяться безразсудные поэты. Маятникъ качался ни быстрѣе, ни тише обыкновеннаго. Убійственные статистическіе часы въ обсерваторіи мистера Гредграйнда попрежнему стукали по головѣ каждую секунду при ея рожденіи и тутъ же хоронили ее со своей обычной аккуратностью.

Наступилъ, наконецъ, день свадьбы, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ дней для тѣхъ, которые внемлютъ лишь голосу разсудка. И когда онъ наступилъ, то въ извѣстной читателю церкви съ торчавшими кверху деревянными ногами вмѣсто колонокъ (весьма популярный архитектурный стиль) сочетались узами брака Джозія Баундерби, коктоунскій эсквайръ, и Луиза, старшая дочь Томаса Гредграйнда, владѣльца Стонъ-Лоджа, члена парламента отъ вышепоименованнаго города. Когда же священный обрядъ былъ совершенъ подобающимъ образомъ, молодые поѣхали завтракать въ вышеупомянутый Стонъ-Лоджъ.

Здѣсь, по случаю счастливаго событія, собралось прогрессивное общество. Оно знало до тонкости, изъ чего приготовлены напитки и блюда, которые подавались за столомъ; были ли то продукты ввоза или вывоза, въ какомъ количествѣ ввозились или вывозились они и на какихъ судахъ, на англійскихъ или на иностранныхъ. Подружки невѣсты, до маленькой Джэнъ Гредграйндъ включительно, съ точки зрѣнія умственнаго развитія были достойными товарками разсчетливыхъ кавалеровъ, и никто изъ этой компаніи не былъ подверженъ сумасбродству.

Послѣ завтрака новобрачный обратился къ гостямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

— Леди и джентльмены, я Джозія Баундерби изъ Коктоуна. Такъ какъ вы сдѣлали намъ честь, — моей женѣ и мнѣ, выпивъ за наше здоровье и счастье, то я считаю долгомъ васъ поблагода-

рить. Всѣ присутствующіе здѣсь хорошо меня знаютъ; знаютъ, кто я и откуда вышелъ, и никто, надѣюсь, не станетъ ожидать рѣчи отъ человѣка, который при видѣ столба, говоритъ: „вотъ это столбъ“, а при видѣ насоса говоритъ „это насосъ“, и котораго никто на свѣтѣ не заставитъ назвать столбъ насосомъ или насосъ столбомъ или то и другое зубочисткой. Если вамъ нужна сегодня рѣчь, то вотъ вамъ мой другъ и тесть Томъ Гредграйндъ, членъ парламента, — мастеръ по этой части. А я въ этомъ не силенъ. Тѣмъ не менѣе, надѣюсь, вы извините меня, если, окинувъ взглядомъ сидящее здѣсь общество, я почувствую приливъ нѣкоторой гордости при мысли, какъ мало могъ я разсчитывать взять за себя замужъ дочь Тома Гредграйнда въ то время, когда бѣгалъ оборванцемъ, уличнымъ мальчишкой, который никогда не умывался иначе, какъ подъ насосомъ, да и то два раза въ мѣсяцъ. Итакъ, надѣюсь, вы извините мнѣ мое чувство; а если вы не согласны, то ваша воля, благо самъ я чувствую себя независимымъ. Съ сегодняшняго дня, какъ я уже упомянулъ и какъ упоминали вы сами, принося намъ поздравленіе, съ сегодняшняго дня я сталъ мужемъ дочери Тома Гредграйнда. Я очень счастливъ этимъ. То было мое давнишнее, завѣтное желаніе. Я слѣдилъ за ея умственнымъ развитіемъ и увѣренъ, что она достойна меня. Въ тоже время — не стану васъ обманывать — я полагаю, что и самъ достоинъ ея. Итакъ, благодарю васъ отъ своего имени и отъ имени жены за ваше доброе расположеніе. Обращаюсь съ своей стороны ко всѣмъ присутствующимъ здѣсь неженатымъ лицамъ съ самымъ лучшимъ пожеланіемъ, какое только могу придумать: желаю каждому холостяку найти такую же славную жену, какъ моя, и надѣюсь, что каждая дѣвица найдетъ себѣ такого же хорошаго мужа, какой достался моей женѣ.

Вскорѣ послѣ этой рѣчи счастливая чета укатила на желѣзную дорогу. Ей предстояло совершить свадебную поѣздку въ Ліонъ; мистеръ Баундерби желалъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ посмотрѣть, какъ вели себя въ тѣхъ мѣстахъ фабричные рабочіе и добивались ли они, чтобъ ихъ кормили золотыми ложками. Спускаясь по лѣстницѣ, въ дорожномъ костюмѣ, новобрачная столкнулась съ Томомъ, который поджидалъ ее, раскраснѣвшись, — пожалуй отъ избытка чувствъ, а не то и отъ вина.

—Какое ты сокровище, Лу, — сестра первый сортъ! — шепнулъ ей на ухо Томъ.

Она прильнула къ нему, какъ слѣдовало бы ей прильнуть въ тотъ день къ кому нибудь иному, болѣе близкому, и въ первый разъ отчасти измѣнила своей спокойной сдержанности.

— Старикъ Баундерби совсѣмъ готовъ, — сказалъ Томъ. — Тебѣ пора. Прощай! Я буду ждать твоего возвращенія. Не правда ли, дорогая Лу, какъ славно все устроилось теперь!

КНИГА ВТОРАЯ.

ЖАТВА.

I. Событія въ банкѣ.

Солнечный день въ разгарѣ лѣта. Такіе дни выдавались иногда и въ Коктоунѣ.

Въ ужасную погоду Коктоунъ казался издали окутаннымъ собственною мглою, какъ бы непроницаемою для солнечныхъ лучей. Вы угадывали только, что въ этой дымкѣ прячется городъ, потому что безъ города нельзя было бы объяснить себѣ присутствія такого вздутаго прыща на лицѣ земли. Пятно сажи и дыма, который вяло ползетъ то въ одну, то въ другую сторону, то гордо тянется къ небесному своду, то угрюмо стелется по землѣ въ зависимости отъ того, поднимется ли или утихнетъ вѣтеръ или только перемѣнитъ свое направленіе; густое безформенное мѣсиво, пронизанное полосами солнечнаго свѣта, не озаряющаго, однако, ничего, кромѣ темныхъ массъ, — Коктоунъ намекалъ о самомъ себѣ издалека, хотя въ немъ нельзя было различить ни единаго зданія.

Но чудо заключалось въ томъ, что этотъ городъ уцѣлѣлъ вообще. Коктоунъ такъ часто погибалъ, что слѣдовало дивиться, какъ могъ онъ выдержать столько потрясеній. Конечно, никогда не существовало такого хрупкаго китайскаго фарфора, какъ тотъ матеріалъ, изъ котораго были слѣплены коктоунскіе фабриканты. При всемъ бережномъ обращеніи съ ними, они разлетались въ дребезги съ такою легкостью, что у васъ невольно возникало подозрѣніе, не были ли они надтреснуты раньше. Они разорялись, когда ихъ заставляли посылать въ школы малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ; они разорялись, когда были назначены инспектора для наблюденія за ихъ производствомъ; они разорялись, когда эти инспектора находили сомнительнымъ ихъ право крошить людей своими машинами. Они окончательно погибали, когда имъ былъ сдѣланъ намекъ, что ихъ фабричныя трубы, пожалуй, не имѣли надобности постоянно дымить безъ всякаго удержа. Кромѣ „золотой ложки“ мистера Баундерби, получившій извѣстность во всемъ

Коктоунѣ, въ немъ держался еще и другой не менѣе популярный вымыселъ. Послѣдній, обыкновенно, принималъ форму угрозы. Когда одинъ изъ коктоунскихъ гражданъ чувствовалъ себя обиженнымъ, т. е. когда его не оставляли въ покоѣ, и ему грозила отвѣтственность за послѣдствія его дѣяній, онъ былъ увѣренъ, что выйдетъ сухъ изъ воды, стоило ему только пригрозить ,что онъ „скорѣе согласенъ выкинуть свою собственность въ Атлантическій океанъ“. Это не разъ пугало до полусмерти министра внутреннихъ дѣлъ.

Впрочемъ, коктоунцы были слишкомъ добрыми патріотами и не только не кидали своего имущества въ Атлантическій океанъ, но, напротивъ, всячески заботились о немъ. Такимъ образомъ, оно оставалось цѣлымъ и невредимымъ, окутанное туманной мглой на горизонтѣ, и благополучно росло и множилось.

На улицахъ города было жарко и пыльно въ тотъ лѣтній день, а солнце сіяло такъ ярко, что пронизывало даже тяжелыя испаренія, нависшія надъ Коктоуномъ, и на него нельзя было пристально смотрѣть даже сквозь туманъ. Кочегары выползали изъ своихъ низкихъ подваловъ на фабричные дворы и усаживались кто на ступенькахъ, кто на бревнахъ или на изгороди, отирая свои закоптѣлыя лица и глядя на кучи угля. Весь городъ словно жарился въ горячемъ маслѣ, удушливый запахъ котораго стоялъ въ воздухѣ.. Паровыя машины лоснились отъ масла; имъ была пропитана одежда рабочихъ, оно сочилось и капало во всѣхъ многочисленныхъ этажахъ фабричныхъ зданій. Атмосфера этихъ заколдованныхъ замковъ напоминала дыханіе самума, и обитатели ихъ, изнемогая отъ жары, вяло бродили среди этой пустыни. Но никакая темпратура не могла ни усилить, ни исцѣлить меланхоліи гигантскихъ слоновъ. Ихъ несносныя головы поднимались и опускались одинаково равномѣрнымъ движеніемъ въ жаркую и холодную, въ мокрую и сухую, въ пасмурную и ясную погоду. Мѣрное раскачиваніе ихъ тѣней на стѣнахъ замѣняло коктоунцу тѣнь шумящихъ лѣсовъ; вмѣсто лѣтняго жужжанія насѣкомыхъ вы могли наслаждаться здѣсь круглый годъ съ утренней зари понедѣльника и до вечера субботы гуломъ поршней и колесъ.

Сонно гудѣли они въ тотъ солнечный день; и пѣшехода, проходившаго мимо гулкихъ фабричныхъ стѣнъ, еще больше кидало въ жаръ и клонило ко сну. Спущенныя маркизы и поливка мостовой нѣсколько прохлаждали главныя улицы и магазины; но фабрики, дворы и переулки жарились, какъ въ огнѣ. Внизу на рѣкѣ, вода которой почернѣла и сгустилась отъ стекавшей въ нее краски, нѣсколько коктоунскихъ мальчиковъ, слонявшихся безъ дѣла — рѣдкое зрѣлище въ тѣхъ мѣстахъ — катались въ ветхомъ челнокѣ, оставлявшемъ за собой тинистый слѣдъ, тогда какъ при каждомъ ударѣ веселъ отъ воды подымалось отвратительное зловоніе. Даже само благодатное солнце было для Коктоуна злѣе жестокаго мороза

и когда, изрѣдка, заглядывало въ его узкіе закоулки, то приносило съ собою скорѣе смерть, чѣмъ жизнь. Такъ даже небесное око причиняетъ вредъ, когда неумѣлыя или нечистыя руки заслоняютъ его отъ тѣхъ, на кого оно хочетъ излить свою благодать.

Миссисъ Спарситъ сидѣла въ своей комнатѣ въ зданіи банка на тѣневой сторонѣ раскаленной солнцемъ улицы. Банкъ былъ уже закрытъ, и въ эту пору дня въ хорошую погоду она, обыкновенно, украшала своимъ благороднымъ присутствіемъ залу засѣданія надъ конторой. Ея собственная гостиная помѣщалась этажемъ выше, и у окна этой комнаты она занимала наблюдательный постъ, чтобъ быть готовой каждое утро встрѣтить мистера Баундерби, когда онъ переходилъ черезъ улицу, соболѣзнующимъ поклономъ, подобающимъ жертвѣ. Онъ былъ женатъ уже цѣлый годъ, и миссисъ Спарситъ ни на минуту не избавляла его отъ своего непоколебимаго состраданія.

Своею внѣшностью банкъ ничуть не нарушалъ благотворнаго однообразія города. То былъ только еще одинъ лишній домъ изъ краснаго кирпича съ черными ставнями снаружи и зелеными жалузи внутри, съ черной входной дверью, къ которой вели двѣ бѣлыхъ ступени, съ мѣдной дощечкой на ней и мѣдной дверной ручкой въ видѣ большой точки. Онъ былъ вдвое больше собственнаго жилища мистера Баундерби, а прочіе дома въ городѣ были вшестеро меньше его; во всемъ же остальномъ это зданіе въ точности соотвѣтствовало общепринятому шаблону.

Миссисъ Спарситъ была убѣждена, что, появляясь по вечерамъ среди пюпитровъ и письменныхъ принадлежностей, она вносила въ контору атмосферу женственной прелести, помимо своего аристократическаго обаянія. Сидя у окна съ вышивкой или вязаньемъ въ рукахъ, почтенная леди самодовольно воображала, что своимъ благороднымъ видомъ она смягчаетъ грубо-дѣловой характеръ этого мѣста. Увѣренная въ интересныхъ свойствахъ собственной особы, она видѣла въ себѣ нѣкоторымъ образомъ благодѣтельную фею банка. Между тѣмъ, горожане, проходившіе взадъ и впередъ мимо окна, были скорѣе склонны считать ее дракономъ, стерегущимъ сокровища этого золотого рудника.

Каковы были эти сокровища, миссисъ Спарситъ знала такъ же мало, какъ и любой изъ прохожихъ. Золотыя и серебряныя монеты, цѣнныя бумаги, тайны, разоблаченіе которыхъ угрожало невѣдомой гибелью невѣдомымъ лицамъ (обыкновенно, впрочемъ, людямъ, которыхъ она не жаловала) таковы были въ ея мысленномъ каталогѣ главныя статьи, собранныхъ здѣсь богатствъ. Что же касается остального, то она знала, что послѣ закрытія банка ей предоставлялось полное господство надъ всею обстановкой конторы, какъ и надъ желѣзной кладовой, запертой тремя замками, къ дверямъ которой каждую ночь прислонялъ изголовье своей складной кровати

сторожъ-разсыльный, убиравшій свой одръ съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ. Кромѣ того, почтенная леди владычествовала надъ нѣкіимъ подвальнымъ помѣщеніемъ, строго огражденнымъ отъ всякихъ посягательствъ внѣшняго міра, и надъ остатками ежедневныхъ текущихъ занятій въ видѣ чернильныхъ пятенъ, испорченныхъ перьевъ, облатокъ, обрывковъ бумаги, до такой степени мелкихъ, что на нихъ ничего нельзя было разобрать, несмотря на ея неоднократныя попытки. Наконецъ, ей же была ввѣрена охрана маленькаго арсенала, состоявшаго изъ тесаковъ и карабиновъ, размѣщенныхъ въ грозномъ порядкѣ надъ каминомъ въ одной изъ комнатъ банка, а равно и почтенной традиціи, нераздѣльной съ дѣловымъ учрежденіемъ, претендующимъ на богатство—въ видѣ ряда пожарныхъ ведеръ—утвари негодной, собственно, ни къ чему, но разсчитанной на тонкое моральное воздѣйствіе на большинство публики, почти равносильное виду золотыхъ слитковъ.

Глухая служанка и сторожъ-разсыльный служили дополненіемъ къ владычеству миссисъ Спарситъ. Глухая служанка слыла богатой; и среди низшаго класса коктоунскаго населенія уже давно шла молва, что ее убьютъ когда нибудь ночью и ограбятъ ея деньги. Находили даже, что это слѣдовало сдѣлать давнымъ-давно и исполненіе пророчества нѣсколько запоздало; тѣмъ не менѣе, глухая служанка оставалась въ живыхъ и продолжала благоденствовать на своемъ тепленькомъ мѣстечкѣ съ такимъ непохвальнымъ упорствомъ, что повергала въ досаду и разочарованіе своихъ недоброжелателей.

Чай миссисъ Спарситъ былъ поставленъ для нея на маленькомъ трехногомъ столикѣ, который она имѣла обыкновеніе послѣ закрытія банка приносить съ собою въ нижній этажъ, гдѣ онъ попадалъ въ общество суроваго, покрытаго клеенкой, длиннаго стола для засѣданій. Разсыльный поставилъ на него чайный подносъ и стукнулъ себя по лбу въ знакъ почтенія къ своей повелительницѣ.

— Благодарствуйте, Битцеръ,—сказала миссисъ Спарситъ.

— Позвольте поблагодарить васъ, сударыня,—отвѣчалъ разсыльный.

То былъ чрезвычайно бѣлобрысый малый; цвѣтъ его волосъ нисколько не потемнѣлъ съ того дня, когда онъ, моргая глазами, дѣлалъ опредѣленіе лошади въ назиданіе дѣвочкѣ нумеръ двадцатый.

— Все-ли заперто, Битцеръ?—спросила миссисъ Спарситъ.— Не слышно ли чего нибудь новенькаго?—продолжала она, наливая себѣ чай.

— Ничего особеннаго, сударыня; ничего не довелось мнѣ услышать. Здѣшній народъ совсѣмъ дрянь, сударыня, но это не ново, къ несчастью.

— Должно быть, затѣваютъ опять что нибудь эти неугомонные негодяи?—полюбопытствовала почтенная леди.

— Мутятъ все по старому, смѣю доложить; составляютъ союзы, общества, обязываются стоять другъ за дружку.

— Это весьма неутѣшительно,—замѣтила миссисъ Спарситъ, придавая своему носу еще больше римскаго величія и еще строже хмуря коріолановскія брови;—весьма неутѣшительно, что фабриканты-хозяева терпятъ подобныя затѣи въ средѣ своихъ рабочихъ.

— Что и говорить, сударыня,—подтвердилъ Битцеръ.

— Сплотившись въ союзъ между собою, имъ слѣдовало бы разъ навсегда рѣшиться не принимать къ себѣ ни одного человѣка, принадлежащаго къ рабочему союзу.

— Они ужъ дѣлали это,—возразилъ Битцеръ,—да ихъ попытка не привела ни къ чему.

— Говоря по правдѣ, я не много смыслю въ этихъ дѣлахъ,—съ достоинствомъ сказала миссисъ Спарситъ,—такъ какъ по волѣ судьбы принадлежу къ совершенно иной сферѣ; да и покойный мистеръ Спарситъ, какъ Паулеръ, также не имѣлъ ничего общаго съ дѣлами подобнаго рода. Я знаю только одно, что рабочій народъ слѣдуетъ обуздать и что давно пора сдѣлать это.

— Точно такъ, сударыня,—поддакнулъ опять Битцеръ съ видомъ величайшаго почтенія къ авторитету миссисъ Спарситъ, какъ мудраго оракула.—Вы попали, можно сказать, въ самую точку.

Такъ какъ то былъ обычный часъ конфиденціальной бесѣды между нимъ и миссисъ Спарситъ, и такъ какъ Битцеръ прочелъ уже въ ея взглядѣ, что она собирается задать ему какой-то вопросъ, то онъ принялся приводить въ порядокъ линейки, чернильницы и прочіе предметы, чтобъ имѣть предлогъ оставаться въ комнатѣ, пока эта леди пила чай, поглядывая въ отворенное окно на улицу.

— Много было дѣла сегодня, Битцеръ?—полюбопытствовала миссисѣ Спарситъ.

— Не особенно много, миледи, посредственно.

У Битцера какъ бы невольно срывалось съ языка слово „миледи“ вмѣсто „сударыня“, точно въ видѣ невольной дани личному достоинству миссисъ Спарситъ и признанія ея правъ на особое почтеніе.

— Конторщики все такъ же надежны, пунктуальны и старательны?—продолжала она, заботливо смахивая незамѣтную крошку хлѣба съ митенки на ея лѣвой рукѣ.

— Да, ни на кого нельзя пожаловаться, сударыня, за обычнымъ исключеніемъ, конечно.

Сторожъ исполнялъ въ банкѣ почтенную обязанность всеобщаго шпіона и доносчика и за эту добровольную услугу получалъ подарокъ къ Рождеству сверхъ положеннаго еженедѣльнаго

жалованья. Изъ Битцера вышелъ весьма разсудительный малый, осторожный и предусмотрительный, обѣщавшій пойти далеко. Умъ его былъ такъ хорошо дисциплинированъ, что онъ не вѣдалъ ни страстей, ни привязанностей. Всѣ его дѣйствія основывались на точномъ и хладнокровномъ разсчетѣ, и не даромъ миссисъ Спарситъ постоянно отзывалась о немъ, какъ о юношѣ самыхъ стойкихъ правилъ. Убѣдившиись послѣ смерти своего отца, что его мать имѣетъ право на безплатный пріютъ въ Коктоунѣ, этотъ превосходный молодой экономистъ, на основаніи своихъ твердыхъ правилъ, такъ усердно настаивалъ на этомъ правѣ, что бѣдная женщина была, наконецъ, пожизненно заключена въ домъ призрѣнія. Правда, Битцеръ выдавалъ своей матери по полуфунту чаю ежегодно, что было съ его стороны слабостью; во-первыхъ, потому, что всякое подаяніе неизбѣжно влечетъ за собою умноженіе нищенства, во-вторыхъ, потому, что единственная вещь, которую онъ долженъ былъ сдѣлать, это купить названный товаръ по самой дешевой цѣнѣ и продать его какъ можно дороже. Не даромъ же философы такъ ясно подтверждаютъ намъ, что таковъ основной принципъ, заключающій въ себѣ всѣ обязанности человѣка—не какую нибудь часть ихъ только, а, именно, всѣ въ совокупности.

— Да, ни на кого нельзя пожаловаться, сударыня, за обычнымъ исключеніемъ, конечно,—повторилъ Битцеръ.

— А-а!—произнесла миссисъ Спарситъ, покачивая головою надъ своей чашкой чая и дѣлая большой глотокъ.

— Я насчетъ мистера Томаса, сударыня. Боюсь, съ нимъ что-то неладно. Не нравятся мнѣ его повадки.

— Битцеръ,—внушительно сказала миссисъ Спарситъ,—должно быть, вы забыли, что говорила я вамъ относительно употребленія именъ.

— Простите, сударыня. Дѣйствительно, вы запрещали употреблять имена. Въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше умалчивать о нихъ.

— Прошу васъ помнить, что я занимаю здѣсь довѣренный постъ,—продолжала почтенная леди со своимъ важнымъ видомъ—Мистеръ Баундерби поставилъ меня тутъ довѣреннымъ лицомъ. Хотя нѣсколько лѣтъ назадъ ни мнѣ, ни мистеру Баундерби не могло придти въ голову, что онъ когда нибудь сдѣлается моимъ патрономъ и станетъ подносить мнѣ ежегодный подарокъ, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время я не могу смотрѣть на него иначе, какъ на своего хозяина. Мистеръ Баундерби всегда признавалъ мое общественное положеніе и знатность моего рода, я не могу на него пожаловаться съ этой стороны. Онъ сдѣлалъ для меня больше, гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать. Въ свою очередь, я хочу быть вѣрна его интересамъ. А я не думаю, не могу думать и не должна думать,—продолжала почтенная леди, пускай

въ ходъ весь свой наличный запасъ чести и нравственности,—что не нарушу своей вѣрности, если допущу, чтобъ подъ этимъ кровомъ назывались имена, которыя, къ несчастью—къ величайшему несчастью,—несомнѣнно, связаны съ его именемъ.

Битцеръ снова коснулся своего лба и еще разъ просилъ извиненія.

— Такъ-то, Битцеръ,—продолжала миссисъ Спарситъ,—говорите „субъектъ", и я васъ выслушаю, но если вы скажете „мистеръ Томасъ", то увольте меня отъ вашихъ разговоровъ.

— За обычнымъ исключеніемъ одного субъекта, сударыня,—поправился Битцеръ, возвращаясь къ своему донесенію.

— А-а!—повторила свое восклицаніе миссисъ Спарситъ, снова качая головой надъ чашкой чая и дѣлая большой глотокъ, какъ будто затѣмъ, чтобы вернуться къ тому мѣсту разговора, гдѣ онъ былъ прерванъ.

— Одинъ субъектъ, сударыня,—сказалъ Битцеръ, — никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ ему слѣдовало быть, съ самаго поступленія въ банкъ. Онъ больше ничего, какъ мотъ и лодырь. Совсѣмъ нестоющій малый, сударыня. Если онъ сытъ и не пропадаетъ съ голоду, такъ потому, что ему бабушка ворожитъ, вотъ что, сударыня!

— А-а!—протянула опять миссисъ Спарситъ съ новымъ меланхолическимъ покачиваніемъ головы.

— Желалъ бы я только одного, сударыня,—продолжалъ Битцеръ,—чтобъ богатая родня не снабжала его средствами для кутежей. Тогда мы, по крайней мѣрѣ, знали бы, изъ чьего кармана идутъ деньги, которыя онъ разбрасываетъ.

— А-а! — вздохнула миссисъ Спарситъ, попрежнему, качая головой.

— Онъ достоинъ жалости, сударыня. То лицо, на которое я сейчасъ намекалъ, внушаетъ сожалѣніе,—пояснилъ разсыльный.

— Вы правы, Битцеръ, — отвѣчала миссисъ Спарситъ; — я всегда сожалѣла о его ослѣпленіи, всегда.

— Что же касается того субъекта, сударыня,—продолжалъ Битцеръ, понизивъ голосъ и подвигаясь ближе къ своей собесѣдницѣ,—то онъ не уступитъ въ своемъ безразсудствѣ всякому рабочему въ здѣшнемъ городѣ. А вы знаете, какой это безразсудный народъ. Кому же и знать это лучше васъ—такой важной леди.

— Хорошо, еслибъ они слѣдовали вашему примѣру, Битцеръ.

— Благодарствуйте, сударыня. Разъ ужъ вы упомянули обо мнѣ, такъ вотъ, что я вамъ скажу. Я ужъ отложилъ кое-что на черный день. Вотъ хоть бы награда къ Рождеству: я никогда не трогаю ее, сударыня. Я не трачу даже всего своего жалованія, хотя оно не велико. Почему бы имъ не дѣлать по моему? Что возможно для одного, то возможно и для другихъ.

Это была опять таки одна изъ коктоунскихъ фикцій. Каждый

тамошній капиталистъ, нажившій шестьдесятъ тысячъ фунтовъ съ шести пенсовъ, искренно дивился, почему каждый изъ шестидесяти тысячъ коктоунскихъ рабочихъ не могъ нажить шестидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ съ шести пенсовъ, и болѣе или менѣе упрекалъ каждаго изъ нихъ за неумѣніе произвести этотъ маленькій фокусъ. То, что я сдѣлалъ, можете сдѣлать и вы. Отчего же вы этого не дѣлаете?

— А что имъ нуженъ отдыхъ отъ работы, сударыня,—сказалъ Битцеръ,—такъ это сущій вздоръ. Вѣдь, вотъ я не нуждаюсь въ отдыхѣ. Я никогда въ немъ не нуждался и никогда не буду въ немъ нуждаться. Я его не люблю. Что же касается ихъ союзовъ и стачекъ, то въ средѣ рабочихъ, навѣрно, много такихъ, которые, еслибъ только захотѣли, то могли бы слѣдить за товарищами и доносить на нихъ, получая за это малую толику отъ времени до времени деньгами или натурой на улучшеніе своего быта. Почему же они не улучшаютъ его, сударыня? Вѣдь, это главная потребность разумнаго существа, и они же сами увѣряютъ, что добиваются этого.

— Дѣйствительно, такъ, судя по ихъ словамъ!—подхватила миссисъ Спарситъ.

— Они надоѣли намъ до тошноты, сударыня, со своими женами и дѣтьми,—говорилъ дальше Битцеръ.—А вотъ взять хоть бы меня: мнѣ не нужно ни жены, ни семейства; отчего же они не могутъ обойтись безъ этого?

— Отъ того, что непредусмотрительны, — отвѣчала миссисъ Спарситъ.

— Точно такъ, сударыня,—подтвердилъ Битцеръ.—Будь они предусмотрительнѣй да распутничай поменьше, какъ бы они поступили? Они сказали бы тогда: одна голова не бѣдна, одинъ ротъ всегда сытъ и его-то, именно, мнѣ пріятнѣе всего кормить.

— Совершенно вѣрно,—согласилась миссисъ Спарситъ, закусывая чайнымъ печеніемъ.

— Покорнѣйше благодарю, сударыня,—сказалъ Битцеръ, снова стукая себя въ лобъ въ знакъ того, что онъ признателенъ миссисъ Спарситъ за ея назидательную бесѣду.—Не прикажете ли еще кипяточку, сударыня, или, можетъ быть, принести вамъ чего нибудь другого?

— Пока ничего, Битцеръ.

— Покорнѣйше благодарю, сударыня. Не хотѣлось бы мнѣ безпокоить васъ за ѣдой, особенно за чаемъ, который вы такъ любите,—снова началъ разсыльный, вытягивая шею, чтобъ заглянуть на улицу со своего мѣста;—но вотъ ужъ минута или двѣ какъ одинъ джентльменъ смотритъ на ваше окно; вотъ онъ перешелъ черезъ улицу, точно хочетъ постучаться. Такъ и есть: это его стукъ, несомнѣнно!

Тутъ Битцеръ подошелъ къ окну и, высунувшись на минутку на улицу, поспѣшилъ подтвердить свою догадку.

— Онъ самый, сударыня. Прикажете принять?

— Право, не знаю, кто бы это могъ быть,—промолвила миссисъ Спарситъ, утирая губы и натягивая митенки.

— Сейчасъ видно, что не здѣшній, сударыня.

— Что можетъ понадобиться въ банкѣ чужому человѣку въ такую позднюю пору? Должно быть, онъ пришелъ по дѣлу, но опоздалъ,—продолжала леди.—Во всякомъ случаѣ, я здѣсь довѣренное лицо отъ мистера Баундерби и никогда не уклонюсь отъ своей обязанности. Итакъ, если моя обязанность требуетъ, чтобъ я не отказывала ему въ пріемѣ, я его приму. Дѣлайте, какъ знаете, Битцеръ.

Тутъ посѣтитель, въ полномъ невѣдѣніи великодушныхъ словъ миссъ Спарситъ, повторилъ свой стукъ такъ громко, что разсыльный бросился опрометью отворять ему. Тѣмъ временемъ миссисъ Спарситъ предусмотрительно спрятала въ буфетъ свой столикъ со всѣми чайными принадлежностями на немъ, а сама побѣжала наверхъ, чтобъ появиться, въ случаѣ надобности, съ большимъ достоинствомъ.

— Осмѣлюсь доложить, сударыня, тотъ джентльменъ желалъ бы васъ повидать,—сказалъ Битцеръ, приставивъ свой бѣлесоватый лѣвый глазъ къ замочной скважинѣ въ дверяхъ миссисъ Спарситъ.

Тогда почтенная леди, успѣвшая тѣмъ временемъ поправить свою наколку, снова перенесла свой классическій образъ въ нижній этажъ и вступила въ залу засѣданій съ внушительнымъ видомъ римской матроны, вышедшей за городскія стѣны для переговоровъ съ непріятельскимъ вождемъ.

Къ сожалѣнію этотъ эффектный выходъ пропалъ совершенно даромъ, потому что посѣтитель въ ожиданіи миссисъ Спарситъ приблизился къ окну и беззаботно посматривалъ на улицу. Онъ стоялъ спиной къ дверямъ, насвистывая про себя и не снимая шляпы, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и съ видомъ какого то изнеможенія частью отъ жары, частью отъ избытка аристократизма. Съ перваго взгляда было замѣтно, что это джентльменъ съ головы до ногъ, джентльменъ современнаго образца, пресыщенный всѣмъ на свѣтѣ и во всемъ извѣрившійся не хуже Люцифера.

— Если не ошибаюсь, сэръ, вы желали меня видѣть?—спросила вошедшая миссисъ Спарситъ.

— Виноватъ,—отвѣтилъ незнакомецъ, оборачиваясь и снимая шляпу.—Прошу меня извинить.

— Гм!—подумала миссисъ Спарситъ, отвѣчая важнымъ кивкомъ на поклонъ незнакомца. Тридцать пять лѣтъ, пріятная наружность, статная фигура, отличные зубы, звучный голосъ, бла-

говоспитанность, прекрасный костюмъ, темные волосы, смѣлые глаза.

Все это миссисъ Спарситъ схватила на лету, чисто по-женски,—на подобіе того султана, которому стоило окунуть голову въ ведро съ водою, чтобъ въ ту же минуту узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

— Прошу садиться, сэръ,—сказала почтенная лэди.

— Благодарю. Позвольте... (Посѣтитель подвинулъ стулъ для миссисъ Спарситъ, но самъ остался стоять, небрежно прислонившись къ столу). Я оставилъ своего лакея получать багажъ на вокзалѣ,—огромный поѣздъ и пропасть поклажи,—а самъ побрелъ наудачу, чтобъ осмотрѣться немного. Престранный городъ! Позвольте спросить васъ, неужели здѣсь *всегда* такая копоть?

— Обыкновенно еще хуже,—отвѣчала миссисъ Спарситъ безъ всякихъ обиняковъ, по своей привычкѣ.

— Возможно ли это! Извините, пожалуйста: вѣдь, вы нездѣшняя уроженка, судя по всему?

— Нѣтъ, сэръ. Мнѣ было суждено—къ счастью, или къ несчастью—вращаться въ совершенно иной сферѣ до моего вдовства. Покойный мужъ мой былъ Паулеръ.

— Прошу прощенья: я васъ не понялъ, честное слово!—воскликнулъ незнакомецъ. Онъ былъ...?

— Паулеръ,—повторила миссисъ Спарситъ.

— Изъ фамиліи Паулеровъ,—сказалъ молодой человѣкъ послѣ нѣкотораго размышленія.

Миссисъ Спарситъ утвердительно кивнула головой.

Посѣтитель сталъ обнаруживать признаки возростающей усталости.

— Вы, должно быть, пропадаете тутъ со скуки?—было единственное заключеніе, выведенное имъ изъ полученныхъ генеалогическихъ свѣдѣній.

— Я раба обстоятельствъ, сэръ,—отвѣчала почтенная лэди —и давно подчинилась своему жребію.

— Весьма философски,—замѣтилъ незнакомецъ,—и весьма достойно подражанія, и похвально, и...

Ему какъ будто показалось нестоющимъ заканчивать свою фразу, и онъ принялся играть своей цѣпочкой съ видомъ скуки.

— Смѣю, спросить, сэръ,—заговорила тогда миссисъ Спарситъ,—чему обязана я честью...

— Разумѣется! — подхватилъ незнакомецъ. Весьма благодаренъ, что вы напомнили. У меня рекомендательное письмо къ мистеру Баундерби, банкиру. Прогуливаясь по этому необычайному черному городу, пока мнѣ готовили въ гостинницѣ обѣдъ, я спросилъ у одного встрѣчнаго—должно быть, фабричнаго рабочаго, ко-

торый словно принялъ душъ изъ чего то пушистаго,—что было, надо думать, сырымъ матеріаломъ..

Миссисъ Спарситъ подтвердила его догадку кивкомъ головы.

— Вотъ, я спросилъ у него, гдѣ живетъ мистеръ Баундерби, банкиръ. Это слово, пожалуй, сбило его съ толку, потому что онъ направилъ меня сюда, къ банку. Между тѣмъ, какъ видно, мистеръ Баундерби не живетъ въ этомъ зданіи, гдѣ я имѣю честь объясняться съ вами?

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчала миссисъ Спарситъ, онъ тутъ не живетъ.

— Благодарю васъ. У меня не было намѣренія передавать ему свое письмо въ данный моментъ да и теперь я не собираюсь дѣлать этого. Но бредя къ банку, чтобъ убить время, я имѣлъ счастье увидѣть въ окно (тутъ онъ вяло указалъ рукою на окно, послѣ чего поклонился миссисъ Спарситъ) особу весьма благородной и пріятной наружности, и у меня тотчасъ мелькнула мысль, что будетъ лучше всего взять смѣлость освѣдомиться у ней, гдѣ живетъ банкиръ мистеръ Баундерби. Такъ я и поступилъ, въ чемъ приношу подобающія извиненія.

Небрежную и разсѣянную манеру незнакомца вполнѣ искупала въ глазахъ миссисъ Спарситъ та непринужденная любезность, съ которою онъ воздавалъ ей дань почтенія. Такъ и теперь, напримѣръ, почти сидя на столѣ и лѣниво наклоняясь въ ея сторону, онъ какъ будто хотѣлъ показать, что его влечетъ къ ней скрытое обаяніе ея личности.

— Банки, я знаю, всегда подозрительны и они должны быть такими по своему оффиціальному характеру,—продолжалъ посѣтитель. (Его легкая и гладкая рѣчь также нравилась невольно, заставляя предполагать въ его словахъ гораздо больше глубокомыслія и остроумія, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ,—въ чемъ, можетъ быть и заключался тонкій умыселъ основателя этой многочисленной секты, кто бы ни былъ тотъ великій человѣкъ).—Поэтому, пожалуй, будетъ нелишнимъ замѣтить, что мое письмо — вотъ оно—написано депутатомъ вашего города—Гредграйндомъ—съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Лондонѣ.

Миссисъ Спарситъ узнала почеркъ, заявила, что такое доказательство совершенно излишне, и дала адресъ мистера Баундерби со всѣми нужными поясненіями и указаніями.

— Премного благодаренъ,—сказалъ посѣтитель.—Вы, конечно, коротко знаете банкира?

— Да, сэръ,—отвѣчала миссисъ Спарситъ. Въ моемъ подчиненномъ положеніи я состою у него уже десять лѣтъ.

— Цѣлая вѣчность! Вѣдь, если не ошибаюсь, онъ женился па дочери Гредграйнда?

— Да, промолвила, бывшая экономка, внезапно поджимая губы,—онъ имѣлъ эту... честь.

— Его супруга слыветъ настоящимъ философомъ?

— Вотъ какъ, сэръ!—подхватила миссисъ Спарситъ. Неужели?

— Простите мое дерзкое любопытство, — продолжалъ пріѣзжій заискивающимъ тономъ, скользнувъ глазами по нахмуреннымъ бровямъ почтенный лэди,—но вы знаете эту семью и знаете свѣтъ. Мнѣ предстоитъ познакомиться съ этими людьми и, пожалуй, сблизиться съ ними. Неужели миссисъ Баундерби такая страшная особа? Отецъ такъ много толкуетъ о твердости ея ума, что я горю нетерпѣніемъ убѣдиться въ этомъ лично. Правда ли, что она, безусловно неприступна? Правда ли, будто бы она потрясающе умна? По вашей выразительной усмѣшкѣ я заключаю, что все это выдумки. Вы пролили бальзамъ въ мою встревоженную душу. Ну, а теперь насчетъ возраста: ей будетъ лѣтъ сорокъ? Ну, тридцать пять?

Миссисъ Спарситъ расхохоталась.

— Дѣвчонка!—подхватила она. Ей не было и двадцати, когда она выходила замужъ.

— Клянусь честью, миссисъ Паулеръ,—воскликнулъ незнакомецъ, отдѣляясь отъ стола, никогда еще въ жизни не былъ я такъ удивленъ!

Въ самомъ дѣлѣ, слова экономки, повидимому, подѣйствовали даже на этого невпечатлительнаго человѣка. Добрыхъ четверть минуты смотрѣлъ онъ на нее во всѣ глаза и, казалось, не могъ надивиться.

— Увѣряю васъ, миссисъ Паулеръ,—сказалъ, наконецъ, посѣтитель съ видомъ полнѣйшаго изнеможенія, отзывы о ней отца подготовили меня къ тому, что въ лицѣ миссисъ Баундерби я встрѣчу воплощеніе угрюмой и окаменѣлой зрѣлости. Премного обязанъ вамъ, что вы соблаговолили вывести меня изъ такого нелѣпаго заблужденія! Прошу васъ извинить мое безцеремонное вторженіе. Еще разъ благодарю. Мое почтеніе!

Онъ откланялся и ушелъ, а миссисъ Спарситъ, притаившись за драпировкой окна, слѣдила за нимъ глазами, пока пріѣзжій щеголь лѣниво плелся по тротуару въ тѣни, возбуждая любопытство всего города.

— Что думаете вы объ этомъ джентльменѣ, Битцеръ? — спросила она разсыльнаго, когда тотъ пришелъ убрать со стола.

— Должно быть, тратитъ большія деньги на свою одежду, сударыня.

— Надо сознаться, что костюмъ на немъ отличается большимъ вкусомъ, — сказала миссисъ Спарситъ.

— Да, сударыня, — подтвердилъ слуга; но стоитъ ли бросать на это деньги? Кромѣ того, сударыня, — продолжалъ Битцеръ, полируя тряпкою столъ, — мнѣ сдается, будто бы онъ игрокъ.

— Игра вещь безнравственная, — замѣтила миссисъ Спарситъ.

— И глупая, сударыня, — подхватилъ Битцеръ, потому что шансы всегда противъ играющихъ и на сторонѣ банкомета.

Томительная ли жара мѣшала миссисъ Спарситъ работать, или у ней не было охоты къ занятію, только въ тотъ вечеръ она не принималась за рукодѣлье. Они сидѣла подъ окномъ, когда солнце стало опускаться за туманную мглу фабричнаго дыма; она сидѣла на томъ же мѣстѣ, когда дымъ запылалъ багрянцемъ, когда яркія краски на немъ потускнѣли, а темнота какъ будто поползла изъ земли, поднимаясь все выше, выше, — до кровель домовъ, до церковной колокольни, до верху фабричныхъ трубъ, до самаго неба. Не зажигая свѣчи, сидѣла миссисъ Спарситъ подъ окномъ, сложивъ руки на колѣняхъ, какъ бы не замѣчая вечернихъ звуковъ: гиканья мальчишекъ, лая собакъ, громыханья колесъ, шаговъ и говора прохожихъ, рѣзкихъ уличныхъ криковъ, шлепанья деревянныхъ башмаковъ по тротуару, когда фабричный людъ расходился по домамъ, хлопанья запираемыхъ ставенъ въ лавкахъ. Миссисъ Спарситъ очнулась отъ своей глубокой задумчивости лишь съ приходомъ Битцера, когда онъ пришелъ доложить, что готовъ ея неизмѣнный ужинъ изъ телячьяго сладкаго мяса. Тутъ, наконецъ, она встала и перенесла въ верхній этажъ свои густыя черныя брови, которыя до того взъерошились во время долгаго раздумья, что, казалось, требовали утюга, чтобъ ихъ выгладить.

— Дуракъ ты эдакій! — промолвила почтенная лэди, оставшись одна за своимъ ужиномъ. Она не сказала, къ кому относился столь нелестный эпитетъ, но едва ли подразумѣвала здѣсь теленка.

II. Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ.

Партія Гредграйнда нуждалась въ поддержкѣ для окончательнаго укрѣпленія владычества фактовъ. Она усердно вербовала себѣ сторонниковъ, а гдѣ же было можно успѣшнѣе находить ихъ, какъ не между изящными джентльменами, которые, убѣдившись въ ничтожествѣ всего на свѣтѣ, были одинаково готовы на все?

Вдобавокъ, эти здравые умы, достигшіе такой блистательной высоты безразличія, влекли къ себѣ многихъ изъ гредграйндовскаго толка. Послѣдователи Томаса Гредграйнда питали слабость къ изящнымъ джентльменамъ; хотя они увѣряли въ противномъ, но втихомолку преклонялись передъ ними. Они лѣзли изъ кожи въ своемъ стараніи подражать имъ, также говорили нараспѣвъ, какъ аристократы, и съ такимъ же разслабленнымъ видомъ раздавали заплесневѣлыя крохи политической экономіи въ видѣ угощенія своимъ послѣдователямъ. Никогда не было видано на свѣтѣ такой диковинной помѣси человѣческой породы.

Среди изящныхъ джентльменовъ, не принадлежавшихъ, строго говоря, къ гредграйндовскому толку, былъ одинъ—хорошей фамиліи, красивой наружности, счастливо одаренный юмористической жилкой. Этотъ юморъ оказалъ ему большую услугу, когда онъ выступилъ однажды въ Палатѣ Общинъ, чтобъ изложить свое мнѣніе (а также мнѣніе администраціи) объ одной желѣзнодорожной катастрофѣ. При ней, не смотря на безупречный составъ самыхъ добросовѣстныхъ служащихъ на жалованьѣ у самыхъ щедрыхъ директоровъ, какіе только существуютъ, не смотря на самыя лучшія механическія приспособленія, когда либо изобрѣтенныя техниками, (несчастье произошло на превосходнѣйшей въ свѣтѣ желѣзнодорожной линіи), было убито пять человѣкъ, а тридцать два ранено по непредвидѣнной случайности, безъ которой превосходство принятой здѣсь системы положительно было бы неполно. Среди убитыхъ оказалась между прочимъ корова, а среди найденныхъ и никѣмъ не востребованныхъ вещей—вдовій чепецъ. И почтенный депутатъ до того насмѣшилъ всю палату (которая отличается тонкимъ пониманіемъ юмора), увѣнчавъ этимъ чепцомъ коровью голову, что она не захотѣла серьезно вникнуть въ протоколъ судебнаго слѣдствія и оправдала правленіе желѣзной дороги подъ громкіе клики одобренія и раскаты хохота.

У этого то джентльмена былъ младшій братъ еще болѣе красивой наружности. Онъ началъ свою житейскую карьеру драгунскимъ корнетомъ; однако военная служба показалась скоро ему несносной. Оставивъ полкъ, молодой человѣкъ пристроился къ одному англійскому посланнику заграницей, но и должность при посольствѣ надоѣла этому баловню судьбы; тогда онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ, гдѣ опять соскучился; сталъ путешествовать по бѣлу свѣту на собственной яхтѣ, но нестерпимая скука преслѣдовала его повсюду. И вотъ къ этому вѣчно скучающему субъекту обратился однажды тотъ почтенный членъ палаты общинъ, веселый шутникъ, съ такимъ братскимъ совѣтомъ:

— Джимъ, ты можешь начать карьеру государственнаго человѣка, примкнувъ къ людямъ положительнаго факта, а имъ нужны единомышленники. Отчего бы тебѣ не удариться въ статистику?

Джимъ, увлеченный прежде всего новизною идеи и томимый жаждой перемѣны, былъ не прочь „удариться“ въ статистику, какъ и во все другое. Онъ такъ и сдѣлалъ: нагрузился наскоро содержаніемъ одной или двухъ синихъ книгъ, а затѣмъ предусмотрительный братъ похвастался его познаніями среди сторонниковъ положительнаго факта и сказалъ:

— Если вамъ нужно пристроить куда нибудь къ мѣстечку красиваго молодца, который сумѣлъ бы при случаѣ сказать чертовски славную рѣчь, то обратите вниманіе на моего брата Джима: онъ именно таковъ, какой вамъ требуется.

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ на публичныхъ собраніяхъ мистеръ Гредграйндъ заодно съ совѣтомъ политическихъ мудрецовъ одобрилъ Джима, и было рѣшено отправить его въ Коктоунъ, чтобъ онъ могъ пріобрѣсти популярность въ самомъ городѣ и въ окружающей его мѣстности. Такова исторія письма, которое Джимъ показывалъ наканунѣ вечеромъ миссисъ Спарситъ и которое попало теперь въ руки мистера Баундерби. Оно было адресовано: „Джозіи Баундерби, эсквайру, банкиру, Коктоунъ", и гласило: „особенно рекомендую Джемса Гартхауза, эсквайра. Томасъ Гредграйндъ".

Часъ спустя послѣ полученія этого посланія вмѣстѣ съ карточкой мистера Джемса Гартхауза, мистеръ Баундерби надѣлъ шляпу и отправился въ гостинницу. Здѣсь онъ нашелъ мистера Гартхауза смотрящимъ изъ окна въ такомъ безнадежномъ состояніи духа, что онъ былъ почти готовъ „удариться" во что нибудь другое.

— Мое имя, сэръ,—сказалъ посѣтитель—Джозія Баундерби изъ Коктоуна.

Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ былъ весьма радъ (о чемъ никакъ нельзя было заключить по его виду) имѣть удовольствіе познакомиться съ нимъ, чего онъ давно желалъ.

— Коктоунъ, сэръ,—замѣтилъ Баундерби, безцеремонно подвигая себѣ стулъ,—не такое мѣсто, къ какимъ вы привыкли. Поэтому, если вы позволите мнѣ,—впрочемъ это все равно, позволите вы, или не позволите,—такъ какъ я человѣкъ прямой, то я разскажу вамъ кое что о немъ, прежде чѣмъ мы перейдемъ съ вами къ дальнѣйшему.

Мистеръ Гартхаузъ увѣрялъ, что будетъ въ восторгѣ.

— Ну, не ручайтесь заранѣе,—предупредилъ Баундерби.—Я не обѣщаю вамъ этого. Прежде всего вы видите нашъ дымъ. Для насъ это пища и питье. Ничего нѣтъ здоровѣе на свѣтѣ, въ особенности для легкихъ. Если вы принадлежите къ числу тѣхъ, которые требуютъ, чтобъ мы сжигали его, то мы съ вами не сойдемся. Мы не станемъ портить дно нашихъ паровыхъ котловъ быстрѣе, чѣмъ оно портится теперь, какъ бы ни надрывались сантиментальные лицемѣры въ Великобританіи и Ирландіи.

Чтобы „удариться" въ новое дѣло разомъ со всей силой, пріѣзжій возразилъ на это:

— Повѣрьте, мистеръ Баундерби, что я вполнѣ и безусловно раздѣляю ваши взгляды. По личному убѣжденію.

— Весьма радъ слышать,—отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ вы, конечно, наслушались всякой всячины о работѣ на нашихъ фабрикахъ. Вѣдь, такъ? Ну отлично. Я изложу вамъ дѣло, какъ оно есть. Работа у насъ, что ни на есть самая пріятная, самая легкая и самая прибыльная. Болѣе того: устройство нашихъ фабрикъ такъ превосходно, что здѣсь нельзя идти далѣе по части улучшеній; развѣ

только устлать полы турецкими коврами, чего мы, конечно, не затѣваемъ.

— Вы правы вполнѣ, мистеръ Баундерби.

— Наконецъ, на счетъ рабочихъ рукъ, — продолжалъ банкиръ.—Нѣтъ ни единаго рабочаго въ этомъ городѣ, сэръ, будь онъ мужчина, женщина или подростокъ, который не поставилъ бы себѣ конечной цѣлью въ жизни питаться черепаховымъ супомъ съ золотой ложки и лакомой дичью. Но ни одному изъ нихъ не увидать этого, какъ своихъ ушей. Вотъ я и познакомилъ васъ съ нашими мѣстами.

Мистеръ Гартхаузъ увѣрялъ, что почерпнулъ весьма много интереснаго и поучительнаго въ этомъ сжатомъ изложеніи всего коктоунскаго вопроса.

— Видите ли,—замѣтилъ мистеръ Баундерби,—я всегда люблю столковаться досконально съ человѣкомъ, въ особенности же съ общественнымъ дѣятелемъ, при первомъ знакомствѣ; мнѣ остается прибавить лишь одно, прежде чѣмъ увѣрить васъ, что я съ величайшимъ удовольствіемъ, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, исполню желаніе моего друга Тома Гредграйнда, выраженное въ его рекомендательномъ письмѣ. Вы человѣкъ хорошей фамиліи. Не обманывайтесь ни на одну минуту, воображая, будто бы я также происхожу изъ хорошаго рода. Вышелъ я изъ подонковъ общества, росъ грязнымъ оборванцемъ, и окружала меня съ дѣтскихъ лѣтъ непокрытая бѣднота,—голь, шмоль и компанія.

Если только что нибудь могло еще больше возвысить мистера Баундерби въ глазахъ Джемса, такъ именно послѣднее обстоятельство. По крайней мѣрѣ онъ высказалъ ему это самъ.

— Значитъ, теперь мы можемъ пожать другъ другу руки на правахъ равенства. Я говорю: на правахъ *равенства*, потому что, хотя мнѣ хорошо извѣстно лучше всякаго другого, что я такое, а также изъ какой глубокой грязи я вылѣзъ, однако я не уступлю вамъ въ гордости. Я гордъ ничуть не меньше вашего. А теперь, обезпечивъ, какъ слѣдуетъ, свою независимость, я могу перейти къ вопросамъ: какъ вы поживаете? Надѣюсь, хорошо?

Когда они обмѣнивались рукопожатіемъ, мистеръ Гартхаузъ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя хорошо и приписываетъ это цѣлебному дѣйствію коктоунскаго воздуха. Его отвѣтъ былъ принятъ мистеромъ Баундерби весьма благосклонно.

— Можетъ быть, вы знаете,—сказалъ банкиръ, а пожалуй и не знаете, что я женатъ на дочери Тома Гредграйнда. Если у васъ нѣтъ ничего лучшаго въ виду, какъ пройтись со мною по городу, то я буду очень радъ представить васъ ей.

— Мистеръ Баундерби,—отвѣчалъ Джимъ, вы угадали самое завѣтное мое желаніе.

Они отправились безъ дальнихъ разсужденій, и мистеръ Баун-

дерби повелъ новаго знакомаго, представлявшаго такой рѣзкій контрастъ съ нимъ, къ своему жилищу изъ краснаго кирпича, съ черными наружными ставнями и внутренними зелеными жалузи, съ черной входной дверью, къ которой вели двѣ бѣлыя ступени. Въ гостиной этого роскошнаго дома ихъ встрѣтила самая замѣчательная молодая женщина, какую только видѣлъ когда либо мистеръ Джемсъ Гартхаузъ. Она держала себя такъ принужденно и вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушно; была такъ замкнута и въ то же время бдительна; такъ холодна и горда, а между тѣмъ такъ явно принимала къ сердцу хвастливое смиреніе мужа, такъ стыдилась его, точно каждая новая выходка мистера Баундерби была для нея ударомъ,— рѣзала бѣдняжку безъ ножа. Наблюдать за нею становилось очень интереснымъ; Джемсъ испытывалъ при этомъ совершенно новое ощущеніе. Ея наружность была замѣчательна не менѣе ея обращенія. Черты молодой женщины отличались красотой, но она такъ тщательно сдерживала ихъ естественную игру, что настоящаго выраженія этого лица, казалось, было невозможно уловить. Крайне равнодушная, превосходно владѣвшая собою, никогда не терявшаяся, миссисъ Баундерби, тѣмъ не менѣе, постоянно испытывала какую-то неловкость; она присутствовала тутъ, тогда какъ мысли ея, очевидно витали гдѣ-то далеко. Пускаться въ догадки на ея счетъ было, повидимому, напрасно: она сбивала съ толку всякую проницательность.

Съ хозяйки дома вниманіе гостя перешло на окружающую обстановку. Въ этой гостиной не было ничего, въ чемъ сказывался бы женскій вкусъ. Никакого граціознаго украшенія, никакой прихотливой затѣи, хотя бы тривіальной, въ которой отразилось женское вліяніе. Унылая и неуютная со своей хвастливой и угрюмой роскошью, эта комната непривѣтливо смотрѣла на посѣтителей, и ни малѣйшій слѣдъ какого нибудь женскаго занятія не смягчалъ и не оживлялъ ея суроваго вида. Каковъ былъ мистеръ Баундерби посреди своихъ домашнихъ боговъ, таковы же были и эти грубыя, напыщенныя божества, окружавшія его. Они были вполнѣ достойны хозяина и подобраны ему подъ стать.

— Вотъ, сэръ,—сказалъ Баундерби,—жена моя, миссисъ Баундерби, старшая дочь Тома Гредграйнда. Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, Лу. Мистеръ Гартхаузъ сталъ подъ знамя твоего отца. Если онъ не сдѣлается въ скоромъ времени сотоварищемъ Тома Гредграйнда, то, надѣюсь, мы услышимъ о немъ по крайней мѣрѣ, какъ о депутатѣ одного изъ нашихъ сосѣднихъ городовъ. Какъ видите, мистеръ Гартхаузъ, жена моя моложе меня годами. Не знаю, что нашла она во мнѣ особеннаго, что согласилась выйти за меня замужъ. Но, вѣроятно, что нибудь да нашла; иначе она не сдѣлалась бы моею женою. Она обладаетъ множествомъ драгоцѣнныхъ знаній, сэръ, по части политики и другихъ предметовъ. Еслибъ вамъ понадобились

какія нибудь свѣдѣнія, мнѣ было бы трудно рекомендовать вамъ для ихъ полученія болѣе компетентное лицо, чѣмъ Лу Баундерби.

Гость выразилъ увѣренность, что онъ дѣйствительно не могъ бы найти болѣе пріятнаго или болѣе свѣдущаго совѣтчика.

— Эге,—подхватилъ хозяинъ,—если вы такой мастеръ по части комплиментовъ, то вы пойдете здѣсь далеко, потому что не встрѣтите конкуренціи. Умѣнье говорить комплименты никогда мнѣ не давалось, и я отказываюсь понимать это искусство. По правдѣ говоря, я презираю его. Но вы получили совсѣмъ иное воспитаніе; мое было ужъ слишкомъ реально, чертъ возьми! Вы джентльменъ, а я не заявляю никакихъ претензій на это званіе. Я просто Джозія Баундерби изъ Коктоуна. Но если хорошія манеры и общественное положеніе ничего не значатъ въ моихъ глазахъ, то Лу Баундерби, пожалуй, цѣнитъ ихъ. Она не обладаетъ моими преимуществами—которыя вы, можетъ быть, назовете недостатками, но я тѣмъ не менѣе зову ихъ преимуществами,—поэтому вы не станете расточать передо мною своихъ талантовъ, смѣю сказать.

— Мистеръ Баундерби,—замѣтилъ Джимъ, съ улыбкой обращаясь къ Луизѣ, — это благородное животное въ естественномъ состояніи, вполнѣ свободное отъ сбруи, въ которой работаетъ такая кляча, жертва общественной условности, какъ я.

— Вы питаете большое уваженіе къ мистеру Баундерби,—спокойно промолвила она,—и это вполнѣ естественно съ вашей стороны.

Гартхаузъ понесъ постыдное пораженіе для джентльмена, который такъ отлично зналъ свѣтъ, а теперь растерянно спрашивалъ себя, какъ слѣдуетъ ему принять ея замѣчаніе.

— Насколько я поняла изъ словъ мистера Баундерби, вы собираетесь посвятить себя на служеніе отечеству. Вы намѣрены,—продолжала Луиза, оставаясь на томъ же мѣстѣ, гдѣ она поздоровалась съ гостемъ, все съ тою же странной смѣсью самообладанія и необъяснимой неловкости,—указать народу выходъ изъ всѣхъ его затрудненій.

— Клянусь честью, миссисъ Баундерби,—со смѣхомъ подхватилъ онъ,—у меня нѣтъ и въ помышленіи ничего подобнаго, и я не думаю притворяться передъ вами. Я кое что видѣлъ на своемъ вѣку по разнымъ мѣстамъ и нашелъ нестоющей всю эту житейскую сутолоку, какъ находятъ ее и прочіе съ тою лишь разницею, что одни сознаются въ томъ, а другіе нѣтъ. Я рѣшилъ отстаивать убѣжденія вашего почтеннаго батюшки единственно за неимѣніемъ выбора, потому что мнѣ все равно поддерживать ли тѣ, или иныя идеи.

— Да развѣ у васъ нѣтъ своихъ собственныхъ?—спросила Луиза.

— У меня нѣтъ даже самаго слабаго предпочтенія къ чему либо. Увѣряю васъ, что я не придаю ни малѣйшей важности какимъ бы то ни было взглядамъ. Въ результатѣ различныхъ способовъ, какими я старался убить свою скуку, у меня явилось убѣжденіе, (если только это не слишкомъ серьезный терминъ для того лѣниваго чувства, которое я вынесъ изъ своего опыта), что одно сочетаніе идей можетъ принести столько же вреда или пользы, какъ и всякое другое. Существуетъ одинъ старинный англійскій родъ, принявшій прелестный итальянскій девизъ: „Будь, что будетъ". Вотъ единственная ходячая истина.

Это извращенное признаніе честности въ безчестности (такой опасный, такой гибельный и распространенный порокъ) отчасти расположило, какъ ему показалось, молодую женщину въ его пользу. И онъ поспѣшилъ воспользоваться своей удачей, добавивъ самымъ беззаботнымъ тономъ (который она могла объяснить, какъ ей угодно):

— Партія, могущая доказать все на свѣтѣ рядомъ единицъ, десятковъ, сотенъ и тысячъ, миссъ Баундерби, во всякомъ случаѣ обѣщаетъ много развлеченія и даетъ человѣку самые лучшіе шансы на успѣхъ. Поэтому я готовъ примкнуть къ ней съ такимъ же усердіемъ, какъ еслибъ я былъ ея убѣжденнымъ сторонникомъ. Да еслибъ и такъ, могъ ли бы я сдѣлать большее?

— Вы единственный въ своемъ родѣ политикъ, — сказала Луиза.

— Извините, за мной нѣтъ даже и той заслуги. Повѣрьте, что еслибъ мы покинули ряды, къ которымъ примкнули отъ скуки, и сплотились бы воедино, то составили бы самую многочисленную партію въ государствѣ.

Тутъ мистеръ Баундерби, которому становилось не втерпежъ вынужденное молчаніе, такъ что онъ рисковалъ лопнуть съ натуги, вмѣшался въ разговоръ, предложивъ отсрочить семейный обѣдъ до половины седьмого, чтобъ успѣть обойти съ мистеромъ Джемсомъ Гартхаузомъ наиболѣе значительныхъ и вліятельныхъ горожанъ Коктоуна съ его предмѣстьями. Обходъ былъ совершенъ, и мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, благодаря своему скромному знакомству съ синими книгами, побѣдоносно выдержалъ это испытаніе, хотя съ замѣтною прибавкою скуки.

Вечеромъ столъ былъ накрытъ на четыре прибора, но одно мѣсто оставалось незанятымъ. Это подало поводъ мистеру Баундерби распространиться о сочности тушеныхъ угрей по два пенса за порцію, которыми онъ лакомился на улицѣ восьми лѣтъ отъ роду, и упомянуть объ отвратительной водѣ (предназначенной собственно для поливки мостовой), которою онъ запивалъ это угощеніе. За супомъ и рыбой онъ нашелъ нужнымъ занять своего гостя интересными вычисленіями, въ результатѣ которыхъ оказалось, что

онъ (Баундерби) съѣлъ въ дни цвѣтущей юности по крайней мѣрѣ трехъ лошадей подъ видомъ копченыхъ польскихъ колбасъ и сосисокъ послѣдняго сорта. Гость выслушивалъ эти занимательныя подробности съ усталой миной, вставляя отъ времени до времени какое нибудь восклицаніе, въ родѣ: „прелестно“, „замѣчательно“. Подобные разговоры, пожалуй, привели бы его къ отчаянной рѣшимости махнуть обратно въ Іерусалимъ не дальше, какъ завтра поутру, еслибъ Луиза не затронула такъ сильно его любопытства.

— Неужели,—думалъ онъ, наблюдая, какъ она сидѣла на краю стола, гдѣ ея фигура, юношеская, миніатюрная и легкая, но чрезвычайно граціозная, казалась такъ не у мѣста,—неужели нѣтъ ничего, что могло бы взволновать это лицо?

Клянусь Юпитеромъ, есть! Вотъ оно, и въ самой неожиданной формѣ: на порогѣ появился Томъ. Молодая хозяйка разомъ преобразилась при его появленіи и просіяла улыбкой.

Чудная улыбка. Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, пожалуй, не нашелъ бы ее такой привлекательной, еслибъ не дивился такъ долго безстрастію этого лица. Она протянула руку, хорошенькую маленькую ручку, и ея пальцы охватили руку брата, какъ будто она была готова поднести ее къ губамъ.

„Вотъ тебѣ разъ“,—подумалъ гость, „этотъ олухъ единственное существо, которымъ она интересуется. Примемъ къ свѣдѣнію!“

Олухъ былъ представленъ посѣтителю и усѣлся за столъ. Не особенно лестная кличка, но, надо сознаться—заслуженная.

— Въ твои годы, юный Томъ,—сказалъ Баундерби,—я не опаздывалъ, а если со мной случался такой грѣхъ, то меня лишали обѣда.

— Когда вы были въ моихъ лѣтахъ,—возразилъ Томъ,—то не имѣли надобности исправлять ошибокъ въ балансѣ, а послѣ того еще переодѣваться.

— Ну ладно, оставимъ этотъ разговоръ,—сказалъ Баундерби.

— Такъ и вы не привязывайтесь ко мнѣ,—проворчалъ Томъ.

— Миссисъ Баундерби,—сказалъ Гартхаузъ, прекрасно слышавшій эту перебранку вполголоса,—лицо вашего брата удивительно мнѣ знакомо. Не встрѣчался ли я съ нимъ за границей? Или, можетъ быть, въ какомъ нибудь общественномъ учебномъ заведеніи?

— Нѣтъ, — отвѣчала молодая женщина съ большою живостью,—онъ никогда еще не ѣздилъ за границу и получилъ домашнее воспитаніе въ нашемъ городѣ. Томъ, дорогой мой, я объясняю мистеру Гартхаузу, что онъ не могъ встрѣчаться съ тобой за границей.

— Не имѣлъ этого счастія, сэръ, — подтвердилъ Томъ.

Что было такого особеннаго въ этомъ угрюмомъ юношѣ, неласковомъ даже съ сестрою, чтобъ вызвать такую радость на ея

лицѣ? Должно быть, ужъ слишкомъ томилось одиночествомъ ея сердце и слишкомъ велика была въ ней потребность привязаться къ кому нибудь.

„Вотъ почему она такъ любитъ этого олуха", подумалъ мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, перебирая въ умѣ свои наблюденія. „Вотъ въ чемъ разгадка этой нѣжности, вотъ въ чемъ".

Между тѣмъ „олухъ" и въ присутствіи сестры, и послѣ ея ухода изъ столовой не находилъ нужнымъ скрывать своего презрѣнія къ мистеру Баундерби, поскольку онъ могъ выразить свои чувства гримасами и лукавымъ подмигиваніемъ незамѣтно для этой независимой личности. Не отвѣчая на подобные телеграфическіе знаки, мистеръ Гартхаузъ тѣмъ не менѣе весь вечеръ поощрялъ Тома къ проказамъ и былъ очень внимателенъ къ нему. Когда же, наконецъ, онъ всталъ, чтобы откланяться, и выразилъ при этомъ опасеніе не найти ночью дороги въ гостинницу, олухъ тотчасъ предложилъ ему свои услуги въ качествѣ провожатаго, и они вышли вмѣстѣ на улицу.

III. Олухъ.

Удивительное дѣло, что молодой человѣкъ, воспитанный неуклонно по системѣ противуестественнаго принужденія, могъ сдѣлаться лицемѣромъ; между тѣмъ, такъ случилось съ Томомъ. Удивительное дѣло, что юноша, котораго не предоставляли собственному руководительству даже на пять минутъ подрядъ, могъ утратить всякую способность управлять собою, войдя въ года, но такъ вышло съ Томомъ. Становилось прямо невѣроятнымъ, какимъ образомъ юнаго джентльмена, воображеніе котораго было задавлено съ колыбели, могъ назойливо осаждать его призракъ, подъ видомъ самой низменной чувственности, но, именно, подобнымъ чудовищемъ, несомнѣнно, оказывался Томъ.

— Вы курите? — спросилъ его мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, когда они подошли къ гостиницѣ.

— Еще бы!—подхватилъ Томъ.

Пріѣзжему не оставалось ничего болѣе, какъ пригласить Тома войти, а Тому въ свою очередь не оставалось ничего иного, какъ послѣдовать этому приглашенію. Благодаря ли прохладительному напитку, подходящему къ жаркой погодѣ, но не настолько слабому, насколько холодному, или же отличному табаку, не существовавшему въ продажѣ въ тѣхъ мѣстахъ, только Томъ вскорѣ почувствовалъ себя какъ дома въ уголку дивана и больше прежняго проникся восхищеніемъ къ своему новому другу, забившемуся въ другой уголъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, когда гость предавался куренью, онъ слегка отмахнулъ облако табачнаго дыма и сталъ разсматривать хозяина.

„Вѣдь, вотъ", подумалъ Томъ, „онъ какъ будто не обращаетъ никакого вниманія на свой костюмъ, а, между тѣмъ, какъ изящно одѣтъ! Какъ ловко сидитъ на немъ платье!

Поймавъ случайно восторженный взглядъ Тома, мистеръ Джемсъ Гартхаузъ замѣтилъ, что онъ ничего не пьетъ, и наполнилъ его стаканъ своей собственной небрежной рукою.

— Благодарствуйте,—сказалъ Томъ, благодарствуйте. Ну что, мистеръ Гартхаузъ, небось старикъ Баундерби порядкомъ надоѣлъ вамъ сегодня вечеромъ?

Онъ произнесъ эти слова, снова прищуривъ одинъ глазъ и лукаво посматривая на своего собесѣдника изъ за стакана.

— Кажется, онъ славный малый!—замѣтилъ тотъ.

— Вы находите? Не можетъ быть!—вымолвилъ гость, снова прищурившись.

Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ улыбнулся. Поднявшись съ дивана, онъ прислонился спиной къ пустому камину и, продолжая курить, сказалъ:

— Какой вы, однако, потѣшный шуринъ!

— Какой потѣшный зять старикашка Баундерби, должно быть, хотѣли вы сказать!—поправилъ Томъ.

— Однако, вы насмѣшникъ, какъ я посмотрю!—замѣтилъ мистеръ Джемсъ Гартхаузъ.

Было что то необычайно пріятное въ короткости съ такимъ жилетомъ; въ звукѣ этого голоса, называвшаго васъ запросто Томомъ, въ этомъ быстромъ сближеніи на дружескую ногу съ парою такихъ бакенбардъ... И Томъ почувствовалъ крайнее самодовольство.

— О, мнѣ наплевать на старикашку Баундерби, если вы намекаете на это! Я всегда называлъ его старымъ хрѣномъ за глаза и всегда думалъ о немъ не иначе, какъ о старомъ хрѣнѣ. И теперь у меня нѣтъ никакой охоты оказывать ему учтивость. Это было бы немножко поздно.

— Мнѣ то все равно,—возразилъ Джемсъ· но при женѣ, знаете, вамъ надо быть поосторожнѣе.

— При женѣ?—подхватилъ Томъ. При сестрѣ то моей Лу? Еще бы!

Онъ засмѣялся и прихлебнулъ прохладительнаго питья.

Джемсъ Гартхаузъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, прислонившись спиной къ камину, въ той же небрежной позѣ, покуривая сигару, и смотрѣлъ на олуха, внутренно потѣшаясь, точно онъ казался самому себѣ демономъ обольстителемъ, которому стоитъ только захотѣть, чтобъ глупый малый отдалъ ему свою душу. И въ самомъ дѣлѣ Томъ какъ будто подчинялся магическому вліянію. Сначала онъ смотрѣлъ на своего собесѣдника раболѣпно, по-

томъ съ восхищенiемъ, наконецъ, онъ взглянулъ на него смѣло, и развязно протянулъ одну ногу вдоль дивана.

— Сестра Лу? — повторилъ Томъ. Да она никогда не любила старика Баундерби.

— Вѣдь, это время прошедшее, Томъ,—возразилъ мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, стряхивая мизинцемъ пепелъ съ своей сигары,—а мы живемъ въ настоящемъ.

— Не любить—глаголъ дѣйствительнаго залога; наклоненiе изъявительное, настоящее время, первое лицо единственнаго числа: я не люблю; второе лицо единственнаго числа—ты не любишь; третье лицо единственнаго числа—она не любитъ,—сказалъ Томъ.

— Весьма оригинально!—замѣтилъ его другъ. Однако, вы не думаете этого, конечно.

— Напротивъ, я въ томъ увѣренъ!—воскликнулъ Томъ. Честное, благородное слово! Сознайтесь откровенно, мистеръ Гартхаузъ, вѣдь, вы и сами не допускаете, чтобъ моя сестра въ самомъ дѣлѣ любила старикашку Баундерби?

— Отчего же и не допустить мнѣ этого, мой другъ, когда я вижу супружескую чету, живущую согласно и счастливо?

Тѣмъ временемъ обѣ ноги Тома были уже на диванѣ. Еслибъ его другая нога не присоединилась еще къ первой, когда мистеръ Гартхаузъ назвалъ его своимъ другомъ, то онъ, непремѣнно, протянулъ бы ее вдоль дивана въ этомъ знаменательномъ мѣстѣ разговора. Чувствуя, однако, потребность проявить еще чѣмъ нибудь свою полнѣйшую непринужденность, олухъ развалился въ лежачей позѣ, прислонившись затылкомъ къ боковому валику, и, продолжая курить съ безпредѣльной небрежностью свѣтскаго фата, обратилъ свое вульгарное лицо и не особенно трезвые глаза къ другому лицу, глядѣвшему на него такъ беззаботно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ властно.

— Вѣдь, вы знакомы съ нашимъ дражайшимъ родителемъ, мистеръ Гартхаузъ,—сказалъ Томъ,—и потому не должны удивляться, что Лу вышла за старика Баундерби. У нея никогда не было поклонника; отецъ предложилъ ей эту партiю и она согласилась.

— Удивительная покорность отцевской волѣ со стороны вашей очаровательной сестры,—замѣтилъ мистеръ Гартхаузъ.

— Да, но она не была бы такъ покорна, и свадьба не сладилась бы такъ легко, еслибы не я,—возразилъ олухъ.

Искуситель только поднялъ брови, но олухъ волей-неволей долженъ былъ продолжать, повинуясь этому мановенiю.

— Это я убѣдилъ сестру,—произнесъ онъ съ внушительнымъ видомъ превосходства.—Меня сунули въ банкъ стараго хрыча, (куда меня, конечно, нисколько не тянуло) и я зналъ, что мнѣ придется солоно, если Лу спровадитъ постылаго жениха. Вотъ я и высказалъ ей свои желанiя, она же исполнила ихъ. Для меня

она готова на что угодно. Вѣдь, это было очень храбро съ ея стороны, не правда ли?

— Это было восхитительно, Томъ.

— Для нея-то собственно этотъ вопросъ былъ совсѣмъ не такъ важенъ, какъ для меня,—хладнокровно продолжалъ Томъ.—Вѣдь, отъ этого зависѣла моя свобода, мое спокойствіе и, пожалуй, карьера; она же все равно никого не любила. Да и оставаться дома было для нея все равно, что сидѣть въ тюрьмѣ; особенно послѣ моего ухода. Въ сущности сестра ничѣмъ не жертвовала для меня, такъ какъ не любила никого другого, но все же это былъ славный поступокъ съ ея стороны.

— Прямо превосходно. И она, повидимому, не раскаивается?

— О,—подхватилъ Томъ съ покровительственно-презрительнымъ видомъ, — она настоящая дѣвчонка! Дѣвчонки вездѣ умѣютъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Она устроилась въ жизни, и ей все равно. Она ко всему равнодушна. Впрочемъ, хотя Лу и дѣвчонка, но не заурядная. Она способна замкнуться въ себѣ и думать безъ конца; я часто видѣлъ, какъ она сидѣла у камина, глядя на огонь, иногда цѣлый часъ безъ перерыва.

— Да неужели? Значитъ, у нея свои собственные рессурсы,—замѣтилъ Гартхаузъ, спокойно продолжая курить.

— Ну, не особенно-то они значительны,—возразилъ Томъ;—родитель напичкалъ ее всякой трухой, въ родѣ сухихъ костей и опилокъ. Такова его система.

— Значитъ, воспиталъ дочку по своему образцу?— высказалъ свое предположеніе Гартхаузъ.

— Дочку? Не одну ее, а также и остальныхъ. Вѣдь, и я воспитанъ на этотъ ладъ.

— Не можетъ быть!

— Могу васъ увѣрить,—подтвердилъ олухъ, покачивая головой.—Я хочу сказать, мистеръ Гартхаузъ, что когда оставилъ родительскій домъ и поступилъ къ старику Баундерби, то былъ дуракъ-дуракомъ и зналъ жизнь не больше какой нибудь устрицы.

— Полноте, Томъ! Мнѣ, право, не вѣрится. Это вы только ради краснаго словца.

— Честное слово,—увѣрялъ олухъ.—Я говорю серьезно и не думаю шутить.

Нѣкоторое время онъ курилъ съ большою важностью и достоинствомъ, а потомъ прибавилъ снисходительнымъ тономъ:

— Разумѣется, съ тѣхъ поръ я понабрался опыта, не стану отрицать. Но этимъ я обязанъ самому себѣ, а не родителю.

— А ваша интеллигентная сестрица?

— Моя интеллигентная сестрица застряла тамъ же, гдѣ была. Она, обыкновенно, жаловалась мнѣ, что ей будетъ нечѣмъ помянуть молодость, не такъ, какъ другимъ дѣвушкамъ. Не знаю, уда-

лось ли ей примириться съ этимъ обстоятельствомъ. Но Лу все равно,—прибавилъ Томъ съ проницательнымъ видомъ, попыхивая сигарой. Дѣвчонки всегда сумѣютъ принаровиться къ своей жизни

— Зайдя вчера вечеромъ въ банкъ за адресомъ мистера Баундерби, я нашелъ тамъ одну древнюю леди, которая, повидимому, ужасно восхищается вашей сестрой,—замѣтилъ мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, бросая окурокъ сигары.

— Старуху Спарситъ! — подтвердилъ Томъ; — развѣ вы ужъ успѣли съ ней повидаться?

Его другъ утвердительно кивнулъ головой. Томъ вынулъ сигару изо-рта, чтобъ съ большей выразительностью прищурить глазъ (который что-то плохо повиновался ему), и дать себѣ нѣсколько щелчковъ въ носъ.

— Старуха Спарситъ питаетъ къ Лу болѣе, чѣмъ восхищеніе, это чувство можно скорѣе назвать любовью и преданностью,— отвѣчалъ Томъ.—Вѣдь она никогда не ловила старикашку Баундерби въ мужья, когда онъ былъ холостъ. О, нѣтъ, никогда!

То были послѣднія слова, произнесенныя олухомъ передъ тѣмъ, какъ имъ овладѣла головокружительная дремота, перешедшая въ полное забытье.

Изъ этого состоянія онъ былъ выведенъ непріятнымъ сномъ: ему приснилось, что кто-то далъ ему пинка ногою и чей-то голосъ закричалъ надъ нимъ:

— Эй вы! Ужъ поздно. Вставайте.

— Ладно,—сказалъ онъ, поднимаясь съ дивана.—Однако же надо сначала проститься съ вами. Славный у васъ табакъ. Только слишкомъ мягокъ.

— Именно слишкомъ мягокъ,—подтвердилъ хозяинъ.

— Онъ... онъ слабъ до смѣшного,—промолвилъ Томъ.—Гдѣ же дверь? Доброй ночи.

Тутъ ему опять приснилось, будто бы сторожъ ведетъ его сквозь туманъ, который, причинивъ ему нѣкоторую непріятность и безпокойство, разсѣялся на главной улицѣ, гдѣ Томъ очутился совершенно одинъ. Отсюда онъ безъ большого труда побрелъ домой, хотя все еще чувствовалъ присутствіе и вліяніе своего новаго друга, парившаго надъ нимъ гдѣ-то въ воздухѣ въ той же небрежной позѣ, съ тѣмъ же беззаботно-властнымъ взоромъ.

Добравшись до дому, олухъ повалился въ постель. Еслибъ онъ сколько нибудь понималъ то, что надѣлалъ въ ту ночь, еслибъ онъ былъ поменьше олухомъ и побольше братомъ, то вышелъ бы сейчасъ же на дорогу, подбѣжалъ къ зловонной рѣкѣ съ черной водой и, не думая долго, похоронилъ бы себя въ ея мутныхъ волнахъ.

IV. Братья-рабочіе.

— О, друзья мои, попранные ногами рабочіе Коктоуна! О, друзья мои и земляки, рабы желѣзнаго и гнетущаго деспотизма! О, друзья мои и товарищи по несчастью, сотрудники и собратья! Говорю вамъ, что часъ насталъ, когда мы должны сплотиться вмѣстѣ, какъ единая могучая сила, и ниспровергнуть въ прахъ притѣснителей. Слишкомъ долго жирѣли они отъ разоренія нашихъ семей, питались нашимъ потомъ, трудомъ нашихъ рукъ, крѣпостью нашихъ мускуловъ, попирая божественныя права человѣка и священныя, нерушимыя привиллегіи братства.

„Хорошо!“ „Слушайте, слушайте, слушайте!“ „Ура!“

Эти и тому подобныя восклицанія многочисленныхъ голосовъ неслись со всѣхъ сторонъ набитой биткомъ залы, гдѣ въ удушливой атмосферѣ ораторъ, стоявшій на возвышеніи, выпускалъ изъ себя накопившіеся въ немъ пѣну и паръ. Онъ жестоко вспотѣлъ и охрипъ. Подъ ослѣпительнымъ свѣтомъ газоваго рожка этотъ малый такъ кричалъ, неистово сжимая кулаки, хмуря брови, стискивая зубы и размахивая руками, что совсѣмъ выбился изъ силъ, былъ принужденъ остановиться и потребовалъ стаканъ воды.

Пока онъ стоялъ на подмосткахъ, стараясь охладить свое пылающее лицо, сравненіе между нимъ и массою обращенныхъ къ нему внимательныхъ лицъ оказывалось далеко не въ его пользу. Ростомъ онъ едва ли превышалъ толпу своихъ слушателей, развѣ на высоту эстрады, куда онъ забрался. Во многихъ же другихъ отношеніяхъ онъ былъ значительно ниже ихъ. Онъ уступалъ имъ въ честности, мужествѣ и добродушіи; ихъ простосердечіе замѣнялось у него лукавствомъ, а здравый смыслъ запальчивостью. Нескладный, сутуловатый, съ нависшими бровями и непріятной гримасой на лицѣ, этотъ человѣкъ, несмотря на свой щегольской костюмъ, невыгодно отличался отъ большинства присутствующихъ въ ихъ простомъ рабочемъ платьѣ. Всегда странно видѣть цѣлое собраніе людей, подчиняющееся одной высокомѣрной личности, будь то лордъ или простолюдинъ, стоящей гораздо ниже трехъ четвертей его аудиторіи; но видѣть эту толпу съ серьезными, напряженными лицами, въ честности которой не могъ бы усомниться ни одинъ безпристрастный наблюдатель, видѣть ее взволнованной подобнымъ вожакомъ было особенно странно и особенно обидно.

„Хорошо!“ „Слушайте, слушайте!“ „Ура!“

Напряженность вниманія и воли, написанная на всѣхъ этихъ лицахъ, производила сильное впечатлѣніе. Здѣсь не было ни безпечности, ни скуки, ни празднаго любопытства; ни одного изъ

многочисленныхъ оттѣнковъ равнодушія, столь обыкновеннаго на всѣхъ другихъ сборищахъ, нельзя было прочесть въ чертахъ собравшихся. Каждый сознавалъ, что его положеніе въ этомъ или иномъ смыслѣ хуже, чѣмъ оно могло быть; каждый считалъ себя обязаннымъ примкнуть къ остальнымъ, чтобъ улучшить ихъ общую участь; каждый чувствовалъ, что вся его надежда на союзъ съ товарищами, окружавшими его, и вся эта толпа серьезно, глубоко, непоколебимо вѣрила (въ данномъ случаѣ ошибочно) въ успѣхъ своего дѣла. Все, что тутъ говорилось, было въ ея глазахъ такъ же просто и видно съ перваго взгляда, какъ были видны въ этой комнатѣ голыя стропила крыши и оштукатуренныя кирпичныя стѣны. Каждый безпристрастный наблюдатель не могъ также не сознаться въ глубинѣ души, что всѣ эти люди даже въ своихъ заблужденіяхъ обнаруживали большія достоинства, которыя могли быть направлены къ самымъ высокимъ и благотворнымъ цѣлямъ; онъ не могъ бы не сознаться, что предполагать на основаніи ходячихъ аксіомъ, какъ бы онѣ ни казались неопровержимыми, будто бы эти труженики сбились съ истиннаго пути безъ всякой причины, по собственному безразсудству, значило бы утверждать, что дымъ бываетъ безъ огня, смерть безъ рожденія, жатва безъ посѣва, а всякая вещь можетъ произойти изъ ничего.

Освѣжившись водою, ораторъ вытеръ свой морщинистый лобъ, проведя по немъ нѣсколько разъ слѣва направо носовымъ платкомъ, свернутымъ въ комочекъ, и сосредоточилъ всѣ свои воспрянувшія силы въ презрительномъ горькомъ смѣхѣ.

— Но, о, друзья мои и братья, о, люди и англичане, угнетенные рабочіе Коктоуна, что намъ сказать о томъ человѣкѣ, о томъ рабочемъ,—увы, зачѣмъ я вынужденъ необходимостью позорить это славное имя, давая его отступнику?!—что сказать намъ о томъ, кто, зная по собственному опыту всѣ ваши огорченія и несправедливости, которыя терпите вы, соль земли, сила нашей страны, и кто, узнавъ о вашемъ рѣшеніи, благородномъ, славномъ, единодушномъ, которое заставитъ трепетать тирановъ, о вашемъ рѣшеніи подписаться на фонды Общества Соединеннаго Судилища и подчиняться всѣмъ его распоряженіямъ къ вашему же собственному благу, каковы бы они ни были; что скажете вы, спрашиваю я, о томъ рабочемъ, (волей неволей я долженъ признать за нимъ это званіе), который въ такую минуту покидаетъ свой постъ, продаетъ свое знамя, который въ такую минуту становится измѣнникомъ и подлымъ перебѣжчикомъ, который въ такую минуту признается въ постыдномъ и трусливомъ желаніи держаться въ сторонѣ и не хочетъ примкнуть къ благородному союзу на защиту свободы и права?

На этомъ пунктѣ рѣчи собраніе раздѣлилось, послышался ро-

потъ и свистки, но общее чувство чести было слишкомъ сильно для того, чтобъ обвинить человѣка, не выслушавъ его оправданія.

— Не ошиблись ли вы, Слэкбриджъ?

— Приведите сюда этого человѣка!

— Надо выслушать его!

Такія восклицанія раздавались со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, кто-то громко закричалъ:

— Здѣсь ли этотъ человѣкъ? Если онъ тутъ, Слэкбриджъ, то уступите ему мѣсто, пусть онъ самъ говоритъ за себя.

Эти слова были встрѣчены громкими рукоплесканіями. Слэкбриджъ, ораторъ, осмотрѣлся вокругъ съ усталой улыбкой и, вытянувъ правую руку (по примѣру всѣхъ Слэкбриджей), чтобъ усмирить бушующее море, выжидалъ, пока въ залѣ воцарится тишина.

— О, друзья мои и сотоварищи,—заговорилъ онъ тогда, тряся головой съ видомъ сильнѣйшаго презрѣнія, — я не дивлюсь, что вы, порабощенные сыны труда, не вѣрите въ существованіе подобнаго человѣка. Но вспомните, что, вѣдь, существовалъ же тотъ, кто продалъ свое первородство за чечевичную похлебку; существовалъ Іуда Искаріотскій; существовалъ лордъ Кэстльри, точно такъ же существуетъ и этотъ человѣкъ.

Тутъ у подмостокъ произошло минутное замѣшательство и давка, которыя привели къ тому, что обвиняемый очутился передъ публикой рядомъ съ ораторомъ. Онъ былъ блѣденъ и нѣсколько разстроенъ, что было особенно замѣтно по дрожащимъ губамъ, но стоялъ спокойно, поглаживая лѣвой рукой подбородокъ, въ ожиданіи, когда ему дадутъ говорить. Въ собраніи былъ, какъ водится, предсѣдатель, который взялъ это дѣло въ свои руки.

— Друзья мои,—сказалъ онъ,—по обязанности предсѣдателя, я прошу нашего друга Слэкбриджа, зашедшаго, пожалуй, слишкомъ далеко въ своей рѣчи, присѣсть, пока мы выслушаемъ Стефена Блэкпуля. Всѣ вы знаете Стефена Блэкпуля. Вамъ извѣстны его несчастія и доброе имя.

Послѣ того предсѣдатель открыто пожалъ руку Стефена и снова опустился на свое мѣсто. Слэкбриджъ также сѣлъ, утирая платкомъ свой разгоряченный лобъ,—неизмѣнно слѣва направо, а не наоборотъ.

— Друзья мои,—началъ Стефенъ среди мертваго безмолвія,—я слышалъ, что обо мнѣ говорилось, и весьма возможно, что я не исправлю сказаннаго. Однако, лучше, если вы услышите правду обо мнѣ изъ моихъ собственныхъ устъ, чѣмъ со стороны, хотя я не привыкъ говорить въ такомъ многолюдномъ собраніи, потому что не былъ къ этому пріученъ и подготовленъ.

Слэкбриджъ тряхнулъ головою съ такою горечью, точно хотѣлъ, чтобъ она оторвалась у него прочь.

— Я единственный рабочій на фабрикѣ Баундерби изъ всѣхъ собравшихся здѣсь, который не пожелалъ принять предложенныхъ постановленій. Я не могу съ ними согласиться. Друзья мои, я сомнѣваюсь, чтобъ изъ нихъ вышелъ какой нибудь прокъ. Скорѣе вы наживете себѣ съ ними бѣду.

Слэкбриджъ расхохотался, скрестивъ руки на груди и саркастически нахмурилъ брови.

— Но не изъ-за этого захотѣлъ я остаться въ сторонѣ. Еслибы только въ этомъ было дѣло, я присоединился бы къ остальнымъ. Но у меня есть другія причины, касающіяся меня лично, которыя не позволяютъ мнѣ быть съ вами за одно и не только теперь, но всегда... всегда... пока я живъ.

Слэкбриджъ вскочилъ съ мѣста и всталъ рядомъ съ нимъ, скрежеща зубами и дергаясь отъ бѣшенства.

— О, друзья мои, не говорилъ я вамъ? О, мои соотечественники, не предостерегалъ ли я васъ? Что думаете вы о гнусномъ поведеніи человѣка, который, какъ извѣстно, самъ жестоко страдалъ отъ неравенства человѣческихъ правъ? О, англичане, спрашиваю васъ, что думаете вы о подобной измѣнѣ одного изъ вашихъ собратьевъ, который своимъ малодушіемъ готовитъ гибель себѣ самому и вамъ, вашимъ дѣтямъ и внукамъ?

Раздались одиночныя рукоплесканія, кое-гдѣ крикнули: „позоръ измѣннику!“ Но большинство присутствующихъ молчало. Всѣ взоры были устремлены на изможденное лицо Стефена, еще болѣе жалкое въ его непритворномъ волненіи; и по добротѣ души эти люди скорѣе жалѣли бѣднаго товарища, чѣмъ негодовали на его отказъ.

— Говорить—ремесло этого уполномоченнаго,—сказалъ Стефенъ.—Ему за это платятъ, и онъ мастеръ по своей части. Пусть его говоритъ. Не указывайте ему на мое горе. Это его не касается. До этого никому нѣтъ дѣла, кромѣ меня.

Въ словахъ Стефена было столько порядочности, пожалуи, достоинства, что слушатели еще больше затихли и стали еще внимательнѣе. Тотъ же громкій голосъ, который былъ слышенъ и раньше, раздался опять.

— Дайте выслушать этого человѣка, Слэкбриджъ! Придержите языкъ!

Въ залѣ опять водворилась необычная тишина.

— Братья,—заговорилъ Стефенъ, тихій голосъ котораго раздавался отчетливо,—братья и товарищи! Вѣдь я имѣю право назвать васъ этимъ именемъ, тогда какъ этотъ уполномоченный совсѣмъ намъ чужой. Мнѣ остается прибавить одно только слово и большаго я не могу вамъ сказать, хотя бы говорилъ до Суднаго дня. Я отлично знаю, что мнѣ предстоитъ. Я отлично знаю, что вы рѣшили не имѣть ничего общаго съ тѣмъ изъ рабочихъ,

кто не захочетъ быть съ вами за одно въ этомъ дѣлѣ. Я отлично знаю, что еслибъ мнѣ пришлось умирать на краю дороги, то каждый изъ васъ счелъ бы себя въ правѣ пройти мимо, не подавъ мнѣ помощи, какъ чужестранцу и пришельцу. Что же дѣлать! Я долженъ этому покориться.

— Стефенъ Блэкпуль, — замѣтилъ предсѣдатель, вставая съ мѣста, — подумайте раньше хорошенько. Подумайте объ этомъ еще, любезный, прежде чѣмъ вы рѣшитесь оттолкнуть отъ себя всѣхъ своихъ друзей.

Въ толпѣ пронесся общій ропотъ волненія, однако, никто не вымолвилъ ни слова. Всѣ взоры были устремлены на лицо Стефена. Еслибъ онъ измѣнилъ своему рѣшенію, то у всѣхъ присутствующихъ скатился бы камень съ души. Онъ самъ понялъ это, оглянувшись кругомъ. Въ его сердцѣ не было ни капли гнѣва противъ этихъ людей. Онъ зналъ то хорошее, что крылось въ нихъ, вопреки слабостямъ и неразумію невѣжества, какъ могъ знать только собратъ по труду.

— Я уже думалъ о томъ, сэръ, и думалъ не мало. Я просто не могу быть съ вами за одно, вотъ и все. Я долженъ идти своей дорогой. Мнѣ надо съ вами проститься.

Стефенъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ привѣтственнаго жеста толпѣ, протянувъ впередъ обѣ руки, и постоялъ секунду въ этой позѣ; потомъ его руки медленно опустились, и онъ заговорилъ снова:

— Сколько ласковыхъ словъ слышалъ я ранѣе отъ многихъ изъ васъ, господа! Сколько знакомыхъ лицъ вижу здѣсь, знакомыхъ мнѣ еще съ той поры, когда я былъ моложе и счастливѣе. Какъ я себя помню, у меня не было ни съ кѣмъ ни малѣйшей ссоры. Видитъ Богъ, что и теперь я не хочу никого обидѣть. Вы назовете меня измѣнникомъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Слэкбриджу, — но это легче сказать, чѣмъ доказать. Однако, дѣлать нечего: будь по вашему!

Стефенъ сдѣлалъ шагъ или два къ лѣсенкѣ, которая вела внизъ съ подмостковъ, но вспомнилъ что-то и остановился.

— Возможно,—произнесъ онъ, обернувшись къ толпѣ своимъ морщинистымъ лицомъ и медленно обводя ее глазами, точно хотѣлъ обратиться къ каждому слушателю въ отдѣльности, какъ къ близкому, такъ и далекому,—возможно, что обсуждая этотъ вопросъ, вы грозите хозяину стачкой, если меня оставятъ работать среди васъ. Надѣюсь, что я не доживу до этого и умру раньше, чѣмъ настанетъ такое время; но еслибы это случилось, я всетаки останусь на фабрикѣ; я долженъ такъ поступить не на зло вамъ, но ради своего пропитанія. Мнѣ нечѣмъ больше кормиться, кромѣ труда своихъ рукъ, а куда же мнѣ пойти искать другой работы, если я поступилъ на фабрику здѣсь въ Коктоунѣ

мальчикомъ по восьмому году? Я не жалуюсь на то, что вы не захотите со мною знаться и отвернетесь отъ меня съ этихъ поръ, но надѣюсь, что вы позволите мнѣ хотя работать. Если у меня существуетъ еще какое-нибудь право, друзья мои, такъ именно одно это.

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на его рѣчь: ни слова, ни звука, кромѣ тихаго шороха отъ движенія толпы, разступавшейся посрединѣ, во всю длину залы, чтобы пропустить человѣка, съ которымъ эти люди порвали съ сегодняшняго дня всѣ узы товарищества. Не глядя ни на кого и подвигаясь впередъ съ видомъ покорной стойкости, которая ни на чемъ не настаиваетъ и ничего не ищетъ, старикъ Стефенъ оставилъ собраніе, удрученный всѣми своими горестями.

Тутъ Слэкбриджъ, все время стоявшій въ ораторской позѣ, вытянувъ впередъ правую руку,—точно онъ съ величайшимъ стараніемъ сдерживалъ бурныя страсти толпы своей удивительной нравственной силой,—принялся вновь воодушевлять своихъ слушателей.

— Развѣ римлянинъ Брутъ не осудилъ на смерть своего родного сына, о, мои соотечественники британцы? Развѣ матери спартанки не посылали своихъ сыновей, бѣжавшихъ съ поля брани, обратно на встрѣчу вражескимъ мечамъ, о, мои друзья, которымъ предстоитъ скорая побѣда? Рѣшайте: не было ли священнымъ долгомъ коктоунцевъ передъ лицомъ ихъ предковъ, на глазахъ изумленнаго міра, въ виду грядущаго потомства, изгнать измѣнниковъ изъ лагеря, разбитаго ради священнаго и божественнаго дѣла? Вольные вѣтры небесъ отвѣчаютъ „да". Это „да" гремитъ съ востока, запада, сѣвера и юга. А вслѣдъ за нимъ и „ура", троекратное „ура" за Общество Соединеннаго Судилища.

Слэкбриджъ, подобно капельмейстеру передъ оркестромъ, подалъ знакъ. И все это множество лицъ, омраченныхъ сомнѣніемъ, заглушая укоры совѣсти, прояснилось при этомъ кликѣ торжества, который былъ подхваченъ сотнями голосовъ. Личное чувство должно быть подавлено въ вопросѣ общественной пользы! Ура! Крыша дрожала еще отъ криковъ, когда собраніе начало расходиться по домамъ.

Такъ легко и просто Стефенъ Блэкпуль былъ обреченъ на самую одинокую жизнь, на существованіе отщепенца среди знакомой толпы. Пришлецъ, который ищетъ въ многотысячной незнакомой толпѣ хотя единаго участливаго взора и не встрѣчаетъ его, находится въ менѣе плачевномъ положеніи, чѣмъ тотъ несчастный, который ежедневно видитъ, проходя мимо, какъ отъ него отворачивается десятокъ нѣкогда дружескихъ лицъ. Таково было новое испытаніе Стефена, испытаніе ежедневное, ежеминутное за

работой, по дорогѣ на фабрику и домой, у своего порога, у своего окна, повсюду. Съ общаго согласія товарищи избѣгали даже той стороны улицы, по которой онъ ходилъ, предоставивъ ее въ его полное исключительное пользованіе.

Блэкпуль былъ человѣкъ спокойнаго характера, рѣдко водившій компанію съ другими рабочими и привычный оставаться наединѣ со своими думами. Никогда не сознавалъ онъ раньше, какъ была сильна въ немъ потребность постояннаго общенія съ людьми, какъ онъ нуждался въ дружескомъ кивкѣ головы, въ привѣтливомъ взглядѣ и словѣ; онъ и не подозрѣвалъ, какую отраду вливали въ его душу капля за каплей всѣ эти мелочи. Онъ не могъ себѣ представить, какъ трудно отдѣлить въ своемъ собственномъ сознаніи эту отчужденнотсь ото всѣхъ, отъ унизительнаго чувства стыда и безчестія.

Первые четыре дня испытанія показались ему такими безконечно долгими и тягостными, что онъ началъ ужасаться своего дальнѣйшаго будущаго. Все это время онъ не только не видѣлъ Рэчели, но даже всячески избѣгалъ съ ней встрѣчи; хотя ему и было извѣстно, что суровое запрещеніе еще не распространялось на фабричныхъ работницъ, однако, замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ стали относиться къ нему иначе, и боялся за Рэчель, опасаясь, чтобъ ее не постигла та же участь, еслибъ ихъ увидѣли вмѣстѣ. Такимъ образомъ прожилъ онъ эти дни въ полномъ одиночествѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая, какъ вдругъ, возвращаясь вечеромъ съ фабрики домой, былъ немало удивленъ при видѣ какого-то бѣлобрысаго юноши, подошедшаго къ нему на улицѣ.

— Ваше имя Блэкпуль, не такъ ли?—спросилъ тотъ.

Стефена бросило въ краску, когда онъ машинально обнажилъ голову въ знакъ благодарности, что съ нимъ заговорили, или просто въ замѣшательствѣ отъ такой неожиданности. Онъ прикинулся, будто поправляетъ подкладку въ шляпѣ, и отвѣчалъ:

— Да.

— Вы тотъ рабочій, отъ котораго отвернулись товарищи?—продолжалъ бѣлобрысый. (Онъ былъ не кто иной, какъ Битцеръ).

Стефенъ снова отвѣтилъ утвердительно.

— Ну, я сразу догадался, потому что всѣ какъ будто сторонятся отъ васъ. Мистеръ Баундерби желаетъ съ вами потолковать. Навѣрно, вы знаете, гдѣ онъ живетъ?

Въ третій разъ Стефенъ односложно отвѣтилъ:

— Да.

— Тогда ступайте прямо къ нему, слышите?—сказалъ Битцеръ. Васъ тамъ ожидаютъ; вамъ стоитъ только назвать лакею свое имя. Я служу въ банкѣ; значитъ, если вы отправитесь туда сейчасъ же одинъ (потому что мнѣ было велѣно васъ привести), то избавите меня отъ лишней ходьбы.

Стефенъ, путь котораго лежалъ въ противоположную сторону, повернулъ назадъ и пошелъ съ покорностью подчиненнаго къ красному кирпичному замку великана Баундерби.

V. Рабочіе и хозяева.

— Стефенъ, — воскликнулъ Баундерби со свойственной ему высокопарностью, что я слышу? Что сдѣлали съ вами эти очумѣлые, эта зараза земли? Входите и разсказывайте.

Стефена позвали въ гостиную. Туда былъ поданъ чай, за которымъ сидѣли молодая жена мистера Баундерби, и ея братъ, и важный господинъ изъ Лондона. Вошедшій поклонился имъ, затворивъ за собою дверь и остановившись у порога со шляпой въ рукѣ.

— Вотъ человѣкъ, о которомъ я говорилъ вамъ, Гартхаузъ,— сказалъ мистеръ Баундерби.

Гость, бесѣдовавшій на диванѣ съ хозяйкою дома, всталъ, небрежно промолвивъ: „Ахъ, въ самомъ дѣлѣ?“ и лѣниво направился къ камину, гдѣ стоялъ фабрикантъ.

— Ну, Стефенъ, теперь говорите,—повторилъ тотъ.

Послѣ четырехдневнаго безмолвія, слова эти отдались грубымъ и рѣзкимъ диссонансомъ въ ушахъ рабочаго. Они не только разбередили его душевную рану, но какъ будто подтвеждали, что онъ въ самомъ дѣлѣ корыстолюбивый перебѣжчикъ, какимъ считали его товарищи.

— Что угодно вамъ отъ меня, сэръ?—спросилъ Стефенъ.

— Да, вѣдь, я ужъ сказалъ!—воскликнулъ Баундерби.—Говорите смѣло; не бойтесь, — кажется, вы мужчина, — сообщите намъ все насчетъ самого себя и того заговора.

— Извините, сэръ, — возразилъ ткачъ, — мнѣ, право, нечего разсказывать.

Мистеръ Баундерби, всегда болѣе или менѣе уподоблявшійся бурѣ, когда встрѣчалъ какую нибудь помѣху на своемъ пути, тотчасъ принялся бушевать.

— Полюбуйтесь, Гартхаузъ, вотъ вамъ милый образецъ нашихъ рабочихъ! Когда этотъ малый какъ-то зашелъ ко мнѣ однажды, я предостерегалъ его противъ пришлыхъ негодяевъ, которые вѣчно рыщутъ по нашимъ мѣстамъ,—вѣшать бы ихъ прямо на первой осинѣ!—я говорилъ, что онъ свернулъ съ прямого пути на дурную дорогу. И вотъ, повѣрите ли, хотя товарищи заклеймили его, онъ все еще настолько раболѣпствуетъ передъ ними, что боится раскрыть ротъ для ихъ изобличенія.

— Я сказалъ только, что мнѣ нечего разсказывать, сэръ. но вовсе не боялся раскрыть рта.

— Вы сказали? Я самъ отлично знаю, что вы сказали, болѣе

того, знаю даже, что вы подумали. А это не всегда одно и то-же, чортъ побери! Напротивъ, между тѣмъ и другимъ порою большущая разница. Повѣрьте, я вижу васъ насквозь. Ужъ скажите лучше прямо, что вашего Слэкбриджа совсѣмъ нѣтъ въ городѣ, что онъ не подстрекаетъ народъ къ безпорядкамъ, что онъ не отъявленный смутьянъ и вожакъ бунтовщиковъ, иными словами, вредный проходимецъ, плутъ и мошенникъ. Ужъ говорили бы лучше сразу; меня, все равно, не проведешь! Сознайтесь, вѣдь именно это хотѣли вы сказать? Что-жъ вы молчите?

— Мнѣ такъ же больно, какъ и вамъ, сэръ, видѣть, до какой степени плохи вожаки народа,—отвѣчалъ Блэкпуль, скорбно покачивая головой. Народъ беретъ такихъ, какіе попадутся подъ руку. Пожалуй, въ томъ то и бѣда, что ему неоткуда взять лучшихъ вождей.

Буря начала свирѣпствовать.

— Какъ вамъ это нравится, Гартхаузъ?—спрашивалъ мистеръ Баундерби.—Довольно сильно сказано, не правда ли? Славный образчикъ человѣческой породы, съ которой приходится имѣть дѣло моимъ друзьямъ, а? Но это сравнительно еще цвѣточки, сэръ. Послушайте дальше: сейчасъ я задамъ ему одинъ вопросъ. Позвольте, мистеръ Блэкпуль (буря готова разгуляться не на шутку), осмѣлюсь васъ спросить, какъ это случилось, что вы отказались участвовать въ заговорѣ?

— Какъ это случилось?

— Да, — произнесъ мистеръ Баундерби, просунувъ большіе пальцы въ проймы жилета, закинувъ голову и конфиденціально подмигивая противоположной стѣнѣ,—да, какъ это вышло?

— Не хотѣлось бы мнѣ про то говорить, сэръ. Но разъ вы спрашиваете, я не хочу быть неучтивымъ и отвѣчу откровенно. Я далъ обѣщаніе.

— Не мнѣ, конечно? (Порывы бури съ промежутками обманчиваго затишья, которое въ данный моментъ преобладаетъ).

— О, нѣтъ, сэръ, не вамъ!

— Ну, само собою разумѣется! Меня совсѣмъ не слѣдуетъ имѣть въ виду въ дѣлахъ подобнаго рода. Еслибъ вопросъ касался одного Джозіо Баундерби изъ Коктоуна, то вы, навѣрно, примкнули бы къ заговору, не заставляя уламывать себя?

— Это вѣрно, сэръ, примкнулъ бы.

— И, вѣдь, онъ прекрасно знаетъ, замѣтьте, — продолжалъ мистеръ Баундерби, разражаясь штормомъ,—что эти люди прямо шайка мерзавцевъ, для которыхъ ссылка слишкомъ слабое наказаніе! Вотъ, мистеръ Гартхаузъ, вы пошатались таки нѣкоторое время по бѣлу свѣту. Встрѣчали ли вы гдѣ либо что нибудь подобное этому субъекту съ нашей благословенной сторонки?

И мистеръ Баундерби гнѣвно ткнулъ пальцемъ въ сторону ткача.

— Нѣтъ, сударыня, — возразилъ Стефенъ Блэкпуль, стойко протестуя противъ сказанныхъ хозяиномъ словъ и обращаясь инстинктивно къ Луизѣ послѣ того, какъ онъ всмотрѣлся въ ея лицо,—они не бунтовщики и не мерзавцы. Ничего подобнаго, сударыня, ничего подобнаго. Наши рабочіе не оказали мнѣ снисхожденія, я знаю и чувствую это. Но между ними не найдется и десятка, сударыня, — да что я говорю, десятка! — не сыщется и пятка такихъ, которые не были бы увѣрены, что они исполнили тѣмъ свой долгъ къ другимъ и къ самимъ себѣ. Я знаю ихъ коротко, я имѣлъ съ ними дѣло всю жизнь, водилъ съ ними хлѣбъ-соль и дружбу, мы вмѣстѣ работали бокъ-о-бокъ, и Боже меня упаси покривить душой и не заступиться за нихъ, сколько бы горя ни причинили они мнѣ!

Онъ говорилъ съ грубоватой прямотой, свойственной его средѣ и характеру. Рѣзкость его тона, пожалуй, еще усиливалась гордымъ сознаніемъ, что онъ оставался вѣренъ своему классу, хотя и страдалъ подъ гнетомъ общаго недовѣрія. Но Стефенъ отлично помнилъ, гдѣ находится, и даже не возвысилъ голоса.

— Нѣтъ, сударыня, нѣтъ. Наши рабочіе не обманываютъ другъ друга; они хранятъ вѣрность своимъ, вѣрность и привязанность до гроба. Если между ними попадется бѣднякъ или больной, если кого нибудь постигнетъ то или иное горе, которое вѣчно сторожитъ у порога нашего брата, то они всегда помогутъ несчастному и обласкаютъ его, и утѣшатъ, подѣлятся съ нимъ послѣднимъ, по-христіански. Повѣрьте мнѣ, сударыня, это честный народъ. И хоть растерзайте ихъ на куски, они не отступятся отъ своихъ правилъ.

— Однимъ словомъ, — вмѣшался Баундерби, — отъ избытка добродѣтели они и выкинули васъ за бортъ. Ну что-жъ, продолжайте, если начали. Высказывайтесь.

— Отчего это такъ выходитъ, сударыня,—продолжалъ Стефенъ, попрежнему какъ будто находя себѣ естественное прибѣжище въ лицѣ Луизы,—что все, что есть лучшаго въ насъ, бѣднякахъ, приноситъ намъ только одно горе, да несчастье и неудачу? Ума не приложу, съ чего бы это. Но выходитъ такъ. Это также вѣрно, какъ и то, что надо мною за чернымъ дымомъ ясное небо. Между тѣмъ, мы народъ терпѣливый и хотимъ обыкновенно жить по правдѣ. Я не могу думать, чтобъ вина была въ насъ однихъ.

— Послушайте, мой другъ,—снова вмѣшался мистеръ Баундерби, котораго Стефенъ не могъ ничѣмъ ожесточить такъ сильно, какъ этимъ обращеніемъ къ третьему лицу, хотя несчастный ткачъ обидѣлъ его совершенно безсознательно,—если вы удо-

стоите меня на полминуты вашимъ вниманіемъ, я желалъ бы сказать вамъ пару словъ. Вы сейчасъ говорили, что вамъ нечего сообщить намъ насчетъ того дѣла. Увѣрены ли вы въ томъ однако? Отвѣчайте, прежде чѣмъ мы будемъ продолжать.

— Вполнѣ увѣренъ, сэръ.

— Вотъ джентльменъ изъ Лондона (мистеръ Баундерби показалъ черезъ плечо большимъ пальцемъ на мистера Джемса Гартхауза), членъ парламента. Я желалъ бы, чтобъ онъ самъ слышалъ краткій разговоръ между вами и мною, вмѣсто того, чтобъ передавать ему потомъ его сущность. Вѣдь, я отлично знаю заранѣе, что вы мнѣ скажете,—никто не знаетъ этого лучше меня, замѣтьте!—но пусть онъ послушаетъ самъ, не имѣя надобности принимать на вѣру моихъ словъ.

Стефенъ поклонился джентльмену изъ Лондона, сдѣлавшись грустнѣе прежняго. Онъ снова невольно обратилъ глаза къ своему первоначальному прибѣжищу, однако, взглядъ съ той стороны (выразительный, хотя и мимолетный) заставилъ его повернуться къ мистеру Баундерби.

— Ну, говорите, на что вы собственно жалуетесь? — спросилъ тотъ.

— Я пришелъ сюда не съ жалобой, сэръ, — напомнилъ ткачъ.—Вѣдь, вы сами за мной посылали.

—Я спрашиваю,—повторилъ, скрестивъ руки, фабрикантъ,—на что жалуетесь вы всѣ, рабочіе вообще?

Стефенъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ колебаніемъ, но потомъ какъ будто собрался съ духомъ.

— Сэръ, я никогда не былъ мастеръ говорить о нашихъ дѣлахъ, хотя и мнѣ самому приходилось туго. Право, мы увязли въ какое то болото, сэръ. Оглянитесь вокругъ на этотъ городъ, такой богатѣйшій, и на это великое множество народа, выросшаго здѣсь, на этихъ ткачей, поденщиковъ, волночесовъ, которые всѣ тянутъ одну лямку отъ колыбели до могилы. Посмотрите, какъ мы живемъ, гдѣ мы ютимся, въ какой тѣснотѣ, какъ нуждаемся. Посмотрите на эти фабрики, которыя все богатѣютъ, улучшаются, идутъ впередъ, тогда какъ мы все топчемся на одномъ мѣстѣ и не достигаемъ никакого улучшенія нашей участи, а если и двигаемся впередъ, то лишь къ одной могилѣ. Вспомните, какъ вы смотрите на насъ, что о насъ пишете, что говорите; вспомните ваши депутаціи къ государственному секретарю насчетъ насъ и то, что вы всегда выходите правы, а мы виноваты и никогда не находили себѣ оправданія съ тѣхъ поръ, какъ родились. Посмотрите, сэръ, какъ несправедливость все растетъ и растетъ, распространяется все дальше и дальше, ожесточается изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кто, видя такой порядокъ, можетъ съ чистой совѣстью увѣрять, что это не болото?

— Разумѣется,—согласился мистеръ Баундерби. — А теперь не соблаговолите ли вы объяснить этому джентльмену, какимъ способомъ уничтожили бы вы это болото, какъ вы любите выражаться?

— Не умѣю вамъ сказать, сэръ. Можно ли требовать этого отъ меня? Такая задача не моего ума дѣло, сэръ. Пусть рѣшаютъ ее тѣ, которые поставлены надо мной и надъ всѣми нами. Для чего же они и поставлены, сэръ, какъ не для этого?

— Скажу вамъ нѣчто по этому поводу во всякомъ случаѣ. Мы покажемъ примѣръ на нѣсколькихъ Слекбриджахъ. Притянемъ этихъ мерзавцевъ къ суду за мошенничество и сошлемъ изъ за море въ колоніи преступниковъ.

Стефенъ серьезно покачалъ головой.

— Не говорите мнѣ, что этого не будетъ, любезный,—закричалъ Баундерби, принимаясь бушевать съ яростью урагана,—будетъ, говорю я вамъ!

— Сэръ,—отвѣчалъ Стефенъ, съ спокойной разсудительностью твердаго убѣжденія, — возьмите хоть сотню Слекбриджей, хоть всѣхъ, сколько ихъ есть на свѣтѣ, и еще вдесятеро больше того, зашейте ихъ каждаго въ отдѣльный мѣшокъ и погрузите въ самый глубокій океанъ, какой только существуетъ на лицѣ земли, и это нисколько не поможетъ. Болото останется на прежнемъ мѣстѣ.—„Коварные пришельцы!“—продолжалъ Стефенъ съ тревожной улыбкой; да мы слышимъ объ этихъ коварныхъ пришельцахъ съ той поры, какъ себя помнимъ. Не въ нихъ зло, сэръ. Не они его сѣютъ. Я ихъ не жалую. Мнѣ не за что любить ихъ. Но безнадежно и безполезно мечтать о томъ, чтобъ оторвать этихъ людей отъ ихъ ремесла вмѣсто того, чтобъ уничтожить само ремесло. Вѣдь, все, что есть вокругъ меня въ этой комнатѣ, было тутъ до моего прихода и останется тутъ, когда я уйду. Возьмите эти часы и отправьте ихъ на островъ Норфолькъ, вѣдь, время все-таки пойдетъ своимъ чередомъ. Тоже самое точь въ точь примѣнимо и къ Слекбриджу.

Повернувшись на одинъ моментъ къ своему первоначальному прибѣжищу, ткачъ замѣтилъ осторожное движеніе глазъ Луизы къ дверямъ. Подавшись назадъ, онъ взялся за дверную ручку. Но, вѣдь, онъ говорилъ не по собственной волѣ и желанію! Стефенъ чувствовалъ, что поступилъ благородно, воздавъ добромъ за оскорбительное обращеніе съ нимъ товарищей, оставшись вѣрнымъ до конца тѣмъ, которые отвергли его. Онъ рѣшился излить то, что было у него на душѣ.

— При моей необразованности, сэръ, и при моей неотесанности я не могу сказать этому джентльмену, что можетъ улучшить наши порядки,—хотя нѣкоторые рабочіе въ здѣшнемъ городѣ, люди болѣе способные, чѣмъ я, сумѣли бы объяснить ему это,—но я

берусь указать на то, что, какъ мнѣ хорошо извѣстно, никогда не исправитъ этого зла. Насиліе никогда не поможетъ нашей бѣдѣ. Побѣда и торжество—не принесутъ здѣсь пользы. Предвзятое рѣшеніе, что одна сторона всегда противуестественно права, тогда какъ другая всегда противуестественно виновата, никогда не исправитъ зла, нѣтъ, никогда! Оставлять все въ прежнемъ видѣ такъ же никуда не годится. Бросьте на произволъ судьбы тысячи народа, которые влачатъ одинаково убогую жизнь и гніютъ въ одинаковомъ болотѣ, и они сплотятся между собою, а вы, хозяева, сплотитесь между собою, и между ними и вами ляжетъ черная зіяющая пропасть, а такому бѣдствію, долго ли, коротко ли, долженъ наступить конецъ,. Чуждаться рабочаго класса, обходиться жестокосердно, нетерпѣливо, непривѣтливо съ тѣми, которые живутъ такъ дружно между собою, съ такимъ участіемъ спѣшатъ облегчить чужое горе, подѣлиться послѣднимъ съ товарищемъ въ нуждѣ,—этого, по моему смиренному разумѣнію, заѣзжій джентльмэнъ не встрѣчалъ ни у одного народа во время своихъ путешествій по дальнимъ краямъ и этимъ путемъ не добьешься ничего добраго, пока солнце не превратится въ ледъ. Но хуже всего видѣть въ этихъ труженикахъ лишь рабочую силу, распоряжаться ими точно бездушными цифрами для подведенія итоговъ, или машинами, какъ будто имъ чужды любовь и привязанность, воспоминанія и наклонности, точно у нихъ нѣтъ души, способной страдать и надѣяться. Пока они сидятъ смирно, ими помыкаютъ точно бозсловесными тварями, а когда они возмутятся, то ихъ же упрекаютъ въ недостаткѣ человѣческихъ чувствъ относительно васъ. Нѣтъ, сэръ, такими способами не искоренить зла до тѣхъ поръ, пока стоитъ свѣтъ, сотворенный Господомъ Богомъ.

Стефенъ стоялъ, держась рукою за отпертую дверь въ ожиданіи, не потребуютъ ли отъ него еще чего нибудь.

— Подождите минутку,—сказалъ мистеръ Баундерби, лицо котораго побагровѣло. Въ послѣдній разъ, когда вы приходили сюда съ жалобой на несправедливость, я говорилъ, что вамъ лучше бросить свои бредни и вернуться съ дурной дороги на правильный путь. Я предупреждалъ васъ также, если вы помните, что я вижу насквозь ваши притязанія на золотую ложку.

— Но я то самъ ничего не смыслю въ этомъ, сэръ, повѣрьте.

— Теперь мнѣ ясно,—продолжалъ фабрикантъ, что вы одинъ изъ тѣхъ безпокойныхъ людей, которые вѣчно чѣмъ нибудь недовольны. Вы только и дѣлаете, что сѣите вездѣ недовольство и смуту. Это ваше постоянное занятіе, мой другъ.

Стефенъ покачалъ головой, молчаливо протестуя противъ такой клеветы на человѣка, живущаго трудами своихъ рукъ.

— Вы такой брюзга, такой неуживчивый, несносный чело-

вѣкъ,—не унимался мистеръ Баундерби, что даже вашъ собственный рабочій союзъ, ваши собственные товарищи, знающіе васъ коротко, не хотятъ имѣть съ вами никакого дѣла. Никогда я не думалъ, что эти негодяи могутъ быть въ чемъ нибудь правы, но теперь скажу вамъ, что на этотъ разъ вполнѣ согласенъ съ ними, и въ свою очередь не желаю васъ знать.

Стефенъ быстро поднялъ глаза и взглянулъ ему въ лицо.

— Можете кончать начатую вами работу,—произнесъ фабрикантъ, многозначительно кивая головой, а затѣмъ ступайте на всѣ четыре стороны.

— Вы хорошо знаете, сэръ,—сказалъ съ удареніемъ ткачъ, что если я уйду съ вашей фабрики, то меня не возьмутъ никуда.

— Я знаю свое, а вы знайте свое,—послѣдовалъ отвѣтъ. Вотъ вамъ и весь сказъ.

Стефенъ снова посмотрѣлъ на Луизу, но она сидѣла потупившись. Онъ вздохнулъ, пробормоталъ чуть слышно: „Господи, помоги намъ всѣмъ въ здѣшнемъ мірѣ!"—и удалился.

VI. Увяданіе.

Становилось совсѣмъ темно, когда Стефенъ Блэкпуль вышелъ отъ мистера Баундерби. Ночныя тѣни сгустились такъ быстро, что онъ счелъ безполезнымъ взглянуть кругомъ, когда затворилъ за собою дверь, и побрелъ прямо по улицѣ. Не было, кажется, предмета, столь далекаго отъ его помысловъ, какъ чудная старуха, встрѣченная имъ при его прежнемъ посѣщеніи этого дома, когда ткачъ внезапно услыхалъ позади себя знакомые шаги и, обернувшись назадъ, увидалъ ее въ обществѣ Рэчели.

— Ахъ, Рэчель, дорогая! Миссусъ, и ты съ ней!

— Навѣрно, вы удивились? Да и есть чему, надо сознаться,—отвѣчала старуха. Да, я опять тутъ, какъ видите.

— Но какъ вы очутились вмѣстѣ съ Рэчелью?—спрашивалъ Стефенъ, идя между ними, приноравливаясь къ ихъ шагу и переводя недоумѣвающій взглядъ съ одной женщины на другую.

— Да вотъ я познакомилась съ этой славной дѣвушкой почти такъ же, какъ и съ вами тогда, весело говорила старуха, взявъ на себя отвѣтить ткачу. Въ этомъ году моя поѣздка запоздала противъ обыкновенія. Изъ за одышки, которая донимаетъ меня порядкомъ, я отложила ее до болѣе постоянной и теплой погоды. По этой же самой причинѣ я не рѣшаюсь больше совершать моего путешествія въ одинъ день, но посвящаю ему два дня. Сегодня мнѣ придется ночевать въ „Кофейнѣ для пріѣзжихъ", у самой станціи желѣзной дороги (славный, чистенькій домикъ), а завтра утромъ я уѣду къ себѣ домой съ шестичасовымъ парламентскимъ поѣздомъ. Но при чемъ же тутъ эта милая дѣвушка,

спросите вы? Постойте, сейчасъ узнаете. До меня дошла вѣсть о женитьбѣ мистера Баундерби. Я прочла о ней въ газетѣ. Ахъ, тамъ было такое торжественное описаніе свадьбы, такое торжественное, и все выходило такъ важно!—Старуха остановилась на этомъ съ какимъ то страннымъ восхищеніемъ.—Вотъ мнѣ и захотѣлось посмотрѣть на его жену. Но я такъ и не увидала ее. Повѣрите ли, она не показывалась изъ дому съ полудня. Однако, мнѣ не хотѣлось отказаться такъ скоро отъ своего желанія, и я все мѣшкала уходить; бродя по улицѣ взадъ и впередъ, я прошла раза два или три мимо этой дѣвушки; ея привѣтливое лицо понравилось мнѣ, и я заговорила съ нею, а она со мною. Вотъ и все!—заключила крестьянка, улыбаясь Стефену. Остальное можете добавить сами; вы сдѣлаете это короче моего, смѣю сказать!

И теперь, какъ при первой встрѣчѣ, ткачу приходилось преодолѣвать въ себѣ какую то необъяснимую инстиктивную антипатію къ этой женщинѣ, хотя ея обращеніе обличало въ ней порядочность и простодушіе, какихъ только можно было пожелать. Съ мягкостью такъ же свойственной ему, какъ и Рэчели, онъ сталъ продолжать разговоръ о предметѣ, интересовавшемъ ее на старости лѣтъ.

— За то, миссусъ,—сказалъ онъ, я повидалъ сегодня ту лэди; она молода и красива. У ней славные темные глаза, такіе серьезные, и тихій характеръ, Рэчель. Удивительное дѣло! Никогда не приходилось мнѣ встрѣчать такой тихости.

— Молода и красива, еще бы!—подхватила съ восхищеніемъ старуха.—И свѣжа, какъ роза! И какая счастливая жена!

— Должно быть, такъ, я полагаю, миссусъ,—сказалъ Стефенъ, кидая, однако, взглядъ сомнѣнія на Рэчель.

— Вы полагаете? Она должна быть счастлива. Не даромъ она вышла за вашего хозяина,—возразила крестьянка.

Ткачъ утвердительно кивнулъ головой.

— Что же касается хозяина,—замѣтилъ онъ, снова посматривая на свою подругу, то его у меня больше нѣтъ. Между мной и имъ все кончено.

— Развѣ ты покинулъ его фабрику, Стефенъ?—поспѣшно и съ тревогой спросила Рэчель.

— Я-ли покинулъ ее, она-ли меня, все это сводится къ одному, Рэчель. Мы съ ней разстались. Пожалуй, такъ оно и лучше. Я какъ разъ думалъ о томъ, когда столкнулся съ вами. Не обобраться было бы непріятностей, останься я здѣсь. Пожалуй, что счастье для многихъ, что я уйду отсюда, а, можетъ быть, это счастье и для меня самого. Во всякомъ случаѣ, это неизбѣжно. Я долженъ удалиться изъ Коктоуна на нѣкоторое время и поискать удачи въ другомъ мѣстѣ, дорогая, начавъ съизнова.

— Куда ты собираешься, Стефенъ?

— Не знаю хорошенько куда,—отвѣчалъ онъ, снявъ шляпу и приглаживая ладонью свои рѣдкіе волосы. Но я не ухожу еще ни сегодня, ни даже завтра, Рэчель. Трудненько придумать, куда направить свои стопы; однако, я не стану падать духомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Стефенъ почерпалъ мужество уже въ одномъ сознаніи, что поступаетъ безкорыстно. Не успѣлъ онъ еще запереть за собою дверей мистера Баундерби, какъ принялся соображать про себя, что его принудительный уходъ принесетъ пользу Рэчели, которую не станутъ, по крайней мѣрѣ, обижать за то, что она продолжаетъ съ нимъ видѣться. Хотя ему было невыносимо больно съ ней разстаться и онъ не могъ представить себѣ такого мѣста, куда не послѣдовалъ бы за нимъ постигшій его неумолимый приговоръ, но все таки, пожалуй, было легче, хотя и противъ воли, уйти отъ мученья послѣднихъ четырехъ дней, даже навстрѣчу новымъ бѣдамъ и горестямъ.

Такимъ образомъ, Стефенъ могъ сказать, не лукавя:

— Я вовсе не такъ огорченъ, Рэчель, тѣмъ, что случилось.

Не ей было прибавлять ему горя. Она отвѣчала ему успокоительной улыбкой, и всѣ трое пошли дальше.

Старость, особенно когда она старается быть веселой и никого не отягощать собою, неизмѣнно встрѣчаетъ почтеніе у бѣднаго люда. Пріѣзжая деревенская женщина была такъ пристойна и непритязательна, такъ мало думала о своихъ недугахъ, хотя они все больше одолѣвали ее со времени перваго знакомства съ Блэкпулемъ, что ткачъ и его подруга приняли въ ней искреннее участіе. Она была слишкомъ проворна для того, чтобъ имъ понадобилось замедлять свой шагъ, но старушка была благодарна, что ее занимали разговоромъ, и была готова болтать безъ умолку. Такимъ образомъ, когда они дошли до той части города, гдѣ стояли ихъ жилища, ея оживленіе и словоохотливость были въ самомъ разгарѣ.

— Зайди, миссусъ, ко мнѣ въ убогую хату напиться чайку,—предложилъ Стефенъ. Рэчель такъ же зайдетъ, а потомъ я провожу тебя въ „Кофейню для пріѣзжихъ". Будь покойна. Пожалуй, много пройдетъ времени, Рэчель, до тѣхъ поръ, пока ты снова будешь у меня въ гостяхъ.

Приглашеніе было принято, и всѣ втроемъ направились къ дому, гдѣ жилъ ткачъ. Когда они свернули въ узкую улицу, Стефенъ украдкой взглянулъ на свое окно съ невольнымъ страхомъ, который внушало ему всегда его одинокое жилище; но окно стояло отворенньмъ, какъ онъ его оставилъ, и въ немъ никого не было видно. Злой демонъ его жизни снова унесся прочь, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; съ той поры о немъ не было ни слуху, ни духу. Единственными слѣдами недавняго посѣщенія жены бы-

ли недочеты въ его движимомъ имуществѣ и замѣтная прибавка сѣдины въ волосахъ.

Хозяинъ зажегъ свѣчу, вынулъ свой чайный приборъ, принесъ изъ кухни внизу кипятокъ и купилъ въ ближней лавочкѣ маленькій пакетикъ чаю, сахару, каравай хлѣба и немножко масла. Хлѣбъ былъ мягокъ и поджаристъ, масло свѣжее, сахаръ высшаго сорта,—въ подтвержденіе излюбленной сентенціи коктоунскихъ магнатовъ: „эти люди живутъ, какъ принцы, сэръ". Рэчель заварила чай (по случаю такого многолюднаго собранія пришлось занять одну чайную чашку у сосѣдей), и гостья нашла угощенье превосходнымъ. То былъ первый проблескъ общественности для Стефена за много дней. Онъ также съ удовольствіемъ пилъ и ѣлъ, позабывъ открывавшуюся передъ нимъ перспективу безотрадной неизвѣстности,—еще аргументъ въ пользу неизмѣнныхъ обличеній магнатовъ:—„эти люди лишены всякой предусмотрительности, сэръ".

— А я и не подумалъ до сихъ поръ спросить, миссисъ, какъ твое имя,—сказалъ Блекпуль.

Старушка назвала себя миссисъ Петлеръ.

— Должно быть, вы вдовушка?—предположилъ хозяинъ.

— Какъ же, давнымъ давно.

По разсчету миссисъ Пеглеръ ея мужъ (превосходный человѣкъ!) умеръ раньше, чѣмъ Стефенъ родился.

— Значитъ, вамъ было большое горе, когда онъ скончался,—замѣтилъ ткачъ. А дѣти у васъ есть?

Чашка гостьи звякнула о блюдечко при этомъ вопросѣ, обличая нѣкоторое волненіе старушки.

— Нѣтъ,—отвѣчала она. У меня ихъ больше нѣтъ,—нѣтъ больше.

— Они умерли, Стефенъ,—мягко намекнула Рэчель.

— Мнѣ очень жаль, что я заговорилъ о нихъ,—извинился тотъ; мнѣ надо было раньше догадаться, что у васъ это больное мѣсто въ сердцѣ. Не хорошо... очень не хорошо съ моей стороны.

Во время этихъ извиненій чашка миссисъ Пеглеръ стучала все слышнѣе у ней въ рукѣ.

— У меня былъ сынъ,—проговорила она съ какою то странной скорбью, не похожей на обыкновенное материнское горе,—и онъ пошелъ хорошо, удивительно хорошо. Только не станемъ говорить о немъ больше, прошу васъ. Онъ... Поставивъ чашку на столъ гостья сдѣлала жестъ руками, точно хотѣла досказать имъ: „умеръ!" Однако, докончила вслухъ: я его потеряла.

Стефенъ все еще не могъ простить себѣ своей неловкости, которая огорчила старушку, какъ вдругъ его квартирная хозяйка вбѣжала опрометью наверхъ по узкой лѣстницѣ и, вызвавъ его къ

порогу, принялась съ нимъ шептиться. Миссисъ Пеглеръ не была туга на ухо, потому что поймала одно произнесенное его слово.

— Баундерби! — воскликнула она сдавленнымъ голосомъ, вскакивая изъ за стола. Спрячьте меня скорѣе! Не показывайте меня ни за что на свѣтѣ. Не впускайте его, пока я не уйду, ради самого Бога!

Она дрожала въ сильнѣйшей тревогѣ, прячась за спиною Рэчель, когда та принялась успокаивать ее, и, повидимому, не знала, что дѣлать.

— Но послушай, миссисъ, послушай,—сказалъ Стефенъ, озадаченный ея растерянностью, вѣдь, это не мистеръ Баундерби, а его жена. Тебѣ нечего бояться. Не ты ли сама расхваливала ее часъ назадъ?

— Но вы знаете навѣрно, что пришла та лэди, а не онъ самъ?—допытывалась гостья, попрежнему, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Конечно, знаю!

— Тогда, прошу васъ, не разговаривайте со мною,— взмолилась старушка,—не обращайте даже на меня ни малѣйшаго вниманія. Я буду потихоньку сидѣть въ дальнемъ углу.

Стефенъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и вопросительно переглянулся съ Рэчелью, но та въ свою очередь была въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Тогда онъ взялъ свѣчу, спустился внизъ и черезъ нѣсколько секундъ вернулся обратно, освѣщая дорогу Луизѣ, которую сопровождалъ олухъ.

Рэчель поднялась съ мѣста и отошла въ сторону, держа въ рукахъ свою шаль и шляпку. Стефенъ, крайне удивленный такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, поставилъ свѣчу на столъ и остановился, ожидая, когда съ нимъ заговорятъ.

Первый разъ въ своей жизни заглянула Луиза въ жилище коктоунскихъ рабочихъ; первый разъ въ жизни стала она лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то въ родѣ индивидуальности въ этой средѣ. Она знала объ ихъ существованіи въ сотняхъ и тысячахъ; знала въ точности, сколько работы можетъ произвести извѣстное число рабочихъ въ извѣстный промежутокъ времени. Она видала ихъ цѣлыми толпами и раньше, когда они выползали изъ своихъ норъ и возвращались восвояси подобно муравьямъ или пчеламъ. Но изъ чтенія она почерпнула гораздо больше свѣдѣній о привычкахъ рабочихъ насѣкомыхъ, чѣмъ о нравахъ и обычаяхъ трудящихся мужчинъ и женщинъ.

Она знала, что они представляли собою нѣчто, обязанное работать столько-то часовъ въ день за такую-то плату, а затѣмъ обреченное сходить со сцены; нѣчто, неизбѣжно подчиняющееся законамъ предложенія и спроса; нѣчто, погрѣшавшее противъ этихъ законовъ, попадая черезъ это въ бѣду; нѣчто, голодавшее при дороговизнѣ хлѣба и объѣдавшееся до отвала при урожаѣ;

нѣчто, размножавшееся въ такой то пропорціи и дававшее такой-то процентъ преступленій, такой-то пауперизма; нѣчто оптовое, на чемъ наживаются громадныя состоянія; нѣчто, поднимавшееся, подобно бурному морю, принося вредъ и производя опустошенія (только къ собственному ущербу) и снова входившее въ свои берега. Вотъ что, по ея мнѣнію представляли собою фабричные рабочіе Коктоуна. Но ей также мало приходило въ голову раздѣлять ихъ на самостоятельныя единицы, какъ разсматривать по одиночкѣ каждую каплю въ морѣ.

Луиза стояла съ минуту неподвижно, озираясь въ комнатѣ. Обведя глазами стулья, кровать, полку съ книгами и дешевыя картины по стѣнамъ, она взглянула на обѣихъ женщинъ и Стефена.

— Я пришла поговорить съ вами по поводу только что случившагося. Мнѣ хочется быть вамъ полезной, если вы позволите. Это ваша жена?

Рэчель подняла глаза, въ которыхъ достаточно ясно читалось „нѣтъ", и снова потупила ихъ.

— Да, я припоминаю теперь, — сказала Луиза краснѣя;—мнѣ говорили о вашихъ семейныхъ несчастіяхъ; но я не обратила тогда вниманія на подробности. У меня не было на умѣ обидѣть кого нибудь здѣсь моимъ вопросомъ. Еслибъ я случайно спросила еще о чемъ нибудь щекотливомъ, то не обижайтесь, пожалуйста; повѣрьте, что это произошло бы только по невѣдѣнію.

Какъ Стефенъ недавно обращался инстинктивно къ ней самой, такъ она инстинктивно обращалась теперь къ Рэчель. Ея рѣчь была тороплива и отрывиста, но вмѣстѣ съ тѣмъ молодая женщина запиналась и робѣла.

— Онъ вамъ разсказалъ, что произошло между нимъ и моимъ мужемъ? Я полагаю, онъ долженъ былъ обратиться къ вамъ прежде всѣхъ.

— Я знаю только, чѣмъ кончилось дѣло, сударыня,—отвѣчала Рэчель.

— Пожалуй, я не совсѣмъ поняла; но онъ говорилъ, что если мой мужъ ему откажетъ, то никто изъ прочихъ фабрикантовъ его не возьметъ. Кажется, онъ сказалъ именно это!

— Очень трудно, почти невозможно, сударыня, пристроиться на другое мѣсто для человѣка, получившаго дурную славу среди хозяевъ.

— Какъ мнѣ понимать васъ? Что подразумѣваете вы подъ дурною славой?

— Когда человѣкъ прослыветъ безпокойнымъ.

— Значитъ, благодаря предубѣжденію противъ него, какъ своего собственнаго класса, такъ и фабрикантовъ, онъ очутился между двухъ огней? Неужели эти два сословія до такой степени разъеди-

нены въ нашемъ городѣ, что между ними не найдется мѣста честному рабочему?

Рэчель молча покачала головой.

— Онъ попалъ въ подозрѣніе у своихъ товарищей-ткачей,— продолжала миссисъ Баундерби,—потому что далъ слово не вступать въ рабочій союзъ. Вѣроятно, это слово было дано вамъ. Могу ли я спросить, что побудило его къ тому?

Рэчель горько заплакала.

— Я не требовала обѣщанія отъ него, бѣдняги. Я только просила не впутываться въ непріятныя дѣла для его же собственной пользы, не предчувствуя, что онъ попадетъ изъ-за меня въ бѣду. Но зато теперь я знаю, что онъ готовъ лучше умереть сто разъ, чѣмъ нарушить данное слово. Я отлично знаю его.

Стефенъ попрежнему стоялъ неподвижно въ своей обычной задумчивой позѣ, поглаживая подбородокъ рукою. Наконецъ, онъ заговорилъ нѣсколько нетвердымъ голосомъ:

— Никто никогда не узнаетъ, какъ я почитаю Рэчель, какую любовь и уваженіе питаю я къ ней и по какой причинѣ. Когда я давалъ ей слово, то говорилъ правду, что она мой ангелъ-хранитель. То было торжественное обѣщаніе,—ничто не заставитъ меня ему измѣнить.

Луиза повернулась въ сторону ткача, наклонила голову съ невѣдомымъ ей чувствомъ почтенія, послѣ чего перевела глаза на Рэчель, и ея черты смягчились.

— Такъ что же хотите вы предпринять?—спросила она Стефена также смягченнымъ голосомъ.

— Когда я кончу работу, — отвѣчалъ тотъ, дѣлая попытку улыбнуться,—то надо будетъ уходить отсюда, чтобъ искать дѣла въ другомъ мѣстѣ. Счастливъ человѣкъ, или несчастливъ, онъ долженъ трудиться; ничего нельзя достичь безъ труда, развѣ только лечь на земь да умереть съ голоду.

— Какимъ же образомъ намѣрены вы отправиться?

— Пѣшкомъ, моя добрая леди, пѣшкомъ.

Луиза покраснѣла, и въ рукахъ у нея появился кошелекъ. Послышался шелестъ ассигнаціи; она развернула ее и положила на столъ.

— Рэчель, скажите ему—вѣдь, вы лучше знаете, какъ сказать, чтобъ не обидѣть его—что онъ имѣетъ полное право взять это на дорогу. Вѣдь вы попросите его, не такъ ли?

— Я не могу этого сдѣлать, сударыня,—отвѣчала работница, отворачиваясь.—Благослови васъ Богъ за вашу доброту къ бѣднягѣ. Но это его дѣло; пускай онъ рѣшаетъ самъ.

Испуганная, смущенная, растроганная Луиза едва повѣрила своимъ глазамъ, когда этотъ стойкій человѣкъ, умѣвшій такъ хорошо владѣть собою, выказавшій столько спокойствія и твердости

въ недавнемъ разговорѣ съ мистеромъ Баундерби, разомъ потерялъ свое самообладанiе и стоялъ теперь, закрывая рукою лицо. Въ приливѣ внезапнаго участiя, она протянула къ нему руку, точно хотѣла до него дотронуться; но потомъ удержалась и примолкла.

Наконецъ, Стефенъ открылъ лицо и сказалъ:

— Сама Рэчель не могла бы предложить мнѣ помощи съ большей добротою; чтобъ вы не сочли меня безразсуднымъ и неблагоразумнымъ, я возьму у васъ два фунта. Я беру ихъ взаймы, чтобъ отдать потомъ. Съ особенной радостью буду работать, чтобъ расквитаться съ вами и доказать вамъ свою вѣчную признательность за вашъ сегодняшнiй поступокъ.

Миссъ Баундерби была принуждена взять обратно ассигнацiю и замѣнить ее гораздо меньшей суммою, которую назвалъ Блекпуль. Этотъ человѣкъ не обладалъ ни свѣтскими манерами, ни красотою и вовсе не былъ интересенъ по наружности ни въ какомъ отношенiи; между тѣмъ онъ принялъ эти деньги съ такимъ достоинствомъ, а его немногословная благодарность была запечатлѣна такимъ внутреннимъ благородствомъ, какому самъ лордъ Честерфильдъ не могъ бы научить своего сына въ цѣлое столѣтiе.

Все это время Томъ сидѣлъ на кровати, болтая ногой и мусоля набалдашникъ тросточки съ явнымъ равнодушiемъ къ происходившему. Видя, что сестра собирается уходить, онъ поспѣшно вскочилъ и сказалъ:

— Погоди минутку, Лу! Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ нимъ передъ уходомъ. Мнѣ кой-что пришло въ голову. Выйдемте въ сѣни, Блэкпуль, я вамъ скажу одну вещь. Не берите свѣчи, любезный, не надо! Мы обойдемся и безъ нея.

Томъ обнаружилъ какое-то странное нетерпѣнiе, когда Стефенъ двинулся къ посудному шкафу за свѣчей.

Ткачъ послѣдовалъ за нимъ въ сѣни, а Томъ притворилъ комнатную дверь и все время держался за ея ручку.

— Вотъ что,—прошепталъ онъ,—кажется, я могу поправить ваши дѣла. Не спрашивайте меня, что я задумалъ, такъ какъ мой планъ можетъ еще не удаться. Но бѣды отъ моей попытки не выйдетъ никакой.

Его дыханiе обжигало Стефену ухо, до того оно было горячо.

— Человѣкъ, приходившiй за вами сегодня вечеромъ, нашъ разсыльный изъ банка. Я называю его нашимъ, потому что и самъ служу въ банкѣ.

„Какъ онъ торопится!“ — подумалъ про себя Блэкпуль. Томъ говорилъ поспѣшно и очень несвязно.

— Послушайте, — продолжалъ молодой Гредграйндъ, — когда вы уходите?

— Позвольте, — отвѣчалъ Стефенъ, соображая. — Сегодня у

насъ понедѣльникъ; вѣроятно, пущусь въ дорогу въ пятницу или субботу, сэръ.

— Въ пятницу или субботу, — повторилъ Томъ. Видите ли, я не знаю заранѣе, удастся ли мнѣ поправить ваши обстоятельства, какъ бы я желалъ... Вѣдь, тамъ у васъ моя сестра, понимаете?.. Но, посчастливится ли мнѣ помочь вамъ, или не посчастливится, вы отъ этого ничего не потеряете. Ну, такъ слушайте. Вы узнаете нашего разсыльнаго въ лицо?

— Навѣрно, — отвѣчалъ Стефенъ.

— Ладно, — продолжалъ Томъ. — Когда вы кончите работу на фабрикѣ вечеромъ, то прежде, чѣмъ идти домой, бродите около часа возлѣ банка. Понимаете? Не подавайте вида, будто бы вамъ что нибудь нужно, если посыльный васъ замѣтитъ: я поручу ему обратиться къ вамъ лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ успѣхъ. Тогда я или передамъ ему записку на ваше имя, или порученіе на словахъ, но не раньше. Скажите, вы меня поняли?

Въ потемкахъ сѣней онъ просунилъ свой палецъ въ петлицу пальто Стефсна и теребилъ его съ какой-то непонятной настойчивостью.

— Я понялъ, сэръ, — отвѣчалъ Блэкпуль.

— Такъ смотрите, не напутайте чего нибудь и не забудьте,— предостерегъ его Томъ. — По дорогѣ я сообщу сестрѣ, что имѣю въ виду, и она, вѣроятно, одобритъ мой планъ. Такъ смотрите же! Вы все упомнили, не такъ ли? Вы поняли меня какъ слѣдуетъ, и готовы дѣйствовать? Отлично. Идемъ, Лу, домой!

Онъ отворилъ дверь, чтобы позвать сестру; однако, не вернулся въ комнату и не сталъ дожидаться, пока ему посвѣтятъ по узкой лѣстницѣ. Юноша былъ уже внизу, когда Луиза только что начала спускаться; лишь по выходѣ на улицу, могла она взять его подъ руку.

Миссисъ Пеглеръ оставалась въ своемъ углу, пока братъ и сестра не ушли и пока Стефенъ не вернулся назадъ со свѣчей. Старушка была въ необычайномъ восторгѣ отъ миссисъ Баундерби и, какъ настоящая чудачка, расплакалась, „изъ за того, что эта молодая леди такая славная милашка“. Однако, миссисъ Пеглеръ такъ боялась, чтобы предметъ ея восхищенія не вернулся случайно назадъ или чтобъ не пришелъ еще кто нибудь другой, что ея недавняя веселость совершенно пропала. Вдобавокъ время было уже позднее для людей, которые встаютъ рано и проводятъ день за тяжелымъ трудомъ. Итакъ, гости собрались по домамъ. Стефенъ съ Рэчелью проводили свою таинственную знакомую до дверей кофейни для пріѣзжающихъ, гдѣ и распростились съ нею.

Оттуда они пошли обратно вдвоемъ до угла улицы, гдѣ жила Рэчель, и по мѣрѣ приближенія къ ней становились все молчали-

вѣе. Подойдя къ неосвѣщенному углу, гдѣ обыкновенно кончались ихъ рѣдкія встрѣчи, двое друзей остановились попрежнему молча, точно боялись оба заговорить.

— Я постараюсь еще разъ повидаться съ тобою, Рэчель, передъ своимъ уходомъ, но еслибъ это не удалось...

— Ты не придешь ко мнѣ больше, Стефенъ, я знаю. Лучше не станемъ обманывать понапрасну другъ друга.

— Ты всегда права. Лучше потолковать между собою прямо и откровенно. Такъ какъ мнѣ остается пробыть здѣсь всего день или два, то, по моему, было бы безопаснѣе для тебя, дорогая, чтобъ меня не видѣли больше съ тобою. Это могло бы накликать на тебя лишнюю бѣду безъ всякаго толка.

— Не это останавливаетъ меня, Стефенъ. Но, вѣдь, ты помнишь нашъ прежній уговоръ...

— Хорошо, хорошо, — подтвердилъ онъ. Такъ выходитъ лучше во всякомъ случаѣ.

— Ты станешь писать мнѣ, чтобъ я знала, какъ ты устроился?

— Какъ же. Теперь я могу сказать тебѣ только одно: да хранитъ тебя Небо, да благословитъ Оно тебя, да воздастъ тебѣ за все, что ты сдѣлала для меня!

— Да сохранитъ и тебя Господь въ твоихъ странствіяхъ, Стефенъ, да ниспошлетъ Онъ тебѣ, наконецъ, покой и душевный миръ!

— Я говорилъ тебѣ тогда, милая Рэчель, — сказалъ Блекпуль, — помнишь, въ ту ночь, — что, когда мнѣ случится увидать что нибудь такое, что взволнуетъ и разсердитъ меня, или даже подумать о чемъ нибудь подобномъ, то ты всегда будешь возлѣ меня, потому что мнѣ не сравниться съ тобою. Ты и теперь помогаешь мнѣ переносить мое горе. Черезъ тебя я смотрю на него болѣе здраво и справедливо. Будь счастлива. Доброй ночи. Прощай.

То было торопливое прощанье на самой прозаической улицѣ, однако, оно стало священнымъ воспоминаніемъ для этихъ двоихъ людей изъ простонародья. Утилитаристы, бредящіе политической экономіей, изсохшіе остовы школьной науки, комиссіонеры факта, разочарованные, изношенные свѣтскіе львы, болтуны, проповѣдующіе истрепанныя доктрины, — бѣднякъ всегда будетъ при васъ Воспитывайте въ этихъ людяхъ, пока еще не поздно, чувство и воображеніе во всей ихъ прелести, чтобъ скрасить имъ жизнь, въ которой такъ мало отраднаго; иначе — когда наступитъ день вашего торжества и побѣды, когда идеализмъ будетъ совершенно вытравленъ изъ ихъ душъ, и они станутъ лицомъ къ лицу съ жизнью во всей ея неприглядной наготѣ — дѣйствительность приметъ волчье обличье и пожретъ васъ.

Стефенъ работалъ на фабрикѣ на другой и на третій день, и попрежнему никто съ нимъ не заговаривалъ, и всѣ старательно избѣга-

ли его. Къ вечеру второго дня начатая работа стала подходить къ концу, а къ вечеру третьяго станокъ его опустѣлъ.

Каждый вечеръ по уходѣ съ фабрики простаивалъ онъ, согласно уговору съ Томомъ, болѣе часа на улицѣ около банка; однако, изъ этого ничего не выходило, ни худого, ни добраго. Чтобъ его не упрекнули въ небрежности къ принятому на себя обязательству, ткачъ рѣшилъ продежурить вдвое больше на третій вечеръ, — послѣдній, проведенный имъ въ Коктоунѣ.

Подъ окномъ перваго этажа опять сидѣла почтенная леди, когда то занимавшаяся хозяйствомъ въ домѣ мистера Баундерби. Разсыльный былъ также налицо; онъ то разговаривалъ съ нею, то выглядывалъ изъ окна внизу поверхъ рѣшотки съ надписью: „Банкъ", то выходилъ на крыльцо освѣжиться воздухомъ. Когда Битцеръ показался первый разъ у порога, Блэкпуль вообразилъ, что онъ высматриваетъ его, и прошелся по тротуару мимо. Однако, бѣлобрысый малый только взглянулъ на него мелькомъ моргающими глазами, но не сказалъ ничего.

Два часа ожиданія тянулись томительно-долго послѣ трудового дня. Чтобъ какъ нибудь скоротать время, Стефенъ усаживался на ступени крылечка сосѣдняго дома, прислонялся спиной къ стѣнѣ подъ воротами, снова бродилъ взадъ и впередъ, прислушивался къ бою башенныхъ часовъ, останавливался и смотрѣлъ на игры уличныхъ ребятишекъ. Такое продолжительное безцѣльное шатанье невольно кидалось въ глаза. По прошествіи часа Стефенъ даже началъ испытывать неловкость, сознавая, что онъ можетъ показаться подозрительною личностью.

Тутъ пришелъ фонарщикъ, и длинная перспектива улицы освѣтилась двойнымъ рядомъ огней, которые терялись въ отдаленіи, сливаясь между собою. Миссисъ Спарситъ затворила окно въ первомъ этажѣ, опустила штору и ушла къ себѣ наверхъ. Огонекъ ея свѣчи мелькнулъ сначала въ слуховомъ окошечкѣ надъ дверью, потомъ въ обоихъ окнахъ лѣстницы, по мѣрѣ того, какъ она поднималась. Вотъ приподнялся уголокъ шторы въ окнѣ второго этажа, точно миссисъ Спарситъ подглядывала оттуда, а вотъ и другой, точно за нимъ притаился бѣлобрысый разсыльный. Между тѣмъ, обѣщаннаго увѣдомленія все еще не было. Стефенъ почувствовалъ большое облегченіе, когда два часа, наконецъ, прошли, и направился домой быстрымъ шагомъ, чтобъ вознаградить себя за вынужденное бездѣйствіе.

Ему оставалось только распрощаться съ квартирной хозяйкой и лечь на временную постель на полу. Его вещи были упакованы, и все готово въ дорогу. Онъ хотѣлъ убраться изъ города ранымъ-ранехонько, — раньше, чѣмъ рабочіе появятся на улицѣ.

Только что забрезжило утро, какъ Стефенъ, бросивъ прощальный взглядъ на свою комнату и съ грустью спрашивая себя, вер-

нется ли онъ сюда когда нибудь еще, вышелъ изъ дома. Городъ былъ совершенно безлюденъ, точно жители покинули его, чтобъ не встрѣчаться съ отверженцемъ. Все казалось блѣднымъ въ этотъ ранній часъ. Даже приближеніе солнечнаго восхода превратило небеса въ бѣлесоватое пространство, напоминающее унылое море.

Минуя домъ, гдѣ жила Рэчель, — хотя ему это было совсѣмъ не по дорогѣ, — минуя красивыя кирпичныя зданія, минуя громадныя безмолвныя фабрики, теперь не дрожавшія; минуя желѣзную дорогу, гдѣ сигнальные огни тускнѣли при наступленіи утра; минуя ветхія постройки по сосѣдству съ нею, на половину упавшія, на половину исправленныя; минуя разбросанныя кирпичныя виллы, вокругъ которыхъ закопченый остролистникъ былъ осыпанъ грязнымъ угольнымъ порошкомъ, точно неряшливый любитель нюхательнаго табаку; минуя тропинки, покрытыя слоемъ мелкаго угля, и многіе другіе безобразные предметы, Стефенъ поднялся на вершину холма и поспѣшилъ оглянуться назадъ.

День уже сіялъ надъ городомъ; утренніе колокола призывали на работу. Печи въ домахъ еще не топились, и высокія фабричныя трубы нераздѣльно царили въ воздухѣ. Изрыгая изъ себя ядовитый дымъ, онѣ обѣщали вскорѣ заслонить отъ человѣческихъ взоровъ небесную лазурь. Но пока еще нѣкоторыя окна горѣли, какъ жаръ, чистымъ золотомъ. Жители Коктоуна всегда видѣли солнце въ состояніи затмѣнія сквозь закопченое стекло.

Какъ странно перейти прямо отъ фабричныхъ трубъ къ вольнымъ птицамъ! Какъ странно видѣть у себя на ногахъ дорожную, а не угольную пыль! Какъ странно дожить до такихъ лѣтъ и начинать по-мальчишески это лѣтнее утро! Съ такими думами въ головѣ и съ узелкомъ подъ мышкой Стефенъ шелъ по большой дорогѣ, внимательно присматриваясь ко всему. А деревья, сплетаясь зеленымъ сводомъ у него надъ головой, нашептывали ему что онъ оставилъ за собою вѣрное и любящее сердце.

VII. Порохъ.

Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ, „ударившись“ въ содѣйствіе своей партіи, вскорѣ началъ преуспѣвать. Съ помощью нѣсколько расширеннаго знакомства съ политическими мудрецами по ихъ книгамъ, чуточку большаго свѣтскаго равнодушія къ обществу вообще, съ помощью усвоенной имъ откровенности относительно собственныхъ недостатковъ (самый существенный и наиболѣе популярный изъ вѣжливыхъ смертныхъ грѣховъ), Гартхаузъ въ короткое время прослылъ человѣкомъ, подающимъ большія надежды. Его беззаботное отношеніе къ серьезной сторонѣ жизни давало ему большое преимущество; благодаря этому свойству, онъ примкнулъ къ партіи суроваго факта такъ охотно, точно съ самаго рожденія принад-

лежалъ къ ней, тогда какъ въ представителяхъ другихъ партій видѣлъ лишь сознательныхъ лицемѣровъ, „которымъ (говорилъ онъ Луизѣ) никто изъ насъ не вѣритъ, дорогая миссисъ Баундерби, и которые сами не вѣрятъ себѣ. Единственная разница между нами и этими профессорами добродѣтели, или милосердія, или филантропіи — дѣло не въ названіи — заключается только въ томъ, что мы считали все это безсмыслицей и признаемся въ этомъ откровенно, тогда какъ они знаютъ это не хуже нашего, но стараются это скрыть“.

Почему же такое признаніе могло смутить Луизу? Развѣ оно шло въ разрѣзъ съ принципами ея отца или полученнымъ ею въ дѣтствѣ воспитаніемъ, что заставило ее содрогнуться? Неужели существовало громадно различіе между этими двумя направленіями? Вѣдь, то и другое приковывало ее къ матеріальной дѣйствительности и не внушало ей вѣры ни во что иное. Неужели Джемсъ Гартхаузъ могъ разбить въ ея душѣ что нибудь такое, что было вскормлено въ ней Томасомъ Гредграйндомъ въ годы невинности и чистоты?

Луиза тѣмъ болѣе заслуживала сожалѣнія въ данномъ случаѣ, что въ ея умѣ (раньше, чѣмъ необычайно практическій отецъ принялся за его образованіе) зародилась инстинктивная жажда вѣрить въ болѣе широкое и благородное человѣчество, чѣмъ то, о которомъ она слышала. Но эта вѣра постоянно боролась въ ней съ сомнѣніями и приступами злобы. Съ сомнѣніями потому, что въ ней съ дѣтства была подавлена всякая самостоятельность; съ приступами злобы — по причинѣ несправедливости къ ней самой ея ближнихъ, если внутренній голосъ не обманывалъ ее. На эту исковерканную, раздвоенную натуру, давно привыкшую подавлять въ себѣ всякій порывъ, философія Гартхауза дѣйствовала благотворно, какъ утѣшеніе и оправданіе. Если все на свѣтѣ въ самомъ дѣлѣ такъ пусто и ничтожно, значитъ, она ничего не потеряла и ничѣмъ не пожертвовала. „Не все ли равно!“ — сказала она отцу, когда тотъ предложилъ ей выйти замужъ. „Не все ли равно“, — твердила она и теперь. Съ презрительной самонадѣянностью спрашивала она себя: стоитъ ли на что нибудь обращать вниманіе? — и шла своей дорогою дальше.

Куда? Шагъ за шагомъ подвигалась она впередъ и подъ гору — къ невѣдомому концу, но съ такою обманчивою постепенностью, что ей казалось, будто бы она стоитъ неподвижно.

Что же касается мистера Гартхауза, то этотъ человѣкъ совсѣмъ не задавалъ себѣ вопроса, чего онъ добивается отъ нея и что ему нужно. У него не было никакого опредѣленнаго намѣренія или обдуманнаго плана; ни одна слабость не переходила у него въ страсть, способную вывести его изъ апатіи. Общество Луизы доставляло ему развлеченіе, и онъ былъ заинтересованъ ею въ дан-

ное время, на сколько это подобаетъ изящному джентльмену, пожалуй, даже нѣсколько болѣе, чѣмъ онъ могъ сознаться, не повредивъ своей репутаціи свѣтскаго льва. Послѣ своего пріѣзда въ Коктоунъ, онъ небрежно сообщилъ въ письмѣ своему брату, почтенному и остроумному члену парламента, что супруги Баундерби „пресмѣшная чета“; а далѣе, что сама миссисъ Баундерби не только не похожа на Горгону, какъ онъ ожидалъ, но, напротивъ, молода и замѣчательно красива. Послѣ того Гартхаузъ пересталъ о нихъ писать, но посвящалъ имъ всѣ свои досуги. Онъ часто заглядывалъ къ нимъ во время своихъ разъѣздовъ по выборамъ въ Коктоунскомъ округѣ, и мистеръ Баундерби всегда приглашалъ его къ себѣ. Совершенно въ духѣ мистера Баундерби было хвастаться передъ всѣми, что онъ не придаетъ важности знакомству съ знатными людьми; но если женѣ его, дочери Тома Гредграйнда, нравится ихъ общество, то онъ не мѣшаетъ ей принимать ихъ.

Мистеру Джемсу Гартхаузу начинало казаться, что для него было бы совершенно новымъ ощущеніемъ, еслибъ юное личико, преобразившееся такъ восхитительно изъ-за олуха—брата, преобразилось бы точно такъ же ради него.

Онъ былъ тонкій наблюдатель, обладалъ отличной памятью и не забылъ ни слова изъ откровенныхъ признаній Тома. Онъ сопоставилъ слышанное со всѣмъ, что замѣчалъ въ его сестрѣ, и началъ понимать ее. Безспорно, лучшая и самая глубокая часть ея натуры была недоступна его наблюденію, потому что душа человѣческая то же, что море: въ ней глубина измѣряется глубиною; но онъ вскорѣ научился довольно искусно читать то, что всплывало на поверхность.

Мистеръ Баундерби пріобрѣлъ въ собственность домъ и землю, миляхъ въ пятнадцати отъ города и въ одной или двухъ миляхъ отъ станціи желѣзной дороги, проведенной по множеству віадуковъ черезъ дикую мѣстность, изрытую заброшенными угольными копями, усѣянную по ночамъ огнями и темными фигурами подъемныхъ машинъ у отверстій шахтъ. Эта мѣстность постепенно теряла свой суровый характеръ по мѣрѣ приближенія къ имѣнію мистера Баундерби и превращалась здѣсь въ сельскій пейзажъ, золотившійся верескомъ и бѣлѣвшій боярышникомъ по веснѣ, трепетавшій зеленой листвою съ ея подвижными тѣнями цѣлое лѣто. Эта усадьба съ живописнымъ мѣстоположеніемъ осталась за банкомъ Баундерби, гдѣ была заложена однимъ изъ коктоунскихъ магнатовъ, который, рѣшивъ достичь колоссальнаго состоянія кратчайшимъ путемъ, зарвался въ спекуляціяхъ и ошибся въ своемъ разсчетѣ тысячъ на двѣсти фунтовъ. Такіе казусы случались иногда въ самыхъ аккуратныхъ семействахъ Коктоуна, но, какъ извѣстно, банкротства не имѣютъ ничего общаго съ непредусмотрительностью низшихъ классовъ.

Мистеръ Баундерби съ величайшимъ удовольствіемъ расположился въ этомъ уютномъ уголкѣ и со свойственнымъ ему показнымъ смиреніемъ началъ сажать капусту въ цвѣточномъ саду. Ему нравилось жить по дачному среди изящной мебели, и онъ еще болѣе чванился здѣсь своимъ плебействомъ, находя во всемъ поводъ къ хвастовству.

— Знаете ли, сэръ, — говорилъ онъ какому нибудь гостю, — меня увѣряли, будто бы Никкитсъ,—прежній владѣлецъ—заплатилъ семьсотъ фунтовъ вотъ за эту картину Сибича. Скажу вамъ по правдѣ, что я едва ли взглянулъ на нее хоть семь разъ въ жизни; значитъ, каждый взглядъ обошелся мнѣ въ сотню фунтовъ. Нѣтъ, чертъ возьми! Я не забываю, что меня зовутъ Джозія Баундерби изъ Коктоуна. Вѣдь, многіе годы единственными картинами въ моемъ владѣніи или пріобрѣтенными мною тѣмъ или инымъ способомъ, если только я ихъ не воровалъ, были гравюры, изображавшія человѣка, который брѣется передъ вычищеннымъ сапогомъ вмѣсто зеркала; онѣ наклеивались на банки съ ваксою, которою я съ наслажденіемъ чистилъ сапоги прохожимъ господамъ на улицѣ, а порожнія банки продавалъ по фартингу за штуку, да еще какъ радовался такому барышу.

Въ томъ же духѣ Баундерби обращался и къ мистеру Гартхаузу:

— Гартхаузъ, у васъ здѣсь съ собой пара лошадей. Приведите еще хоть полдюжины, если будетъ охота, всѣмъ найдется мѣсто. Тутъ конюшня на двѣнадцать лошадей и, если только не врутъ про Никкитса, то у него все было занято. Цѣлая дюжина коней, сэръ. Въ юности Никкитсъ учился въ Вестминстерской школѣ. Онъ учился тамъ на королевскій счетъ, когда я питался преимущественно отбросами и спалъ въ рыночныхъ корзинахъ. Да еслибъ мнѣ даже пришла блажь обзавестись дюжиной лошадей — чего мнѣ совсѣмъ не надо, потому что съ меня довольно и одной — я, право, не могъ бы равнодушно видѣть ихъ въ здѣшнихъ стойлахъ, вспоминая, какимъ помѣщеніемъ въ былые годы довольствовался самъ! Я не могъ бы смотрѣть на нихъ, сэръ, не приказавъ убрать ихъ прочь. Вотъ какъ все перевертывается на свѣтѣ. Видите эту усадьбу? Вамъ извѣстно, что врядъ ли найдется другое болѣе благоустроенное имѣніе такихъ размѣровъ въ соединенномъ королевствѣ или гдѣ бы то ни было — мнѣ все равно, гдѣ — и тутъ, въ самой середкѣ, словно червякъ въ сердцевинѣ орѣха, сидитъ Джозія Баундрби. Между тѣмъ Никкитсъ (какъ говорилъ мнѣ одинъ человѣкъ, приходившій вчера въ банкъ), исполнявшій роли въ латинскихъ пьесахъ, которыя давались въ Вестминстерской школѣ въ присутствіи высшаго судебнаго персонала и тамошней знати, аплодировавшихъ ему до тѣхъ поръ, пока они чернѣли въ лицѣ, опустился теперь до степени идіота, сэръ — опустился до степени

идіота — и живетъ гдѣ-то въ пятомъ этажѣ въ одномъ изъ узкихъ темныхъ переулковъ Антверпена!

И вотъ въ этомъ уединеніи, подъ густолиственной сѣнью деревьевъ, долгими, ясными лѣтними днями принялся мистеръ Гартхаузъ производить свои опыты надъ юнымъ лицомъ, которое такъ удивило его вначалѣ: онъ хотѣлъ испытать, преобразится ли оно для него.

— Миссисъ Баундерби, какъ я радъ, что, по счастливой случайности, встрѣтилъ васъ здѣсь одну. Давно ужъ хотѣлось мнѣ потолковать съ вами съ глазу на глазъ.

На самомъ дѣлѣ не было ничего удивительнаго въ томъ, что онъ нашелъ ее одну; въ эту пору она всегда оставалась въ одиночествѣ, а мѣсто ихъ встрѣчи было ея любимымъ убѣжищемъ. То была прогалина въ темномъ лѣсу, гдѣ лежало нѣсколько срубленныхъ деревьевъ и гдѣ молодая женщина просиживала цѣлыми часами, заглядываясь на паденіе прошлогоднихъ листьевъ, какъ она заглядывалась когда-то на падавшіе искры въ каминѣ у себя дома.

Гартхаузъ сѣлъ съ нею рядомъ и заглянулъ ей въ лицо.

— Вашъ братъ... мой юный другъ Томъ...

У ней заигралъ румянецъ, и Луиза обернулась къ гостю, видимо заинтересованная.

„Никогда въ моей жизни“, — подумалъ онъ, — „не видывалъ я ничего замѣчательнѣе и плѣнительнѣе внезапнаго просвѣтленія въ этихъ чертахъ!

Лицо Джемса выдавало его помыслы — пожалуй, не выдавая его тайны —потому что, можетъ быть, это дѣлалось преднамѣренно.

— Простите меня. Выраженіе вашего сестринскаго участія такъ прекрасно... Тому слѣдовало бы гордиться... Я знаю, это непростительно, но не могу преодолѣть восторга.

— При вашей повышенной впечатлительности, — сказала она сдержаннымъ тономъ.

— Нѣтъ, миссисъ Баундерби, нѣтъ; вы знаете, я не притворяюсь передъ вами. Вамъ извѣстно, что я низкая натуришка, готовая продаться во всякое время за приличную сумму, и совершенно неспособенъ ни къ какой аркадской идилліи.

— Я жду, что скажете вы мнѣ дальше о моемъ братѣ, — промолвила она.

— Вы суровы ко мнѣ, чего я не заслуживаю. Пускай я нестоющій человѣкъ, но зато не лицемѣръ, нѣтъ, не лицемѣръ! Однако, вы сбили меня съ толку и отвлекли отъ предмета, который я имѣлъ въ виду. Вернемтесь къ вашему брату. Я принимаю въ немъ участіе.

— Неужели что нибудь можетъ внушить вамъ участіе, ми-

стеръ Гартхаузъ? — спросила Луиза, колебавшаяся между недовѣріемъ и благодарностью.

— Еслибъ вы задали мнѣ этотъ вопросъ въ первый день нашего знакомства, я отвѣтилъ бы отрицательно. А теперь—даже рискуя показаться неискреннимъ и возбудить въ васъ справедливое недовѣріе, я говорю „да".

Она сдѣлала легкое движеніе, какъ будто хотѣла заговорить, но голосъ измѣнилъ ей; наконецъ, она сказала:

— Мистеръ Гартхаузъ, я вѣрю, что вы принимаете участіе въ моемъ братѣ.

— Благодарю васъ и смѣю надѣяться, что въ данномъ случаѣ я заслужилъ ваше довѣріе. Вы сдѣлали такъ много для своего брата, вы такъ нѣжно любите его; вся ваша жизнь, миссисъ Баундерби, выражаетъ такое восхитительное самозабвеніе ради него... Извините, однако: я опять далеко уклонился отъ предмета нашего разговора; однимъ словомъ, я хочу сказать, что интересуюсь Томомъ ради его самого.

Она сдѣлала еле замѣтное движеніе, точно хотѣла вскочить и уйти, не давъ ему договорить. Онъ это замѣтилъ и придалъ другой оборотъ своей рѣчи; тогда она осталась.

— Миссисъ Баундерби, — продолжалъ онъ уже другимъ, болѣе безпечнымъ тономъ, который старался принять, будто бы насильно, что дѣйствовало еще сильнѣе его недавней серьезности; нельзя считать еще непоправимой испорченностью въ такомъ юношѣ, какъ вашъ братъ, если онъ безразсуденъ, неосмотрителенъ и неразсчетливъ, т. е. любитъ мотать деньги, говоря прямо. Правду-ли я говорю?

— Да.

— Позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Не думаете ли вы, что онъ играетъ?

— Кажется, онъ держитъ пари.

Мистеръ Гартхаузъ, повидимому, ждалъ опредѣленнаго отвѣта, и Луиза прибавила:

— Мнѣ въ точности извѣстно, что это такъ.

— И, конечно, онъ проигрываетъ?

— Да.

— Всякій, кто держитъ пари, неизбѣжно проигрываетъ. Смѣю ли я спросить: давали вы ему когда нибудь денегъ на игру?

Луиза сидѣла, потупившись; но при этомъ вопросѣ она подняла глаза съ недоумѣніемъ и какъ будто съ досадой.

— Повѣрьте, что мною руководитъ не дерзкое любопытство, миссисъ Баундерби. Я опасаюсь, что Томъ постепенно запутывается, и я хочу подать ему руку помощи, какъ человѣкъ, имѣющій за собой печальный опытъ собственныхъ погрѣшностей. Надо ли повторять, что я дѣлаю это ради его самого; не лишнее ли это?

Она, казалось хотѣла отвѣтить, но слова не шли у ней съ языка.

— Простите за откровенность,—продолжалъ Джемсъ Гартхаузъ, снова впадая въ притворно-беззаботный тонъ,—говоря между нами, я думаю, во многомъ виновато его воспитаніе. Едва ли между нимъ и вашимъ почтеннымъ батюшкой существовало когда нибудь особенное довѣріе.

— Едва ли оно было,—созналась Луиза, краснѣя при воспоминаніи о своемъ собственномъ прошломъ въ родительскомъ домѣ.

— Или между нимъ и... (вы, конечно, поймете мою мысль) и его почтеннѣйшимъ зятемъ.

Румянецъ Луизы сгущался все больше и больше; наконецъ, она, пылая, какъ зарево, отвѣчала ослабѣвшимъ голосомъ:

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— Миссисъ Баундерби,—произнесъ Гартхаузъ послѣ нѣкотораго молчанія,—не отнесемся ли мы съ вами съ большимъ довѣріемъ одинъ къ другому? Томъ занялъ у васъ значительную сумму?

— Вы поймете, мистеръ Гартхаузъ,—отвѣчала Луиза послѣ нѣкотораго колебанія, (все время она болѣе или менѣе обнаруживала нерѣшительность и замѣшательство во время этого разговора, хотя не измѣняла своей обычной сдержанности); вы поймете, что если я скажу вамъ то, о чемъ вы допытываетесь, то не въ видѣ жалобы и не изъ раскаянія. Я никогда не жалуюсь и не имѣю привычки раскаиваться въ томъ, что дѣлаю.

„Какая твердость, однако!“—подумалъ Джемсъ Гартхаузъ.

— По выходѣ замужъ я убѣдилась, что уже и тогда мой братъ страшно запутался въ долгахъ, т. е. я хочу сказать, что эти долги были значительны только для него. Мнѣ поневолѣ пришлось продать кой-какія драгоцѣнныя вещицы. То не было жертвой съ моей стороны. Я разсталась съ ними охотно, не придавая имъ цѣны; онѣ совсѣмъ не были мнѣ нужны.

Поняла ли она по его лицу, что онъ догадался, или только боялась, что онъ догадается, въ чемъ дѣло, но она запнулась и снова вспыхнула румянцемъ. Это внезапное замѣшательство окончательно выдало ее. Онъ понялъ, что она говорила о подаркахъ своего мужа—это было ясно даже и для менѣе проницательнаго человѣка.

— Съ тѣхъ поръ я давала брату въ разное время всѣ деньги, какія могла скопить, однимъ словомъ, все, чѣмъ я располагала. Повѣривъ вашему участію къ Тому, я буду откровенна до конца. Послѣ того, какъ вы стали ѣздить къ намъ на дачу, ему понадобилась разомъ сумма въ сто фунтовъ стерлинговъ. Я не могла достать для Тома такихъ большихъ денегъ. Меня ужасно тревожили послѣдствія такого мотовства, и я не знала, что придумать; но хранила тайну до сегодняшняго дня, когда довѣряю ее вашей чести. Я ни съ кѣмъ не совѣтовалась, потому что... ну, вы сами поймете, почему.

И она умолкла.

Гартхаузъ былъ малый не промахъ и поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобъ набросать передъ Луизой ея собственный образъ, занимаясь для вида ея братомъ.

— Миссисъ Баундерби, хотя я и пустой свѣтскій кутила, безпутный человѣкъ, но,—увѣряю васъ,—то, что вы мнѣ сказали, растрогало меня до глубины души. Я не могу произнести надъ вашимъ братомъ суроваго приговора. Я понимаю и раздѣляю вашу разумную снисходительность къ его заблужденіямъ. При всемъ глубокомъ уваженіи къ мистеру Гредграйнду и мистеру Баундерби я долженъ сознаться, что воспитаніе Тома было неудачно. Неподготовленный къ той роли, которую предстояло играть ему въ обществѣ, онъ естественно бросается въ излишества, вырвавшись на волю послѣ строгости и принужденія, въ которыхъ его держали,—конечно, съ самыми лучшими намѣреніями, въ чемъ никакъ нельзя сомнѣваться. Это называется попасть изъ одной крайности въ другую. Прямота и смѣлая независимость мистера Баундерби хотя и составляютъ прекрасную черту чисто англійскаго характера, но не располагаютъ, однако, къ довѣрію, въ чемъ мы съ вами были согласны между собою еще раньше. Если я осмѣлюсь прибавить, что вашему супругу недостаетъ той деликатности, которая могла бы привлечь неопытнаго юношу, непонятый характеръ, дурно направленныя способности,—недостаетъ снисходительности, къ которой охотно обращаются за утѣшеніемъ и руководствомъ, то я выражу вполнѣ свой взглядъ на этотъ вопросъ.

Луиза сидѣла, глядя передъ собою черезъ полосы солнечнаго свѣта на травѣ въ темноту лѣса за прогалиной, и Гартхаузъ прочелъ по ея лицу, что она примѣняетъ къ себѣ сказанныя имъ слова.

— Томъ заслуживаетъ снисхожденія,—продолжалъ гость.—Я вижу въ немъ только одинъ страшный недостатокъ, который не могу ему простить; онъ налагаетъ на него большую вину.

Луиза обратила къ нему глаза и спросила, въ чемъ заключается этотъ порокъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ онъ,—я сказалъ лишнее; можетъ быть, было бы лучше, еслибъ я совсѣмъ не затрогивалъ этого предмета.

— Вы меня пугаете, мистеръ Гартхаузъ... Скажите, въ чемъ дѣло...

— Чтобъ избавить васъ отъ лишнихъ тревогъ и такъ какъ между нами установилась откровенность относительно вашего брата,—что я ставлю выше всего на свѣтѣ,—я повинуюсь. Я не могу простить того равнодушія, которое выказываетъ Томъ къ привязанности своего лучшаго друга, къ его преданности, къ его безкорыстію и самопожертвованію. Онъ совсѣмъ не умѣетъ цѣнить всего этого, что сквозитъ у него въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, въ

каждомъ поступкѣ. То, что сдѣлали вы для него, заслуживаетъ вѣчной любви, неизмѣнной благодарности; за подобное самоотреченіе грѣшно платить грубостью и капризами. При всей своей безшабашности я не настолько черствъ, миссисъ Баундерби, чтобъ не возмущаться такою испорченностью вашего брата или считать недостатокъ въ немъ чувства пустяками.

Лѣсъ поплылъ передъ глазами Луизы отъ подступившихъ къ нимъ слезъ. Онѣ поднялись изъ глубокаго родника, таившагося долгіе годы, а ея сердце пронзила острая боль, которой онѣ не облегчили.

— Однимъ словомъ,—продолжалъ Гартхаузъ,—я долженъ постараться исправить юношу отъ этого недостатка, миссисъ Баундерби. Болѣе основательное знакомство съ его обстоятельствами, мое руководство и совѣты при распутываніи его затрудненій,—вѣдь, опытность повѣсы, пожалуй, почище Тома, чего нибудь да стоитъ!—доставятъ мнѣ надъ нимъ извѣстное вліяніе, которымъ я и воспользуюсь для своей цѣли.—Мною сказано довольно, пожалуй, даже слишкомъ много. Выходитъ такъ, будто бы я прикидываюсь добрымъ малымъ, но—клянусь честью,—у меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія рисоваться передъ вами, и я прямо говорю, что не украшенъ никакими добродѣтелями. А вотъ и вашъ братъ собственной персоной,—заключилъ онъ, поднявъ глаза и осмотрѣвшись (до сихъ поръ Джемсъ Гартхаузъ пристально смотрѣлъ на Луизу). Онъ тамъ, между деревьями. Должно быть, онъ только что пріѣхалъ. Такъ какъ онъ, повидимому, бредетъ сюда, то не пойти ли намъ къ нему навстрѣчу? Послѣдніе дни бѣдняга былъ крайне молчаливъ и печаленъ. Пожалуй, его мучитъ совѣсть,—если, вообще, есть такая штука на свѣтѣ. Ужъ слишкомъ часто слышишь о ней, клянусь честью, чтобъ не считать ее пустой выдумкой.

Молодой человѣкъ помогъ Луизѣ встать; она взяла его подъ руку, и они пошли навстрѣчу Тому. Олухъ, отъ нечего дѣлать, хлесталъ тросточкой по вѣткамъ, проходя мимо, или наклонялся, чтобъ злобно сковырнуть ею мохъ съ древеснаго ствола. Онъ вздрогнулъ, когда они застали его за этой забавой, и перемѣнился въ лицѣ.

— Алло!—пробормоталъ Томъ; я и не подозрѣвалъ, что вы тутъ.

— Чье это имя вы такъ старательно вырѣзали на деревьяхъ, Томъ?—спросилъ мистеръ Гартхаузъ, положивъ ему руку на плечо и поворачивая его такъ, чтобъ всѣ они могли направиться вмѣстѣ къ дому.

— Чье имя?—отозвался Томъ. О, вы, вѣроятно, подразумѣваете дѣвическое имя?

— Можно было заподозрить, что вы собираетесь увѣковѣчить на древесной корѣ память о какомъ нибудь прелестномъ созданіи.

— И не подумаю, мистеръ Гартхаузъ; развѣ только какое

нибудь прелестное созданіе съ крупнымъ капитальцемъ въ своемъ собственномъ распоряженіи влюбится въ меня;—ну тогда другое дѣло! Впрочемъ, если богатая невѣста была бы даже безобразна, какъ смертный грѣхъ, то и тогда я не сбѣжалъ бы отъ нея. И сталъ бы въ угоду ей повсюду вырѣзывать ея имя.

— А вы таки корыстолюбивы, Томъ!

— Корыстолюбивъ?—подхватилъ Томъ. Да кто же не страдаетъ этой слабостью? Спросите вотъ мою сестру

— А развѣ я доказала, что подвержена ей, Томъ:—возразила Луиза, не обнаруживая болѣе ничѣмъ своего неудовольствія и гнѣва.

— Тебѣ лучше знать,—угрюмо буркнулъ братъ.—Видно, попало не въ бровь, а прямо въ глазъ!

— Сегодня Томъ настроенъ мрачно и ударился въ мизантропію; такъ бываетъ отъ времени до времени со всѣми скучающими людьми,—замѣтилъ мистеръ Гартхаузъ.—Не вѣрьте ему, миссисъ Баундерби. Онъ самъ не думаетъ того, что говоритъ. Я сейчасъ открою нѣкоторыя его мнѣнія о васъ, сообщенныя мнѣ конфиденціально, если онъ не раскается немножко.

— Во всякомъ случаѣ, мистеръ Гартхаузъ,—возразилъ Томъ, нѣсколько смягчаясь отъ восхищенія передъ своимъ кумиромъ, но всетаки угрюмо качая головой,—вы не можете сказать Луизѣ, чтобъ я хвалилъ ее за корыстолюбіе. Я могу превозносить въ ней лишь противуположныя качества и стану дѣлать это, если буду имѣть къ тому основательный поводъ. Впрочемъ, оставимъ теперь этотъ вопросъ; вамъ онъ не интересенъ, а мнѣ надоѣлъ до смерти.

Они подошли къ дому. Выпустивъ руку гостя, Луиза пошла въ комнаты. Гартхаузъ провожалъ ее глазами, пока она поднималась на ступени крыльца и скрылась, наконецъ, за дверью. Тогда онъ снова положилъ руку на плечо ея брата и, таинственно кивнувъ ему головой, пригласилъ его пройтись съ нимъ по саду.

— Томъ, любезный другъ, мнѣ надо перекинуться съ вами словечкомъ!

Они остановились среди заброшенныхъ розовыхъ кустовъ (въ своемъ показномъ смиреніи мистеръ Баундерби не хотѣлъ беречь розъ, разведенныхъ Никкитсомъ), и Томъ присѣлъ на каменныя перила терассы, машинально срывая бутоны и ощипывая ихъ по лепесточку. Демонъ-искуситель стоялъ надъ нимъ, поставивъ одну ногу на балюстраду и граціозно облокотившись на согнутое колѣно. Ихъ было видно изъ комнаты Луизы. Пожалуй, она смотрѣла на эту сцену.

— Что съ вами, Томъ?

— Ахъ, мистеръ Гартхаузъ, — простоналъ молодой Грэдграйндъ,—туго мнѣ приходится! Прямо, жизнь надоѣла.

— Вотъ и мнѣ тоже, любезнѣйшій.

— Вамъ!—воскликнулъ Томъ. Да вы воплощенная независимость! Мистеръ Гартхаузъ, я въ ужасной петлѣ. Вы и представить себѣ не можете, въ какомъ болотѣ я увязъ; изъ какихъ тисковъ могла бы освободить меня сестра, еслибъ захотѣла!

Онъ кусалъ теперь розовые бутоны и вытаскивалъ ихъ изъ стиснутыхъ зубовъ рукой, дрожавшей, какъ у дряхлаго старика. Внимательно всмотрѣвшись въ олуха, его собесѣдникъ заговорилъ самымъ беззаботнымъ тономъ:

— Вы безразсудны, Томъ; вы требуете слишкомъ много отъ сестры. Вѣдь, она ужъ давала вамъ денегъ, повѣса вы этакій, не запирайтесь!

— Давала, мистеръ Гартхаузъ, не спорю. Откуда же мнѣ было и взять ихъ, еслибъ не она? Вотъ мистеръ Баундерби хвастается, что въ мои годы онъ жилъ на два пенса въ мѣсяцъ или что то въ этомъ родѣ. Вотъ мой отецъ, который по его словамъ, заранѣе начерталъ для меня жизненный путь и скрутилъ мнѣ руки и ноги съ самой колыбели. Вотъ моя мать, у которой нѣтъ ничего своего кромѣ вѣчнаго хныканья. Съ нихъ со всѣхъ взятки гладки. А какъ прожить человѣку безъ денегъ и откуда мнѣ ихъ достать, если не отъ сестры?

Онъ чуть не плакалъ и истреблялъ бутоны цѣлыми десятками. Ради вящей убѣдительности мистеръ Гартхаузъ взялъ его за лацканъ сюртука.

— Но, милый Томъ, если ваша сестра не достала ихъ...

— Не достала, мистеръ Гартхаузъ! Да я и не говорю, что она ихъ достала. Можетъ быть, мнѣ понадобилось больше денегъ, чѣмъ она имѣла у себя. Ну, тогда возьми и достань,—очень просто! Вѣдь, она могла бы достать. Теперь нѣтъ смысла скрывать того, о чемъ я уже говорилъ вамъ раньше. Луиза вышла за старикашку Баундерби, какъ вы знаете, не ради себя и не ради его, а ради меня. Такъ почему же она не хочетъ добиться отъ него того, что мнѣ нужно? Она не обязана отдавать ему отчеты, куда дѣваетъ свои деньги. Луиза преловкая; она сумѣла бы вытянуть ихъ изъ него лаской, еслибъ захотѣла. Такъ почему же она не хочетъ, если я сказалъ ей, какими послѣдствіями грозитъ мнѣ неуплата долга? Куда тебѣ! Она и ухомъ не ведетъ. Сидитъ каменнымъ истуканомъ въ присутствіи мужа, вмѣсто того, чтобъ быть полюбезнѣе и подладиться къ нему. Не знаю, какъ назовете это вы, но, по-моему, ея поведеніе противуестественно.

У самаго подножія терассы, по другую сторону, блестѣла вода въ искусственномъ бассейнѣ. Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ почувствовалъ непреодолимое желаніе швырнуть туда мистера Тома Гредграйнда младшаго на подобіе того, какъ угрожали оскорбленные коктоунскіе фабриканты швырнуть въ Атлантическій океанъ свои капиталы. Однако, онъ остался стоять все въ той же непринужден-

ной позѣ, и за каменныя перила полетѣла только пригоршня скомканныхъ бутоновъ, образовавшихъ плавучій островокъ на поверхности воды.

— Милѣйшій Томъ,—промолвилъ Гартхаузъ,—позвольте мнѣ быть вашимъ банкиромъ.

— Ради Бога,—внезапно воскликнулъ тотъ,—не напоминайте мнѣ про банкировъ!

Лицо его страшно поблѣднѣло, представляя рѣзкій контрастъ съ алыми розами. Эта блѣдность кидалась въ глаза.

Мистера Гартхауза, человѣка вполнѣ благовоспитаннаго, привыкшаго вращаться въ избранномъ обществѣ, ничѣмъ нельзя было удивить. Однако, онъ чуть-чуть приподнялъ брови, точно съ легкимъ оттѣнкомъ изумленія, хотя оно такъ же противорѣчило правиламъ его школы, какъ и доктринамъ гредграйндовской коллегіи.

— Сколько вамъ нужно, Томъ, въ настоящую минуту? Три цифры? Назовите ихъ скорѣй. Не робѣйте.

— Мистеръ Гартхаузъ,—отвѣчалъ Томъ, дѣйствительно, расплакавшись, при чемъ его слезы были лучше недавней брани, хотя и придавали ему жалкій видъ,—теперь слишкомъ поздно; деньги не помогутъ мнѣ больше. Немного пораньше онѣ спасли бы меня. Тѣмъ не менѣе, я весьма признателенъ вамъ; вы истинный другъ.

Истинный другъ! „Олухъ, олухъ!“ безпечно подумалъ про себя гость. „Какъ же ты непроходимо глупъ!“

— Я смотрю на ваше предложеніе, какъ на большое великодушіе,—вымолвилъ Томъ, хватая его руку,—какъ на большое великодушіе, мистеръ Гартхаузъ!

— Хорошо,—сказалъ тотъ,—оно можетъ пригодиться вамъ на будущее время. Имѣйте въ виду, милѣйшій, что, если вы посвятите меня въ ваши затрудненія, когда вамъ придется круто, я сумѣю лучше васъ найти изъ нихъ выходъ.

— Благодарю,—произнесъ Томъ, съ унылымъ видомъ пожимая ему руку и машинально разжевывая бутоны. Зачѣмъ не зналъ я васъ раньше, мистеръ Гартхаузъ!

— Видите-ли, Томъ,—сказалъ тотъ, бросая въ свою очередь за балюстраду одну или двѣ розы, словно въ видѣ дани розовому островку, который все норовилъ пристать къ каменной оградѣ, точно желая слиться съ твердою землей,—каждый человѣкъ себялюбивъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, и я не составляю исключенія изъ общаго правила. Я упорно хочу (вялость этого упорнаго хотѣнія по истинѣ была тропической) упорно хочу, чтобъ вы стали относиться мягче къ вашей сестрѣ,—это вашъ прямой долгъ, и чтобъ вы сдѣлались болѣе любящимъ и внимательнымъ братомъ: это также вашъ долгъ.

— Оно такъ и будетъ, мистеръ Гартхаузъ.

— Не откладывайте на будущее, Томъ. Начните сейчасъ.

— Разумѣется, начну. И сестра моя Лу подтвердитъ это вамъ.

— Итакъ,—сказалъ Гартхаузъ, снова хлопнувъ Тома по плечу съ такимъ видомъ, который давалъ ему право предположить (какъ и поспѣшилъ сдѣлать про себя несчастный дуралей), что это условіе было поставлено ему добродушнымъ малымъ съ единственной цѣлью отклонить его благодарность,—итакъ, заключивъ нашъ договоръ, разстанемся пока до обѣда.

Когда Томъ вышелъ къ обѣду, то, несмотря на удрученный духъ, держался на сторожѣ. На этотъ разъ онъ не позволилъ себѣ опоздать и не заставилъ дожидаться мистера Баундерби, придя раньше его.

— Я не хотѣлъ огорчить тебя, Лу,—сказалъ онъ, подавая руку сестрѣ и цѣлуясь съ нею. Я знаю, ты любишь меня, и люблю тебя самъ, что такъ же тебѣ извѣстно.

На лицѣ Луизы появилась улыбка, обращенная сегодня къ кому то другому. Увы, къ кому то другому!

„Теперь нельзя сказать, чтобъ она интересовалась однимъ только олухомъ",—подумалъ Джемсъ Гартхаузъ, припоминая свои наблюденія въ первый день знакомства между ними. „Нѣтъ, нѣтъ, теперь совсѣмъ не то".

VIII. Взрывъ.

Слѣдующее утро было слишкомъ прекрасно, чтобъ его проспать, и Джемсъ Гартхаузъ, поднявшись спозаранку, сидѣлъ у венеціанскаго окна своей уборной, наслаждаясь куреньемъ рѣдкаго табаку, оказавшаго нѣкогда такое благотворное дѣйствіе на его юнаго друга. Нѣжась въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ, окруженный благовоніемъ восточнаго кальяна и лѣнивыми струйками дыма, таявшаго въ воздухѣ, такомъ чистомъ и мягкомъ, напоеннымъ лѣтними ароматами, онъ перебиралъ въ умѣ пріобрѣтенныя имъ преимущества, какъ праздный игрокъ пересчитываетъ свои выигрыши. Ему вовсе не было скучно, и молодой человѣкъ съ удовольствіемъ отдавался этому занятію.

Между нимъ и Луизой существовала теперь тайна, въ которую не былъ посвященъ ея мужъ. Эта тайна еще болѣе отдаляла ее отъ мистера Баундерби, съ которымъ у ней не было, ни раньше, ни теперь, никакого духовнаго сродства. Гартхаузъ коварно, но такъ очевидно увѣрилъ молодую женщину, что знаетъ ея сердце до самыхъ сокровенныхъ его тайниковъ; онъ сошелся съ ней очень близко, воспользовавшись самой нѣжною привязанностью Луизы; онъ принялъ участіе въ любимомъ ею существѣ, и преграда между ними пала сама собою. Все это очень странно, но очень удачно!

Между тѣмъ, даже и теперь у него не было никакого безнравственнаго умысла. Въ интересахъ общества и частныхъ лицъ бы-

ло бы гораздо лучше для того вѣка, когда онъ жилъ, еслибъ этотъ молодой повѣса и легіонъ ему подобныхъ были явно порочными людьми вмѣсто того, чтобъ томиться равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ и безцѣльностью своего существованія. Плавучія ледяныя горы въ полярныхъ моряхъ, носящіяся по прихоти каждаго теченія, безразлично въ ту или другую сторону, какъ разъ и топятъ корабли.

Когда дьяволъ рыщетъ, уподобляясь рыкающему льву, въ этомъ видѣ немногіе прельстятся имъ, кромѣ дикарей да охотниковъ. Но когда онъ щегольски одѣтъ, приглаженъ, вылощенъ по послѣдней модѣ, когда онъ одинаково пресыщенъ порокомъ и добродѣтелью, одинаково извѣдалъ муки ада и райское блаженство, вотъ когда онъ опасенъ, какъ настоящій духъ зла, и непреодолимъ.

И такъ, Джемсъ Гартхаузъ сибаритствовалъ подъ окномъ, лѣниво затягиваясь трубкой и припоминая шаги, сдѣланные имъ по пути, куда онъ попалъ совершенно случайно. Цѣль, къ которой велъ этотъ путь, была достаточно ясна; однако, онъ не утруждалъ себя обдумываньемъ способовъ ея достиженія. Будь, что будетъ.

Въ тотъ день ему предстояла отдаленная поѣздка верхомъ (въ нѣсколькихъ миляхъ отъ имѣнья мистера Баундерби предполагалось общественное собраніе, гдѣ представлялся удобный случай попытать свои силы въ интересахъ партіи Гредграйнда); поэтому гость одѣлся рано и сошелъ внизъ къ завтраку. Его сильно занималъ вопросъ, не произошло ли въ Луизѣ охлажденія къ нему послѣ вчерашняго вечера. Однако, нѣтъ. Не было никакой надобности возвращаться назадъ, наверстывать потерянное. Она снова встрѣтила его съ теплымъ участіемъ.

Съ грѣхомъ пополамъ промаячилъ Гартхаузъ этотъ день болѣе или менѣе къ собственному удовлетворенію, насколько можно было ожидать при такихъ утомительныхъ условіяхъ, и возвращался обратно въ шесть часовъ вечера. Отъ воротъ парка вела къ дому просѣка около полумили протяженія; онъ ѣхалъ вдоль нея шагомъ по мягкому песчаному грунту бывшихъ владѣній Никитса, какъ вдругъ мистеръ Баундерби такъ стремительно выскочилъ изъ кустовъ, что лошадь шарахнулась въ сторону.

— Гартхаузъ!—завопилъ хозяинъ.—Слышали вы?

— О чемъ?—отозвался гость, успокаивая испуганную лошадь и посылая въ душѣ мистера Баундерби ко всѣмъ чертямъ.

— Значитъ, вы не слыхали!

— Я слышалъ вашъ голосъ и эта животина также его услыхала. Вотъ и все.

Мистеръ Баундерби, раскраснѣвшійся и разгоряченный, сталъ посреди дороги вплотную передъ лошадиной головой, чтобы съ большимъ трескомъ выпалить свою новость:

— Банкъ обокраденъ!

— Полноте! Не можетъ быть!

— Обокраденъ вчерашней ночью, сэръ. Обокраденъ необычайнымъ способомъ; съ помощью поддѣланнаго ключа.

— На большую сумму?

Мистеръ Баундерби, которому хотѣлось какъ можно больше раздуть это происшествіе, казался жестоко обиженнымъ такимъ вопросомъ и былъ принужденъ отвѣтить:

— Ну, нѣтъ, не на большую. Но, вѣдь, могло случиться и наоборотъ.

— Сколько же украдено, однако?

— О, что касается цифры украденнаго—если вы такъ допытываетесь о ней—то она не превышаетъ ста пятидесяти фунтовъ,—раздражительно отвѣчалъ банкиръ.—Но дѣло не въ суммѣ, дѣло въ фактѣ. Фактъ ограбленія банка не маловажное обстоятельство. Удивляюсь, какъ вы не понимаете этого.

— Дорогой мистеръ Баундерби,—возразилъ Джемсъ, слѣзая съ лошади и передавая поводья своему слугѣ,—я отлично понимаю это и ошеломленъ, какъ только вы можете желать, ужаснымъ зрѣлищемъ, представляющимся моему духовному взору. Тѣмъ не менѣе, надѣюсь, вы позволите мнѣ поздравить васъ,—а это я дѣлаю отъ всей души, повѣрьте,—поздравить съ тѣмъ, что вы избѣжали большого убытка.

— Благодарю,—буркнулъ Баундерби отрывисто и ворчливо.—Но вотъ, что я вамъ скажу: меня могли ограбить на двадцать тысячъ фунтовъ.

— Я полагаю, что могли.

— Вы полагаете! Вы можете полагать вполнѣ!—подхватилъ банкиръ съ угрожающимъ видомъ, порывисто кивая и тряся головой.—Я могъ быть ограбленъ на сумму вдвое больше. Невозможно утверждать наобумъ, что было бы и чего не было бы, еслибъ ворамъ не помѣшали.

Тутъ къ разговаривающимъ присоединились Луиза, миссисъ Спарситъ и Битцеръ.

— Да вотъ вамъ дочь Тома Гредграйнда: она отлично знаетъ, какихъ капиталовъ рисковалъ я лишиться,—разбушевался Баундерби.—Она такъ и хлопнулась на полъ, какъ подстрѣленная, когда я сообщилъ ей эту вѣсть! Насколько я ее знаю, никогда съ ней не бывало раньше ничего подобнаго, и это дѣлаетъ ей честь при настоящихъ обстоятельствахъ, по моему мнѣнію.

Она и теперь казалась слабой и блѣдной. Джемсъ Гартхаузъ предложилъ ей руку и, подвигаясь съ нею медленнымъ шагомъ впередъ, полюбопытствовалъ, какимъ образомъ была совершена кража.

Позвольте я самъ вамъ разскажу,—вмѣшался хозяинъ, съ

раздражительнымъ видомъ подавая руку миссисъ Спарситъ. — Еслибъ вы не допытывались такъ настойчиво насчетъ размѣра суммы, я давно приступилъ бы къ разсказу. Вѣдь, вы знаете эту леди (потому что она дѣйствительно, леди), миссисъ Спарситъ?

— Я уже имѣлъ честь...

— Прекрасно. А этого молодого человѣка, Битцера, вы такж. видали въ тотъ разъ?

Мистеръ Гартхаузъ въ видѣ подтвержденія наклонилъ голову а Битцеръ стукнулъ себя въ лобъ.

— Отлично. Оба они живутъ въ банкѣ. Вы, можетъ быть, знаете, что они тамъ живутъ? Очень хорошо. Вчера вечеромъ, при закрытіи конторы, всѣ цѣнности, по обыкновенію, были унесены оттуда. Въ желѣзной кладовой, за дверьми которой спитъ вотъ этотъ малый, были заперты невѣсть какія суммы. Въ маленькомъ несгораемомъ шкапу за загородкой, гдѣ работаетъ Томъ — въ этомъ шкапчикѣ хранятся деньги на мелкіе расходы—лежало какихъ нибудь полтораста жалкихъ фунтовъ.

— Сто пятьдесятъ четыре фунта, семь шиллинговъ и одинъ пенсъ,—поправилъ Битцеръ.

— Эй вы!—оборвалъ его Баундерби, круто поворачиваясь къ нему;—не сметь вмѣшиваться въ разговоры! Довольно того, что меня обокрали, пока вы храпѣли, отъѣвшись на хозяйскихъ хлѣбахъ; не суйтесь еще со своими четырьмя фунтами и семью шиллингами. Въ ваши годы я не храпѣлъ, надо вамъ сказать. Когда живешь впроголодь, такъ не захрапишь. И я не совался въ чужіе разговоры со своими поправками, когда и зналъ что нибудь досконально.

Битцеръ снова ударилъ себя въ лобъ съ раболѣпнымъ видомъ и, казалось, былъ одновременно пораженъ и тронутъ этимъ примѣромъ нравственной стойкости мистера Баундерби въ юные годы.

— Сто пятьдесятъ жалкихъ фунтовъ,—продолжалъ банкиръ.— Эту сумму Томъ заперъ въ свой шкапчикъ, не особенно крѣпкій, но это теперь не относится къ дѣлу. Все было оставлено въ полномъ порядкѣ. И вотъ среди ночи, когда этотъ субъектъ изволилъ храпѣть... Миссисъ Спарситъ, сударыня, вѣдь, вы говорили, будто бы слышали, какъ онъ храпѣлъ?

— Сэръ,—отвѣчала миссисъ Спарситъ,—не могу сказать, чтобъ то былъ настоящій храпъ, а потому отказываюсь подтвердить этотъ фактъ. Но зимними вечерами, когда сторожъ засыпалъ, прикурнувъ на столѣ, я слышала, какъ онъ хрипѣлъ, точно задыхался. Нѣсколько разъ въ подобныхъ случаяхъ онъ издавалъ звуки въ родѣ тѣхъ, какіе слышатся иногда въ голландскихъ часахъ. Я не хочу,—продолжала миссисъ Спарситъ, какъ будто давая точныя показанія на судѣ,—я не хочу набросить малѣйшую тѣнь на его нравственность. Напротивъ, я всегда считала Бит-

цера молодымъ человѣкомъ съ самыми твердыми правилами, что и спѣшу засвидѣтельствовать.

— Ладно,—воскликнулъ выведенный изъ себя Баундерби.— Однимъ словомъ, пока этотъ малый храпѣлъ, или хрипѣлъ, или подражалъ голландскимъ часамъ, или дѣлалъ еще что нибудь въ крѣпкомъ снѣ, какіе-то ловкачи какимъ-то манеромъ,—спрятавшись ли предварительно въ домѣ или вломившись въ него потомъ,—добрались до несгораемаго шкапчика Тома, взломали его и обчистили. Тутъ имъ, должно быть, помѣшали, такъ какъ они ударились въ бѣгство и ушли черезъ парадную дверь, которую заперли за собою на два поворота ключа (она была накрѣпко заперта и раньше, а ключъ лежалъ подъ подушкой миссисъ Спарситъ). Грабители же воспользовались поддѣланнымъ ключемъ, который былъ поднятъ сегодня на улицѣ около банка часовъ въ двѣнадцать дня. Никто не поднималъ тревоги, пока этотъ ротозѣй Битцеръ не выползъ изъ своей комнаты сегодня поутру, чтобъ отворить контору и приготовить въ ней все для занятій. При этомъ, взглянувъ на несгораемый шкапчикъ Тома, онъ увидалъ, что дверца распахнута настежъ, замокъ взломанъ, а денегъ, какъ не бывало.

— Кстати, гдѣ же Томъ? — спросилъ Гартхаузъ, осматриваясь кругомъ.

— Онъ помогалъ полиціи въ розыскахъ, — отвѣчалъ Баундерби,—и потому остался въ банкѣ. Пускай бы эти мошенники попробовали обокрасть меня, когда я былъ въ годахъ Тома! Они оказались бы въ убыткѣ, еслибъ затратили на это даже восемнадцать пенсовъ; могу сказать имъ это въ глаза.

— Подозрѣваютъ ли кого нибудь въ совершенной кражѣ?

— Подозрѣваютъ ли? Я думаю такъ. Хэ, хэ, — произнесъ Баундерби, опуская руку миссисъ Спарситъ, чтобъ осушить платкомъ свой вспотѣвшій лобъ.—Джозіо Баундерби изъ Коктоуна нельзя ограбить безнаказанно. Нѣтъ, благодарю покорно!

Мистеръ Гартхаузъ осмѣлился спросить, на кого именно пало подозрѣніе.

— Извольте, я вамъ скажу,—отвѣчалъ Баундерби, остановившись и поворачиваясь лицомъ ко всѣмъ присутствующимъ. — Только объ этомъ не надо благовѣстить; объ этомъ не слѣдуетъ нигдѣ заикаться, иначе эти мошенники (ихъ должна быть цѣлая шайка) станутъ держаться насторожѣ. Итакъ, я говорю вамъ по секрету...—погодите немножко. Мистеръ Баундерби снова провелъ платкомъ по своему разгоряченному лбу.—Посмотримъ, что вы на это скажете!—И онъ выпалилъ, что есть мочи:—въ дѣло замѣшанъ одинъ изъ рабочихъ.

— Надѣюсь, — небрежно замѣтилъ Гартхаузъ, — что это не нашъ пріятель Блэкпотъ.

— Скажите *пуль* вмѣсто *потъ*,—отвѣтилъ Баундерби,—и вы попадете въ самую точку, сэръ.

Луиза слабымъ голосомъ пробормотала что-то, выражавшее ея недовѣріе и удивленіе.

— О, да, конечно! Я такъ и зналъ!—подхватилъ ея мужъ, задѣтый за живое.—Мнѣ ли не знать! Я давно къ этому привыкъ. Извѣстное дѣло: это прекраснѣйшіе люди въ свѣтѣ! Правда, они рѣчисты,—за словомъ въ карманъ не полѣзутъ. Они требуютъ только, чтобъ имъ разъяснили ихъ права. Но вотъ, что я вамъ скажу: покажите мнѣ недовольнаго рабочаго, и я покажу вамъ человѣка, способнаго на все скверное, чего не стоитъ даже перечислять.

То была также одна изъ популярныхъ коктоунскихъ фикцій, которую всячески старались распространять; и въ самомъ дѣлѣ находились добрые люди, искренно вѣрившіе въ нее.

— Но я-то хорошо знакомъ съ этимъ народцемъ,—продолжалъ фабрикантъ,—и вижу ихъ насквозь,—могу читать въ нихъ, какъ въ раскрытой книгѣ. Миссисъ Спарситъ, сударыня, обращаюсь къ вамъ. Какими словами предостерегалъ я Блэкпуля, еще въ первый разъ, какъ онъ перешагнулъ мой порогъ, съ цѣлью узнать, какимъ способомъ можетъ онъ ниспровергнуть религію и попрать государственную церковь? Миссисъ Спарситъ, въ виду вашего знатнаго родства, вы стоите на одномъ уровнѣ съ нашей аристократіей,—засвидѣтельствуйте, говорилъ ли я, или не говорилъ тогда этому малому:—„меня вы не проведете; у меня къ вамъ не лежитъ душа, вы дурно кончите“.

— Совершенно вѣрно, сэръ,—отвѣчала миссисъ Спарситъ;—вы чрезвычайно убѣдительно увѣщевали его.

— Когда онъ шокировалъ васъ, сударыня, — сказалъ Баундерби,—когда онъ шокировалъ ваши чувства?

— Да, сэръ,—отвѣчала миссисъ Спарситъ, кротко качая головой.—Онъ, дѣйствительно, шокировалъ меня.—Возможно, впрочемъ,—оговорилась она,—что мои чувства болѣе впечатлительны къ подобнымъ вещамъ, болѣе сумасбродны (если вамъ лучше нравится это выраженіе), чѣмъ могли бы они быть, еслибъ я всегда занимала мое теперешнее положеніе.

Баундерби уставился съ хвастливой гордостью на гостя, словно говоря: „я собственникъ этой женщины. Надѣюсь, она достойна вашего вниманія, сэръ“. Затѣмъ онъ продолжалъ свою прерванную рѣчь:

— Вы можете вспомнить сами, Гартхаузъ, что я сказалъ Блэкпулю, когда вы видѣли его у меня. Я прямо рѣзалъ ему правду въ глаза, потому что никогда не бываю сладкорѣчивъ съ этимъ народомъ. Я знаю эту братію, отлично знаю, сэръ. И что же? Три дня спустя Блэкпуль исчезъ. Скрылся невѣдомо куда,

какъ моя мать въ дни моего дѣтства, съ тою только разницей, что онъ еще гаже моей матери, если это возможно. Посмотримъ, что же онъ дѣлаетъ передъ уходомъ? Какъ вамъ понравится вотъ это... (мистеръ Баундерби, держа шляпу въ рукѣ, хлопалъ ее по тульѣ при каждомъ отдѣльномъ періодѣ въ своихъ объясненіяхъ, точно она была тамбуриномъ). Нѣсколько вечеровъ подрядъ онъ шлялся вокругъ банка и все что-то высматривалъ. Миссисъ Спарситъ тогда же почуяла что-то неладное. Она указала на него Битцеру, и оба они запримѣтили этого бродягу. По наведеннымъ сегодня справкамъ оказывается, что его безцѣльное шатанье бросалось въ глаза и сосѣдямъ. Такъ вотъ, какъ понравится вамъ все это?

Дойдя до кульминаціоннаго пункта своей рѣчи, мистеръ Баундерби, подобно восточной танцовщицѣ, прикрылъ своимъ тамбуриномъ голову.

— Все это, конечно, довольно подозрительно, — замѣтилъ Джемсъ Гартхаузъ.

— Еще-бы, сэръ,—подхватилъ фабрикантъ, кивнувъ головой съ вызывающимъ видомъ;—еще-бы! Но Блэкпуль замѣшанъ тутъ не одинъ. Ходитъ молва о какой-то старухѣ. Подобныя вещи обнаруживаются обыкновенно ужъ послѣ того, какъ стряслась бѣда; если будетъ украдена лошадь, то непремѣнно окажется, что дверь конюшни имѣла разные изъяны. Вотъ теперь откуда-то выскакиваетъ старуха. Должно быть, она прилетала отъ времени до времени въ городъ на помелѣ. Она дежуритъ у мѣста кражи цѣлый день, прежде чѣмъ ей на смѣну является Блэкпуль; а въ тотъ вечеръ, когда вы видѣли его у меня, она ускользнула вмѣстѣ съ нимъ и они совѣщались между собою; вѣроятно, она отдавала ему отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ и сложила съ себя обязанность шпіонки.

„Дѣйствительно, въ тотъ вечеръ была въ комнатѣ старуха, которая пряталась отъ наблюденій“, подумала Луиза.

— Но это еще не все, намъ извѣстно кое что больше,—прибавилъ Баундерби, таинственно кивая головой;—но я сказалъ довольно на этотъ разъ. Надѣюсь, вы будете держать слышанное въ секретѣ и не скажете никому ни слова. Можетъ быть, потребуется много времени для открытія преступниковъ, но все-таки они не уйдутъ отъ насъ. Полиція должна сперва отпустить немного поводья, не надо ей въ этомъ мѣшать.

— Разумѣется, они будутъ наказаны по всей строгости закона, какъ обыкновенно говорится въ полицейскихъ объявленіяхъ,—замѣтилъ мистеръ Гартхаузъ.—И по дѣломъ! Кто желаетъ обкрадывать банки, долженъ нести на себѣ послѣдствія своихъ дѣяній. Не будь этихъ плачевныхъ послѣдствій, каждый изъ насъ принялся бы взламывать чужія кассы.

Онъ ласково взялъ зонтикъ изъ рукъ Луизы и открылъ его для нея, такъ что она пошла, заслоняясь имъ, хотя солнечные лучи не проникали въ томъ мѣстѣ сквозь густую листву деревьевъ.

— Ну, теперь, Лу Баундерби,—сказалъ ея мужъ, твоя обязанность—позаботиться о миссисъ Спарситъ. Ея нервы сильно потрясены этой исторіей, и она погоститъ у насъ денекъ-другой. Такъ смотри же, устрой ее поудобнѣе.

— Премного благодарна вамъ, сэръ,—подхватила эта скромная леди;—только прошу васъ, не хлопочите обо мнѣ. Для меня все будетъ достаточно хорошо.

Вскорѣ оказалось, что если миссисъ Спарситъ можно было упрекнуть въ чемъ нибудь во время ея пребыванія въ семейномъ кругу мистера Баундерби, такъ развѣ въ безпритязательности, хватавшей прямо черезъ край. Она такъ мало заботилась о самой себѣ и такъ много о другихъ, что это становилось несноснымъ. Когда ей показали отведенную для нея комнату, почтенная леди была такъ сильно растрогана ея удобствами, что выразила готовность удовольствоваться лучше каткомъ въ прачечной для своего ночлега.

— Безспорно, Паулеры и Скаджерсы были пріучены къ роскоши,—говорила она съ величавой важностью, особенно охотно распространяясь объ этомъ въ присутствіи кого нибудь изъ слугъ. Но моя обязанность помнить, что теперь я уже не то, чѣмъ была раньше. Дѣйствительно, еслибъ мнѣ было можно изгладить изъ своей памяти, что мужъ мой мистеръ Спарситъ былъ Паулеръ, а я сама принадлежу къ роду Скаджерсовъ, или еслибъ я могла измѣнить порядокъ вещей, превратившись въ женщину простого происхожденія и заурядной среды, то я охотно сдѣлала бы это. При данныхъ обстоятельствахъ оно, пожалуй, было бы правильно.

Тотъ же духъ самоотреченія и аскетизма заставлялъ миссисъ Спарситъ отказываться отъ изысканныхъ блюдъ и винъ за обѣдомъ до тѣхъ поръ, пока мистеръ Баундерби прямо заставлялъ ее угощаться ими. Тогда она обыкновенно говорила: „вы слишкомъ добры, сэръ“, и отмѣняла свое объявленное во всеуслышаніе твердое намѣреніе „подождать ломтика простой баранины“. Она разсыпалась въ извиненіяхъ, когда просила передать ей соль, и считала своей непремѣнной обязанностью относительно мистера Баундерби подтвердить на дѣлѣ его свидѣтельство о крайнемъ разстройствѣ своихъ нервовъ. Съ этою цѣлью почтенная леди, ни съ того, ни съ сего, откидывалась на спинку стула и проливала безмолвныя слезы. При этомъ можно было видѣть (или, точнѣе, нельзя было не видѣть, потому что подобное явленіе привлекло къ себѣ общее вниманіе), какъ слеза крупныхъ размѣровъ, съ хрустальную подвѣску серьги величиной, скатывалась по ея римскому носу.

Но главнымъ пунктомъ тактики миссисъ Спарситъ, съ начала

до конца, была ея непоколебимая рѣшимость соболѣзновать мистеру Баундерби. Случалось, что при взглядѣ на него она не могла удержаться, чтобъ не покачать скорбно головой съ подавленнымъ вздохомъ, точно говоря про себя: — „Увы, бѣдный Іорикъ!“ — Обнаруживъ противъ воли эти признаки душевнаго волненія, почтенная леди ударялась въ притворную веселость, порывистую и ненатуральную. Заставляя себя улыбнуться, она говорила:—„Слава Богу, что вы еще не падаете духомъ, сэръ!“—какъ будто надо было радоваться, какъ особому благополучію, что мистеръ Баундерби пока не изнемогъ подъ бременемъ своего непоправимаго горя. Была въ ней еще одна странность, за которую она постоянно извинялась, не будучи въ силахъ ее предолѣть. По какой то необъяснимой забывчивости миссисъ Спарситъ то и дѣло называла миссисъ Баундерби „миссъ Гредграйндъ“, что случалось съ нею по шестидесяти, по восьмидесяти разъ въ вечеръ. Повтореніе этой ошибки повергало бѣдную гостью въ смиренное замѣшательство, но она оправдывалась тѣмъ, что имя „миссъ Гредграйндъ“ какъ то само собой просилось ей на языкъ, тогда какъ ей было почти невозможно увѣрить себя въ томъ, что молодая особа, которую она имѣла счастье знать съ дѣтскихъ лѣтъ, въ самомъ дѣлѣ могла превратиться въ миссисъ Баундерби. Дальнѣйшая странность такого замѣчательнаго обстоятельства заключалась въ томъ, что чѣмъ больше почтенная леди думала о немъ, тѣмъ невѣроятнѣе представлялось оно ей.—„Слишкомъ ужъ велика разница“,— прибавляла она въ видѣ поясненія.

Послѣ обѣда, въ гостиной, хозяинъ разбиралъ дѣло о грабежѣ; пересматривалъ свидѣтельскія показанія, дѣлалъ замѣтки насчетъ уликъ, нашелъ подозрѣваемыхъ виновными и приговорилъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія, положеннаго закономъ. По окончаніи разбирательства Битцеръ былъ отпущенъ домой въ Коктоунъ съ порученіемъ посовѣтовать Тому пріѣхать на дачу съ почтовымъ поѣздомъ.

Когда подали свѣчи, миссисъ Спарситъ прошептала:

— Не унывайте, сэръ. Какъ пріятно было бы мнѣ видѣть васъ веселымъ, какъ въ былое время.

Мистеръ Баундерби, начинавшій разнѣживаться отъ этихъ утѣшеній въ качествѣ недалекаго человѣка, вздохнулъ, какъ кашалотъ.

— Я не могу видѣть васъ такимъ огорченнымъ, сэръ,—продолжала гостья.—Попробуйте сыграть партію въ бекгеммонъ *), сэръ, какъ водилось между нами, когда я имѣла честь жить подъ вашей кровлей.

— Я не игралъ въ бекгеммонъ съ той поры, сударыня,— отвѣчалъ хозяинъ.

---

*) Карточная игра, подобіе триктрака.

— Знаю, что не играли, сэръ,—сказала миссисъ Спарситъ успокоительнымъ тономъ. Мнѣ помнится, что миссъ Гредграйндъ не жалуетъ карточной игры. Но я почту себя счастливой, сэръ, если вы соблаговолите снизойти.

Они усѣлись играть у отвореннаго окна, выходившаго въ садъ. Ночь была чудесная; не лунная, но знойная и благовонная. Луиза съ мистеромъ Гартхуазомъ вышли въ садъ, откуда доносились ихъ голоса, раздававшіеся въ ночной тишинѣ, хотя словъ нельзя было разобрать. Со своего мѣста за игорнымъ столикомъ, миссисъ Спарситъ то и дѣло устремляла глаза въ чащу деревьевъ, стараясь пронизать сумракъ своимъ взоромъ.

— Что тамъ такое, сударыня?—спросилъ, наконецъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ мистеръ Баундерби. Ужъ не видите ли вы зарева пожара?

— О, нѣтъ, Боже сохрани, сэръ!—возразила почтенная леди.—Меня безпокоитъ роса.

— А вамъ что за дѣло до росы, сударыня?—сказалъ хозяинъ.

— Мнѣ самой—ровно никакого, сэръ. Но я боюсь, какъ бы не схватила простуды миссъ Гредграйндъ.

— Она совсѣмъ не подвержена ей, — буркнулъ мистеръ Баундерби.

— Неужели, сэръ?—удивилась миссисъ Спарситъ, и у нея вдругъ запершило въ горлѣ, такъ что пришлось откашливаться

Передъ отходомъ ко сну хозяинъ выпилъ стаканъ воды.

— О, сэръ, — ужаснулась бывшая экономка. — Неужели вы бросили пить подогрѣтый хересъ съ лимонной цедрой и мускатнымъ орѣшкомъ?

— Я отсталъ отъ привычки къ этому напитку, сударыня,—отвѣчалъ мистеръ Баундерби.

— Тѣмъ хуже, сэръ,—возразила миссисъ Спарситъ. Вы бросаете всѣ ваши добрые старые обычаи. Встряхнитесь-ка лучше! Если миссъ Гредграйндъ позволитъ, я приготовлю для васъ ваше любимое питье, какъ часто приготовляла раньше.

Миссъ Гредграйндъ съ удовольствіемъ разрѣшила миссисъ Спарситъ дѣлать, что ей угодно, и эта заботливая леди приготовила питье, которое и подала мистеру Баундерби.

— Оно принесетъ вамъ пользу, сэръ. Согрѣетъ вашу внутренность. Для васъ это очень важно, и вы должны подкрѣплять себя такими напитками, сэръ.

Когда же мистеръ Баундерби сказалъ:

— За ваше здоровье, сударыня,—миссисъ Спарситъ отвѣчала съ большимъ чувствомъ:

— Благодарю васъ, сэръ. И вамъ желаю того же, а вдобавокъ—счастья.

Наконецъ, она пожелала ему спокойной ночи съ большимъ пафосомъ, и мистеръ Баундерби легъ въ постель съ смутнымъ сознанiемъ, что онъ оскорбленъ въ какомъ то нѣжномъ чувствѣ, хотя ни за что на свѣтѣ не могъ бы объяснить, что это за чувство и въ чемъ заключалась нанесенная ему обида.

Долго послѣ того, какъ Луиза раздѣлась и легла, она не могла уснуть и все поджидала брата. Какъ ей было извѣстно, онъ едва ли могъ прiѣхать раньше часа по полуночи; но въ непробудной деревенской тиши, которая нисколько не успокаивала, однако, ея тревожныхъ думъ, время тянулось томительно долго. Молодой женщинѣ казалось, будто бы ночной мракъ и жуткое безмолвiе все возрастали цѣлыми часами, когда раздался, наконецъ, звонокъ у калитки. Она почувствовала вдругъ, что была бы рада, еслибъ онъ не смолкалъ до разсвѣта, но звонъ колокольчика прекратился, и волны его послѣдняго звука постепенно слабѣя, разливались все дальше въ воздухѣ, пока окончательно замерли и весь домъ погрузился снова въ мертвую тишину.

Луиза подождала еще съ четверть часа, по ея соображенiямъ. Потомъ она встала, накинула пеньюаръ, выскользнула изъ своей комнаты въ потьмахъ и поднялась по лѣстницѣ въ верхнiй этажъ, гдѣ была расположена комната ея брата. Дверь оказалась затворенной; молодая женщина осторожно отворила ее и окликнула Тома, приближаясь къ его кровати на цыпочкахъ.

Она опустилась на колѣни у изголовья брата, обняла его за шею и прижала его лицо къ своему лицу. Ей было ясно, что онъ лишь прикидывается спящимъ, однако, Луиза не сказала ничего.

Немного спустя онъ вздрогнулъ, какъ будто съ просонокъ, и спросилъ:

— Кто тутъ? Что случилось?

— Томъ, не надо ли тебѣ сообщить мнѣ что нибудь?—промолвила Луиза.—Если ты любилъ меня когда нибудь въ жизни, и теперь у тебя есть тайна ото всѣхъ остальныхъ, то довѣрь ее мнѣ.

— Не могу понять, на что ты намекаешь, Лу! Ты просто бредишь. Тебѣ, должно быть, что нибудь приснилось.

— Дорогой братъ...—Луиза припала головой къ его подушкѣ, и ея распущенные волосы разсыпались волнами надъ нимъ, точно она хотѣла спрятать Тома ото всѣхъ, кромѣ самой себя,—развѣ тебѣ нечего мнѣ сообщить? Неужели нѣтъ ничего такого, во что ты могъ бы посвятить меня, еслибъ хотѣлъ? Что бы ни услыхала я отъ тебя, мои чувства къ тебѣ не перемѣнятся. О, Томъ сознайся откровенно, скажи всю правду!

— Что такое говоришь ты, Лу? Рѣшительно не понимаю!

— Вотъ какъ ты лежишь тутъ одинъ одинешенекъ, мой милый, такъ точно предстоитъ тебѣ лежать гдѣ нибудь современемъ въ потемкахъ, гдѣ даже я, твоя сестра, если останусь тогда еще

въ живыхъ, буду принуждена покинуть тебя. И вотъ какъ я стою теперь возлѣ тебя, босая, раздѣтая, неузнаваемая въ темнотѣ, такъ придется мнѣ самой покоиться нѣкогда въ нѣдрахъ земли, пока мое тѣло не разсыплется прахомъ. Заклинаю тебя этимъ неизбѣжнымъ концомъ, дорогой братъ, скажи мнѣ всю правду!

— Чего же ты допытываешься?

— Будь увѣренъ, я не стану упрекать тебя.—Въ приливѣ любви она прижала Тома къ груди, какъ ребенка.—Повѣрь, я пожалѣю тебя и не измѣню тебѣ. Повѣрь, я тебя спасу, во что бы то ни стало. Говори же, Томъ; неужели тебѣ нечего сказать? Шепни мнѣ на ухо чуть слышно. Промолви только „да", и я все пойму!

Она приложила ухо къ его губамъ, но онъ безмолвствовалъ угрюмо.

— Неужели ни словечка, Томъ?

— Какъ могу я сказать „да" или „нѣтъ", когда не знаю, о чемъ идетъ рѣчь? Лу, ты у меня добрая, славная дѣвочка и достойна имѣть лучшаго брата, чѣмъ я, какъ мнѣ начинаетъ казаться. Но при всемъ томъ мнѣ нечего сказать тебѣ больше. Ступай, ложись спать, ложись спать!

— Ты утомленъ,—прошептала Луиза, впадая въ болѣе обычный тонъ.

— Я совсѣмъ измученъ.

— Ты столько суетился и хлопоталъ сегодняшній день! Нѣтъ ли еще новыхъ открытій?

— Никакихъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ ты уже слышала отъ... него.

— Ты никому не разсказывалъ, Томъ, что мы были въ гостяхъ у этихъ людей и видѣли ихъ втроемъ?

— Нѣтъ. Не ты ли сама упрашивала меня не болтать, когда позвала меня съ собой?

— Правда; но, вѣдь, я тогда не предвидѣла того, что случилось.

— Какъ и я. Развѣ можно было предвидѣть?

Эти слова были сказаны очень поспѣшно.

— Послѣ того, что случилось,—начала опять Луиза, мѣшкая у кровати—она понемногу отодвинулась отъ брата и поднялась съ колѣнъ—надо ли говорить, что я тамъ была? Какъ мнѣ сдѣлать? Должна ли я сознаться?

— Боже мой, Лу,—возразилъ Томъ,—спрашивать моего совѣта вовсе не въ твоихъ привычкахъ! Да дѣлай, какъ знаешь! Если ты будешь молчать, то и я промолчу; если откроешь, что было, тѣмъ дѣло и кончится.

Братъ и сестра не могли видѣть другъ друга въ потемкахъ

Однако, оба, казалось, были настороже̂ и взве̂шивали предварительно каждое слово.

— Томъ, неужели ты думаешь, что тотъ челове̂къ, которому я дала денегъ, де̂йствительно, заме̂шанъ въ краже̂?

— Право, не знаю. Но почему бы и не̂тъ?

— Онъ показался мне̂ честнымъ малымъ.

— А другой можетъ показаться тебе̂ безчестнымъ,—и совершенно ошибочно.

Наступила пауза; Томъ молчалъ, явно колеблясь передъ че̂мъ-то.

— Однимъ словомъ,—заговорилъ онъ опять, точно собравшись съ духомъ,—если ужъ ты завела о томъ ре̂чь, то вотъ что я тебе̂ скажу: еще тогда я былъ настолько далекъ отъ хорошаго мне̂нія о немъ, что вызвалъ его въ се̂ни,—помнишь?—только зате̂мъ, чтобъ сказать ему, что онъ долженъ счесть за великое благополучіе такое вниманіе со стороны моей сестры и обязанъ постараться сде̂лать возможно лучшее употребленіе изъ твоего подарка. Ве̂дь, ты помнишь, какъ я его вызывалъ? Впрочемъ, я ничего не име̂ю противъ этого челове̂ка; пожалуй, онъ и порядочный малый, по крайней ме̂ре̂, у меня не̂тъ повода считать его негодяемъ. Будемъ наде̂яться. что онъ не при чемъ въ этой краже̂ изъ банка.

— Чтожъ, онъ обиде̂лся на твои слова?

— Не̂тъ, онъ принялъ ихъ спокойно и былъ довольно ве̂жливъ со мною. Где̂ ты, Лу?—Томъ се̂лъ на постели и поце̂ловалъ ее.—Покойной ночи, дорогая, покойной ночи.

— Тебе̂ нечего сказать мне̂ больше?

— Не̂тъ. Что же мне̂ еще говорить? Ве̂дь, не потребуешь же ты отъ меня, чтобъ я тебе̂ солгалъ?

— Никогда, въ особенности сегодня, Томъ. Еслибъ ты солгалъ, это было бы слишкомъ ужасно.

— Спасибо тебе̂ за твою заботливость, милая Лу. Я такъ адски усталъ, что, право, готовъ сказать, что угодно, только бы мне̂ дали заснуть. Ступай въ постель, ступай.

Поце̂ловавъ сестру еще разъ, онъ отвернулся къ сте̂не̂, натянулъ оде̂яло на голову и затихъ, какъ будто для него уже наступила та ве̂чная ночь, которою только что заклинала его сестра. Она поме̂шкала не̂сколько времени у кровати, прежде че̂мъ удалиться потихоньку. У порога Луиза пріостановилась, оглянулась назадъ, когда отворила дверь, и спросила Тома, не звалъ ли онъ ее. Но онъ не шелохнулся, и она не слышно заперла его комнату, после̂ чего ушла къ себе̂ въ спальню.

Тогда порочный юноша осторожно поднялъ голову и, убе̂дившись, что сестра удалилась, выле̂зъ изъ-подъ оде̂ла, заперъ на задвижку дверь и кинулся опять ничкомъ на подушку. Онъ рвалъ

на себѣ волосы, горько плакалъ, чувствуя, что любитъ сестру, проклиналъ себя въ безсильной злобѣ и также озлобленно и безплодно проклиналъ все доброе на свѣтѣ.

IX. Кончина миссисъ Гредграйндъ.

Подкрѣпляя свои нервы на лонѣ природы, въ имѣніи мистера Баундерби, миссисъ Спарситъ учредила бдительный надзоръ надъ окружающими подъ сѣнью своихъ каріолановскихъ бровей. Уже одни ея глаза, свѣтившіеся подобно двумъ маякамъ на неприступномъ берегу, должны были предостерегать всякаго осторожнаго мореплавателя объ опасности наткнуться на такую грозную скалу, съ прилегающими къ ней рифами, какъ ея римскій носъ, еслибъ спокойная обходительность миссисъ Спарситъ не подкупала невольно въ ея пользу. Хотя трудно было повѣрить, чтобъ она отправлялась спать по вечерамъ не ради соблюденія одной формальности, до такой степени бдителенъ былъ строгій взоръ ея классическихъ очей и до того невѣроятнымъ казалось, чтобъ ея суровый носъ могъ подчиниться благодѣтельному вліянію сна, однако, въ ея манерѣ сидѣть, разглаживая свои непокорныя, чтобъ не сказать грубыя, митеньки (онѣ были сплетены на подобіе сѣтокъ въ холодильникахъ для мяса) или гарцовать на стулѣ къ невѣдомой цѣли, продѣвъ ногу въ стремя изъ мотка вязальной бумаги, сказывалась невозмутимая ясность, убѣждавшая большинство наблюдателей въ томъ, что миссисъ Спарситъ настоящая голубка, лишь по какой-то странной игрѣ природы принявшая тлѣнную оболочку хищной птицы.

Эта женщина умѣла поспѣвать вездѣ съ невѣроятнымъ проворствомъ. Какимъ образомъ переносилась она незамѣтно изъ этажа въ этажъ, этого не могъ постичь рѣшительно никто. Леди такой внушительной наружности и съ такими аристократическими связями нельзя же было заподозрить въ томъ, что она прыгала черезъ перила или спускалась по нимъ внизъ; однако, поразительная быстрота ея передвиженія съ мѣста на мѣсто невольно наводила на эту дикую догадку. Другое замѣчательное свойство миссисъ Спарситъ заключалось въ томъ, что она никогда не спѣшила. При всей ошеломляющей скорости, съ какою переносилась она сверху внизъ, съ чердака въ сѣни и обратно, ей никогда не случалось запыхаться или измѣнить хотя на одинъ мигъ своему достоинству въ моментъ прибытія на мѣсто. Мало того, ни одинъ смертный даже не видалъ, чтобы миссисъ Спарситъ когда нибудь прибавила шагу, нарушивъ тѣмъ требованія приличія.

Съ мистеромъ Гартхаузомъ она была чрезвычайно любезна и вскорѣ послѣ своего пріѣзда на дачу имѣла съ нимъ интересный разговоръ. Однажды, гуляя въ саду передъ завтракомъ, почтенная леди поздоровалась съ нимъ величественнымъ реверансомъ

— Удивительно быстро летитъ время!—замѣтила она;—мнѣ кажется, не далѣе, какъ вчера, имѣла я честь принимать васъ въ банкѣ, когда вы такъ любезно обратились ко мнѣ за адресомъ мистера Баундерби.

— Этого случая, увѣряю васъ, не забыть мнѣ цѣлые вѣка,— сказалъ мистеръ Гартхаузъ, наклоняя голову въ сторону миссисъ Спарситъ съ самымъ безпечнымъ видомъ.

— Свѣтъ, въ которомъ мы живемъ, полонъ странностей,— проговорила миссисъ Спарситъ.

— По удивительному совпаденію, которымъ я горжусь, я уже имѣлъ честь сдѣлать замѣчаніе подобнаго рода, хотя и не въ столь эпиграмматической формѣ.

— Я говорю, сэръ, что свѣтъ полонъ странностей,—распространялась дальше миссисъ Спарситъ, отвѣтивъ на комплиментъ мановеніемъ своихъ темныхъ бровей, которыя придавали ея лицу нѣчто несоотвѣтствовавшее медоточивому голосу почтенной леди. Какъ удивительно, напримѣръ, что сегодня мы стоимъ на короткой ногѣ съ людьми, которые не дальше, какъ вчера были намъ совершенно чужды. Мнѣ невольно пришло на память, сэръ, какъ вы признались при нашемъ первомъ знакомствѣ, что миссъ Гредграйндъ васъ пугаетъ.

— Ваша память дѣлаетъ мнѣ честь не по заслугамъ моей ничтожной личности. Я поспѣшилъ воспользоваться вашими любезными указаніями, чтобы сбросить съ себя нелѣпую робость; напрасно, я думаю, добавлять, что они оказались вѣрными. Необычайный талантъ миссисъ Спарситъ ко всему... ко всему, что требуетъ точности, въ соединеніи съ такою силою души...—и съ фамильной честью... обнаруживается слишкомъ часто, чтобы можно было въ немъ сомнѣваться.

Мистеръ Гартхаузъ едва не заснулъ, нехотя нанизывая эти любезности, и чуть не запутался въ нихъ, въ приливѣ разсѣянности.

— Сознайтесь, вѣдь, вы нашли миссъ Гредграйндъ (никакъ не могу привыкнуть называть ее миссисъ Баундерби, хотя это ужасно глупо съ моей стороны!) именно такой юной, какъ я вамъ ее описывала? — спросила миссисъ Спарситъ сладенькимъ голоскомъ.

— Вы мастерски нарисовали ея портретъ, — подтвердилъ Джемсъ Гартхаузъ,—представили менѣе ее такою, какова она есть.

— Весьма привлекательная особа,—замѣтила миссисъ Спарситъ, расправляя свои митеньки.

— Въ высшей степени.

— Прежде находили, — продолжала почтенная леди, — что миссъ Гредграйндъ недостаетъ оживленія, но, по моему, она поразительно развернулась съ нѣкотораго времени. А вотъ и самъ

мистеръ Баундерби! — воскликнула гостья, принимаясь усердно кивать головой, точно она только и думала, только и говорила, что о немъ. Ну, какъ вы чувствовали себя сегодня поутру, сэръ? Будьте повеселѣе, сэръ, прошу васъ!

Настойчивыя указанія миссисъ Спарситъ на его несчастный жребій и ея попытки облегчить его тяжкое бремя начали оказывать свое дѣйствіе на мистера Баундерби; онъ становился мягче прежняго къ своей бывшей экономкѣ и суровѣе къ большинству остальныхъ людей, начиная съ своей жены. Такимъ образомъ, когда миссисъ Спарситъ сказала съ явно притворной веселостью:— „вамъ пора завтракать, сэръ; но, вѣроятно, миссъ Гредграйндъ скоро сойдетъ внизъ, чтобъ предсѣдательствовать за столомъ“,— хозяинъ возразилъ:

— Еслибъ я вздумалъ дожидаться, пока моя жена соблаговолитъ позаботиться обо мнѣ, то, какъ вамъ извѣстно, сударыня, я пожалуй прождалъ бы до второго пришествія. Поэтому позвольте побезпокоить васъ просьбою разлить намъ чай.

Миссисъ Спарситъ поспѣшно согласилась и заняла свое прежнее мѣсто за столомъ.

Тутъ ей снова представился удобный случай обнаружить деликатность своихъ чувствъ, и превосходная женщина поспѣшила имъ воспользоваться. Впрочемъ, она не измѣнила своей скромности и при появленіи Луизы немедленно встала, заявляя, что никогда не разсчитывала сидѣть на этомъ мѣстѣ при настоящихъ обстоятельствахъ, хотя часто имѣла честь разливать чай для мистера Баундерби, прежде чѣмъ миссисъ Гредграйндъ—гостья извинилась, она хотѣла сказать: миссъ Баундерби—вѣроятно, ее великодушно простятъ, но она никакъ не можетъ привыкнуть, хотя разсчитываетъ постепенно освоиться съ новымъ порядкомъ вещей—прежде чѣмъ миссисъ Баундерби заняла свое теперешнее положеніе. Она позволила себѣ это, лишь потому, что миссъ Гредграйндъ случайно запоздала чуточку; между тѣмъ, время мистера Баундерби такъ драгоцѣнно, а ей было извѣстно съ давнихъ поръ, что ему очень важно позавтракать во время; вотъ почему осмѣлилась она уступить просьбѣ хозяина, воля котораго уже давно стала для нея закономъ.

— Оставайтесь на своемъ мѣстѣ, сударыня, — воскликнулъ мистеръ Баундерби;—нечего церемониться, оставайтесь, говорятъ вамъ! Миссисъ Баундерби будетъ рада радехонька избавиться отъ хлопотъ, я въ томъ увѣренъ.

— Не говорите такъ, сэръ,—почти строго возразила миссисъ Спарситъ.—Это обидно для миссисъ Баундерби; между тѣмъ, обижать кого нибудь не въ вашемъ характерѣ, сэръ.

— На этотъ счетъ можете быть покойны, сударыня... Не прав-

да ли, вѣдь, ты не думаешь обижаться, Лу?—запальчиво спросилъ мистеръ Баундерби свою жену.

— Разумѣется; что же тутъ особеннаго? Съ какой стати буду я придавать этому важность?

— Слышали, миссисъ Спарситъ, слышали, сударыня?—подхватилъ мистеръ Баундерби съ язвительнымъ пренебреженіемъ.—Вы придаете слишкомъ много важности подобнымъ вещамъ! Чортъ возьми, вы измѣните здѣсь нѣкоторыя изъ своихъ прежнихъ убѣжденій. Вы отстали отъ вѣка, сударыня. Берите примѣръ съ дѣтей Тома Гредграйнда.

— Что съ вами сегодня?—съ холоднымъ удивленіемъ спросила Луиза.—Чѣмъ вы обидѣлись?

— Обидѣлся!—подхватилъ Баундерби.—Неужели вы думаете, что еслибы мнѣ нанесли обиду, то я проглотилъ бы ее молча и не потребовалъ бы удовлетворенія? Кажется, я человѣкъ прямой. Разныя увертки не по моей части.

— Надо думать, что никто не имѣлъ повода считать васъ инымъ или приписывать вамъ избытокъ деликатности,—сдержанно отвѣчала Луиза.—По крайней мѣрѣ, я, ни ребенкомъ, ни женой никогда не возражала вамъ противъ этого. Рѣшительно не понимаю, чего вамъ надо?

— Чего мнѣ надо? — произнесъ мистеръ Баундерби. — Да ровно ничего! Вѣдь, вы отлично знаете, Лу Баундерби, что еслибъ я, Джозія Баундерби изъ Коктоуна, захотѣлъ чего-нибудь, то и добился бы этого.

Луиза посмотрѣла на него, когда онъ стукнулъ кулакомъ по столу съ такою силой, что зазвенѣли чашки, и краска оскорбленной гордости ударила ей въ лицо. „Еще новая перемѣна“, подумалъ мистеръ Гартхаузъ.

— Вы непостижимы сегодня,—замѣтила она.—Пожалуйста, не безпокойтесь объясняться далѣе. Мнѣ совсѣмъ не интересно ваше мнѣніе. Какое значеніе можетъ оно имѣть?

Разговоръ на эту тему прекратился, и мистеръ Гартхаузъ принялся болтать о безразличныхъ предметахъ. Но съ того дня вліяніе бывшей экономки на мистера Баундерби сближало Луизу и Джемса Гартхауза еще тѣснѣе, еще болѣе усиливало опасное отчужденіе молодой женщины отъ мужа и ея довѣріе къ другому; она поддавалась этой дружеской короткости съ такой незамѣтной постепенностью, что не могла бы прослѣдить ее, еслибъ и хотѣла. Но пыталась ли она сдѣлать это или нѣтъ, о томъ знаетъ только ея скрытное сердечко.

На миссисъ Спарситъ такъ подѣйствовала сцена между супругами за чайнымъ столомъ, что, подавая послѣ завтрака шляпу Баундерби и оставшись съ нимъ наединѣ въ прихожей, она напечатлѣла цѣломудренный поцѣлуй на его рукѣ, прошептала:

„благодѣтель мой!“ и удалилась, подавленная горемъ. Тѣмъ не менѣе (фактъ неоспоримый, достовѣрно извѣстный разсказчику этой исторіи), пять минутъ спустя послѣ ухода хозяина въ той же самой шляпѣ, та-же самая внучка Скаджерсовъ и родственница по мужу Паулеровъ потрясла своей правой рукой въ митенькѣ передъ портретомъ почтеннаго Джозіи Баундерби изъ Коктоуна, скорчила презрительную гримасу этому произведенію искусства и сказала: „По дѣломъ тебѣ, болванъ! Такъ и надо“.

Вскорѣ послѣ отъѣзда мистера Баундерби явился Битцеръ. Онъ прибылъ съ поѣздомъ, проносившимся съ пыхтѣньемъ и громыханьемъ по длинному ряду віадуковъ, перекинутыхъ въ пустынной мѣстности надъ заброшенными и дѣйствующими угольными копями. Разсыльный былъ отправленъ нарочнымъ изъ Стонъ-Лоджа. Онъ привезъ Луизѣ наскоро набросанное письмо съ извѣстіемъ, что миссисъ Гредграйндъ очень плоха. Она никогда не была здорова, насколько могла упомнить ея дочь; но въ послѣдніе дни больная быстро таяла, а прошлой ночью положеніе ея стало безнадежнымъ. Въ данную минуту она была настолько близка къ смерти, насколько это допускала ея ограниченная способность сдѣлать усиліе, чтобъ испустить духъ изъ бреннаго тѣла.

Въ сопровожденіи самого проворнаго разсыльнаго (наиболѣе подходящаго безцвѣтнаго привратника у дверей Смерти, куда стучалась теперь миссисъ Гредграйндъ), Луиза покатила мимо старыхъ и новыхъ шахтъ въ Коктоунъ, и вскорѣ попала въ его закоптѣлую пасть. Здѣсь она отпустила нарочнаго во-свояси, взяла экипажъ и отправилась на свое старое пепелище.

Она рѣдко бывала тамъ послѣ выхода замужъ. Отецъ ея постоянно заживался въ Лондонѣ, гдѣ только и зналъ, что просѣивалъ парламентскій мусоръ (хотя никто не видывалъ, чтобъ ему удалось извлечь изъ этихъ отбросовъ какіе нибудь цѣнные предметы), и теперь онъ былъ сильно поглощенъ этимъ занятіемъ на національной мусорной свалкѣ. Мать, вѣчно валявшаяся на диванѣ, считала скорѣе безпокойствомъ, когда пріѣзжали ее навѣщать. Къ младшимъ членамъ семьи Луиза уже не подходила и чувствовала, что между ними мало общаго. Къ Сэсси у ней че проходила затаенная непріязнь съ того самаго вечера, когда дочь бродячаго фигляра подняла глаза, чтобъ взглянуть на нареченную невѣсту мистера Баундерби съ обиднымъ состраданіемъ. Словомъ, ее не тянуло назадъ, домой, и она рѣдко заглядывала туда.

Такъ и теперь приближеніе къ старому жилищу не затронуло въ ней ни одной чувствительной струны, не воскресило никакихъ завѣтныхъ воспоминаній. Грезы дѣтства, его неуловимые вымыслы, вся прелесть, какою стремится оно прихотливо разукрасить еще невѣдомый ему внѣшній міръ,—всѣ эти неосуществимыя,

глубоко-человѣчныя, прекрасныя иллюзіи, въ которыя такъ сладостно вѣрить въ дѣтскіе годы, къ которымъ такъ отрадно возвращаться въ зрѣломъ возрастѣ, — что общаго было съ ними у Луизы?

При видѣ родного угла въ душѣ ея не вспархивалъ рой ласкающихъ воспоминаній; ея младенчество не вѣдало тѣхъ райскихъ садовъ, которые насаждаются непорочными дѣтскими руками по краямъ каменистаго пути земной жизни,—тѣхъ райскихъ садовъ, куда не мѣшало бы почаще заглядывать всѣмъ потомкамъ Адама, чтобы въ чистыхъ, свѣтлыхъ, теплыхъ воспоминаніяхъ дѣтства черпать силы для борьбы, отраду среди разочарованій, вмѣсто того, чтобъ кичиться мудростью здѣшняго міра. Всѣ эти воспоминанія были чужды Луизѣ. Въ дѣтствѣ она не вѣдала волшебныхъ путей воображенія, ведущихъ къ разуму. Разумъ не пришелъ къ ней постепенно, смутно прозрѣваемый сквозь мягкій свѣтъ фантазіи; онъ не являлся къ ней благодатнымъ божествомъ, благоговѣвшимъ передъ другими, не менѣе великими богами. Нѣтъ, онъ открывался ей внезапно въ образѣ мрачнаго, холоднаго, суроваго идола, требующаго жертвъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, души которыхъ онъ убиваетъ своимъ ледянымъ, незрячимъ взоромъ. Вотъ каковы были воспоминанія дѣтства Луизы. Въ эту счастливую золотую пору систематическое сухое воспитаніе только старалось изсушить каждый родникъ, каждый источникъ живой воды, пробивавшійся наружу изъ ея сердца. Куда исчезла въ ея душѣ ихъ благодатная влага, оплодотворяющая землю, гдѣ виноградъ сбираютъ съ терновника, а смоквы съ чертополоха?

Съ чувствомъ гнетущаго горя и озлобленія вступила она въ домъ и въ комнату матери. Съ отъѣзда Луизы изъ Стонъ-Лоджа Сэсси жила вь семьѣ ея родителей, какъ равная. Она сидѣла около больной вмѣстѣ съ Дженъ, сестрою Луизы, теперь уже дѣвочкою лѣтъ десяти, двѣнадцати.

Стоило немалаго труда растолковать миссисъ Гредграйндъ, что старшая дочь пріѣхала провѣдать ее. Обложенная подушками, она покоилась, чисто по привычкѣ, на кушеткѣ въ полусидячемъ положеніи, насколько позволяла ей крайняя слабость. Умирающая рѣшительно отказалась лечь въ постель изъ боязни, что разъ она ляжетъ, то разговорамъ объ этомъ „не будетъ конца“.

Ея слабый голосъ, доносившійся изъ подъ груды шалей, долеталъ, казалось, откуда-то издалека, и слова, обращенныя къ ней, такъ медленно достигали ея слуха, точно она лежала гдѣ-то на днѣ глубокаго колодца. Бѣдная женщина была въ ту минуту ближе къ правдѣ, чѣмъ во всю свою прежнюю жизнь.

Когда ей сказали, что пріѣхала миссисъ Баундерби, она отвѣчала ни къ селу, ни къ городу, что никогда не называла такъ своего зятя съ самой его женитьбы на Луизѣ, что, не придумавъ для

него пока подходящаго имени, она прозвала его просто „Джи,“— до поры до времени. Луиза просидѣла возлѣ матери нѣсколько минутъ и заговаривала съ нею не разъ, прежде чѣмъ та поняла, наконецъ, кто съ нею сидитъ. Тогда она разомъ какъ будто очнулась отъ сна и промолвила:

— Ну, что, моя дорогая, надѣюсь, ты довольна своимъ житьемъ бытьемъ? Это все состряпалъ твой отецъ. Онъ спалъ и видѣлъ устроить эту свадьбу. Ну, ему и книги въ руки.

— Оставимъ это въ сторонѣ, — возразила дочь;—я хочу знать, какъ ты себя чувствуешь, мама.

— Какъ я себя чувствую, моя милая? Странное дѣло! Я не привыкла къ тому, чтобъ кто нибудь заботился о моемъ здоровьѣ. Мнѣ совсѣмъ плохо, Луиза: страшная слабость, и голова идетъ кругомъ.

— У тебя что нибудь болитъ, дорогая мама?

— Гдѣ-то тутъ въ комнатѣ есть боль,—отвѣчала миссисъ Гредграйндъ,—но я не могу въ точности сказать, чувствую ли ее.

Послѣ такого страннаго отвѣта больная лежала нѣкоторое время молча. Держа мать за руку, Луиза не могла нащупать ея пульса, но, цѣлуя ее, различила тонкую, еле трепетавшую нить жизни.

— Ты рѣдко видишь сестру,—начала опять миссисъ Гредграйндъ.—Выростая, она становится похожею на тебя. Взгляни на нее хорошенько. Сэсси, подведи Дженъ къ моей постели.

Дженъ подошла и остановилась возлѣ Луизы, которая держала ее за руку. Замѣтивъ, что дѣвочка обняла за шею Сэсси, Луиза почувствовала, что Дженъ любитъ эту дѣвушку больше своей старшей сестры.

— Не правда ли, какое сходство съ тобою, Луиза?

— Да, мама, пожалуй, такъ, однако...

— Не правда ли? Вотъ и я также всегда говорю,—воскликнула миссисъ Гредграйндъ съ неожиданной поспѣшностью. Кстати, я вспомнила... Я... мнѣ надо поговорить съ тобою... Сэсси, добрая дѣвочка, оставь насъ на минутку вдвоемъ.

Луиза выпустила руку Дженъ. Ей пришло въ голову, что лицо младшей сестры лучше и веселѣе, чѣмъ было когда либо ея собственное. Она замѣтила въ ея чертахъ, не безъ горечи, даже здѣсь—у смертнаго одра матери—какъ бы отблескъ нѣжности другого лица бывшаго тутъ въ комнатѣ,—кроткаго лица съ довѣрчивыми глазами, поблѣднѣвшаго отъ безсонныхъ ночей, отъ жалости къ больной и казавшагося еще блѣднѣе въ рамкѣ роскошныхъ черныхъ волосъ.

Оставшись наединѣ съ матерью, Луиза увидала на ея лицѣ благоговѣйное выраженіе покоя, точно она покончила уже со всѣми земными заботами, земными тревогами и безропотно отдавалась теченію какой-то многоводной рѣки, уносившей ее вдаль. Дочь под-

несла къ губамъ ея исхудалую, прозрачную руку и заговорила съ ней, стараясь вывести больную изъ забытья:

— Мама, вѣдь, ты хотѣла мнѣ что-то сказать.

— Какъ?.. Да, конечно, милочка! Ты, вѣдь, знаешь, что твой отецъ теперь почти не бываетъ дома; значитъ, мнѣ надо написать ему о томъ.

— О чемъ же, мама? Не волнуйся такъ. О чемъ написать?

— Ты, конечно, помнишь, дорогая, что стоило мнѣ только о чемъ нибудь заикнуться, какъ я сама была не рада, потому что не видѣла конца поднявшимся разговорамъ. Изъ-за этого я ужъ давно ни о чемъ не говорила

— Я слушаю, мама.

Но ей удавалось схватить связь между слабыми, отрывистами звуками, вылетавшими изъ устъ умирающей, только наклонившись къ ней совсѣмъ близко и внимательно слѣдя за движеніемъ ея губъ.

— Ты и твой братъ учились очень много; зубрили всякія „ологіи“ съ утра до ночи. Если осталась еще какая нибудь „ологія“, которая не была бы истрепана въ клочки въ этомъ домѣ, то я надѣюсь, что не услышу, по крайней мѣрѣ, ея названія,—вотъ все, что я могу сказать.

— Я въ состояніи разслышать твои слова, мама, если только у тебя достанетъ силы продолжать.

Луиза отчаянно старалась не дать матери уплыть совсѣмъ.

— Но есть нѣчто,—зашептала опять миссисъ Гредграйндъ,—только совсѣмъ не „ологія“,—что было упущено изъ вида или позабыто твоимъ отцомъ. Не знаю сама, въ чемъ оно заключается. Часто, когда Сэсси сидѣла возлѣ меня, я раздумывала о томъ. Но мнѣ ни за что не вспомнить названія этого предмета. А твой отецъ, пожалуй, припомнитъ. Это не даетъ мнѣ покоя. Мнѣ необходимо написать ему, чтобъ онъ доискался ради всего святого, что это такое. Подай мнѣ перо, подай мнѣ перо!

Тутъ послѣднія силы, возбужденныя тревогой, оставили умирающую; лишь ея бѣдная голова продолжала метаться по подушкѣ.

Однако, несчастной представлялось, что ея требованіе исполнено, и она держитъ перо въ своей ослабѣвшей рукѣ. Напрасно было бы описывать фигуры и удивительные, безсмысленные знаки, которые она чертила на покрывавшихъ ее пледахъ. Но и это движеніе скоро прекратилось; и безъ того слабый, тусклый свѣтъ, теплившійся въ этомъ изнуренномъ тѣлѣ, внезапно погасъ; и даже миссисъ Гредграйндъ, освободившись изъ мрака, гдѣ человѣкъ влачитъ свое существованіе и мечется понапрасну, облеклась торжественной величавостью мудрецовъ и патріарховъ.

X. Лѣстница миссисъ Спарситъ.

Потрясенные нервы миссисъ Спарситъ поправлялись такъ медленно, что эта достойная леди провела безвыѣздно нѣсколько недѣль на дачѣ у мистера Баундерби, гдѣ, вопреки своему аскетическому направленію, основанному на похвальномъ сознаніи ея измѣнившагося общественнаго положенія, она согласилась, наконецъ, расположиться, катаясь, какъ сыръ въ маслѣ, и вкушая, такъ сказать, „отъ тука земли". Во время этого неожиданнаго отдыха отъ своихъ обязанностей надзирательницы при банкѣ миссисъ Спарситъ оставалась образцомъ послѣдовательности, продолжая соболѣзновать мистеру Баундерби въ глаза съ истинно рѣдкимъ участіемъ и обзывая болваномъ его портретъ съ величайшей язвительностью и презрѣніемъ.

Мистеръ Баундерби, со свойственной ему запальчивостью, находилъ теперь, что миссисъ Спарситъ необычайно проницательна, такъ какъ отъ нея не ускользнуло всеобщее нерасположеніе къ нему окружающихъ (хотя онъ до сихъ поръ не могъ понять, что оно означало). И онъ рѣшилъ, что не такъ-то легко разстанется съ преданнымъ ему существомъ. Луиза, пожалуй, могла бы воспротивиться частымъ посѣщеніямъ бывшей экономки, но мистеръ Баундерби былъ такъ проникнутъ сознаніемъ собственнаго величія, что не допускалъ никакого противодѣйствія своимъ планамъ у себя дома. Такимъ образомъ, когда нервы миссисъ Спарситъ настолько окрѣпли, что она могла попрежнему лакомиться въ уединеніи сладкимъ мясомъ, онъ сказалъ ей за обѣдомъ наканунѣ отъѣзда:

— Вотъ что я вамъ скажу, сударыня: пока будетъ продолжаться теплая погода, пріѣзжайте сюда по субботамъ и оставайтесь до понедѣльника.

Миссисъ Спарситъ, хотя и не исповѣдывала магометанской вѣры, но отвѣтила въ такомъ смыслѣ, что слышать—значитъ, повиноваться.

Не будучи поэтической натурой, миссисъ Спарситъ создала, однако, въ своемъ воображеніи причудливую, фантастическую аллегорію. Постоянныя наблюденія надъ Луизой и ея загадочнымъ поведеніемъ, подстрекавшимъ до крайности любопытство миссисъ Спарситъ, окрылили фантазію почтенной леди и вознесли ее на высоту вдохновеннаго творчества. Она мысленно воздвигла гигантскую лѣстницу съ темной пучиною позора и гибели у ея подножія и зорко наблюдала исподтишка, какъ Луиза изо дня въ день, съ часу на часъ спускалась по этимъ ступенямъ.

Любимѣйшимъ занятіемъ миссисъ Спарситъ стало теперь смотрѣть вверхъ по этой лѣстницѣ и слѣдить за Луизой, спускавшейся съ нея. Молодая женщина двигалась порою медленно, порою быстро,

то перескакивая черезъ нѣсколько ступеней заразъ, то останавливаясь, но никогда не возвращаясь назадъ. Еслибъ она хоть однажды повернула обратно, это, пожалуй, было бы смертью миссисъ Спарситъ,—отъ тоски и горя.

Но Луиза спускалась безпрерывно до того дня и въ тотъ самый день, когда мистеръ Баундерби обратился къ миссисъ Спарситъ съ вышеупомянутымъ приглашеніемъ пріѣзжать къ нему на дачу еженедѣльно. Гостья была въ отличномъ расположеніи духа и обнаруживала большую словоохотливость.

— Кстати, сэръ,—сказала она,—могу я осмѣлиться задать вамъ вопросъ объ одномъ дѣлѣ, къ которому вы относитесь весьма сдержанно? Съ моей стороны это, конечно, большая смѣлость, потому что, какъ мнѣ отлично извѣстно, вы не дѣлаете ничего безъ уважительной причины. Но мнѣ ужасно хотѣлось бы знать, имѣете ли вы положительныя свѣдѣнія на счетъ той кражи?

— Нѣтъ, сударыня! Нѣтъ еще. При настоящихъ обстоятельствахъ я и не ожидалъ ихъ пока. Вѣдь, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣлается. И не въ одинъ день выстроился древній Римъ, сударыня.

— Совершенно вѣрно, сэръ,—поддакнула миссисъ Спарситъ, качая головой.

— И не въ одну недѣлю, сударыня.

— Разумѣется, сэръ,—подтвердила почтенная леди съ легкимъ оттѣнкомъ меланхоліи.

— Значитъ, и я могу подождать, сударыня,—замѣтилъ хозяинъ. Вѣдь, надо мной не каплетъ, какъ вамъ извѣстно. Ждали же Ромулъ и Ремъ; отчего не подождать Джозіи Баундерби? Впрочемъ, ихъ дѣтство было счастливѣе моего: ихъ вскормила хоть волчица. Мнѣ же судьба послала волчицу въ бабушки. Вмѣсто молока, сударыня, она угощала меня въ младенчествѣ затрещинами. Въ этомъ отношеніи она была настоящая альдернейская корова.

— Ахъ!—съ глубокимъ вздохомъ и содроганіемъ произнесла миссисъ Спарситъ.

— Нѣтъ сударыня,—продолжалъ ея патронъ,—я ничего пока не слышалъ по тому дѣлу. Однако, слѣдствіе производится ловко, а юный Томъ, который занимается теперь довольно усердно—нѣчто совершенно неслыханное о немъ раньше (но, вѣдь, и то сказать: онъ не проходилъ суровой школы, пройденной Джозіей Баундерби!)—юный Томъ помогаетъ полиціи. Я постоянно долблю имъ: поменьше шума; дѣлайте видъ, будто бы вы махнули рукой на эту исторію. Дѣйствуйте исподтишка, но не давайте замѣтить, что вы затѣваете; иначе полсотни негодяевъ сговорятся между собою и препроводятъ громилу въ такое мѣсто, гдѣ вамъ до него не добраться. Притихните, замрите; тогда воры перестанутъ опасаться, и мы ихъ сгребемъ живымъ манеромъ.

— Весьма разсудительно, сэръ,—замѣтила миссисъ Спарситъ. Это, право, преинтересно. Ну, а та старуха, о которой вы упоминали?..

— Старуха, о которой я упоминалъ, сударыня,—рѣзко перебилъ Баундерби, такъ какъ этотъ предметъ не давалъ повода къ хвастовству, еще не разыскана; но старая негодяйка можетъ быть увѣрена, что ей не миновать тюрьмы. А до тѣхъ поръ, сударыня, я держусь того мнѣнія, если вы желаете его знать, что чѣмъ меньше о ней говорить, тѣмъ лучше.

Въ тотъ же вечеръ миссисъ Спарситъ сидѣла у окна своей комнаты, отдыхая послѣ укладки своихъ вещей, созерцала свою гигантскую лѣстницу и напряженно слѣдила, какъ Луиза спускалась по ней все ниже и ниже.

Уединившись въ тѣнистую бесѣдку въ саду, она тихо разговаривала о чемъ то съ Гартхаузомъ. Онъ стоялъ, наклоняясь къ ней очень близко, когда они перешептывались между собою, такъ что его лицо почти касалось ея волосъ.—„Ужъ не финалъ ли это?"— спрашивала себя достойная леди, напрягая до послѣдней крайности свои ястребиные глаза. На такомъ далекомъ разстояніи она не только не могла разслышать ни одного ихъ слова, но даже разобрать, говорятъ ли они тихо или громко; лишь по ихъ позамъ можно было догадаться, что молодые люди объяснялись шепотомъ. Вотъ о чемъ шла между ними рѣчь:

— Вѣдь, вы помните того человѣка, мистеръ Гартхаузъ?

— Отлично помню!

— Его лицо, манеру и слова?

— Рѣшительно все. Онъ показался мнѣ ужасно угрюмымъ. И такъ много размазывалъ, что надоѣло слушать. Скучнѣйшій человѣкъ! Очевидно, онъ хотѣлъ блеснуть своимъ краснорѣчіемъ, превознося смиренную добродѣтель, но, увѣряю васъ, я думалъ все время, пока онъ распространялся передъ нами: „пересаливаешь, любезный, хватаешь черезъ край!"

— Мнѣ было очень трудно повѣрить чему либо дурному о немъ.

— Дорогая Луиза,—какъ говорилъ Томъ... (кстати сказать, Томъ и не думалъ такъ говорить) вѣдь, вы не знаете также и ничего хорошаго объ этомъ маломъ?

— Дѣйствительно, не знаю.

— А вдобавокъ ни о комъ изъ людей его класса?

— Откуда же мнѣ знать? — возразила миссисъ Баундерби почти прежнимъ своимъ тономъ, который она давно оставила съ Джемсомъ Гартхаузомъ. Вѣдь я и вообще не знаю ничего о людяхъ фабричнаго труда, какъ о мужчинахъ, такъ и о женщинахъ.

— Въ такомъ случаѣ соблаговолите, дорогая Луиза, выслушать мнѣніе вашего преданнаго друга, которому извѣстно кое-что о многихъ разновидностяхъ своихъ ближнихъ, въ томъ числѣ и объ

этихъ превосходныхъ людяхъ. Они отличный народъ,—что и говорить,—отличный, вопреки маленькимъ слабостямъ, напримѣръ, вродѣ привычки прибирать къ рукамъ все, что плохо лежитъ.— Этотъ человѣкъ ораторствуетъ. Всякій сумѣетъ сыпать словами. Онъ проповѣдуетъ нравственность. Но, вѣдь, и всѣ шарлатаны проповѣдуютъ ее. Начиная съ палаты общинъ и кончая исправительнымъ домомъ проповѣдь нравственности раздается повсюду, исключая нашей среды прожигателей жизни, отчего мы и походимъ больше на живыхъ существъ, выдѣляясь на общемъ фонѣ снотворной скуки. Вы видѣли кое-что своими глазами и достаточно слышали объ этомъ дѣлѣ. Фабричный рабочій, забывшись, былъ стремительно осаженъ и уволенъ съ фабрики моимъ уважаемымъ другомъ мистеромъ Баундерби, который, какъ хорошо извѣстно намъ съ вами, не отличается деликатностью, способной смягчить столь крутую расправу. Обиженный, ожесточенный до крайности, выходитъ онъ съ ропотомъ изъ вашего дома, сталкивается на улицѣ съ кѣмъ нибудь, кто предлагаетъ ему принять участіе въ затѣянномъ ограбленіи банка, соглашается, и кладетъ малую толику въ свой пустой карманъ, удовлетворивъ попутно свою жажду мести. Вотъ вамъ и вся исторія. Говоря по правдѣ, этотъ Блэкпотъ слишкомъ выдавался бы изъ общаго уровня для человѣка зауряднаго, еслибъ не воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ. Мало того, онъ могъ, пожалуй, быть зачинщикомъ этой кражи, если у него хватило на то ума.

— Съ моей стороны почти низко, что я готова согласиться съ вами,—сказала Луиза послѣ нѣкотораго раздумья. Но вы не можете себѣ представить, какую тяжесть снимаютъ съ моей души ваши рѣчи!

— Мнѣ подсказываетъ ихъ здравый смыслъ; я не имѣю намѣренія злословить понапрасну. Мы не разъ обсуждали этотъ случай съ моимъ другомъ Томомъ—между нами существуетъ прежняя дружеская откровенность—и онъ вполнѣ согласенъ со мною на счетъ случившагося, а я съ нимъ... Не пройтись ли намъ теперь немножко?

Они пошли бродить между зелеными изгородями, начинавшими стушевываться въ сумеркахъ. Луиза опиралась на руку Гартхауза, едва ли сознавая, что она спускается все ниже и ниже по лѣстницѣ миссисъ Спарситъ.

День и ночь стояла достойная леди на стражѣ, наблюдая за своимъ фантастическимъ сооруженіемъ. Когда Луиза очутится внизу, когда исчезнетъ въ зіяющей безднѣ, оно можетъ обрушиться на нее, если на то пошло, но до тѣхъ поръ лѣстница должна стоять непоколебимо передъ очами миссисъ Спарситъ. И Луиза не сходила съ этихъ роковыхъ ступеней, продолжая скользить по нимъ все ниже, ниже, ниже!

Миссисъ Спарситъ видѣла, какъ Джемсъ Гартхаузъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ; она слышала о немъ тамъ и сямъ; она видѣла въ свою очередь перемѣны въ лицѣ, которое онъ изучалъ, она подмѣчала не хуже его до тонкости, какъ и когда оно затуманивалось, какъ и когда оно прояснялось. Пожираемая любопытствомъ, эта женщина зорко, безжалостно слѣдила своими черными глазами, какъ Луиза, не останавливаемая ничьей спасительной рукой, подвигалась все ближе и ближе къ подножію этой новой Лѣстницы Гигантовъ.

При всемъ почтеніи къ мистеру Баундерби,—въ противоположность съ его портретомъ,—миссисъ Спарситъ не имѣла ни малѣйшаго намѣренія помѣшать этому гибельному спуску. Страстно, но терпѣливо ждала она неизбѣжнаго конца, рокового паденія въ пропасть,— видя въ немъ желанную и богатую жатву своихъ завѣтныхъ надеждъ. Замирая въ жуткомъ ожиданіи, она не спускала своего бдительнаго ока съ воздвигнутой ею лѣстницы, да изрѣдка втихомолку грозила кулакомъ въ черной митенкѣ безсознательно спускавшейся жертвѣ.

XI. Все ниже и ниже.

Луиза спускалась по роковымъ ступенямъ постоянно, безостановочно, какъ тяжелый грузъ въ глубокія воды, неизбѣжно приближаясь къ черной пропасти, зіявшей внизу.

Получивъ извѣстіе о смерти жены, мистеръ Гредграйндъ наскоро пріѣхалъ изъ Лондона и похоронилъ ее съ хлопотливой поспѣшностью дѣлового человѣка. Послѣ того онъ безотлагательно вернулся къ отечественной мусорной кучѣ, гдѣ продолжалъ просѣиванье мусора ради нужнаго ему хлама и пусканье пыли въ глаза своимъ противникамъ, которые доискивались иного хлама, — другими словами, отдался опять своей парламентской дѣятельности.

Тѣмъ временемъ миссисъ Спарситъ не дремала, бдительно оставаясь на стражѣ. Отдаленная цѣлую недѣлю отъ своей лѣстницы на все протяженіе желѣзнодорожной линіи между Коктоуномъ и дачей мистера Баундерби, она, однако, поддерживала свои наблюденія за Луизой, притаившись какъ кошка, подстерегающая добычу. Она разнюхивала о ней черезъ ея мужа, брата, черезъ Джемса Гартхауза; даже внѣшній видъ писемъ и посылокъ, приносимыхъ въ банкъ, доставлялъ ей матеріалъ для глубокомысленныхъ выводовъ, какъ и всѣ одушевленные и неодушевленные предметы, приходившіе хоть на короткое время въ соприкосновеніе съ лѣстницей. „Вотъ ты уже на послѣдней ступени, моя милая“, говорила миссисъ Спарситъ, обращаясь къ спускавшейся юношеской фигурѣ и грозя ей своей десницей въ черной митенькѣ; — „меня вѣдь не обманешь, какъ ни финти!“

Однако, было ли то притворствомъ или искреннимъ чувствомъ.

основывалось ли на врожденныхъ свойствахъ Луизы или зависѣло отъ стеченія обстоятельствъ, только ея необъяснимая сдержанность ставила втупикъ проницательность миссисъ Спарситъ, тѣмъ сильнѣе подстрекая ея любопытство. Бывали дни, когда самого Джемса Гартхауза озадачивало ея поведеніе. Бывали дни, когда онъ не могъ ясно читать въ лицѣ, которое такъ долго изучалъ; когда это одинокое юное существо облекалось передъ нимъ большей таинственностью, чѣмъ всякая свѣтская женщина, окруженная многочисленнымъ роемъ приближенныхъ.

Такъ проходило время, пока мистеру Баундерби понадобилось отлучиться куда то по дѣламъ на три, на четыре дня. Онъ сообщилъ объ этомъ миссисъ Спарситъ въ пятницу у себя въ банкѣ и прибавилъ:

— Но вы, все таки, отправляйтесь завтра на дачу, сударыня. Поѣзжайте, какъ и при мнѣ. Мое отсутствіе не составитъ разницы.

— Прошу васъ, сэръ, — тономъ упрека возразила почтенная леди, — не говорите такимъ образомъ. Ваше отсутствіе составитъ для меня громадную разницу, какъ вы и сами знаете, я полагаю.

— Ну такъ постарайтесь, какъ сумѣете, обойтись безъ меня, — сказалъ мистеръ Баундерби, втайнѣ польщенный ея словами.

— Мистеръ Баундерби, — отвѣчала миссисъ Спарситъ, ваша воля для меня законъ, сэръ. Въ противномъ случаѣ я, пожалуй, колебалась бы исполнить ваше любезное требованіе, не будучи вполнѣ увѣрена, что миссъ Гредграйндъ приметъ меня благосклонно, какъ я увѣрена въ вашемъ радушномъ гостепріимствѣ. Ни слова больше, сэръ, однако! Я ѣду, разъ вы меня пригласили.

— Надѣюсь, — подтвердилъ мистеръ Баундерби, — что, когда я приглашаю васъ къ себѣ въ домъ, вы не нуждаетесь въ другомъ приглашеніи, сударыня.

— Разумѣется, сударь; надѣюсь, что такъ. Довольно объ этомъ, однако, сэръ. Мнѣ хотѣлось бы только видѣть васъ опять веселымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, сударыня! — вспылилъ Баундерби.

— Въ вашемъ характерѣ, сэръ, была прежде эластичность, которой я, къ моему прискорбію, не нахожу въ немъ теперь, — отвѣчала миссисъ Спарситъ. — Будьте попрежнему кипучимъ!

Подъ вліяніемъ этого трудно исполнимаго совѣта, сопровождаемаго сострадательнымъ взглядомъ, мистеръ Баундерби могъ только почесать себѣ затылокъ съ малодушной и смѣшной растерянностью, но зато — бушевалъ потомъ цѣлое утро, разнося мелкихъ сошекъ, попадавшихся ему подъ руку.

— Битцеръ, — сказала миссисъ Спарситъ въ тотъ вечеръ, когда ея патронъ отправился въ дорогу, а банкъ былъ запертъ, — сходите къ мистеру Тому, кланяйтесь ему отъ меня и спросите,

не желаетъ ли онъ подняться ко мнѣ наверхъ скушать баранью котлету съ орѣховымъ соусомъ и выпить стаканъ индійскаго эля.

Мистеръ Томъ, всегда готовый принять приглашеніе подобнаго рода, прислалъ весьма любезный отвѣтъ и послѣдовалъ по пятамъ за посланнымъ.

— Мистеръ Томъ, — сказала миссисъ Спарситъ, — незатѣйливое угощеніе на столѣ; не соблазнитесь ли вы моимъ скромнымъ ужиномъ?

— Благодарствуйте, миссисъ Спарситъ, — отвѣчалъ олухъ и съ угрюмымъ видомъ набросился на ѣду.

— Какъ поживаетъ мистеръ Гартхаузъ, мистеръ Томъ? — спросила почтенная леди.

— Вполнѣ благополучно, — отвѣчалъ Томъ.

— Гдѣ онъ можетъ теперь находиться? — продолжала миссисъ Спарситъ легкимъ разговорнымъ тономъ, мысленно посылая олуха ко всѣмъ чертямъ за его несообщительность.

— Онъ охотится въ Іоркширѣ, — сказалъ Томъ. — Вчера онъ прислалъ сестрѣ моей Лу корзину дичи чуть не съ колокольню вышиной.

— Сейчасъ видно, — вкрадчиво замѣтила миссисъ Спарситъ, — что мистеръ Гартхаузъ отличный стрѣлокъ.

— Извѣстный своимъ искусствомъ, — подтвердилъ Томъ.

Милый юноша съ дѣтства имѣлъ дурную привычку не смотрѣть людямъ въ глаза, но эта чрета съ нѣкотораго времени на столько усилилась въ немъ, что онъ старался совсѣмъ не смотрѣть на людей. Такимъ образомъ, миссисъ Спарситъ могла безъ помѣхи наблюдать теперь за олухомъ, если имѣла къ тому желаніе.

— Мистеръ Гартхаузъ большой мой любимецъ, — замѣтила миссисъ Спарситъ; — впрочемъ, онъ чуть ли не всеобщій любимецъ. Можно ли надѣяться, что мы скоро увидимъ его опять, мистеръ Томъ?

— Я разсчитываю на это завтра, — отвѣчалъ олухъ.

— Пріятная новость! — воскликнула миссисъ Спарситъ сладенькимъ голоскомъ.

— Мы сговорились, что я встрѣчу его вечеромъ на здѣшнемъ вокзалѣ, — продолжалъ Томъ, — послѣ чего мы, вѣроятно, пообѣдаемъ вдвоемъ. Съ недѣлю онъ не поѣдетъ на дачу, такъ какъ приглашенъ куда-то въ другое мѣсто. По крайней мѣрѣ, Гартхаузъ такъ говорилъ. Но я нисколько не удивлюсь, если онъ застрянетъ здѣсь на воскресенье и отправится со мною туда.

— Ахъ, кстати, я вспомнила! — сказала миссисъ Спарситъ. — Вы не забудете передать мое порученіе вашей сестрѣ, мистеръ Томъ, если я васъ попрошу?

— Какое? Я постараюсь, — неохотно отвѣчалъ олухъ, — если оно не будетъ длинно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я попрошу только передать ей мой почтительный поклонъ, потому что, кажется, я не обезпокою ее своимъ присутствіемъ на этой недѣлѣ; у меня все еще нервы не въ порядкѣ, и мнѣ, пожалуй, будетъ лучше провести праздникъ въ привычномъ для меня одиночествѣ.

— О, если только это,—подхватилъ Томъ,—то не велика бѣда, если я и позабуду, потому что Лу врядъ ли вспомнитъ о васъ, если вы не пріѣдете!

Заплативъ такой милой любезностью за угощеніе, олухъ снова погрузился въ мрачное безмолвіе до той минуты, пока не изсякъ въ бутылкѣ индійскій эль; тутъ онъ сказалъ: — „Теперь мнѣ пора идти, миссисъ Спарситъ“, — и ушелъ.

На слѣдующій день, въ субботу, миссисъ Спарситъ все время сидѣла у окна, слѣдя за уходомъ и приходомъ кліентовъ банка, наблюдая за почталіонами, прохожими и всей уличной суетой, переворачивая въ умѣ разные вопросы, но ни на минуту не теряя изъ виду своей лѣстницы. Когда наступилъ вечеръ, она надѣла шляпу, шаль и незамѣтно вышла изъ дома.

Вѣроятно, у нея были свои причины кружить по вокзалу, гдѣ долженъ былъ сойти одинъ пріѣзжій изъ Іоркшира, предпочитая выглядывать на платформу изъ за круглыхъ колоннъ, изъ угловъ или изъ оконъ дамской уборной, но не появляясь на виду у всѣхъ.

Томъ былъ уже здѣсь; онъ слонялся по вокзалу въ ожиданіи поѣзда. Поѣздъ пришелъ, но не привезъ мистера Гартхауза. Томъ подождалъ, пока толпа разсѣялась и толкотня прекратилась; тогда онъ обратился къ вывѣшенному росписанію поѣздовъ и потолковалъ съ носильщиками. Послѣ того юноша принялся бродить безъ цѣли по улицѣ, останавливаясь и поглядывая то въ одну, то въ другую сторону, то снимая шляпу, то надѣвая ее опять, позѣвывая и потягиваясь; однимъ словомъ, онъ обнаруживалъ всѣ признаки смертельной скуки, совершенно естественной въ человѣкѣ, принужденномъ дожидаться слѣдующаго поѣзда, который долженъ придти спустя часъ сорокъ минутъ.

„Это одна уловка, чтобъ отдѣлаться отъ Тома“, — подумала про себя миссисъ Спарситъ, отходя отъ тусклаго окна конторы, откуда она наблюдала напослѣдокъ за одураченнымъ олухомъ.— „Гартхаузъ теперь съ его сестрой!“

Эта мысль была внезапнымъ откровеніемъ, и миссисъ Спарситъ поспѣшила ею воспользоваться со всѣмъ проворствомъ, на какое была способна. Вокзалъ желѣзной дороги, которая вела на дачу, стоялъ на противоположномъ краю города. Времени оставалось мало, мостовыя были плохи, но почтенная леди такъ быстро завладѣла пустымъ кэбомъ, такъ проворно выпрыгнула изъ него, расплатившись съ извощикомъ, взяла билетъ въ кассѣ и вскочила въ вагонъ, что помчалась по аркамъ надъ безчисленными уголь-

ными копями, дѣйствующими и упраздненными, до того стремительно, точно была подхвачена облакомъ и унесена вихремъ.

Всю дорогу ея умственнымъ взоромъ рисовалась лѣстница съ спускавшейся по ней юношеской фигурой; черные глаза миссисъ Спарситъ видѣли ее такъ же ясно, какъ телеграфныя проволоки, выступавшія на вечернемъ небѣ, точно безконечныя линейки на колоссальной полосѣ нотной бумаги. Женская фигура приближалась теперь къ самому низу, къ краю пропасти.

Пасмурный сентябрьскій вечеръ при наступленіи сумерекъ могъ видѣть изъ подъ своихъ отяжелѣвшихъ вѣкъ, какъ миссисъ Спарситъ выскользнула изъ вагона, какъ спустилась по деревяннымъ ступенямъ крыльца маленькой станціи на каменистую дорогу, пересѣкла ее, вышла на проселокъ и скрылась въ густой еще листвѣ кустовъ и деревьевъ. Двѣ, три запоздалыя пташки, сонно чирикавшія въ своихъ гнѣздахъ, летучая мышь, неуклюже рѣявшая надъ нею взадъ и впередъ, да шорохъ ея собственныхъ шаговъ въ густой пыли, мягкой, какъ бархатъ, вотъ все, что видѣла и слышала миссисъ Спарситъ, подвигаясь впередъ, до того момента, когда она тихо отворила и снова заперла за собою калитку парка.

Почтенная леди направилась къ дому, пробираясь въ кустахъ, обошла его кругомъ, заглядывая сквозь просвѣты зелени въ окна нижняго этажа. Большая часть ихъ стояла настежь, какъ всегда въ такую теплую погоду, но домъ былъ неосвѣщенъ внутри, и въ немъ царила тишина. Миссисъ Спарситъ обыскала садъ, такъ же неуспѣшно. Тогда она вспомнила про лѣсъ и стала подкрадываться къ нему, не обращая вниманія на высокую траву и терновникъ, на червей, улитокъ, ящерицъ и прочую пресмыкающуюся тварь. Вперивъ въ потемки острый взглядъ и выставивъ впередъ свой крючковатый носъ, миссисъ Спарситъ неслышно прокладывала себѣ путь сквозь густую поросль, до такой степени поглощенная своимъ планомъ, что еслибъ этотъ лѣсъ кишѣлъ ядовитыми змѣями, кажется, и тогда она подвигалась бы дальше съ неменьшей храбростью.

Чу! Птенцы, пожалуй, выпали бы изъ гнѣздъ, околдованные сверканіемъ глазъ миссисъ Спарситъ во мракѣ, когда она остановилась и стала прислушиваться.

Тихіе голоса какъ разъ по близости. Голосъ Гартхауза и голосъ Луизы. Такъ и есть! Свиданіе, назначенное Тому, было уловкой, чтобъ отъ него отдѣлаться! Они сидѣли тутъ рядышкомъ на срубленномъ деревѣ.

Пригнувшись низко къ росистой травѣ, миссисъ Спарситъ подвинулась къ нимъ ближе. Она выпрямилась, спрятавшись за дерево, на подобіе Робинзона Крузо въ засадѣ противъ дикарей; она была теперь такъ близка къ влюбленнымъ, что, сдѣлавъ, скачекъ,—даже небольшой,—могла бы достать ихъ рукой. Очевидно, Гартхаузъ

явился сюда втихомолку и не показывался въ домѣ. Онъ пріѣхалъ верхомъ и, вѣроятно, пробирался сосѣдними полями, потому что его лошадь была привязана у забора со стороны лужайки въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда.

— Дорогая моя,—говорилъ Гартхаузъ,—что же мнѣ было дѣлать? Я зналъ, что вы одна, и не могъ оставаться вдали отъ васъ.

„Потупляй, потупляй свою голову, чтобъ казаться привлекательнѣе“, язвительно подумала про себя миссисъ Спарситъ;—„рѣшительно не понимаю, что находятъ мужчины въ твоемъ лицѣ, когда ты держишь его прямо; но ты не подозрѣваешь, дорогая моя, чьи глаза слѣдятъ за тобой“.

Что Луиза потупила голову, это было несомнѣнно. Она уговаривала Гартхауза уйти, она приказывала ему удалиться, однако, не поворачивала къ нему лица, а сидѣла потупившись. Но—замѣчательная вещь,—молодая женщина сидѣла такъ спокойно, какъ во всякое другое время. Достойная леди, скрывавшаяся въ засадѣ, прямо не вѣрила своимъ глазамъ. Руки Луизы были сложены, какъ у статуи, и даже въ ея рѣчахъ не замѣчалось торопливости.

— Милое дитя,—сказалъ Гартхаузъ, (миссисъ Спарситъ съ восторгомъ увидала, что его рука обвилась вокругъ стана Луизы) — неужели вы не согласитесь побыть со мною немножко?

— Только не здѣсь.

— Гдѣ-же, Луиза?

— Не здѣсь.

— Но у насъ такъ мало времени въ нашемъ распоряженіи. Я пріѣхалъ сюда издалека... и я такъ преданъ вамъ... я совсѣмъ потерялъ голову! Ни съ однимъ беззавѣтно-преданнымъ рабомъ не обращались такъ жестоко, какъ вы со мною. Ожидать вашего теплаго привѣта, воскресившаго меня къ жизни, и встрѣтить вдругъ такой холодный пріемъ, вѣдь, это прямо убійственно! У меня сердце разрывается отъ горя!

— Сколько разъ мнѣ повторять вамъ, что я хочу остаться здѣсь одна?

— Но мы должны видѣться, моя дорогая Луиза. Гдѣ мы встрѣтимся?

Оба они встрепенулись. Миссисъ Спарситъ тоже вздрогнула, какъ виноватая: ей представилось, что кто-то другой также подслушиваетъ, притаившись къ древесной чащѣ. Но то былъ только шумъ дождя, который, незамѣтно, подкрался и полилъ, частый и крупный.

— Хотите, я сяду на лошадь и нѣсколько минутъ спустя подъѣду къ дому въ наивномъ убѣжденіи, что хозяинъ у себя и будетъ радъ меня видѣть?

— Нѣтъ!

— Всѣ ваши жестокія приказанія будутъ безпрекословно ис-

полнены. Но знайте: я несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ. Оставаться равнодушнымъ ко всѣмъ прочимъ женщинамъ въ мірѣ, чтобъ пасть, наконецъ, къ ногамъ прекраснѣйшей, самой увлекательной и самой суровой изъ всѣхъ! Дорогая Луиза, я не въ силахъ ни уйти прочь, ни отпустить васъ одну, когда вы такъ безжалостно злоупотребляете своей властью надо мною.

Миссисъ Спарситъ видѣла, какъ онъ удерживалъ ее, обвивъ рукою, и слышала (она прислушивалась такъ жадно, что не проронила ни единаго слова), какъ онъ говорилъ, что любитъ ее и готовъ пожертвовать для нея всѣми благами жизни. Самыя заманчивыя перспективы въ будущемъ, его успѣхи, его карьера,— все это ничто въ сравненіи съ ея любовью. Все это имѣетъ для него значеніе лишь настолько, насколько можетъ содѣйствовать ихъ счастію вдвоемъ. Онъ съ радостью откажется отъ всего; онъ готовъ увезти ее отсюда, если она согласиться на это, готовъ окружить ихъ любовь тайною, если она прикажетъ; онъ съ радостью приметъ всякій жребій, назначенный ею, не разбирая, только бы она была вѣрна ему,—человѣку, который сразу понялъ, какъ пренебрегаютъ ею, которому она съ перваго знакомства внушила такое восхищеніе, такое участіе,—человѣку, котораго она удостоила своимъ довѣріемъ, который былъ преданъ ей, обожалъ ее.

Все это и многое другое говорилось сбивчиво, торопливо съ той и съ другой стороны. Обрадованная своей удавшейся хитростью, жестоко страшась быть открытой, миссисъ Спарситъ напряженно слушала эти рѣчи подъ возраставшій шумъ дождя въ древесной листвѣ и раскаты приближавшейся грозы. При такихъ условіяхъ многое ускользнуло отъ нея подъ конецъ, перемѣшалось, спуталось, такъ что, когда Гартхаузъ перелѣзъ черезъ заборъ и увелъ прочь свою лошадь, почтенная леди не была вполнѣ увѣрена ни насчетъ часа, ни насчетъ мѣста назначеннаго свиданія между молодыми людьми. Она знала только, что оно должно произойти въ ту же ночь.

Но Луиза была еще здѣсь, въ потемкахъ, передъ нею; стоило только ее прослѣдить, и тогда все откроется.—„О, моя дорогая", думала миссисъ Спарситъ,—„ты и не подозрѣваешь, какая у тебя вѣрная охрана".

Она видѣла, какъ Луиза вышла изъ лѣса и вошла въ домъ. Что слѣдовало дѣлать дальше? Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Бѣлые чулки миссисъ Спарситъ превратились въ пестрые съ преобладающей зеленой окраской; въ башмаки ей набились колючки; на ея платьѣ въ различныхъ мѣстахъ раскачивались гусеницы въ гамакахъ собственнаго издѣлія; со шляпы и съ римскаго носа стекали струйки воды. Въ такомъ видѣ миссисъ Спарситъ притаилась въ кустарникѣ, раздумывая, что дѣлать дальше.

А! Луиза выходитъ изъ дома! Наскоро набросивъ плащъ и заку-

тавшись, она крадется потихоньку. Она бѣжитъ. Она на послѣдней ступенькѣ лѣстницы... Вотъ она оборвалась и стремглавъ летитъ въ бездну!

Не замѣчая дождя и подвигаясь поспѣшнымъ, рѣшительнымъ шагомъ, молодая женщина ступила на боковую тропинку, параллельную аллеѣ для верховой ѣзды. Миссисъ Спарситъ слѣдовала за ней въ тѣни деревьевъ на короткомъ разстояніи, чтобъ не потерять изъ вида фигуру, шедшую быстро въ потемкахъ.

Когда Луиза остановилась, чтобъ неслышно запереть калитку парка, миссисъ Спарситъ остановилась въ свою очередь. Луиза двинулась дальше, и миссисъ Спарситъ пошла за нею. Луиза шла тою же дорогой, по которой добралась сюда миссисъ Спарситъ съ вокзала, и, миновавъ проселокъ, пересѣкла каменистое шоссе, а потомъ поднялась на деревянныя ступени крыльца желѣзнодорожной станціи. Мимо нея долженъ былъ вскорѣ пройти поѣздъ на Коктоунъ, какъ было извѣстно миссисъ Спарситъ; значитъ, они условились съѣхаться въ Коктоунѣ.

Костюмъ миссисъ Спарситъ, мокрый и измятый, имѣлъ такой плачевный видъ, что ей не нужно было особенныхъ предосторожностей, чтобъ измѣнить свою внѣшность; она остановилась за вѣтромъ у станціонной стѣны, сложила иначе свою шаль и надвинула ее на шляпку. Переодѣтая такимъ образомъ, она поднялась на ступени станціоннаго крыльца, не боясь быть узнанной, и купила въ кассѣ билетъ. Луиза сидѣла и ждала въ углу пассажирской залы; миссисъ Спарситъ забилась въ другой. Обѣ онѣ прислушивались къ громкимъ раскатамъ грозы и шуму дождя, который хлесталъ по крышѣ, стекая съ нея ручьями, и барабанилъ по периламъ арокъ. Два, три фонаря на платформѣ были потушены вѣтромъ, и молнія блистала во всемъ великолѣпіи, извиваясь зигзагами по стальнымъ рельсамъ.

Но вотъ вся станція затряслась отъ грохота подходившаго поѣзда. Градъ искръ, клубы пара, дыма, красный фонарь паровоза; оглушительный свистокъ, суматоха, звонъ колокола, крикъ кондуктора; Луиза попала въ одинъ вагонъ, миссисъ Спарситъ въ другой, и маленькая опустѣвшая станція потонула во мракѣ подъ раскаты грома и завыванія бури.

Хотя зубы миссисъ Спарситъ стучали отъ сырости и холода, но сердце ея ликовало. Луиза юркнула въ пропасть, и достойной леди казалось, что теперь ей приходится сторожить одинъ ея бездыханный трупъ. Какъ же было ей не радоваться, если она такъ дѣятельно ускоряла этотъ погребальный тріумфъ?—„Луиза пріѣдетъ въ Коктоунъ задолго до него“,—соображала миссисъ Спарситъ; лошади не угнаться за паровозомъ. Гдѣ же будетъ она поджидать его? И куда отправятся они вмѣстѣ? Терпѣніе. Увидимъ, что будетъ“.

Жестокій ливень натворилъ много бѣдъ. Когда поѣздъ остановился у станціи, то оказалось, что водосточныя трубы и жолоба полопались, канавы переполнились, а улицы были затоплены водою. Въ первую минуту по прибытіи миссисъ Спарситъ съ отчаяніемъ поглядѣла въ ту сторону, гдѣ стояли наемные экипажи, которые публика разбирала на расхватъ.—„Она сядетъ въ кэбъ и уѣдетъ прежде, чѣмъ я найду другой, чтобъ поспѣть за нею",—соображала почтенная леди.—„Но пусть лучше меня переѣдутъ въ этой давкѣ, а ужъ я замѣчу нумеръ кэба и услышу, какой адресъ дастъ она кучеру".

Однако, миссисъ Спарситъ ошиблась въ разсчетѣ. Луиза не взяла извозчика и уже успѣла удалиться пѣшкомъ. Черные глаза, наблюдавшіе за ея вагономъ, обратились къ нему немножко поздно. Дверца что-то долго не отворялась; миссисъ Спарситъ бродила мимо взадъ и впередъ, не видя ничего; наконецъ, заглянула въ самый вагонъ и нашла его пустымъ. Промокшая до костей, въ стоптанныхъ башмакахъ, хлюпавшихъ при каждомъ шагѣ, съ потоками дождя на классическомъ лицѣ, въ совершенно изгаженномъ платьѣ, въ шляпѣ, сморщенной, какъ перезрѣлая фига, съ отпечаткомъ всѣхъ крючковъ, застежекъ, пуговицъ и завязокъ своего костюма на аристократической спинѣ, съ зеленоватой, липкой плѣсенью на всей ея величавой фигурѣ, точно на какомъ нибудь старомъ заборѣ парка, выходящемъ на проселокъ, миссисъ Спарситъ могла только разразиться горькими слезами и воскликнуть:—„Я прозѣвала ее!"

XII. Паденіе.

Отечественные мусорщики, позабавившись нѣсколькими маленькими, но шумными перепалками между собою, разсѣялись въ разныя стороны, и мистеръ Гредграйндъ водворился у себя дома на вакаціонное время.

Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ убійственно-статистическими часами и писалъ, несомнѣнно, доказывая что нибудь—вѣроятно, главнымъ образомъ то, что милосердный самарянинъ, въ сущности, былъ плохимъ политико-экономистомъ. Шумъ дождя неособенно безпокоилъ его, но онъ все же отвлекалъ порою мистера Гредграйнда отъ работы, заставляя его поднимать голову, какъ будто почтенный депутатъ собирался увѣщевать разбушевавшіяся стихіи. При особенно сильномъ рокотѣ грома онъ посматривалъ по направленію къ Коктоуну, соображая, что молнія могла ударить въ одну изъ высокихъ фабричныхъ трубъ.

Громъ гремѣлъ уже вдалекѣ, но дождь, попрежнему, лилъ потоками, когда дверь кабинета внезапно распахнулась. Мистеръ Гред-

грайндъ выглянулъ изъ за лампы, стоявшей на столѣ, и съ удивленіемъ увидалъ передъ собою свою старшую дочь.

— Луиза!

— Отецъ, мнѣ надо съ тобой поговорить.

— Что случилось? Какой у тебя странный видъ! И, Боже мой— прибавилъ мистеръ Гредграйндъ, изумляясь все больше и больше,— неужели ты пришла сюда пѣшкомъ въ такую бурю?

Она ощупала руками платье, точно не отдавая себѣ яснаго отчета въ происходившемъ, и отвѣчала:—„Да". Послѣ того молодая женщина раскутала голову и, бросивъ, куда попало, свой плащъ и капюшонъ, остановилась передъ отцомъ, такая блѣдная, такая растрепанная, съ такимъ вызывающимъ видомъ, полнымъ отчаянія, что тотъ испугался.

— Что съ тобою? Заклинаю тебя, Луиза, скажи мнѣ, что случилось?

Она упала на стулъ, стоявшій напротивъ, и коснулась своей холодной рукой отцовской руки.

— Вѣдь, ты воспитывалъ меня съ колыбели, отецъ?

— Да, Луиза.

— Я проклинаю тотъ часъ, когда я родилась на такую участь!

Онъ посмотрѣлъ на нее съ сомнѣніемъ и страхомъ, безсознательно твердя:

— Проклинаешь тотъ часъ? Проклинаешь тотъ часъ?

— Какъ могъ ты дать мнѣ жизнь и въ то же время отнять у меня тѣ неоцѣнимыя сокровища, которыя возвышаютъ ее надъ состояніемъ сознательной смерти? Гдѣ прелести моей души? Гдѣ чувства моего сердца? Что ты сдѣлалъ, о, отецъ, что ты сдѣлалъ съ садомъ, который долженъ былъ нѣкогда роскошно зацвѣсти вотъ здѣсь, въ этой необъятной пустынѣ?

Она ударяла себя обѣими руками въ грудь.

— Еслибъ онъ хоть когда нибудь цвѣлъ тутъ, въ моей душѣ, то одного его праха было бы достаточно, чтобъ спасти меня отъ пустоты, куда погружается теперь вся моя жизнь. Я не хотѣла этого говоритъ; но помнишь ли ты, отецъ, послѣдній нашъ разговоръ въ этой комнатѣ?

Мистеръ Гредграйндъ до такой степени не былъ подготовленъ къ тому, что слышалъ теперь, что едва собрался съ духомъ отвѣтить

— Да, Луиза.

— То, что сорвалось у меня съ языка сегодня, было бы сказано много тебѣ еще тогда, еслибъ ты хоть немного расположилъ меня къ искренности. Я не упрекаю тебя, отецъ. То, чего не воспиталъ ты во мнѣ, ты не воспитывалъ никогда и въ самомъ себѣ. Но, о, Боже мой, еслибъ ты вовсе пренебрегъ моимъ воспитаніемъ, насколько лучшимъ и болѣе счастливымъ существомъ была бы я теперь!

Усышавъ такія слова въ награду за всѣ свои отеческія попеченія, мистеръ Гредграйндъ поникъ головою на руку и застоналъ вслухъ.

— Отецъ, еслибъ при нашемъ послѣднемъ разговорѣ съ тобою въ этой комнатѣ ты зналъ, что меня пугало, пока я боролась съ собою (вѣдь, съ самаго дѣтства я только и дѣлала, что подавляла каждый естественный порывъ своего сердца), еслибъ ты зналъ тогда, что въ моей душѣ еще жили чувства, привязанности, влеченія, склонности, способныя развиться, не поддающіяся никакому человѣческому разсчету и такъ же мало доступныя ариѳметическимъ выкладкамъ, какъ недосягаемо сухимъ умамъ познаніе Творца,—еслибъ ты зналъ все это, развѣ выдалъ бы ты меня за человѣка, котораго я сознательно ненавижу теперь?

— Нѣтъ... Нѣтъ, мое бѣдное дитя,—отвѣчалъ мистеръ Гредграйндъ.

— Обрекъ ли бы ты свою дочь на холодное, мертвящее воспитаніе, которое испортило и ожесточило ее? Отнялъ ли бы ты у меня духовную сторону моей жизни, дѣтскую вѣру,—мое единственное убѣжище отъ всего низкаго и дурного въ окружающей меня дѣйствительности, ту вѣру, которая научила бы меня быть смиреннѣе, довѣрчивѣе къ людямъ и дала бы мнѣ силы приносить имъ пользу въ скромной сферѣ жизни, отведенной мнѣ судьбою?

— О, нѣтъ, нѣтъ, Луиза!

— А между тѣмъ, отецъ, еслибъ я была слѣпорожденной, бродила ощупью и только посредствомъ осязанія знакомилась съ внѣшнимъ видомъ всего окружающаго, дополняя остальное своимъ воображеніемъ, я была бы въ милліонъ разъ умнѣе, счастливѣе, добрѣе и человѣчнѣе, невиннѣе и довольнѣе, чѣмъ въ данную минуту, съ моими зрячими глазами. Ну, а послѣ всего этого выслушай, отецъ, что я пришла тебѣ сообщить.

Онъ подался къ ней, чтобъ поддержать ее рукою. Луиза поднялась съ мѣста при этомъ движеніи отца, и теперь они стояли, прильнувъ одинъ къ другому; рука дочери лежала на плечѣ мистера Гредграйнда, а ея глаза пристально смотрѣли ему въ лицо.

— Томимая нравственнымъ голодомъ и жаждою, которые никогда не утолялись, ни на одну минуту,—продолжала она,—съ пылкимъ стремленіемъ въ невѣдомую область, гдѣ правила, цифры, опредѣленія не владычествовали безраздѣльно, я росла въ безпрерывной борьбѣ, отвоевывая каждую пядь на своемъ жизненномъ пути.

— А я и не подозрѣвалъ, что ты была несчастна, дитя мое!

— Я же всегда понимала это, отецъ. Въ своей ожесточенной борьбѣ я почти оттолкнула отъ себя и сокрушила своего ангела-хранителя, обратившись къ демону. Все, чему я училась, внушало мнѣ одно сомнѣніе, недовѣріе, презрѣніе и сожалѣніе о томъ, чему

меня совсѣмъ не учили. Моимъ единственнымъ печальнымъ утѣшеніемъ служила мысль, что жизнь скоро пройдетъ и что въ ней нѣтъ ничего такого, изъ за чего стоило бы страдать и бороться.

— И это въ твои годы, Луиза!—съ глубокой жалостью воскликнулъ отецъ.

— Да, въ мои годы,—подтвердила она. При такихъ условіяхъ, отецъ—безъ страха и безъ всякой пользы открываю я теперь омертвѣлость моего ума, которую сознаю вполнѣ,—при такихъ условіяхъ ты предложилъ мнѣ въ мужья мистера Баундерби. Я вышла за него. Ни передъ нимъ, ни передъ тобою не притворялась я, что онъ мнѣ милъ; и я, и ты, и онъ самъ,—всѣ мы отлично знали, что я никогда его не любила. Нельзя, однако, сказать, чтобъ при выходѣ въ замужество я не повиновалась голосу чувства: я рѣшила на этотъ шагъ ради пользы Тома и ему въ угоду. Я совершила безразсудство, увлекшись химерой, и лишь понемногу поняла всю нелѣпость и безуміе своего поступка. Но, вѣдь, Томъ былъ предметомъ моей единственной сердечной привязанности въ жизни, можетъ быть, именно, потому, что я понимала, какъ онъ жалокъ. Теперь дѣло не въ томъ, хотя мое признаніе, пожалуй, заставитъ тебя отнестись снисходительнѣе къ его заблужденіямъ, отецъ.

Онъ привлекъ къ себѣ дочь. Она положила обѣ руки на его плечи и продолжала, не спуская съ него пристальнаго взора:

— Когда я вышла замужъ, и для меня не было больше возврата назадъ, во мнѣ поднялась прежняя борьба. Всѣ мои чувства возставали противъ ненавистныхъ узъ; эта борьба еще болѣе ожесточилась, по причинѣ рѣзкаго различія нашихъ характеровъ, несходства между нами во всемъ,—несходства, котораго не смогутъ сгладить для меня никакія общія правила и законы, покуда они не будутъ въ состояніи указать анатому того мѣста, гдѣ онъ долженъ ударить своимъ скальпелемъ въ сокровенные тайники моей души.

— Луиза! — воскликнулъ умоляющимъ тономъ мистеръ Гредграйндъ, отлично помнившій все, что произошло между ними, когда Баундерби сватался къ его дочери.

— Я не упрекаю тебя, отецъ, и не жалуюсь. Я пришла сюда не съ тѣмъ.

— Что могу я сдѣлать для тебя, дитя мое? Требуй все, чего ты хочешь.

— Сейчасъ, отецъ, я скажу... Послѣ того мнѣ случайно подвернулось новое знакомство. То былъ человѣкъ, какихъ я не видывала еще до тѣхъ поръ: свѣтскій, развязный, легкомысленный, любезный. Онъ не лицемѣрилъ, но откровенно сознавался въ своемъ пренебреженіи ко всему на свѣтѣ, чего я отчасти боялась втайнѣ. Почти съ самаго начала нашего знакомства онъ далъ мнѣ понять (я и теперь не знаю, какъ, какими способами удалось ему,

этого достичь!), что разгадалъ меня, что онъ читаетъ мои мысли. Я не могла считать его хуже самой себя. Между нашими натурами существовало какъ будто близкое сродство. Я только не могла постичь, почему этотъ человѣкъ, не обращавшій ни на что вниманія, могъ такъ сильно заинтересоваться мною.

— Тобою, Луиза?

Мистеръ Гредграйндъ былъ готовъ машинально выпустить дочь изъ объятій, но почувствовалъ, что силы покидаютъ ее, и замѣтилъ дикій огонь, разгоравшійся у ней въ глазахъ, попрежнему, пристально устремленныхъ на него.

— Не стану объяснять, подъ какимъ предлогомъ добился онъ моего довѣрія,—продолжала она. Да и не все ли равно? Достаточно того, что онъ достигъ своей цѣли. Все, что тебѣ извѣстно объ исторіи моего замужества, онъ вскорѣ узналъ такъ же коротко, какъ и ты.

Лицо мистера Гредграйнда покрылось смертельною блѣдностью, и онъ обвилъ дочь обѣими руками.

— Хуже этого я ничего не сдѣлала; я не обезчестила тебя. Но, если ты спросишь, полюбила ли я его, люблю ли теперь, я скажу тебѣ прямо, отецъ: пожалуй, что такъ. Я сама не знаю.

Луиза внезапно сняла руки съ отцовскихъ плечъ и прижала ихъ къ своему сердцу, тогда какъ ея преобразившееся лицо и выпрямленный станъ говорили о рѣшимости сдѣлать послѣднее усиліе, чтобъ закончить свою исповѣдь и дать исходъ долго подавляемымъ чувствамъ, рвавшимся наружу.

— Сегодня вечеромъ—мужа не было дома—этотъ человѣкъ видѣлся со мною и сказалъ, что меня любитъ. Въ настоящую минуту онъ меня ждетъ; мнѣ пришлось обѣщать ему свиданіе за неимѣніемъ иного средства избавиться отъ его присутствія. Не знаю, огорчена ли я, стыжусь ли я себя; не знаю, унижена ли я въ собственныхъ глазахъ. Знаю, только, что теперь никакая ваша философія, никакая наука не спасутъ меня. Отецъ, ты самъ довелъ меня до этого; спаси же какъ нибудь свою дочь.

Мистеръ Гредграйндъ во время подхватилъ Луизу, чтобъ не дать ей упасть. Но она вскрикнула не своимъ голосомъ:

— Я умру, если ты не выпустишь меня! Дай мнѣ упасть на полъ!

И отецъ положилъ ее на земь, и видѣлъ, какъ гордость его сердца, торжество его воспитательной системы, его любимая дочь лежала безчувственной массой у его ногъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

УБОРКА.

I. Что необходимо человѣку еще.

Луиза очнулась отъ своего забытья. Глаза молодой женщины томно открылись, чтобъ остановиться прежде всего на ея бывшей кровати въ родительскомъ домѣ. Сначала ей показалось, будто бы все происшедшее съ того времени, когда эти предметы окружали ее постоянно, было сномъ, но по мѣрѣ того, какъ къ ней возвращалось сознаніе, прошлыя событія стали принимать въ ея умѣ болѣе реальную форму.

Она едва могла двинуть отяжелѣвшей головой отъ нестерпимой боли; глаза у ней также ломило, а всѣ члены ослабѣли, словно разбитые. Страшная апатія до такой степени овладѣла ею, что она нѣкоторое время не замѣчала присутствія въ комнатѣ своей младшей сестры. Даже когда ихъ взоры встрѣтились, и Дженъ приблизилась къ кровати, Луиза лежала нѣсколько минутъ молча, глядя на дѣвочку, которая боязливо взяла ея неподвижную руку.

— Когда перенесли меня въ эту комнату? — спросила, наконецъ, она.

— Вчера вечеромъ, Луиза.

— Кто же это сдѣлалъ?

— Вѣроятно, Сэсси.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потому что я застала ее здѣсь сегодня поутру. Она не пришла будить меня, какъ дѣлаетъ постоянно, и я отправилась искать ее сама. Комната Сэсси была пуста; я обѣгала весь домъ и, наконецъ, нашла ее тутъ. Сэсси ухаживала за тобою и примачивала тебѣ голову. Хочешь видѣть отца? Сэсси сказала, чтобъ я позвала его, когда ты проснешься?

— Какое веселое у тебя личико, Дженъ! — промолвила Луиза все еще съ нѣкоторою робостью и наклонилась, чтобъ поцѣловать младшую сестру.

— Неужели? Мнѣ пріятно это слышать. Я увѣрена, что все это, благодаря Сэсси.

Рука Луизы, поднявшаяся было, чтобъ обнять Дженъ, снова опустилась.

— Если хочешь, скажи отцу, что я проснулась, — произнесла молодая женщина, и когда младшая сестра хотѣла выбѣжать изъ спальни, она удержала ее на минуту, чтобъ спросить: — Не ты ли такъ мило убрала мою комнату и придала ей такой привѣтливый видъ?

— О, нѣтъ, Луиза, это было сдѣлано до моего прихода. Это сдѣлала...

Луиза отвернулась и не стала слушать дальше. Когда Дженъ ушла, она снова повернула голову и лежала лицомъ къ двери, пока та не отворилась, чтобъ пропустить ея отца.

Онъ былъ встревоженъ, растерянъ, и его обыкновенно твердая рука дрожала въ рукѣ дочери. Мистеръ Гредграйндъ подсѣлъ къ ея постели, нѣжно освѣдомляясь, какъ она себя чувствуетъ, и настаивая на томъ, что ей необходимо соблюдать полнѣйшій покой послѣ вчерашняго волненія и ходьбы пѣшкомъ въ такую непогоду. Онъ говорилъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ, совершенно непохожимъ на его обычный диктаторскій тонъ и часто запинался въ своей рѣчи.

— Моя дорогая Луиза, моя бѣдная дочь!

Онъ до того растерялся, дойдя до этихъ словъ, что притихъ совсѣмъ.

— Мое несчастное дитя!.. — вымолвилъ опять мистеръ Гредграйндъ, дѣлая усиліе объясниться съ Луизой, что было ужасно трудно. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ началъ снова:

— Напрасно старался бы я, Луиза, выразить тебѣ, насколько былъ удрученъ тѣмъ, что обрушилось на меня вчера вечеромъ; я и теперь жестоко подавленъ случившимся. Почва ускользаетъ у меня изъ подъ ногъ. Единственная опора, на которую я полагался, единственная крѣпость, казавшаяся мнѣ несокрушимой, рухнула въ одну минуту подо мною. Я ошеломленъ такими открытіями. Для меня это не вопросъ мелочнаго самолюбія, но я долженъ сознаться, что ударъ, постигшій меня вчера, слишкомъ тяжелъ, слишкомъ тяжелъ...

Луиза не могла его утѣшить; вся ея жизнь была разбита вдребезги, какъ корабль, наскочившій на утесъ.

— Не стану говорить, Луиза, что еслибъ по счастливой случайности, ты пораньше открыла мнѣ глаза, это было бы гораздо лучше для насъ обоихъ; лучше для твоего спокойствія и для моего собственнаго. Но я сознаю, что вызывать дѣтей на откровенность не входило въ программу моего воспитанія. Я провѣрилъ мою... мою систему самъ про себя и примѣнялъ ее со всею строгостью, а теперь долженъ нести отвѣтственность за ея недостатки. Умоляю

тебя только вѣрить, мое любимое дитя, что я дѣйствовалъ такъ ради твоей пользы и твоего блага.

Онъ говорилъ серьезно и — надо отдать ему справедливость — говорилъ искренно. Измѣряя бездонныя глубины казенной мѣрой, прикладывая ко всей вселенной свой заржавѣвшій циркуль, онъ воображалъ, что совершаетъ нѣчто великое. Въ предѣлахъ своей короткой привязи онъ топтался на мѣстѣ, попирая ногами цвѣты человѣческаго существованія, но дѣйствовалъ такъ съ большимъ простосердечіемъ, чѣмъ множество бездушныхъ горлановъ его партіи.

— Я вполнѣ вѣрю тебѣ, отецъ. Я знаю, что всегда была твоей любимицей, что ты имѣлъ въ виду устроить мое счастіе. Я никогда не порицала тебя и не стану порицать.

Онъ взялъ ея протянутую руку и удержалъ въ своей.

— Милая, я просидѣлъ всю ночь напролетъ у своего письменнаго стола, размышляя о томъ, что произошло между нами. Вникнувъ въ твой характеръ, вникнувъ въ то, что стало извѣстно мнѣ такъ недавно и что ты таила отъ меня цѣлые годы, сообразивъ, подъ какимъ непосредственнымъ давленіемъ это вырвалось у тебя наружу, я пришелъ къ тому выводу, что ошибался и не могу больше довѣрять самому себѣ.

Онъ могъ бы прибавить еще многое, глядя на жалкое лицо дочери, обращенное къ нему. Но вмѣсто всякаго добавленія мистеръ Гредграйндъ осторожно откинулъ со лба ея спутанные волосы своею рукой. Такія ничтожныя проявленія нѣжности, обыкновенныя у другого человѣка, имѣли здѣсь большое значеніе; и Луиза приняла ихъ, какъ знакъ глубокаго раскаянія.

— Но, — медленно и нерѣшительно продолжалъ мистеръ Гредграйндъ, точно подавленный своею безпомощностью, — если у меня есть поводъ не довѣрять себѣ въ прошломъ, то, значитъ, я не могу довѣрять себѣ больше ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Говоря откровенно, такъ оно и есть. Не дальше, какъ сутки тому назадъ я былъ далекъ отъ этой мысли, но теперь чувствую, что едва ли способенъ оправдать твое довѣріе, едва ли сумѣю отвѣтить, какъ слѣдуетъ, на горячую мольбу, съ которой ты пришла ко мнѣ; едва ли я обладаю вѣрнымъ инстинктомъ—если допустить, что существуетъ такое свойство въ природѣ — который указалъ бы мнѣ, какъ тебѣ помочь, какъ вывести тебя на истинный путь, дитя мое.

Луиза лежала, отвернувшись и прикрывая согнутымъ локтемъ лицо, такъ что отецъ не могъ его видѣть. Вся порывистость и горячность улеглись въ ней; однако, хотя она и смягчилась, но не плакала. Между тѣмъ съ ея отцомъ произошла настолько рѣзкая перемѣна, что теперь онъ былъ бы радъ увидѣть ее въ слезахъ.

— Есть люди, — продолжалъ онъ съ прежней нерѣшитель-

ностью, — по словамъ которыхъ, мудрость не одинакова; они увѣряютъ, что существуетъ мудрость головы и мудрость сердца. Я съ этимъ не соглашался, но, какъ мною было сказано сейчасъ, теперь я больше не вѣрю себѣ. Я всегда полагалъ, что человѣкъ можетъ прожить одной головою; однако, теперь вижу, что это примѣнимо не ко всѣмъ. Какъ могу я осмѣлиться теперь утверждать противное! Что если мудрость сердца заключается именно въ томъ, чѣмъ я пренебрегъ при твоемъ воспитанiи, если оно и есть тотъ безошибочный инстинктъ, Луиза, который нуженъ...

Онъ высказалъ это съ большимъ сомнѣнiемъ, какъ будто и теперь ему было трудно допустить подобную возможность. Дочь не отвѣтила ни слова; она лежала молча на постели по прежнему полуодѣтая, почти въ томъ же видѣ, какъ вчера вечеромъ, когда она рухнула на полъ въ кабинетѣ отца.

— Луиза, — началъ онъ опять, касаясь рукой ея волосъ, — послѣднее время, моя дорогая, я часто отлучался изъ дому; и хотя твоя сестра воспитывалась по той же... системѣ (это слово какъ будто застряло у него въ горлѣ), но послѣдняя неизбѣжно измѣнилась, благодаря постороннему влiянiю, въ данномъ случаѣ съ младенческихъ лѣтъ. Скажи мнѣ — я спрашиваю тебя въ полномъ невѣдѣнiи и отложивъ въ сторону всякую гордость — скажи мнѣ, дочь моя, не къ лучшему ли это для нашей Дженъ?

— Отецъ, — отвѣчала Луиза, не шевелясь, — если въ ея юной душѣ пробудилась гармонiя, молчавшая въ моей до тѣхъ поръ, пока она разрѣшилась диссонансомъ, пускай Дженъ благодаритъ Бога и идетъ своимъ болѣе счастливымъ путемъ, считая величайшимъ благомъ для себя, что она избѣгла моей участи.

— Дитя мое, дитя мое! — воскликнулъ мистеръ Гредграйндъ съ растерянностью отчаянiя, —я несчастнѣйшiй человѣкъ, мнѣ невыносимо видѣть твое горе! Что въ томъ, что ты не упрекаешь меня, если я самъ такъ горько упрекаю себя! — Онъ поникъ головою и заговорилъ съ нею тихимъ голосомъ: — Луиза, я догадываюсь, что вокругъ меня въ этомъ домѣ медленно совершалась какая-то перемѣна, которой я былъ обязанъ единственно любви и благодарности одного существа. Какъ по твоему, могло ли втихомолку сердце сдѣлать то, чѣмъ пренебрегъ разумъ и чего онъ не могъ совершить? Можетъ ли это произойти?

Молодая женщина молчала.

— Мнѣ нечѣмъ тутъ гордиться, Луиза. Да и могу ли я быть надменнымъ, когда ты сломлена на моихъ глазахъ въ цвѣтѣ лѣтъ! Но можетъ ли это быть такъ? Не ошибаюсь ли я, моя дорогая?

Онъ еще разъ взглянулъ на Луизу въ ея безпомощномъ одиночествѣ и вышелъ изъ комнаты, не прибавивъ больше ни слова. Вскорѣ послѣ его ухода Луиза услыхала легкiе шаги за дверью и догадалась, что кто-то стоитъ возлѣ ея кровати. Она не подняла

головы. При одной мысли о томъ, что Сэсси увидитъ ее въ такомъ жалкомъ положенiи, при одномъ воспоминанiи о сострадательномъ взглядѣ, нѣкогда возмутившемъ ее такъ глубоко, глухой гнѣвъ вспыхивалъ въ ея душѣ, какъ недобрый огонь. Всякая сила, не находящая себѣ исхода, производитъ взрывъ и опустошенiе. Воздухъ, благодѣтельной для земли, вода и тепло, способствующiя ея плодородiю, взрываютъ ее, когда они сдавлены въ ея нѣдрахъ. Такъ было и съ Луизой: ея лучшiя достоинства, такъ долго подавляемыя въ ней, породили мрачное ожесточенiе, направленное противъ лучшаго друга.

Къ счастiю, она почувствовала нѣжное прикосновенiе къ своей шеѣ и поняла, что Сэсси считаетъ ее спящей. Ласковая рука невольно успокоила гнѣвъ ея души. Пускай же она будетъ тутъ, пускай обниметъ ее!

И любящая рука не отстранялась, пробуждая къ жизни рой болѣе кроткихъ думъ и успокоивая. Когда же спокойствiе и сознанiе, что ее берегутъ, смягчили Луизу, къ ея глазамъ, стали подступать слезы. Нѣжное лицо прильнуло къ ея лицу, и она почувствовала, что оно также орошено слезами, и поняла, что ея собственное горе было причиной этихъ слезъ.

Когда Луиза сдѣлала видъ, что проснулась, и сѣла на постели, Сэсси отодвинулась и спокойно встала у кровати.

— Надѣюсь, я не потревожила васъ. Я пришла спросить, не посидѣть ли мнѣ съ вами?

— Зачѣмъ тебѣ сидѣть со мною? Ты нужна сестрѣ; ты для нея все.

— Неужели? — спросила Сэсси, качая головою. — Мнѣ хочется быть чѣмъ нибудь и для васъ, если это возможно.

— Чѣмъ же? — спросила Луиза почти сурово.

— Тѣмъ, что для васъ всего нужнѣе, еслибъ это было можно. Во всякомъ случаѣ, мнѣ хотѣлось бы попробовать быть вамъ полезной. И хоть это трудно, но мое усердiе никогда не охладѣетъ. Позволите ли вы мнѣ?

— Это отецъ послалъ тебя сюда?

— Нѣтъ, увѣряю васъ, — возразила Сэсси; — онъ сказалъ мнѣ только, что я могу теперь войти къ вамъ. Но давеча утромъ онъ выслалъ меня изъ вашей комнаты... или по крайней мѣрѣ...

Она замолчала въ смущенiи.

— По крайней мѣрѣ что? — спросила Луиза со своимъ пытливымъ взоромъ.

— Я и сама думала, что мнѣ лучше уйти, потому что не знала, какъ вамъ понравится, что я буду здѣсь.

— Будто ужъ я всегда ненавидѣла тебя?

— Надѣюсь, что нѣтъ; вѣдь, я сама всегда васъ любила и всегда старалась выказать вамъ свою любовь. Но вы немножко перемѣ-

нились ко мнѣ не задолго до вашей свадьбы. Меня это ничуть не удивило. Вы такая ученая, а я круглая невѣжда. Это было вполнѣ естественно во многихъ отношеніяхъ: послѣ выхода замужъ, у васъ явились новыя знакомства, новые друзья... Значитъ, я не имѣла повода жаловаться и не обидѣлась на васъ.

Сэсси раскраснѣлась во время своей скромной и торопливой рѣчи. Луиза поняла эту деликатную скрытность любящаго существа и была невольно тронута.

— Могу ли я попытаться? — промолвила Сэсси, осмѣлившись поднять свою руку, чтобъ обвить ею машинально склонявшуюся къ ней Луизу.

Молодая женщина взяла эту руку, готовую обнять ее, и отвѣчала, удерживая ее въ своей рукѣ:

— Прежде всего, Сэсси, знаешь ли ты, что я такое? Я такъ горда и такъ озлоблена, такъ сбита съ толку, и разстроена, такъ ожесточена и несправедлива къ другимъ и себѣ, что все во мнѣ бурно, мрачно и порочно. Развѣ это не отталкиваетъ тебя?

— Нѣтъ.

— Я такъ несчастна, а все, что сдѣлало бы меня иною, такъ опустошено во мнѣ, что еслибъ я была лишена разсудка вмѣсто того, чтобъ быть такой ученой, какою ты меня считаешь, я бы и тогда не нуждалась до такой степени, какъ теперь въ знакомствѣ съ простѣйшими истинами, ведущими въ счастію, миру, довольству, чести, ко всѣмъ благамъ которыхъ во мнѣ нѣтъ. И это тебя не отталкиваетъ?

— Нисколько!

Въ невинности своей мужественной души, въ полнотѣ своей неизмѣнной преданности эта покинутая дѣвочка сіяла дивнымъ свѣтомъ надъ мракомъ, окутавшимъ душу другого существа.

Луиза сама привлекла руку Сэсси къ себѣ на плечо, чтобъ она могла обвиться вокругъ шеи, сплетясь съ другой рукою дѣвушки. Она упала на колѣни и, прильнувъ къ дочери бродячаго фигляра, смотрѣла на нее почти съ благоговѣніемъ.

— Прости меня, пожалѣй меня, помоги мнѣ! Сжалься надъ моей страшной бѣдой и позволь мнѣ склонить голову къ твоему любящему сердцу!

— Прижмись ко мнѣ вотъ такъ! — воскликнула Сэсси. Прижмись скорѣй, дорогая, милая.

II. Глава, весьма нелѣпая.

Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ провелъ всю ночь и весь слѣдующій день въ такихъ попыхахъ, что большой свѣтъ, вооружившись даже самымъ сильнымъ моноклемъ, съ трудомъ призналъ бы въ немъ въ этотъ періодъ безумія изящнаго Джима, брата достопо-

чтеннаго члена парламента и юмориста. Мистеръ Джемсъ положительно волновался. Много разъ начиналъ онъ горячиться въ разговорѣ, совсѣмъ на вульгарный ладъ. Онъ то приходилъ, то уходилъ съ безалаберностью человѣка, не знающаго, что ему дѣлать; скакалъ, очертя голову, точно разбойникъ, по дорогамъ и жестоко томился, совершенно упустивъ изъ вида, что порядочные люди должны даже скучать по извѣстнымъ правиламъ, предписаннымъ авторитетами по части приличій.

Примчавшись верхомъ въ Коктоунъ подъ бушевавшей грозой, точно дѣло шло о звѣриной травлѣ, Гартхаузъ не ложился всю ночь. Отъ времени до времени онъ яростно звонилъ и обвинялъ дежурнаго привратника, являвшагося на звонокъ, въ утайкѣ письма или словеснаго порученія, которое непремѣнно должно было придти на его имя, и требовалъ, чтобъ тотъ немедленно исправилъ свою оплошность.

Забрезжилъ разсвѣтъ, наступило утро, наступилъ день, — а ни письма, ни посланнаго все нѣтъ, какъ нѣтъ. Тогда мистеръ Гартхаузъ покатилъ на дачу. Тамъ ему сказали, что мистеръ Баундерби въ отлучкѣ, а миссисъ Баундерби въ городѣ. Уѣхала туда внезапно наканунѣ. Домашніе даже не знали объ ея отъѣздѣ, когда было получено распоряженіе, чтобъ ее не ждали скоро.

Мистеру Гартхаузу не оставалось ничего больше при данныхъ обстоятельствахъ, какъ послѣдовать за нею въ Коктоунъ. Здѣсь онъ побывалъ у ней на городской квартирѣ. Миссисъ Баундерби не оказалось и тутъ. Онъ заглянулъ въ банкъ. Мистеръ Баундерби еще не возвращался изъ своей поѣздки; миссисъ Спарситъ также уѣхала. Какъ, и миссисъ Спарситъ въ отсутствіи? Кто могъ дойти до такой крайности, что ему понадобилось общество такого дракона?

— Ну вотъ, почемъ я знаю! — отвѣчалъ Томъ, имѣвшій свои причины тревожиться по поводу ея исчезновенія. Она отправилась куда то сегодня поутру съ разсвѣтомъ. У ней вѣчно разныя тайны, — ненавижу я ее! Да и этого бѣлобрысаго парня то-же; онъ постоянно пялитъ на людей свои моргающіе глаза.

— Гдѣ вы были вчера вечеромъ, Томъ?

— Гдѣ я былъ вчера вечеромъ! — подхватилъ Томъ. Вотъ это мнѣ нравится! Дожидался васъ, мистеръ Гартхаузъ, пока не хлынулъ дождь, да какой! Какого я никогда не видывалъ въ жизни. Гдѣ я былъ! Вотъ это мило! Гдѣ были вы, надо бы спросить.

— Мнѣ помѣшали пріѣхать, — вышла задержка.

— Задержка!—проворчалъ Томъ. Выходитъ, что насъ обоихъ задержали. Я ждалъ васъ, пока пропустилъ всѣ поѣзда, кромѣ почтоваго. Пріятная перспектива ѣхить на немъ,а потомъ мѣситъ грязь, по колѣно въ водѣ, въ такую ненастную ночь, пока доберешься до дачи! Въ концѣ концовъ пришлось переночевать въ городѣ.

— Гдѣ именно?

— Какъ гдѣ? Да на моей собственной кровати, въ домѣ Баундерби.

— Видѣли вы сестру?

— Чертъ побери! Какъ могъ я видѣть ее, когда она находилась въ пятнадцати миляхъ отъ меня? — возразилъ Томъ, выпучивъ глаза.

Проклиная въ душѣ грубые отвѣты юнаго джентльмена, къ которому онъ питалъ такую вѣрную дружбу, мистеръ Гартхаузъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ него безъ дальнихъ церемоній, въ сотый разъ спрашивая себя, что значитъ все это? Онъ выяснилъ себѣ только одно. Была ли Луиза въ городѣ или за городомъ, поторопился ли онъ черезчуръ съ этой женщиной, которую было такъ трудно постичь, или она просто струсила, или все вышло наружу, или, наконецъ, случилось что либо непредвидимое, одно было ясно: — онъ долженъ сидѣть на мѣстѣ и быть готовымъ встрѣтить лицомъ къ лицу все, что предназначено ему судьбой. Гостинница, гдѣ, какъ было всѣмъ извѣстно, онъ расположился на время своей ссылка въ эту закопченую трущобу, играла теперь для него роль позорнаго столба, къ которому онъ былъ привязанъ. Что же касается прочаго — будь, что будетъ!

„Во всякомъ случаѣ“, — говорилъ про себя Джемсъ Гартхаузъ, — „ожидаетъ ли меня вызовъ на дуэль или любовное свиданіе, сцена раскаянія и упрековъ или импровизированная партія бокса съ моимъ другомъ Баундерби, по ланкаширскому обычаю, — что весьма возможно при настоящемъ положеніи дѣлъ — надо начать съ того, что пообѣдать. Баундерби имѣетъ преимущество передо мною въ вѣсѣ, и если между нами должно произойти нѣчто въ британскомъ духѣ, то не лишнее будетъ протренироваться“.

Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ позвонилъ и, небрежно развалившись на диванѣ, приказалъ лакею:

— Обѣдъ къ шести часамъ. Чтобъ непремѣнно была порція бифштекса!

Затѣмъ онъ короталъ, какъ умѣлъ, оставшееся до вечера время. Это было не легко, потому что его мучила сильнѣйшая тревога. И по мѣрѣ того, какъ проходили часы, не принося съ собою желаннаго объясненія, она все возрастала.

Впрочемъ, Гартхаузъ принималъ непріятный казусъ настолько хладнокровно, насколько это возможно для человѣческой натуры при данныхъ обстоятельствахъ, и даже не разъ возвращался къ забавной мысли о тренировкѣ. — „Не дурно было бы“, — соображалъ онъ про себя, зѣвая, — „дать здѣшнему лакею пять шиллинговъ и попробовать на немъ свою силу“. — А немного спустя ему приходила идея: — „Ужъ не нанять ли на пробу по часамъ

какого нибудь силача?" — Однако всѣ эти шутки мало сокращали передобѣденное время и нисколько не обманывая его томительной неизвѣстности. Выражаясь мягко, то и другое тянулось невыносимо.

Даже передъ самымъ обѣдомъ Гартхаузъ не могъ воздержаться, чтобъ не шагать по узорамъ ковра, не выглядывать изъ окошка, не прислушиваться къ малѣйшему шороху за дверью, при чемъ его кидало въ жаръ, если къ ней приближались шаги. Но послѣ обѣда, когда вечеръ смѣнился сумерками, сумерки — темнотой, а никакихъ извѣстій все еще не приходило, Гартхаузъ, по его собственному выраженію, подвергся „медленной пыткѣ инквизиціи". Однако, все еще вѣрный убѣжденію — единственному, какое у него было — что настоящая благовоспитанность проявляется въ небрежномъ равнодушіи ко всему, онъ воспользовался этимъ, какъ предлогомъ, чтобъ потребовать себѣ свѣчей и газету.

Съ полчаса напрасно старался мистеръ Гартхаузъ углубиться въ чтеніе, какъ вдругъ на порогѣ выросъ лакей и промолвилъ съ таинственнымъ видомъ, точно извиваясь въ то же время:

— Прошу прощенья, сэръ. Васъ спрашиваютъ, смѣю доложить, сэръ.

Смутное представленіе, что въ такой формѣ полиція обращается къ шикарно одѣтымъ мошенникамъ при арестѣ, заставило Джемса Гартхауза въ пылу негодованія накинуться на лакея:

— Какого чорта хотите вы этимъ сказать? Кто меня „спрашиваетъ?"

— Прошу прощенья, сэръ. Тамъ дожидается какая то молодая леди, сэръ.

— Гдѣ „тамъ?"

— Въ коридорѣ, сэръ.

Пославъ болвана-слугу ко всѣмъ чертямъ, какъ онъ того заслуживалъ, Джемсъ Гартхаузъ выскочилъ въ коридоръ. Тамъ стояла какая то молодая особа, совершенно незнакомая ему,—просто одѣтая, очень спокойная и прехорошенькая. Мистеръ Гартхаусъ пригласилъ ее къ себѣ въ комнату, подалъ ей стулъ и тутъ, при свѣчахъ, замѣтилъ, что она еще красивѣе, чѣмъ показалась ему съ перваго взгляда. Лицо ея было простодушно, очень молодо и необычайно привлекательно. Она нисколько не робѣла передъ незнакомымъ ей мужчиной, не казалось ничѣмъ разстроенной, но была, повидимому, совершенно поглощена, цѣлью своего посѣщенія такъ что забыла о себѣ.

— Я говорю съ мистеромъ Гартхаузомъ?—спросила пришедшая, когда они остались вдвоемъ.

— Да, съ нимъ.

И онъ прибавилъ про себя:—„Однако, у тебя самые довѣрчи-

вые глазки, какіе только я видалъ, и самый серьезный, хотя и спокойный голосокъ, какой мнѣ только приходилось слышать!"

— Если я не совсѣмъ понимаю — а это истинная правда, сэръ,—къ чему обязываетъ васъ честь джентльмена въ иныхъ дѣлахъ (краска ударила въ лицо Джемса Гартхауза при такомъ вступленіи), за то увѣрена, что могу положиться на нее въ данномъ случаѣ и прошу васъ сохранить втайнѣ, какъ мой приходъ къ вамъ, такъ и все, что я вамъ сейчасъ скажу. Я довѣрюсь вашей чести, если вы дадите мнѣ слово...

— На этотъ счетъ вы можете быть спокойны, я даю его...

— Я молода, какъ видите; я одинока, какъ вы также можете видѣть, и пришла къ вамъ не по чьему либо совѣту или наущенію, но единственно руководствуясь собственной твердой надеждой.

„Сильно сказано!"—подумалъ про себя Гартхаузъ, слѣдя за тѣмъ, какъ посѣтительница вскинула на него глаза.—„Довольно странное начало",—прибавилъ онъ дальше,—„посмотримъ, куда то приведетъ насъ оно!"

— Я думаю,—сказала Сэсси,—вы уже догадались, отъ кого я пришла.

— Цѣлые сутки (показавшіеся мнѣ вѣчностью) провелъ я въ страшной тревогѣ и неизвѣстности на счетъ одной леди,—отвѣчалъ Гартхаузъ. Надѣюсь, меня не обманываетъ надежда, что вы пришли именно отъ нея.

— Я разсталась съ нею всего часъ назадъ.

— Гдѣ?..

— У ея отца.

Лицо мистера Гартхауза вытянулось при всемъ его хладнокровіи, а тревога усилилась.

„Дѣйствительно, теперь я совсѣмъ ужъ не понимаю, къ чему это клонится",—подумалъ онъ.

— Она прибѣжала туда вчера вечеромъ въ страшномъ волненіи и провела въ безпамятствѣ всю ночь. Я живу у ея отца и потому ухаживала за нею. Можете быть увѣрены, сэръ, что вы не увидите той леди до конца своей жизни...

Мистеръ Гартхаузъ глубоко перевелъ духъ. Если когда нибудь человѣкъ былъ нежданно поставленъ втупикъ и не зналъ, что ему сказать, то великолѣпный Джемсъ очутился, именно, въ такомъ незавидномъ положеніи. Ребяческая находчивость, которую обнаруживала посѣтительница, ея скромное безстрашіе, прямота, не допускавшая мысли о притворствѣ, полное забвеніе собственной личности и спокойная стойкость въ преслѣдованіи намѣченной цѣли,—все это въ связи съ ея полнымъ довѣріемъ къ его слову, данному чисто наобумъ—чего теперь Гартхаусъ стыдился невольно—придавало ихъ странному разговору такой неожиданный

оборотъ, что молодой человѣкъ чувствовалъ себя обезоруженнымъ и былъ, дѣйствительно, озадаченъ.

Наконецъ, онъ сказалъ:

— Такое ошеломляющее извѣстіе, въ столь конфиденціальной формѣ и, вдобавокъ, изъ такихъ милыхъ устъ, въ самомъ дѣлѣ, способно сбить съ толку. Могу васъ спросить, уполномочены ли вы передать мнѣ его въ такихъ выраженіяхъ, не оставляющихъ ни малѣйшей надежды, именно, тою леди, о которой идетъ рѣчь?

— Она ничего мнѣ не поручала.

— Утопающій хватается за соломинку. Ни мало не сомнѣваясь ни въ вашемъ здравомысліи, ни въ вашей искренности, я все-таки позволю себѣ замѣтить, что склоненъ еще надѣяться, и не вѣрю тому, что я обреченъ на вѣчную разлуку съ той особой.

— Для васъ нѣтъ ни малѣйшей надежды. Первою цѣлью моего прихода сюда было увѣрить васъ, сэръ, что вы не должны разсчитывать видѣться съ нею: для васъ она, все равно, что умерла со вчерашняго вечера, когда явилась къ своему отцу.

— И я долженъ этому повѣрить?.. Но, если я не могу... или по слабости человѣческой не захочу съ этимъ примириться... если я...

— Тѣмъ не менѣе, это правда. Всякая надежда для васъ потеряна.

Джемсъ Гартхаузъ посмотрѣлъ на дѣвушку съ недовѣрчивой улыбкой на губахъ; но Сэсси думала не о немъ; его улыбка, вмѣсто того, чтобы смутить ее, пропала даромъ.

Онъ закусилъ губы и подумалъ съ минуту.

— Хорошо,—сказалъ онъ, наконецъ,—если на мое несчастіе и вопреки всѣмъ моимъ стараніямъ окажется, что для меня, дѣйствительно, все потеряно и я никогда больше не увижу той леди, то, конечно, я не стану ее преслѣдовать. Но, вѣдь, вы сказали, что она ничего не поручала вамъ и вы совсѣмъ не уполномочены ею вести со мною переговоры.

— Я уполномочена на это только моей любовью къ ней и ея любовью ко мнѣ. У меня нѣтъ иного права обратиться къ вамъ, кромѣ того, которое даетъ мнѣ моя близость съ нею и ея довѣріе, мое нѣкоторое знакомство съ ея характеромъ и съ ея замужествомъ. О, мистеръ Гартхаузъ, кажется, и вамъ достаточно извѣстно то и другое!

Онъ былъ тронутъ горячностью ея упрека въ то мѣсто, гдѣ слѣдовало бы находиться его сердцу,—обиталищу возвышенныхъ чувствъ; но оно было пусто, а благородные порывы въ душѣ этого безпечнаго фата были вытравлены легкомысліемъ.

— Я не принадлежу къ числу нравственныхъ людей,—сказалъ онъ,—и никогда не выставлялъ себя такимъ. Напротивъ, я человѣкъ совсѣмъ безнравственный. Но въ то же время, если я

причинилъ какое нибудь огорченіе той леди, о которой идетъ рѣчь, если я имѣлъ несчастіе ее скомпрометировать какимъ либо образомъ или позволилъ себѣ высказать ей чувства, несовмѣстимыя съ... ну съ тѣмъ, что подразумѣвается подъ словами „семейный очагъ", если злоупотребилъ тѣмъ обстоятельствомъ, что родитель ея бездушная машина, братъ—олухъ, а мужъ—медвѣдь, то смѣю увѣрить васъ, что это сдѣлано безъ малѣйшаго злого умысла. Я скользилъ со ступеньки на ступеньку съ такой чисто дьявольской легкостью, что мнѣ и не снилось, какъ великъ каталогъ моихъ преступленій, пока я не сталъ перелистывать его. Теперь же мнѣ пришлось убѣдиться,—заключилъ Джемсъ Гартхаузъ,—что онъ, дѣйствительно, разросся въ нѣсколько томовъ.

Хотя молодой человѣкъ говорилъ все это своимъ обыкновеннымъ вѣтрянымъ тономъ, но сейчасъ было видно, что онъ сознательно старается только затушевать имъ весьма неблаговидныя вещи. Помолчавъ съ минуту, Гартхаузъ продолжалъ съ большимъ самообладаніемъ, хотя обида и неудовольствіе невольно сквозили въ его рѣчахъ:

— Послѣ того, что вы представили мнѣ сейчасъ, и въ такой формѣ, что я не могу сомнѣваться въ истинѣ вашихъ словъ (хотя едва ли я согласился бы выслушать ихъ изъ другихъ устъ)—я считаю себя обязаннымъ сказать вамъ,—разъ вы пользуетесь довѣріемъ той леди,—что я поневолѣ принужденъ покориться невозможности (хотя и неожиданной) увидать когда нибудь ту особу. Я одинъ виноватъ, что дѣло дошло до того... и... не стану утверждать,—прибавилъ онъ, усиливаясь не измѣнить своему игривому тону,—чтобы я разсчитывалъ когда нибудь исправиться отъ своей безнравственности да и вѣрилъ бы, вообще, въ такой баснословный феноменъ, какъ нравственный человѣкъ.

По лицу Сэсси было замѣтно, что она хочетъ обратиться къ нему еще съ какою-то просьбой.

— Вы упомянули,—продолжалъ онъ, когда она вскинула на него глаза,—о первой цѣли вашего посѣщенія. Отсюда слѣдуетъ, что есть еще и другая?

— Да.

— Не будете ли вы такъ добры объяснить мнѣ ее?

— Мистеръ Гартхаузъ,—отвѣчала Сэсси съ мягкостью и въ то же время съ настойчивостью, которая окончательно озадачили его, и съ какой-то наивной увѣренностью, что онъ обязанъ исполнить ея требованіе,—единственное, чѣмъ вы можете загладить причиненное вами зло, это немедленно и навсегда оставить нашъ городъ. Я увѣрена, что для васъ нѣтъ иного средства исправить вашъ промахъ, иного исхода изъ теперешнихъ затрудненій. Я не скажу, чтобъ этого было много, или что этого достаточно; но хоть это

немногое вы должны сдѣлать, потому что оно необходимо. Итакъ, не ссылаясь ни на кого, совершенно между нами, я прошу васъ уѣхать отсюда сегодня же вечеромъ, съ обязательствомъ никогда больше не возвращаться.

Еслибъ она старалась подѣйствовать на Гартхауза чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ своей простодушной вѣры въ правду и въ справедливость своихъ словъ, еслибъ она таила въ себѣ сомнѣніе въ свои силы или нерѣшительность, еслибъ она, хотя съ самыми лучшими намѣреніями, прибѣгая къ скрытности или схитрила, еслибъ обнаружила малѣйшее опасеніе показаться ему смѣшной, нелѣпой, или вызвать съ его стороны рѣзкій отпоръ, Гартхаузъ воспользовался бы этимъ въ своихъ интересахъ. Но ея увѣренность въ правотѣ своего дѣла совершенно сбила его съ толку. Его изумленный взглядъ ничуть не смутилъ Сэсси, какъ не могъ бы онъ затуманить свѣтлаго неба.

— Да понимаете ли вы, чего отъ меня требуете?—спрашивалъ онъ въ совершенной растерянности.—Вѣроятно, вамъ неизвѣстно, что я здѣсь живу нѣкоторымъ образомъ по общественному дѣлу. Можетъ быть, изъ этого не выйдетъ никакого толку, но я взялся за него и долженъ довести начатое до конца, „не щадя живота“, согласно данной мною клятвѣ. Надо полагать, вы не знали всѣхъ этихъ обстоятельствъ, но могу васъ увѣрить, это фактъ.

Фактъ или не фактъ, но Сэсси не пожелала съ нимъ считаться.

— Вдобавокъ,—продолжалъ мистеръ Гартхаузъ, въ нерѣшительности расхаживая изъ угла въ уголъ,—это вышло бы страшно нелѣпо. Я оказался бы въ самомъ глупомъ положеніи, еслибъ, взявшись защищать интересы этихъ господъ, пустился отъ нихъ на утекъ ни съ того ни съ сего, по совершенно необъяснимой причинѣ.

— Я увѣрена,—повторила Сэсси,—что для васъ это единственное средство загладить сдѣланное вами зло. Я вполнѣ увѣрена въ томъ, иначе я не пришла бы сюда.

Гартхаузъ посмотрѣлъ на ея лицо и снова зашагалъ по комнатѣ.

— Честное слово, не знаю, какъ быть; все это страшно глупо!

Теперь настала его очередь просить о сохраненіи тайны.

— Еслибъ мнѣ пришлось совершить подобную нелѣпость,—сказалъ онъ, остановившись и облокачиваясь на каминъ,—то лишь подъ условіемъ полнаго молчанія съ вашей стороны.

— Окажемъ другъ другу взаимное довѣріе,—сказала Сэсси.

Когда Гартхаузъ облокотился на каминъ, то ему невольно припомнилось первое посѣщеніе олуха; въ комнатѣ ничто не измѣнилось съ того дня, но бѣднягѣ почему-то сдавалось, что сегодня олухомъ былъ онъ самъ. Положительно, обстоятельства складывались скверно.

— Кажется, никто еще никогда не попадалъ въ такое глупое положеніе,—произнесъ Гартхаузъ послѣ того, какъ обвелъ глазами

полъ и потолокъ, разсмѣялся, нахмурился и снова зашагалъ по комнатѣ.—Но я не вижу изъ него исхода. Будь, что будетъ, а будетъ, кажется, то, что вы желаете. Нечего дѣлать, надо убираться, и поскорѣе—однимъ словомъ, я обѣщаю вамъ исполнить ваше требованіе.

Сэсси встала; она не была удивлена удачей своего посѣщенія, но радовалась ей.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ,—прибавилъ мистеръ Гартхаузъ,—что я сильно сомнѣваюсь, удалось ли бы другому посланному или посланной убѣдить меня такъ успѣшно. Откровенно говоря, я не только поставленъ вами въ крайне нелѣпое положеніе, но и разбитъ на всѣхъ пунктахъ. Не окажете ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, любезности, назвавъ имя моего побѣдоноснаго врага, чтобъ я могъ хранить его въ своей памяти?

— Это вы обо мнѣ? — спросила Сэсси. — Вы хотите знать *мое* имя?

— Оно единственное, которымъ я способенъ еще интересоваться сегодня вечеромъ.

— Сэсси Джюпъ.

— Простите мое любопытство на прощанье. Вы родня тому семейству?

— Нѣтъ, я бѣдная сирота,—отвѣчала Сэсси.—Я была разлучена съ моимъ отцомъ—онъ былъ просто клоунъ—и мистеръ Гредграйндъ изъ жалости взялъ меня къ себѣ въ домъ, гдѣ я и живу съ той поры

Сэсси ушла.

— Только этого не доставало, чтобъ доканать меня окончательно!—произнесъ мистеръ Гартхаузъ, простоявъ съ минуту въ столбнякѣ и опускаясь затѣмъ на диванъ съ видомъ покорности судьбѣ. Пораженіе вышло полнымъ. Бѣдная сирота—дочь клоуна—ничтожный Джемсъ Гартхаузъ, которому цѣна грошъ. Ничтожный Джемсъ Гартхаузъ—великая пирамида несбывшихся надеждъ!

Великую пирамиду потянуло вдругъ на берега Нила. Не долго думая, онъ схватилъ перо и нацарапалъ подобающими іероглифами такое письмо своему брату:

„Милый Джекъ, я махнулъ рукой на все въ Коктоунѣ. Мнѣ тамъ жестоко надоѣло; думаю отправиться къ верблюдамъ.

Любящій тебя Джимъ“.

Гартхаузъ позвонилъ:

— Пошлите моего человѣка.

— Онъ улегся спать, сэръ.

— Такъ скажите, чтобъ онъ всталъ и укладывалъ чемоданы.

Молодой человѣкъ настрочилъ еще двѣ записки. Одну—мистеру Баундерби съ сообщеніемъ о своемъ выѣздѣ изъ тѣхъ мѣстъ и съ указаніемъ, гдѣ его найти впродолженіи двухъ недѣль. Другая

*

записка такого же содержанія была адресована мистеру Гредграйнду. Едва успѣли чернила высохнуть на конвертахъ, какъ мистеръ Джемсъ Гартхаузъ оставилъ уже позади себя высокія фабричныя трубы Коктоуна и мчался въ вагонѣ подъ стукъ и грохотъ колесъ по темнымъ окрестностямъ.

Нравственный человѣкъ можетъ подумать, что мистеръ Джемсъ Гартхаузъ извлекъ послѣ того какія нибудь утѣшительныя идеи изъ этого быстраго отступленія и вспомнилъ о немъ, какъ объ одномъ изъ немногихъ похвальныхъ поступкахъ своей жизни, который загладилъ отчасти его ошибку и помогъ ему удачно выпутаться изъ очень скверной исторіи. На самомъ же дѣлѣ не было ничего подобнаго. Мистеръ Гартхаузъ втайнѣ изнывалъ, сознавая, что потерпѣлъ неудачу, что поставилъ себя въ нелѣпое положеніе. И боязнь насмѣшекъ такихъ же повѣсъ, какъ и онъ самъ, въ случаѣ огласки глупѣйшаго происшествія, удручала его такъ сильно, что онъ никогда не сознался бы въ этомъ, быть можетъ, самомъ лучшемъ своемъ шагѣ ни единому человѣку и лишь одного его стыдился до конца своихъ дней даже передъ самимъ собою.

III. Глава, весьма рѣшительная.

Неутомимая миссисъ Спарситъ, жестоко простуженная, охрипшая до полной потери голоса, чихавшая такъ порывисто, что ея монументальная фигура, казалось, рисковала разсыпаться, гонялась за своимъ патрономъ до тѣхъ поръ, пока не настигла его въ столицѣ. Тутъ она во всемъ своемъ величіи обрушилась на мистера Баундерби въ гостиницѣ на Сентъ-Джемсъ-стритѣ и выпалила своею ошеломляющей новостью, какъ изъ пушки. Выполнивъ съ величайшимъ наслажденіемъ свою высокую миссію, достойная леди лишилась чувствъ, уткнувшись носомъ въ воротникъ почтеннаго фабриканта.

Тотъ первымъ долгомъ поспѣшилъ стряхнуть ее съ себя, предоставивъ ей проходить черезъ всѣ перипетіи нервнаго припадка на полу, какъ она знаетъ. Затѣмъ прибѣгъ къ энергичнымъ средствамъ оживленія: крутилъ большіе пальцы миссисъ Спарситъ, хлопалъ ее по рукамъ, окачивалъ ей лицо холодной водой и набилъ полный ротъ соли. Когда эти мѣры оказали свое дѣйствіе (наступившее весьма быстро) и она очнулась, мистеръ Баундерби, не предложивъ ей ничего иного для подкрѣпленія силъ, помчалъ ее на курьерскій поѣздъ и привезъ еле живую въ Коктоунъ.

Съ точки зрѣнія классической руины миссисъ Спарситъ представляла интересное зрѣлище по прибытіи восвояси; но съ другой стороны, ущербъ, понесенный ей за послѣднее время, былъ такъ громаденъ, что умалялъ ея права на всеобщее восхищеніе. Безусловно равнодушный къ плачевному состоянію ея костюма и

здоровья, безчувственный, какъ скала, къ ея жалкому чиханью, патронъ немедленно сунулъ несчастную въ кэбъ и потащилъ съ собою въ Стонъ-Лоджъ.

— Ну, Томъ Гредграйндъ, — сказалъ Баундерби, врываясь поздно вечеромъ въ кабинетъ своего тестя,—вотъ эта леди,— миссисъ Спарситъ,—вѣдь, вы знакомы съ нею?—сообщитъ вамъ кое-что, отъ чего вы остолбенѣете.

— Значитъ вы не получили моего письма! — воскликнулъ мистеръ Гредграйндъ, удивленный такимъ нашествіемъ.

— Не получилъ вашего письма, сэръ!—заоралъ Баундерби.— Не до писемъ теперь! Нашли когда говорить о письмахъ съ Джозіей Баундерби изъ Коктоуна при его настоящемъ настроеніи духа!

— Баундерби,—возразилъ мистеръ Гредграйндъ тономъ сдержаннаго увѣщанія, я говорю объ очень важномъ письмѣ по поводу Луизы.

— Томъ Гредграйндъ, — подхватилъ Баундерби, колотя со всей силы ладонью по столу,—я говорю также о весьма важномъ извѣстіи насчетъ Луизы, полученномъ мною. Миссисъ Спарситъ, сударыня, пожалуйте сюда.

Несчастная леди тщетно пыталась дать свои свидѣтельскія показанія, голосъ у ней совершенно пропалъ, и она только знаками указывала на свое воспаленное горло. Ея безпомощная жестикуляція и судорожныя подергиванья лица вывели, наконецъ, патрона изъ терпѣнія. Схвативъ миссисъ Спарситъ за руку, онъ тряхнулъ ее безъ всякой церемоніи.

— Если вы ужъ не можете высказаться толкомъ, сударыня, то предоставьте лучше говорить мнѣ. Теперь не время даже для благородной леди съ знатнымъ родствомъ бормотать себѣ подъ носъ, хрипѣть и давиться. Томъ Гредграйндъ, миссисъ Спарситъ недавно привелось совершенно случайно услышать подъ открытымъ небомъ одинъ разговоръ между вашей дочерью и вашимъ дражайшимъ другомъ — джентльменомъ, мистеромъ Джемсомъ Гартхаузомъ.

— Неужели!—произнесъ мистеръ Гредграйндъ.

— Да, вотъ оно какъ!—подхватилъ Баундерби. И въ этомъ разговорѣ...

— Безполезно передавать мнѣ его содержаніе, Баундерби. Я знаю, что произошло.

— Знаете?—повторилъ Баундерби, наступая со всей своей запальчивостью на тестя, взбѣшенный его хладнокровіемъ и мягкостью. Пожалуй, вамъ извѣстно также и то, гдѣ находится въ данное время ваша дочка?

— Несомнѣнно. Она здѣсь.

— Здѣсъ?

— Любезнѣйшій Баундерби, позвольте прежде всего попросить

васъ воздержаться отъ крика и рѣзкихъ выходокъ въ нашихъ обоюдныхъ интересахъ. Луиза здѣсь. Какъ только она успѣла отдѣлаться отъ того джентльмена, о которомъ идетъ рѣчь и котораго я ввелъ въ вашъ домъ, въ чемъ горько раскаиваюсь, моя дочь немедленно пріѣхала сюда подъ мою защиту. Самъ я только что вернулся изъ Лондона, когда она явилась ко мнѣ и вошла вотъ въ эту комнату. Луиза примчалась съ поѣздомъ въ городъ, а оттуда прибѣжала въ Стонъ-Лоджъ по жестокому ливню, подъ бушевавшей грозой, въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Само собою разумѣется, съ той минуты она не покидала моего дома. Поэтому прошу васъ убѣдительно не поднимать скандала, какъ ради нея, такъ и ради вашей собственной пользы.

Мистеръ Баундерби съ минуту озирался во всѣ стороны, избѣгая только смотрѣть на миссисъ Спарситъ, послѣ чего, круто повернувшись къ племянницѣ леди Скаджерсъ, сказалъ суровымъ тономъ:

— Ну, сударыня, мы были бы рады послушать, что сообщите вы намъ въ оправданіе своей сумасшедшей скачки по всей округѣ на курьерскихъ поѣздахъ съ цѣлымъ коробомъ небылицъ вмѣсто поклажи?

— Сэръ,—прохрипѣла несчастная женщина,—нервы мои теперь слишкомъ потрясены, а здоровье слишкомъ пострадало на вашей службѣ, чтобы я могла искать прибѣжища въ чемъ нибудь иномъ, кромѣ слезъ.

И она немедленно перешла отъ словъ къ дѣлу.

— Позвольте, сударыня,—воскликнулъ Баундерби,—вотъ что могу я возразить вамъ на это. Не желая оскорблять васъ замѣчаніями, пожалуй, несовмѣстными съ достоинствомъ особы знатнаго рода, я, тѣмъ не менѣе, нахожу, что кромѣ слезъ вамъ осталось еще иное прибѣжище, а именно карета. Кэбъ, привезшій васъ сюда, стоитъ у крыльца. Разрѣшите мнѣ проводить васъ до него и отправить на вашу квартиру у меня въ банкѣ. А по пріѣздѣ туда совѣтую вамъ тотчасъ поставить ноги въ самую горячую воду, какую только вы въ состояніи вытерпѣть, и выпить, когда ляжете въ постель, рому, вскипяченнаго съ масломъ.

Съ этими словами мистеръ Баундерби протянулъ правую руку злополучной леди, заливавшейся слезами, и довелъ ее до экипажа, при чемъ она жалобно чихала всю дорогу. Вскорѣ онъ вернулся къ тестю одинъ.

— По вашему лицу, Томъ Гредграйндъ,—началъ зять,—я замѣтилъ, что вы желаете объясниться со мною. Извольте. Предупреждаю, однако, заранѣе, что я настроенъ неособенно пріятно. Мнѣ далеко не понутру настоящая исторія даже въ томъ видѣ, какъ вы ее представили, признаюсь откровенно; и вообще я нахожу, что ваша дочь не оказывала мнѣ той покорности и под-

чиненія, которыхъ Джозія Баундерби изъ Коктоуна вправѣ требовать отъ своей жены. У васъ, смѣю сказать, свой взглядъ на это, а у меня свой,—я знаю. Если вы намѣрены высказать мнѣ сегодня вечеромъ что либо несогласное съ моимъ чистосердечнымъ замѣчаніемъ, то лучше и не начинайте.

Примирительный тонъ мистера Гредграйнда вызывалъ еще большій задоръ и неуступчивость со стороны мистера Баундерби по всѣмъ пунктамъ. Таковы уже были свойства его милаго характера.

— Любезнѣйшій Баундерби... — началъ въ отвѣтъ мистеръ Гредграйндъ.

— Прошу прощенья,—перебилъ Баундерби,—я вовсе не имѣю надобности быть слишкомъ любезнымъ. Это для начала. Когда я становлюсь любезенъ чьему нибудь сердцу, то такъ и знаю, что меня собираются околпачить. Моя рѣчь невѣжлива, но, вѣдь, вамъ извѣстно, что я не отличаюсь вѣжливостью. Если вы любите учтивость, то и знаете, гдѣ ее найти. У васъ есть друзья-джентльмены, которые могутъ поставить вамъ сколько угодно этого товара. А я не держу его у себя.

— Баундерби,—продолжалъ мистеръ Гредграйндъ,—всѣ мы подвержены ошибкамъ...

— Я считалъ васъ выше такой слабости,—отозвался Баундерби.

— Можетъ быть, я и самъ думалъ такъ. Но теперь я повторяю: всѣ мы склонны къ ошибкамъ и я былъ бы вамъ весьма благодаренъ за вашу деликатность, еслибъ вы избавили меня отъ вашихъ намековъ на Гартхауза. Въ нашемъ разговорѣ я не стану прохаживаться насчетъ вашей съ нимъ дружбы и вашего поощренія его визитовъ, но прошу васъ въ свою очередь не упрекать меня знакомствомъ съ нимъ.

— Я ни разу не упоминалъ его имени,—возразилъ Баундерби.

— Ну, хорошо, хорошо!— замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ съ терпѣливымъ и даже покорнымъ видомъ.—Баундерби,—продолжалъ онъ, посидѣвъ минуту въ задумчивости,—я имѣю поводъ сомнѣваться, чтобъ мы когда нибудь вполнѣ понимали Луизу.

— Кто это мы, позвольте васъ спросить?

— Ну, если хотите, я одинъ,—отвѣчалъ тесть на запальчивый вопросъ;—я сомнѣваюсь, что понималъ свою дочь. Я сомнѣваюсь, что она была воспитана мною правильно.

— Попали въ самую точку, — подхватилъ Баундерби. — Въ этомъ я съ вами согласенъ; значитъ, вы догадались, наконецъ? Воспитаніе! Я объясню вамъ, въ чемъ оно заключается: это быть выгнаннымъ на улицу голымъ и босымъ и терпѣть скудость во всемъ, кромѣ затрещинъ. Вотъ что я называю воспитаніемъ.

— Я увѣренъ, здравый смыслъ подскажетъ вамъ, что каковы

бы ни были преимущества такой педагогической системы, она всетаки трудно примѣнима къ дѣвочкамъ,—возразилъ мистеръ Гредграйндъ съ полнымъ смиреніемъ.

— Совсѣмъ не вижу этого, сэръ,—огрызнулся упрямый Баундерби.

— Хорошо,—вздохнулъ тесть,—оставимъ этотъ вопросъ.—У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты къ спору. Я стараюсь исправить то, что было упущено мною, если это возможно, и надѣюсь, что вы будете способствовать мнѣ въ томъ съ полнымъ доброжелательствомъ, Баундерби, потому что я страшно огорченъ.

— Не понимаю васъ,—сказалъ зять съ разсчитаннымъ упорствомъ,—значитъ, и не могу давать никакихъ обѣщаній.

— По моему, дорогой Баундерби,—продолжалъ мистеръ Гредграйндъ въ прежнемъ подавленномъ и примирительномъ тонѣ,—въ какихъ нибудь нѣсколько часовъ я узналъ характеръ Луизы лучше, чѣмъ во всѣ предшествующіе годы. Такое просвѣтлѣніе послѣдовало насильственнымъ путемъ, весьма мучительнымъ для меня и я не приписываю себѣ чести этого открытія. Какъ видно—вы конечно удивитесь, услыхавъ это отъ меня—какъ видно, въ характерѣ Луизы кроются свойства, которыя... которыми я непростительно пренебрегъ и даже отчасти извратилъ ихъ. И вотъ я... мнѣ хотѣлось бы вамъ сказать, что еслибъ вы согласились придти мнѣ на помощь, мы могли бы общими силами сдѣлать еще кое что; Луизу слѣдовало бы предоставить на нѣкоторое время самой себѣ и ея лучшимъ побужденіямъ... слѣдовало бы пробудить въ ней лучшія стороны ея натуры лаской и вниманіемъ. Это было бы гораздо полезнѣе для нашего общаго благополучія. Луиза,—прибавилъ мистеръ Гредграйндъ, заслоняя рукой лицо,—всегда была моей любимицей.

Вспыльчивый Баундерби до того побагровѣлъ и раздулся, услыхавъ такія рѣчи, что былъ, дѣйствительно, близокъ къ апоплексическому удару; у него побагровѣли даже уши отъ негодованія. Однако, онъ только спросилъ:

— Вы хотѣли бы оставить ее на нѣкоторое время у себя?

— Да... я хотѣлъ посовѣтовать вамъ, дорогой Баундерби, чтобы вы разрѣшили Луизѣ погостить у меня. Она останется здѣсь на попеченіи Сэсси (вы, конечно, помните Сесилію Джюпъ?), которая понимаетъ ее и пользуется довѣріемъ моей дочери.

— Изъ всего этого я заключаю, Томъ Гредграйндъ,—сказалъ Баундерби, вставая и засовывая руки въ карманы, что вы держитесь того мнѣнія, будто бы между Лу Баундерби и мною существуетъ то, что называется у людей нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ характеровъ?

— Боюсь, что существуетъ общее несоотвѣтствіе между Луизой

и... и... и почти всѣми условіями, въ которыя я ее поставилъ,— послѣдовалъ скорбный отвѣтъ отца.

— Ну, такъ слушайте, Томъ Гредграйндъ,—сказалъ Баундерби, багровый отъ ярости.—Онъ стоялъ передъ тестемъ, разставивъ ноги, еще глубже засунувъ руки въ карманы, тогда какъ его волосы напоминали травянистый лугъ, гдѣ бушевалъ, какъ буйный вѣтеръ, его гнѣвъ.—Вы кончили свой сказъ. Теперь насталъ мой чередъ. Я коктоунскій гражданинъ, я Джозія Баундерби изъ Коктоуна. Я знаю каждый кирпичъ въ этомъ городѣ, знаю его фабрики, его трубы и его рабочія руки. Все это мнѣ коротко знакомо. Все это осязаемо. Но когда мнѣ толкуютъ о какихъ то воображаемыхъ свойствахъ характера, я всегда говорю тому, отъ кого это слышу, кто бы онъ ни былъ, что вижу его насквозь. Подо всѣмъ этимъ кроется черепашій супъ и лакомая дичь, золотая ложка и желаніе кататься въ каретѣ шестерней. Вотъ что понадобилось вашей дочкѣ. Если вы того мнѣнія, что она должна имѣть, чего захотѣла, то я совѣтую вамъ самимъ доставить ей эту роскошь. Такъ и знайте, Томъ Гредграйндъ, что она никогда не получитъ ея отъ меня.

— Баундерби,—замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ,—я надѣялся, что послѣ моей просьбы вы заговорите въ иномъ тонѣ.

— Погодите крошечку,—продолжалъ Баундерби;—вы кончили свой сказъ, надѣюсь; я выслушалъ его; выслушайте же и вы меня, сдѣлайте одолженіе. Не дѣлайтесь образцомъ несправедливости и непослѣдовательности, потому что если мнѣ теперь больно видѣть Тома Гредграйнда, дошедшаго до его теперешняго малодушія, то будетъ еще больнѣе, если онъ упадетъ такъ низко. Значитъ, вы дали мнѣ понять, что между вашей дочерью и мною существуетъ несоотвѣтствіе того или иного рода. Въ отвѣтъ на это я даю понять *вамъ*, что здѣсь безспорно существуетъ несоотвѣтствіе первой величины и, насколько я понимаю, происходитъ оно отъ того, что ваша дочь не цѣнитъ, какъ слѣдуетъ, достоинствъ своего мужа и не проникнута сознаніемъ, какую честь приноситъ ей такой брачный союзъ. Достаточно ясно сказано, надѣюсь?

— Баундерби,—тономъ увѣщанія, замѣтилъ мистеръ Гредграйндъ,—это безразсудно.

— Неужели?—подхватилъ Баундерби.—Весьма радъ слышать это отъ васъ. Вѣдь, если Томъ Гредграйндъ при его нынѣшнихъ взглядахъ утверждаетъ, что мои слова безразсудны, это служитъ мнѣ лучшимъ доказательствомъ, что они чертовски разумны. Съ вашего позволенія, я продолжаю. Мое происхожденіе вамъ извѣстно. Вы знаете также, что много лѣтъ въ своей жизни я не нуждался въ обувальной машинкѣ по той простой причинѣ, что ходилъ безъ обуви, прямо босикомъ. Тѣмъ не менѣе можете вѣрить или не вѣрить, это какъ вамъ угодно, существуютъ леди—природныя аристократ-

ки, принадлежащія къ извѣстнымъ фамиліямъ, да еще къ какимъ!—которыя готовы лобызать слѣды моихъ ногъ.

Онъ выпалилъ этимъ, какъ ракетой, прямо въ голову тестю.

— А, вѣдь, ваша дочка,—продолжалъ Баундерби,—какъ вамъ самимъ извѣстно, далеко не знатнаго рода. Конечно, для меня все это трынъ трава,—и вы отлично знаете, что я не гонюсь за знатностью; тѣмъ не менѣе это фактъ, и вы не въ силахъ измѣнить его, Томъ Гредграйндъ. Какъ вы полагаете, для чего я говорю все это?

— Во всякомъ случаѣ, не для того, чтобъ пощадить меня,—тихо вымолвилъ мистеръ Гредграйндъ.

— Выслушайте меня,—сказалъ Баундерби,—и не прерывайте, пока придетъ вашъ чередъ. Я говорю это, потому что особы съ важнымъ родствомъ дивились, видя, какъ ведетъ себя Луиза, дивились ея безчувственности и моему снисхожденію. Я и самъ удивляюсь теперь, какъ могъ допускать все это, но больше я не намѣренъ терпѣть.

— Баундерби,—произнесъ мистеръ Гредграйндъ, вставая,—по моему, чѣмъ скорѣе мы кончимъ сегодня этотъ разговоръ, тѣмъ будетъ лучше.

— Напротивъ, Томъ Гредграйндъ, я нахожу, что чѣмъ подробнѣе обсудимъ мы это дѣло, тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ,—оговорился онъ,—дайте мнѣ высказаться до конца, а затѣмъ я, пожалуй, согласенъ и прекратить нашу бесѣду. Я хочу задать вамъ вопросъ, который приведетъ насъ кратчайшимъ путемъ къ желанному концу. Что вы хотѣли сказать вашимъ недавнимъ предложеніемъ?

— Какъ, что я хотѣлъ сказать, Баундерби?

— Ну да, вашимъ предложеніемъ, чтобъ Луиза погостила у васъ въ домѣ?—пояснилъ Баундерби, тряся своей лохматой головой.

— Этимъ я выражалъ надежду, что все уладится между вами мирнымъ образомъ, что вы согласитесь предоставить Луизѣ время немного успокоиться и одуматься на свободѣ въ родительскомъ домѣ, такъ какъ это могло бы повести къ постепенной перемѣнѣ вашихъ обоюдныхъ отношеній къ лучшему.

— Вы разсчитывали, что я размякну и проникнусь вашими идеями о несоотвѣтствіи между нами?—спросилъ Баундерби.

— Да, пожалуй, такъ, если вы непремѣнно хотите облечь мою мысль въ подобную форму.

— Что могло вамъ ее внушить?—допытывался Баундерби.

— Я уже говорилъ, что, по-моему, никто не понималъ Луизы. Неужели я требую отъ васъ слишкомъ многаго? Вы настолько старше Луизы. Неужели вы откажетесь помочь мнѣ направить ее на истинный путь? Вы приняли на себя громадное обязательство, женившись на ней; вы взяли ее на радость и горе... на... на...

Мистеру Баундерби, пожалуй, пришлось не понутру повтореніе собственныхъ словъ, сказанныхъ имъ нѣкогда Стефену Блэкпулю, по крайней мѣрѣ, онъ перебилъ тестя гнѣвной вспышкой.

— Позвольте,—воскликнулъ онъ,—мнѣ нѣтъ надобности напоминать о томъ. Я и самъ знаю, для чего на ней женился. Это не ваше дѣло и вамъ нечего въ него соваться, таково мое мнѣніе.

— Я хотѣлъ только замѣтить, Баундерби, что всѣмъ людямъ болѣе или менѣе свойственно ошибаться, не исключая даже и васъ, и что нѣкоторая уступчивость съ вашей стороны, въ виду принятыхъ вами на себя обязательствъ, была бы не только истинно добрымъ дѣломъ, но, пожалуй, вашимъ долгомъ относительно Луизы.

— Я думаю совсѣмъ иначе,—вскипѣлъ Баундерби,— и намѣренъ покончить эту исторію согласно моимъ собственнымъ убѣжденіямъ. У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты ссориться изъ-за этого съ вами, Томъ Гредграйндъ. Говоря по правдѣ, я нашелъ бы унизительнымъ для своей репутаціи затѣвать ссору по такому поводу. Что касается вашего друга джентльмена, то онъ можетъ убираться, куда ему угодно. Если онъ попадется мнѣ еще разъ, я выскажу ему свое мнѣніе о немъ; если не попадется, не выскажу, потому что это было бы недостойно меня. Что же касается вашей дочери, которую я сдѣлалъ Лу Баундерби и которой, пожалуй, было бы лучше оставаться Лу Гредграйндъ, то если она не вернется домой завтра ровно въ полдень, я пойму это въ томъ смыслѣ, что она предпочитаетъ оставаться въ другомъ мѣстѣ, и отправлю сюда ея гардеробъ и все прочее. На будущее время вы потрудитесь уже сами заботиться о ней. А вотъ что я скажу добрымъ людямъ вообще насчетъ несоотвѣтствія, которое заставило меня сложить съ себя такимъ образомъ свой супружескій долгъ. Я—Джозія Баундерби изъ Коктоуна былъ воспитанъ на одинъ ладъ, а жена моя, дочь Тома Гредграйндъ, была воспитана совсѣмъ на другую стать, и мы не могли идти въ одной упряжкѣ. Кажется, всѣ достаточно знаютъ меня здѣсь, какъ человѣка недюжиннаго, и большая часть общества довольно скоро пойметъ, что мнѣ требовалась и жена недюжиннаго разбора, которая мало по малу возвысилась бы до меня.

— Обдумайте это хорошенько, Баундерби, прошу васъ,—убѣждалъ его тесть,—прежде чѣмъ вы придете къ такому рѣшенію.

— Я всегда скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ,—возразилъ Баундерби, нахлобучивая шляпу,—и никогда не мямля, если разъ задумалъ что нибудь сдѣлать. Меня удивило бы подобное замѣчаніе со стороны Тома Гредграйнда по адресу Джозіи Баундерби изъ Коктоуна, котораго онъ успѣлъ порядочно узнать, еслибъ я могъ удивляться какому нибудь поступку Тома Гредграйнда вообще послѣ того, какъ онъ сталъ защищать всякую сантиментальную дребедень. Итакъ, я высказалъ вамъ свое рѣшеніе, больше мнѣ нечего сказать. Спокойной ночи!

Мистеръ Баундерби пріѣхалъ домой на свою городскую квартиру и улегся въ постель. На слѣдующій день, въ пять минутъ перваго, онъ распорядился чтобы всѣ вещи миссисъ Баундерби были тщательно уложены и отправлены къ Тому Гредграйнду. Послѣ того онъ напечаталъ въ газетѣ объявленіе о продажѣ своего имѣнія по вольной цѣнѣ и зажилъ опять своей прежней жизнью одинокаго холостяка.

IV. Пропалъ.

Дѣло о кражѣ въ банкѣ между тѣмъ не заглохло и не переставало поглощать вниманія принципала этого учрежденія. Желая похвастаться своей рѣшимостью и неутомимой дѣятельностью въ качествѣ человѣка выдающагося, самостоятельно пробившаго себѣ дорогу въ жизни, восьмого чуда въ финансовомъ мірѣ, болѣе замѣчательнаго, чѣмъ Венера, которая вышла только изъ морской пѣны, тогда какъ онъ ухитрился вылѣзти изъ уличной грязи, мистеръ Баундерби старался доказать, что домашнія передряги нисколько не охладили его рвенія къ труду. Такимъ образомъ въ первыя недѣли послѣ своего возврата къ холостецкой жизни онъ суетился и шумѣлъ даже болѣе обыкновеннаго и поднялъ такую кутерьму, возобновивъ свои розыски по дѣлу о воровствѣ, что полицейскіе агенты почти желали, чтобъ это преступленіе не совершалось совсѣмъ.

Правда, сами они потеряли всякій слѣдъ и сбились съ толку. Хотя съ перваго же дня открытія кражи полиція разыскивала виновныхъ крайне осторожно, втихомолку, такъ что многіе считали уже это дѣло окончательно брошеннымъ и сданнымъ въ архивъ за неимѣніемъ уликъ, однако, несмотря на эту хитрую уловку, до сихъ поръ не обнаруживалось ничего новаго. Ни одинъ сообщникъ или сообщница не выдали себя преждевременной смѣлостью, не попались впросакъ. Но еще удивительнѣе было то, что Стефенъ Блэкпуль исчезъ, какъ въ воду канулъ, а таинственная старуха такъ и оставалась для всѣхъ загадкой.

Когда дѣло приняло такой, повидимому, безнадежный оборотъ, и никакіе скрытые признаки не указывали на то, чтобъ оно могло двинуться дальше, терпѣніе мистера Баундерби лопнуло, и онъ отважился прибѣгнуть къ крайнему средству. Фабрикантъ напечаталъ объявленіе, въ которомъ предлагалъ двадцать фунтовъ награды тому, кто арестуетъ Стефена Блэкпуля, подозрѣваемаго въ соучастіи въ кражѣ, произведенной въ Коктоунскомъ банкѣ въ ночь на такое то число. Въ своемъ объявленіи мистеръ Баундерби по возможности подробно описывалъ внѣшность названнаго Стефена Блэкпуля, его одежду, цвѣтъ лица, приблизительный ростъ и манеры; онъ излагалъ, при какихъ обстоятельствахъ и когда рабочій покинулъ городъ и по какому направленію видѣли его удалявшимся

оттуда. Все это было напечатано жирнымъ шрифтомъ, крупными черными литерами на широкихъ листахъ бумаги и расклеено глухою ночью на стѣнахъ городскихъ зданій, по распоряженію мистера Баундерби, чтобъ на утро броситься въ глаза всему населенію и огорошить его.

Дѣйствительно, утреннему колоколу на фабрикахъ пришлось звонить во всю мочь, чтобъ разсѣять толпы рабочихъ, тѣснившихся на разсвѣтѣ пасмурнаго дня вокругъ этихъ плакатовъ, которые прочитывались ими съ жаднымъ любопытствомъ. Не менѣе любопытства обнаруживали и неграмотные среди фабричнаго люда. Когда они прислушивались къ знакомому голосу, читавшему имъ вслухъ,—а такихъ охотниковъ выручить ихъ находилось всегда достаточно—то пялили глаза на таинственныя печатныя литеры съ такимъ смутнымъ благоговѣніемъ и почтительностью, что могли бы вызвать смѣхъ, еслибъ народное невѣжество не было всегда и во всемъ явленіемъ грознымъ и зловѣщимъ. Тысячамъ рабочаго народа неотступно мерещились въ тотъ день эти плакаты среди вертѣвшихся веретенъ, грохочущихъ станковъ и жужжащихъ колесъ; когда же, въ полдень, фабричные высыпали изъ мастерскихъ на улицы, желающихъ читать объявленіе нашлось не меньше, чѣмъ поутру.

Уполномоченный Слэкбриджъ долженъ былъ въ тотъ вечеръ говорить на собраніи; онъ досталъ у типографа чистый плакатъ и принесъ его туда въ карманѣ.

— О, друзья мои и соотечественники,—раздался съ эстрады его зычный голосъ,— угнетенные рабочіе Коктоуна, о, мои собратья и сотрудники, сограждане и товарищи!

Какой шумъ и гамъ поднялся въ громадной залѣ, когда Слэкбриджъ развернулъ то, что назвалъ „документомъ осужденія“, и выставилъ его на свѣтъ газовой лампы и на позоръ передъ глазами рабочей лиги!

— О, мои собратья, взгляните, на что способенъ измѣнникъ въ лагерѣ великихъ умовъ, внесенныхъ въ священный свитокъ Справедливости и Союза! О, мои порабощенные друзья, съ мучительнымъ ярмомъ тирановъ на своей выѣ, подъ желѣзной пятою деспотизма, попирающей ваши тѣла, распростертыя въ земномъ прахѣ, въ которомъ хотѣлось бы вашимъ притѣснителямъ заставить васъ пресмыкаться на вашемъ чревѣ во всѣ дни жизни вашей, подобно змію въ райскомъ саду, —о, мои братья,—и не слѣдуетъ ли мнѣ прибавить, какъ мужчинѣ: также и сестры,—что скажете вы *теперь* насчетъ этого Стефена Блэкпуля, „немного сутуловатаго въ плечахъ, около пяти футъ семи дюймовъ ростомъ“, какъ упоминается въ этомъ унизительнымъ и гнусномъ документѣ; въ этомъ пагубномъ актѣ, въ это вредоносномъ плакатѣ, въ этомъ отвратительномъ объявленіи? И съ какимъ величавымъ презрѣніемъ раздавите вы эту

ехидну, запятнавшую вашу честь, навлекшую такой позоръ на богоподобное племя, которое, къ счастью, извергло его навсегда изъ своей среды! Да, мои соотечественники, къ счастью, вы отвернулись отъ него заранѣе и прогнали прочь измѣнника. Вѣдь, вы помните тотъ вечеръ, когда онъ стоялъ вотъ тутъ, передъ вами, на этой эстрадѣ; помните, какъ я лицомъ къ лицу, шагъ за шагомъ преслѣдовалъ его во всѣхъ его лукавыхъ уверткахъ? Вы помните, какъ онъ извивался и скользилъ, словно угорь, пробираясь бочкомъ, хитря и пуская пыль въ глаза, пока ему было не за что больше уцѣпиться, и, припертый къ стѣнѣ, онъ поневолѣ отступилъ съ позоромъ,—предметъ вѣчнаго срама, общаго презрѣнія всѣхъ свободныхъ и мыслящихъ людей! А теперь, друзья мои,—друзья-труженики (потому что я радуюсь и торжествую по поводу позорнаго клейма, наложеннаго на него) друзья мои, чье жестокое, но честное ложе стелется въ трудѣ, чья скудная, но независимая пища варится въ стѣсненіи, теперь, говорю я, друзья мои, какое названіе заслужилъ тотъ подлый трусъ, когда маска сорвана, наконецъ, съ его лица, и онъ стоитъ передъ нами во всемъ своемъ природномъ безобразіи? Что же онъ такое? Воръ! Грабитель! Ссыльный бѣглецъ, голова котораго оцѣнена! Гнилой нарывъ, язва на благородномъ сословіи коктоунскихъ ремесленниковъ! Поэтому, братья мои, сплотившіеся въ священный союзъ, къ которому приложили свои дѣтскія руки и печати ваши дѣти и дѣти вашихъ дѣтей, пока еще не родившіяся на свѣтъ, я предлагаю вамъ отъ имени Соединеннаго Союзнаго Судилища, которое бдительно печется о вашемъ благосостояніи день и ночь, которое постоянно радѣетъ о вашей пользѣ,—предлагаю вамъ постановить на этомъ митингѣ резолюцію такого рода: „такъ какъ Стефенъ Блэкпуль, ткачъ, упоминаемый въ этомъ публичномъ объявленіи, былъ еще раньше оффиціально отвергнутъ общиной коктоунскихъ фабричныхъ рабочихъ, то община не причастна позору его преступленій и, какъ отдѣльное сословіе, не заслуживаетъ упрека за его безчестные поступки!“

Такъ распинался Слэкбриджъ, скрежеща зубами и обливаясь потомъ. Нѣсколько суровыхъ голосовъ крикнуло: „нѣтъ!“ а съ полсотни другихъ засвистали съ единодушными криками: „слушайте, слушайте!“ Раздалось единичное предостереженіе: „Слэкбриджъ, вы хватаете черезъ край; слишкомъ ужъ торопитесь!“ Но то была борьба пигмеевъ противъ цѣлой арміи; общее собраніе повѣрило Слэкбриджу безусловно и приложило руку къ предложенной имъ резолюціи. Послѣ того оратора почтили троекратнымъ „ура“, когда онъ опустился на мѣсто, демонстративно запыхавшись послѣ своей рѣчи.

Толпа его слушателей, мужчинъ и женщинъ, высыпала на улицу и не успѣла еще мирно разойтись по домамъ, какъ Сэсси, которую отозвали зачѣмъ-то нѣсколько минутъ назадъ изъ комнаты Луизы, вернулась туда обратно.

— Кто тамъ пришелъ?—спросила молодая женщина.

— Мистеръ Баундерби,—сказала Сэсси, робѣя при этомъ имени,—и братъ вашъ, мистеръ Томъ, и одна молодая женщина, которая называетъ себя Рэчель и говоритъ, будто бы вы ее знаете.

— Что имъ понадобилось, Сэсси, дорогая?

— Они хотятъ васъ видѣть. Рэчель плакала и казалась разсерженной.

— Отецъ,—промолвила Луиза, ооращаясь къ сидѣвшему тутъ же Гредграйнду,—я не могу не принять ихъ по причинѣ, которая объяснится сама собою. Можно имъ войти?

Послѣ его утвердительнаго отвѣта Сэсси вышла и ввела посѣтителей, которые не заставили себя долго ждать. Томъ вступилъ въ комнату послѣднимъ и все время держался въ самомъ темномъ углу у порога.

— Миссисъ Баундерби,—сказалъ ея мужъ, входя съ холоднымъ поклономъ,—надѣюсь, я не обезпокоилъ васъ? Время, по правдѣ сказать, не совсѣмъ подходящее, но вотъ эта молодая женщина заявляетъ о такихъ вещахъ, которыя сдѣлали мой визитъ необходимымъ. Томъ Гредграйндъ, такъ какъ вашъ сынъ, юный Томъ, неизвѣстно почему упрямится разъяснить что либо въ этой путаницѣ, то я вынужденъ произвести очную ставку между пришедшей со мною работницей и вашей дочерью.

— Вы уже видѣли меня однажды, сударыня, — сказала Рэчель, становясь противъ Луизы.

Томъ кашлянулъ.

— Вы уже видѣли меня однажды раньше, сударыня, — повторила Рэчель, не получивъ отвѣта.

Томъ кашлянулъ вторично.

— Видѣла.

Рэчель гордо вскинула глазами на мистера Баундерби и спросила:

— Согласны ли вы сообщить, сударыня, гдѣ это происходило и кто присутствовалъ при этомъ?

— Я пришла въ домъ, гдѣ квартировалъ Стефанъ Блэкпуль, въ тотъ вечеръ, когда онъ получилъ разсчетъ на фабрикѣ, и видѣла васъ тамъ. Стефенъ также былъ дома; кромѣ него я видѣла еще старуху, которая не говорила ни слова; я не могла разсмотрѣть ея, потому что она стояла въ темномъ углу. Братъ мой былъ со мною.

— Почему же вы мнѣ этого не сказали, Томъ?—спросилъ Баундерби?

— Я обѣщалъ сестрѣ молчать,—отвѣчалъ тотъ, причемъ Луиза поспѣшила подтвердить его слова.—Кромѣ того,—язвительно прибавилъ олухъ,—она разсказываетъ вамъ эту исторію такъ пре-

восходно и въ такихъ подробностяхъ, что мнѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности соваться въ чужое дѣло.

— Скажите, сударыня, сдѣлайте милость,—продолжала Рэчель, — зачѣмъ въ недобрый часъ пришли вы къ Стефену въ тотъ вечеръ?

— Мнѣ стало жаль его,—отвѣчала Луиза, вспыхивая, какъ зарево,—и я хотѣла узнать, что онъ намѣренъ дѣлать, хотѣла предложить ему помощь.

— Благодарствуйте, сударыня, — замѣтилъ Баундерби. — Весьма польщенъ и тронутъ!

— А предлагали вы Стефену ассигнацію?—спросила опять Луизу Рэчель.

— Да, но онъ отказался. Онъ принялъ отъ меня взаймы только два фунта золотомъ.

Рэчель снова вскинула глаза на мистера Баундерби.

— О, конечно,—подхватилъ тотъ;—если вы ставите вопросъ, подтвердился ли вашъ нелѣпый и невѣроятный разсказъ, то я обязанъ сознаться, что вы были правы!

— Сударыня,—начала Рэчель,—сегодня Стефенъ Блэкпуль названъ воромъ въ публичномъ печатномъ объявленіи, расклеенномъ по всему городу, а, можетъ быть, еще и въ другихъ мѣстахъ! Вечеромъ на митингѣ рабочихъ его имя поносили также самымъ возмутительнымъ образомъ. Стефенъ! Честнѣйшій малый, съ самой неподкупной, чистой душой!

Негодованіе молодой женщины разрѣшилось горькими рыданіями.

— Мнѣ очень, очень жаль,—промолвила Луиза.

— О, сударыня, сударыня,—возразила Рэчель,—можетъ быть, оно и такъ, да мнѣ-то не вѣрится! Могу ли я знать, что было у васъ на умѣ! Подобныя вамъ не знаютъ нашего брата, не жалѣютъ насъ, не имѣютъ съ нами ничего общаго. Я не знаю хорошенько, съ какой цѣлью приходили вы въ тотъ вечеръ къ Стефену. Пожалуй, у васъ было какое нибудь скрытое намѣреніе и вы не догадывались, сколько зла принесетъ бѣднягѣ вашъ приходъ. Я призывала тогда на васъ благословеніе Божіе за вашу доброту; мнѣ казалось, что вы искренно пожалѣли Стефена; но теперь я не знаю, не знаю, что подумать!

Луиза не могла обвинять Рэчель за ея несправедливыя подозрѣнія; несчастная такъ вѣрила въ того человѣка и была такъ огорчена.

— И когда я вспомню,—продолжала работница, подавляя рыданія,—какъ бѣдный малый былъ благодаренъ вамъ, какъ повѣрилъ, что вы желаете ему добра, когда я вспомню, какъ онъ прикрылъ рукой свое изможденное лицо, чтобъ скрыть вызванныя вами слезы, то мнѣ кажется, что вы, дѣйствительно, огорчены—и не даромъ,—но всетаки я не знаю, не знаю навѣрно!

— Однако, вы славная штучка,— проговорилъ олухъ, съ безпокойствомъ пошевелившись въ своемъ темномъ углу,—пришли въ чужой домъ да еще говорите дерзости! Васъ слѣдовало бы вытурить вонъ, если вы не умѣете вести себя прилично, и это было бы по дѣломъ.

Она ничего не отвѣчала; только ея тихій плачъ нарушалъ тишину въ комнатѣ, пока мистеръ Баундерби заговорилъ, наконецъ:

— Довольно!—сказалъ онъ.—Вспомните ваше обѣщаніе. Лучше займитесь этимъ, чѣмъ ревѣть.

— И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ стыдно, что я расплакалась при всѣхъ,—отвѣчала Рэчель, осушая глаза;—но этого больше не будетъ. Сударыня, когда я прочла то, что напечатано про Стефена—сплошная ложь съ начала до конца, все равно, какъ еслибъ это говорилось про васъ!—я пошла прямо въ банкъ сообщить, что знаю, гдѣ находится Стефенъ, и дать твердое и вѣрное обѣщаніе, что онъ будетъ здѣсь черезъ два дня. Однако, я не нашла тамъ мистера Баундерби, а вашъ братъ прогналъ меня прочь; я разыскивала васъ, но не нашла и вернулась обратно на фабрику. Послѣ окончанія работъ сегодня вечеромъ я поспѣшила на общее собраніе послушать о томъ, что будутъ говорить про Стефена—вѣдь, я знаю, что онъ вернется, чтобъ пристыдить недобросовѣстныхъ людей!—а съ митинга отправилась опять на поиски мистера Баундерби, нашла его, наконецъ, и сказала ему слово въ слово, что мнѣ было извѣстно; однако, онъ не повѣрилъ ничему и привелъ меня сюда.

— До сихъ поръ все сказанное вами подтверждается,—заявилъ мистеръ Баундерби, стоявшій все время, заложивъ руки въ карманы и не снимая шляпы.—Но я знаю, какой вы народецъ не со вчерашняго дня, замѣтьте это, и знаю также, что вы большіе мастера точить лясы. Поэтому совѣтую вамъ теперь перейти отъ ненужной болтовни къ дѣлу. Вѣдь, вы взялись сдѣлать коечто, такъ не мѣшкайте, вотъ все, что я скажу вамъ послѣ слышаннаго мною сегодня.

— Я послала уже Стефену письмо съ сегодняшней вечерней почтой туда же, куда писала ему однажды послѣ его ухода,—отвѣчала Рэчель; и онъ будетъ здѣсь, самое позднее, черезъ два дня.

— Ну, такъ вотъ что долженъ сказать я теперь,—возразилъ мистеръ Баундерби. Вы, пожалуй, не подозрѣвали, что за вами также былъ учрежденъ негласный полицейскій надзоръ, какъ за личностью, замѣшанной отчасти въ то дѣло; вѣдь, о людяхъ обыкновенно принято судить по тому знакомству, какое они водятъ. Почта также не была забыта нами. И тамъ выяснилось, что на

имя Стефена Блэкпуля не поступало ни единаго письма,—да будетъ вамъ извѣстно. Значитъ, куда дѣвались ваши письма, о томъ предоставляю судить вамъ самимъ. Можетъ быть, вы ошиблись и не писали ихъ совсѣмъ.

— Не прошло и недѣли со времени его ухода, сударыня,—отвѣчала Рэчель, снова обращаясь къ Луизѣ, точно она взывала къ ея защитѣ,—какъ Стефенъ прислалъ мнѣ единственное полученное мною отъ него письмо, въ которомъ говорилось, что онъ былъ принужденъ искать себѣ работы подъ чужимъ именемъ.

— Чортъ возьми!—подхватилъ Баундерби, качая головой и многозначительно свистнувъ.—Онъ перемѣнилъ имя,—вотъ ужъ до чего дошло! Довольно подозрительное обстоятельство для человѣка такой незапятнанной честности! На судѣ, надо думать, посмотрятъ косо на того невиннаго, у котораго окажется нѣсколько заимствованныхъ именъ!

— Но что же, — воскликнула Рэчель опять со слезами на глазахъ,—что же оставалось ему дѣлать, сударыня, скажите на милость? Съ одной стороны противъ него ополчились хозяева; съ другой—рабочіе; между тѣмъ, онъ добивался одного: мирно трудиться въ потѣ лица и поступать такъ, какъ находилъ справедливымъ. Неужели человѣкъ можетъ отказаться отъ собственныхъ чувствъ и собственныхъ убѣжденій? Неужели уже онъ обязанъ кривить душой и дѣйствовать противъ совѣсти на каждомъ шагу въ угоду той или другой сторонѣ, если не хочетъ, чтобъ его затравили, какъ зайца?

— Повѣрьте, повѣрьте мнѣ, что я жалѣю его отъ всего сердца,—отвѣчала Луиза,—и надѣюсь, что онъ сниметъ съ себя всякое подозрѣніе.

— Не бойтесь, сударыня, Стефенъ оправдается; это дѣло вѣрное.

— Тѣмъ болѣе вѣрное,—перебилъ мистеръ Баундерби, что вы упорно скрываете отъ меня его мѣстожительство. Что, небось, неправда?

— Я не допущу того, чтобъ по моей оплошности на него легло незаслуженное пятно ареста и принудительнаго возвращенія сюда. Стефенъ вернется по доброй волѣ, чтобъ оправдать себя и пристыдить тѣхъ, кто порочилъ здѣсь его доброе имя заглазно, не давая ему возможности защищаться. Я сообщила ему въ своемъ письмѣ обо всѣхъ клеветахъ и обвиненіяхъ, распускаемыхъ на его счетъ,—заключила Рэчель съ твердостью, о которую разбивалось всякое недовѣріе, какъ морская волна объ утесъ,—и онъ будетъ здѣсь, самое позднее, черезъ два дня.

— А все таки, — прибавилъ мистеръ Баундерби, чѣмъ скорѣе удастся намъ его сцапать, тѣмъ раньше воспользуется онъ случаемъ оправдаться. Что касается васъ, то я ничего не могу поставить

вамъ въ вину, — продолжалъ фабрикантъ, непосредственно обращаясь къ молодой женщинѣ; все то, что вы пришли мнѣ сообщить, оказалось правдой, и я доставилъ вамъ средство доказать справедливость вашихъ словъ; значитъ, съ этимъ покончено. Добраго вечера, господа! Я спѣшу; мнѣ нужно еще хорошенько вникнуть въ это дѣло.

Томъ выползъ изъ своего угла, когда мистеръ Баундерби пошевелился; онъ двинулся вмѣстѣ съ нимъ къ двери, не отставая отъ него, какъ тѣнь, и они вышли вмѣстѣ. Единственнымъ его прощальнымъ привѣтствіемъ были угрюмыя слова: „добрый вечеръ, отецъ!" Съ этой отрывистой фразой и презрительнымъ взглядомъ въ сторону сестры онъ удалился.

Съ тѣхъ поръ, какъ по возвращеніи дочери домой, для мистера Гредграйнда погибла послѣдняя надежда, онъ сдѣлался очень молчаливъ. Такъ и теперь этотъ несчастный человѣкъ сидѣлъ, не говоря ни слова, когда Луиза обратилась кроткимъ тономъ къ фабричной работницѣ.

— Рэчель, — сказала она, — вы отложите въ сторону всякое недовѣріе ко мнѣ, когда узнаете меня короче.

— Не довѣрять кому нибудь, — отвѣчала Рэчель нѣсколько мягче прежняго, — совсѣмъ не въ моемъ характерѣ; но когда ко мнѣ самой относятся съ такимъ обиднымъ недовѣріемъ, когда не довѣряютъ всѣмъ намъ, я не могу переносить этого хладнокровно. Простите, если я обидѣла васъ понапрасну. Теперь я сама не думаю того, что говорила тогда,но не ручаюсь, однако, что мнѣ не придутъ въ голову опять тѣ же мысли, если съ бѣднымъ Стефеномъ попрежнему будутъ поступать несправедливо.

— А вы сообщили ему въ своемъ письмѣ. — освѣдомляла Сэсси, — что подозрѣніе пало на него, повидимому, изъ-за того, что онъ бродилъ по вечерамъ вокругъ банка? Тогда онъ зналъ бы, по крайней мѣрѣ, о чемъ его станутъ спрашивать, когда онъ вернется, и могъ бы приготовиться заранѣе къ отвѣту.

— Да, моя милая, я написала,—отвѣчала дѣвушка,— хотя сама напрасно ломаю голову надъ тѣмъ, что могло ему тамъ понадобиться? Онъ никогда не ходилъ въ ту стурону, гдѣ помѣщается банкъ; это ему совсѣмъ не по дорогѣ. Стефенъ жилъ не подалеку отъ меня, а не въ томъ краю.

Сэсси была уже возлѣ нея и разспрашивала Рэчель, гдѣ она живетъ и можно ли придти къ ней завтра вечеромъ спросить, нѣтъ ли извѣстій о Блэкпулѣ.

— Сомнѣваюсь, — отвѣчала Рэчель, — чтобъ онъ могъ явиться сюда раньше послѣзавтрашняго дня.

— Тогда я приду послѣ завтра вечеромъ, — замѣтила Сэсси.

Когда Рэчель ушла, изъявивъ на это свое согласіе, мистеръ Гредграйндъ поднялъ голову и сказалъ своей дочери:

— Луиза, дорогая моя, насколько помнится, я никогда не видалъ въ глаза того человѣка. Какъ, по твоему, замѣшанъ онъ въ томъ дѣлѣ?

— Сначала, мнѣ казалось, будто я повѣрила этому, отецъ, хотя съ большимъ трудомъ. Но теперь я не вѣрю.

— Точнѣе говоря, ты внушила себѣ это, зная, что другіе подозрѣваютъ его. Но каковъ онъ съ виду и какъ себя держитъ? Какъ честный человѣкъ?

— Онъ производитъ впечатлѣніе въ высшей степени честнаго малаго.

— Эта Рэчель непоколебимо стоитъ за него горой. Хотѣлось бы мнѣ знать, — задумчиво продолжалъ мистеръ Гредграйндъ, — извѣстно ли настоящему виновнику о всѣхъ этихъ напраслинахъ? Гдѣ онъ? Кто онъ?

Послѣднее время въ его волосахъ стала замѣтно пробиваться сѣдина, и теперь, когда онъ поникъ сѣдѣющею головою на руку и казался такимъ постарѣвшимъ, Луиза, съ выраженіемъ страха и жалости на лицѣ, поспѣшно подошла и подсѣла близко къ нему. Въ эту минуту ея взглядъ случайно встрѣтился съ глазами Сэсси. Дѣвушка покраснѣла и вздрогнула, а Луиза приложила палецъ къ губамъ.

На слѣдующій день, когда Сэсси, вернувшись отъ Рэчели, сообщила Луизѣ, что Стефенъ еще не возвращался, она сказала это шепотомъ. На другой день, когда воспитанница Гредграйнда пришла съ тѣмъ же извѣстіемъ и прибавила, что о несчастномъ нѣтъ ни слуху, ни духу, она говорила тѣмъ же тихимъ, испуганнымъ голосомъ. Съ того момента, когда Луиза и Сэсси переглянулись между собою, онѣ никогда не произносили имени Стефена и не упоминали о немъ вслухъ, а также не поддерживали разговора о кражѣ въ банкѣ, когда мистеръ Гредграйндъ затрагивалъ этотъ вопросъ.

Назначенный двухдневный срокъ миновалъ; прошло трое сутокъ, а Стефенъ все не показывался и не давалъ о себѣ знать. На четвертый день Рэчель, увѣренность которой ни чуть не поколебалась (она только думала, что письмо ея пропало) пришла въ банкъ и показала письмо отъ него съ адресомъ, въ которомъ Стефенъ сообщалъ, что поселился въ одной изъ рабочихъ колоній въ сторону отъ большой дороги въ шестидесяти миляхъ оттуда. Туда немедленно были отправлены гонцы, и весь городъ съ любопытствомъ ожидалъ ихъ возвращенія на другой день.

Все это время олухъ слѣдовалъ, какъ тѣнь, за мистеромъ Баундерби, присутствуя при всѣхъ розыскахъ. Онъ былъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи, горѣлъ въ страшной лихорадкѣ, кусалъ до крови ногти, говорилъ суровымъ, хриплымъ голосомъ; губы у него запеклись и потемнѣли. Въ тотъ часъ, когда ожидали прибытіе об-

виняемаго, олухъ помчался на станцію желѣзной дороги; онъ предлагалъ держать съ нимъ пари, что Стефенъ улизнулъ раньше прибытія посланныхъ за нимъ людей и что онъ не подумаетъ показаться въ Коктоунѣ.

Его догадка подтвердилась Гонцы вернулись ни съ чѣмъ. Письмо Рэчели было отправлено, оно пришло къ мѣсту назначенія и было вручено адресату. Стефенъ Блэкпуль въ тотъ же часъ пустился въ дорогу, и ни единая душа не слышала о немъ больше ничего. Теперь коктоунцы ломали себѣ голову надъ вопросомъ, написала ли Рэчель Блэкпулю съ добрымъ намѣреніемъ, будучи увѣрена, что онъ вернется, или же только предостерегала его своимъ письмомъ, посовѣтовавъ ему скорѣе бѣжать? По этому пункту мнѣнія въ городѣ раздѣлялись. Прошло и шесть дней, и цѣлая недѣля; началась вторая. Несчастный олухъ, собравъ жалкіе остатки своего мужества, началъ хорохориться.

— Былъ ли подозрѣваемый воромъ, желаете вы знать? Вотъ милый вопросъ! Если онъ невиненъ, то куда же онъ дѣвался и почему не возвращается?

„Гдѣ онъ? Почему не возвращается?“ Эти слова, которыя Томъ повторялъ днемъ на всѣ лады, не давали ему покоя въ глухую ночь и отдавались у него въ ушахъ до разсвѣта.

V. Нашлась.

Миновали сутки, миновали еще другія. Стефена Блэкпуля все нѣтъ, какъ нѣтъ. Гдѣ же онъ былъ и почему не возвращался?

Каждый вечеръ Сэсси приходила на квартиру Рэчель посидѣть съ ней въ ея маленькой чистенькой комнаткѣ. Каждый день Рэчель работала, какъ должны работать такіе люди, несмотря ни на какія душевныя тревоги. Фабричному дыму, извивавшемуся на подобіе длинныхъ змѣй, было безразлично, кто пропалъ или кто нашелся, кто оказался правымъ или виноватымъ; слоны, страдавшіе меланхолическимъ умопомѣшательствомъ, по примѣру сторонниковъ положительныхъ фактовъ, ни въ какомъ случаѣ не отступали отъ своей обычной рутины. Прошли еще сутки, миновали другія. Однообразная жизнь фабричнаго города ничѣмъ не нарушалась. Даже исчезновеніе Стефена Блэкпуля начинало казаться чѣмъ-то обыденнымъ, какъ и все остальное, — такимъ же прискучившимъ чудомъ, какъ и любая машина на одной изъ коктоунскихъ фабрикъ.

— Едва ли, — говорила Рэчель, — найдется теперь въ городѣ и двадцать человѣкъ, которые вѣрили бы еще въ невинность бѣднаго малаго.

Она сказала это Сэсси, когда онѣ сидѣли у ней на квартирѣ, освѣщенной только фонаремъ на уличномъ перекресткѣ. Сэсси

пришла уже въ сумерки, чтобъ подождать возвращенія дѣвушки съ работы, и съ той минуты онѣ сидѣли у окна, гдѣ Рэчель нашла свою гостью, и не нуждались въ болѣе яркомъ освѣщеніи для своей печальной бесѣды.

— Какъ будто самъ Богъ послалъ мнѣ васъ, — продолжала Рэчель, — съ вами я отвожу душу. Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что я схожу съ ума. Но вы какъ-то умѣете вдохнуть въ меня надежду и поддержать мои падающія силы. Такъ вы вѣрите,— хотя обстоятельства складываются противъ Стефена, — что его невинность будетъ доказана?

— Вѣрю, — отвѣчала Сэсси, — вѣрю отъ всей души. Знаете, Рэчель, я до такой степени убѣждена, что ваше довѣріе къ нему не можетъ быть обмануто, что вполнѣ раздѣляю ваши чувства. Я такъ увѣрена въ Стефенѣ съ своей стороны, какъ будто знала его долгіе годы и дѣлила съ нимъ горе, по вашему примѣру.

— А я, дорогая моя, — промолвила Рэчель дрожащимъ голосомъ, — знаю его такъ коротко, знаю, какъ твердо держался онъ всего честнаго и добраго въ жизни, несмотря на самыя тяжкія испытанія, что, кажется, еслибъ онъ пропалъ теперь навсегда, то, проживи я хоть сто лѣтъ, я и тогда могла бы сказать при послѣднемъ своемъ издыханіи: — „Господь мнѣ свидѣтель, что я никогда не переставала вѣрить Стефену Блэкпулю“.

— Всѣ мы въ Стонъ-Лоджѣ убѣждены, милая Рэчель, что рано или поздно съ него будетъ снято всякое подозрѣніе.

— Чѣмъ больше я въ томъ убѣждаюсь, чѣмъ сильнѣе я чувствую вашу доброту ко мнѣ, чѣмъ больше цѣню, что вы приходите нарочно развлечь меня и не стыдитесь показываться со мною на улицахъ, зная, что я сама нахожусь въ подозрѣніи, тѣмъ больнѣе мнѣ вспомнить, какъ обидѣла я своимъ недовѣріемъ ту молоденькую леди. И при всемъ томъ...

— Но, вѣдь, вы довѣряете ей теперь, Рэчель?

— Да, послѣ того, какъ вы сблизили насъ между собою. Но все-таки порою я не могу отдѣлаться отъ мысли...

Она заговорила совсѣмъ тихо, словно про себя, такъ что Сэсси, сидѣвшей съ ней рядомъ, пришлось внимательно вслушиваться, чтобы разслышать что нибудь.

— Все-таки я невольно не довѣряю кому-то въ душѣ. Я не знаю, кто онъ такой, не могу себѣ представить, какъ и почему такъ выходитъ, но мнѣ сдается, что кто-то устранилъ Стефена съ дороги. Еслибъ Стефенъ вернулся по доброй волѣ сюда и доказалъ свою невинность передъ всѣми, то это какъ будто повредило бы кому-то, кто, желая помѣшать раскрытію истины, не допустилъ Стефена явиться въ Коктоунъ и устранилъ его съ дороги.

— Это ужасная мысль,—промолвила Сэсси, блѣднѣя.

— Да, ужасно подумать, что Стефенъ можетъ быть убитъ.

Сэсси вздрогнула, поблѣднѣвъ еще больше.

— Когда это приходитъ мнѣ въ голову, милочка, — сказала Рэчель, — а это случается иногда, хотя я всячески отгоняю такую мысль, принимаясь считать до большихъ цифръ за работой или повторяя стишки, которые учила въ дѣтскіе годы, — такъ вотъ, когда я задумаюсь о томъ, то сама себя не помню; я готова метаться, какъ угорѣлая, во всѣ стороны и, несмотря на какую угодно усталость, меня такъ и тянетъ бѣжать куда-то со всѣхъ ногъ на цѣлыя мили разстоянія. Мнѣ надо отдѣлаться отъ этой мысли прежде, чѣмъ я лягу спать... Вотъ что: я провожу васъ домой.

— Стефенъ могъ заболѣть на обратномъ пути — сказала Сэсси, — дѣлая слабое усиліе раздуть въ ней хоть искру надежды. Мало ли мѣстъ по дорогѣ, гдѣ онъ могъ остановиться для отдыха.

— Но, вѣдь, Стефена нѣтъ нигдѣ. Его разыскивали по всѣмъ мѣстамъ, но не нашли.

— Вѣрно,—нехотя согласилась Сэсси.

— Онъ могъ бы дойти пѣшкомъ въ два дня,—продолжалъ Рэчель.—Еслибъ даже силы измѣнили ему дорогой, Стефенъ имѣлъ возможность пріѣхать; вѣдь, я послала ему денегъ на проѣздъ на тотъ случай, еслибъ у него не хватило своихъ собственныхъ.

— Будемъ надѣяться, что завтрашній день принесетъ намъ что нибудь утѣшительное. Пойдемте пройтись по воздуху!

Ласковой рукой повязала Сэсси платокъ на блестящихъ черныхъ волосахъ работницы, какъ та имѣла обыкновеніе его носить, и онѣ вышли вмѣстѣ. Ночь была ясная, теплая; кучки фабричныхъ мѣшкали тамъ и сямъ на уличныхъ перекресткахъ; но большая часть ихъ сидѣла за ужиномъ, и улицы были довольно пустынны.

— Теперь вы не такъ волнуетесь, Рэчель, и рука у васъ перестала горѣть.

— Мнѣ всегда легче на ходу, въ особенности на свѣжемъ воздухѣ. Но когда я принуждена сидѣть въ духотѣ, на меня нападаетъ слабость и какое-то забытье.

— Вы должны беречь свои силы, Рэчель, потому что ваша помощь каждую минуту можетъ понадобиться Стефену. Завтра суббота. Если завтрашній день вы не получите никакихъ вѣстей, то пойдемте прогуляться за городъ на весь день. Это подкрѣпитъ васъ на цѣлую недѣлю. Согласны?

— Хорошо, милочка.

Въ эти минуту онѣ проходили по улицѣ, гдѣ жилъ мистеръ Баундерби. Дорога Сэсси лежала мимо его дома, и дѣвушки направились прямо къ нему. Въ Коктоунъ какъ разъ прибылъ какой-то поѣздъ, вслѣдствіе чего по городу поднялась ѣзда. Пока Сэсси съ своей провожатой пересѣкали улицу, впереди и позади ихъ

громыхало много наемныхъ экипажей. Когда же онѣ приблизились къ дому банкира, то одинъ изъ кэбовъ подкатилъ съ такой стремительностью къ подъѣзду, что заставилъ невольно оглянуться на себя. При яркомъ свѣтѣ газа на крыльцѣ можно было разсмотрѣть въ окнѣ кареты миссисъ Спарситъ, старавшуюся изо всѣхъ силъ отворивъ дверцу; при видѣ дѣвушекъ, эта леди крикнула имъ, чтобъ онѣ остановились.

— Какое совпаденіе! — воскликнула она, когда кучеръ подоспѣлъ, наконецъ, ей на выручку. — Сама судьба посылаетъ мнѣ васъ. Вылѣзайте, сударыня, обратилась экономка къ кому-то сидѣвшему въ кэбѣ, вылѣзайте, или васъ вытащатъ силой.

Вслѣдъ затѣмъ изъ экипажа вышла ни кто иная, какъ таинственная старуха, которую миссисъ Спарситъ поспѣшила схватить за воротникъ.

— Никто не смѣетъ ее трогать! — воскликнула почтенная лэди съ величайшей энергіей. — Чтобъ никто не смѣлъ ея касаться! Она принадлежитъ мнѣ. Входите, сударыня, — прибавила миссисъ Спарситъ тѣмъ же тономъ, какимъ только что приказывала ей вылѣзать. — Входите, сударыня, или васъ втащатъ силой.

Одного вида матроны съ классической фигурой, хватающей старую женщину за горло и насильно влекущей ее въ жилой домъ было бы при всякихъ обстоятельствахъ вполнѣ достаточно, чтобъ возбудить любопытство всѣхъ британскихъ зѣвакъ, которымъ посчастливилось напасть на такое интересное зрѣлище. Немудрено, что ихъ собралась бы цѣлая толпа, нетерпѣливо ожидавшая, чѣмъ кончится дѣло. Но когда заманчивость такого происшествія еще усугублялась шумомъ, поднятымъ въ городѣ загадочною кражею въ банкѣ, то понятно, что любопытные рѣшительно не могли преодолѣть соблазна проникнуть въ самый домъ, хотя бы на нихъ грозила обрушиться крыша. Такимъ образомъ, изъ кучи случайныхъ зрителей человѣкъ двадцать пять наиболѣе отчаянныхъ и настойчивыхъ проникли въ сѣни вслѣдъ за Сэсси и Рэчелью, которыхъ они притиснули въ свою очередь къ миссисъ Спарситъ и ея жертвѣ, и вся эта безпорядочная толпа ввалилась въ столовую мистера Баундерби, гдѣ оставшіеся позади, не долго думая, вскочили на стулья, чтобъ не прозѣвать ничего изъ ожидаемаго зрѣлища.

— Приведите сюда мистера Баундерби!—скомандовала миссисъ Спарситъ.—Эй вы, молодая женщина, Рэчель, извѣстно вамъ, кто это?

— Это миссисъ Пеглеръ,—отвѣчала Рэчель.

— Я такъ и думала!—воскликнула миссисъ Спарситъ, сіяя восторгомъ.—Приведите мистера Баундерби. Подайтесь назадъ, ей вы, очистите мѣсто!

Миссисъ Пеглеръ, кутаясь въ свой платокъ и прячась отъ любопытныхъ взоровъ, взмолилась ей о чемъ то шепотомъ.

— Отвяжитесь отъ меня, — отвѣчала миссисъ Спарситъ вслухъ,—вѣдь, я говорила вамъ двадцать разъ дорогой, что не выпущу васъ, пока не передамъ ему изъ рукъ въ руки.

Тутъ появился мистеръ Баундерби въ сопровожденіи мистера Гредграйнда и олуха, съ которыми онъ совѣщался о чемъ-то у себя наверху. Взоръ мистера Баундерби выразилъ болѣе удивленія, чѣмъ радушія при видѣ оравы незваныхъ гостей въ его столовой.

— Это что,—откуда? — спросилъ онъ. — Миссисъ Спарситъ, сударыня, что это значитъ?!

— Сэръ,—отвѣчала эта достойная леди,—считаю за счастье представить вамъ ту особу, которую вы такъ хотѣли найти. Движимая желаніемъ избавить васъ отъ тяжкой заботы, сэръ, и не имѣя въ рукахъ никакихъ иныхъ нитей, кромѣ самыхъ сбивчивыхъ указаній относительно мѣстности, гдѣ по догадкамъ жила эта женщина,—извѣстная вонъ той молодой работницѣ, Рэчель (по счастію, она здѣсь и можетъ удостовѣрить личность подозрѣваемой) я успѣла разыскать и привезти ее съ собою, разумѣется, послѣ самаго энергичнаго сопротивленія. Конечно, не безъ хлопотъ удалось мнѣ достичь своей цѣли; но когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ оказать вамъ услугу, то меня не пугаютъ никакія препятствія. Всякій трудъ доставляетъ мнѣ тогда одно удовольствіе, а голодъ, холодъ и жажда служатъ истинной наградой.

Тутъ миссисъ Спарситъ внезапно прикусила языкъ, потому что лицо мистера Баундерби выразило необычайное сочетаніе всевозможныхъ оттѣнковъ замѣшательства, едва миссисъ Пеглеръ предстала его взорамъ.

— Какъ, что вы хотите этимъ сказать?—совершенно неожиданно спросилъ онъ съ большой запальчивостью.—Я спрашиваю, что вы хотите этимъ сказать, миссисъ Спарситъ, сударыня?

— Сэръ,—слабымъ голосомъ воскликнула почтенная леди.

— Зачѣмъ, чортъ побери, мѣшаетесь вы не въ свое дѣло?—заоралъ Баундерби.—Какъ смѣете вы совать свой длинный носъ въ мои семейныя дѣла?

Этотъ намекъ на любимую черту лица миссисъ Спарситъ окончательно доконалъ ее. Она опустилась на стулъ и застыла, уставившись на мистера Баундерби испуганнымъ взглядомъ и потирая одну митенку о другую, точно онѣ также застыли.

— Мой дорогой Джозія,—воскликнула между тѣмъ миссисъ Пеглеръ, вся дрожа;—мой милый мальчикъ! Не сердись на меня, я ни въ чемъ не виновата, Джозія. Я сто разъ говорила этой леди, что тебѣ будетъ непріятна ея затѣя, но она настояла на своемъ.

— Для чего позволила ты ей привезти тебя сюда? Развѣ ты не могла сбить у нея съ головы чепецъ, или вышибить ей зубы, или вцѣпиться ей въ лицо?—бѣсновался Баундерби.

— Сынокъ мой родной! Вѣдь, она грозила, если я не послу-

шаюсь, послать за полиціей; лучше ужъ было поѣхать съ ней добровольно, чѣмъ поднимать шумъ и скандалъ въ такомъ—миссисъ Пеглеръ робко, но съ гордостью окинула глазами комнату—въ такомъ великолѣпномъ домѣ. Но право же, я нисколько не виновата! Мой дорогой, благородный, славный сынокъ! Я всегда жила потихоньку и таилась отъ всѣхъ, Джозія, сокровище мое. Я ни разу не нарушила нашего условія: я никому не говорила, что я твоя мать. Я любовалась тобою издали и когда пріѣзжала порою въ городъ черезъ долгіе промежутки времени, чтобъ взглянуть на тебя украдкой, то дѣлала это втихомолку, мой милый, и сейчасъ же возвращалась назадъ.

Закинувъ руки въ карманы, съ раздраженіемъ и чувствомъ жестокой обиды, шагалъ мистеръ Баундерби взадъ и впередъ мимо длиннаго обѣденнаго стола, тогда какъ зрители, тѣснившіеся поодаль, жадно ловили каждое слово изъ причитаній миссисъ Пеглеръ и съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе таращили удивленные глаза. Мистеръ Баундерби попрежнему раздраженно прохаживался изъ угла въ уголъ, когда миссисъ Пеглеръ даже умолкла. Тутъ мистеръ Гредграйндъ обратился съ своей стороны къ этой лукавой старухѣ.

— Удивляюсь, сударыня,—строго замѣтилъ онъ,—какъ это у васъ на старости лѣтъ хватаетъ нахальства предъявлять материнскія права на мистера Баундерби, какъ на своего сына, послѣ вашего противуестественнаго, безчеловѣчнаго обращенія съ нимъ въ дѣтствѣ!

— Это я то была противуестественна!—подхватила несчастная старушка, это я то обращалась съ нимъ безчеловѣчно! Съ моимъ дорогимъ мальчикомъ?

— Дорогимъ!—ѣдко повторилъ мистеръ Гредграйндъ. Еще-бы! Конечно, достигнувъ самостоятельно благосостоянія, онъ сдѣлался теперь дорогъ вамъ, не стану этого отрицать. Но не былъ онъ для васъ дорогимъ, когда вы бросили его въ младенчествѣ на произволъ жестокой бабушки-пьянчуги.

— Я бросила моего Джозію!—воскликнула миссисъ Пеглеръ, всплеснувъ руками. Да проститъ вамъ Господь ваши скверныя выдумки, какъ и то, что вы порочите память моей покойной матери, которая скончалась на моихъ рукахъ, когда Джозія еще не родился! Дай Богъ вамъ раскаяться въ этихъ несправодливостяхъ, сэръ, и прожить подольше, чтобъ увидѣть свою ошибку!

Она говорила такъ серьезно и такимъ негодующимъ тономъ, что мистеръ Гредграйндъ, у котораго мелькнула вдругъ неожиданная догадка, спросилъ ее уже мягче:

— Такъ неужели вы станете отрицать, сударыня, что бросили своего сына, чтобъ онъ... росъ въ канавѣ?

— Джозія—въ канавѣ!—подхватила миссисъ Пеглеръ. Ни-

когда этого не бывало, сэръ, никогда въ жизни! Какъ вамъ не стыдно! Джозія знаетъ и подтвердитъ вамъ, что онъ произошелъ хотя и отъ скромныхъ родителей, но эти родители любили его не меньше того, какъ любятъ своихъ дѣтей знатные и богачи. Они ощипывали себя, только бы научить его хорошенько грамотѣ и счету, и ничего не жалѣли для своего сыночка. Я и теперь могу показать его учебныя тетрадки—онѣ всѣ у меня цѣлешеньки!—прибавила миссисъ Пеглеръ съ негодующей гордостью. И мой милый мальчикъ знаетъ и скажетъ вамъ, сэръ, что, когда его славный отецъ скончался, оставивъ его сиротой по девятому годочку, то его мать тоже не жалѣла ничего для сынка, чтобъ вывести его въ люди, такъ какъ это составляло ея долгъ, и удовольствіе, и гордость. Мальчикъ поступилъ въ ученье, вышелъ старательнымъ, а хозяинъ ему попался добрый. Онъ поддержалъ его спервоначалу, а тамъ Джозія ужъ и пошелъ самъ все въ гору да въ гору и сдѣлался богатымъ и важнымъ. И знаете, сэръ,—вѣдь, этого мой дорогой мальчикъ не скажетъ вамъ—что хотя его мать держитъ только маленькую деревенскую лавочку, однако, онъ никогда не забывалъ ее и положилъ мнѣ даже пенсію по тридцати фунтовъ въ годъ—больше, чѣмъ мнѣ нужно, потому что я откладываю еще оттуда малую толику. Но мой сынъ заключилъ со мною одно условіе: чтобъ я жила отдѣльно отъ него, сама по себѣ, въ своей деревнѣ, и не хвасталась бы имъ передъ людьми, и не докучала бы ему. Я и не докучала: пріѣду разъ въ годъ сюда взглянуть украдкой на сыночка, такъ что онъ и самъ не догадается. Только всего и было! И это совершенно правильно!—съ жаромъ прибавила бѣдная старушка въ оправданіе своего любимаго дѣтища.—Вѣдь, живи я съ нимъ, сколько промаховъ надѣлала бы я некстати! А на своей сторонѣ я всѣмъ довольна и могу гордиться моимъ Джозіей сама про себя и любить его въ глубинѣ души, а не на показъ. Но вы заставляете меня краснѣть, сэръ,—заключила миссисъ Пеглеръ, за ваши несправедливыя подозрѣнія и выдуманныя вами небылицы. Здѣсь я никогда не бывала и не домогалась сюда попасть, разъ мой сынъ запретилъ мнѣ это. Я и теперь не стояла бы передъ вами, еслибъ меня не привезли къ нему силой. А вамъ стыдно, стыдно, сэръ, клеветать на меня ни съ того, ни съ сего, будто бы я была дурною матерью моему сыну! Вѣдь, онъ тутъ, налицо, и не позволитъ порочить моего добраго имени!

Посторонніе зрители, стоявшіе и не стоявшіе на стульяхъ въ столовой мистера Баундерби, единодушно взяли сторону миссисъ Пеглеръ. Между ними поднялся шепотъ сочувствія къ ней, и мистеръ Гредграйндъ явно для себя оказался предметомъ незаслуженныхъ нареканій, когда хозяинъ дома, не перестававшій мѣрять шагами комнату, раздуваясь и багровѣя все больше и больше съ каждой секундой, остановился, наконецъ, разомъ и сказалъ:

— Не знаю хорошенько, чему я обязанъ честью принимать у себя всю эту компанію, да и не спрашиваю о томъ. Если любопытство этихъ господъ удовлетворено, то, можетъ быть, они будутъ столь любезны, что разойдутся; но такъ ли это или не такъ, во всякомъ случаѣ, имъ не мѣшаетъ убраться во-свояси. Вѣдь, я не обязанъ прочитать имъ лекцію о моихъ семейныхъ дѣлахъ; я не брался за это и не собираюсь къ этому приступить. Слѣдовательно, кто ожидаетъ отъ меня объясненій по этому вопросу, тотъ ошибется въ своихъ разсчетахъ, въ особенности Томъ Гредграйндъ, да будетъ ему извѣстно. По дѣлу кражи въ банкѣ произошла ошибка относительно моей матери. Этого не случилось бы, еслибъ не чрезмѣрное усердіе нѣкоторыхъ лицъ; ненавижу услужливость некстати вездѣ и во всмъ. Добраго вечера!

Хотя мистеръ Баундерби говорилъ, по обыкновенію, свысока, уснащая свою рѣчь этими хлесткими фразами и распахнувъ настежъ дверь передъ своими непрошенными гостями, однако, въ его манерѣ сквозило на этотъ разъ сильное замѣшательство, явная пришибленность, которую онъ напрасно старался скрыть, нелѣпо хорохорясь для вида. Уличенный въ хвастливомъ самоуничиженіи, въ наглой лжи, какъ человѣкъ, построившій свою дутую репутацію на обманѣ, и такъ же далеко уклонившійся отъ правды, какъ еслибъ онъ приписывалъ себѣ происхожденіе отъ какого нибудь знатнаго рода, коктоунскій банкиръ представлялъ собою крайне смѣшную и жалкую фигуру. Пока любопытные зѣваки валили гурьбой изъ распахнутой имъ двери, Баундерби выпускалъ ихъ, скрѣпя сердце, отлично зная, что скандальная исторія, разыгравшаяся у него въ домѣ, немедленнно разнесется по всему городу, чтобъ сдѣлаться достояніемъ стоустой молвы. Кажется, еслибъ ему окарнали оба уха, онъ и тогда не могъ бы имѣть болѣе плачевнаго и растеряннаго вида. Даже злополучная миссисъ Спарситъ, упавшая съ высоты торжества въ бездну отчаянія, не была такъ унижена, какъ этотъ замѣчательный человѣкъ и обязанный всѣмъ самому себѣ враль, Джозія Баундерби изъ Коктоуна.

Рэчель и Сэсси, оставивъ миссисъ Пеглеръ ночевать у ея сына, дошли вмѣстѣ до воротъ Стонъ-Лоджа, гдѣ и разстались. Мистеръ Гредграйндъ вскорѣ присоединился къ нимъ дорогой и съ большимъ участіемъ разспрашивалъ о Блэкпулѣ; онъ полагалъ, что доказанная несостоятельность подозрѣній противъ миссисъ Пеглеръ должна была послужить ему въ пользу.

Что же касается олуха, то впродолженіе всей описанной сцены, какъ и вообще при всѣхъ послѣднихъ событіяхъ онъ не отходилъ ни на шагъ отъ мистера Баундерби. Томъ какъ будто чувствовалъ, что пока зятю не удалось ничего открыть безъ его вѣдома, ему нечего опасаться. Онъ совсѣмъ не посѣщалъ сестры и видѣлъ Луизу только разъ послѣ ея возвращенія домой, именно, въ тотъ вечеръ,

когда онъ, какъ мы уже знаемъ, слѣдовалъ тѣнью по пятамъ Баундерби.

Между тѣмъ въ душу его сестры закралось неопредѣленная, смутная боязнь, которой она не высказывала никому: ей мерещилось, что какая-то странная тайна окружаетъ ея порочнаго, неблагороднаго брата. Таже мрачная возможность и въ той же неопредѣленной формѣ представлялась Сэсси съ того дня, когда Рэчель намекнула ей на кого-то, кому понадобилось устранить съ дороги Стефена, чтобъ подозрѣваемый не могъ вернуться въ Коктоунъ и повредить своими показаніями настоящему виновнику преступленія. Луиза ни разу не обмолвилась о томъ, что подозрѣваетъ участіе брата въ кражѣ; она и Сэсси не говорили между собою откровенно о щекотливомъ предметѣ; онѣ обмѣнялись только краснорѣчивымъ взглядомъ въ тотъ вечеръ, когда ни о чемъ не догадывавшійся отецъ поникъ сѣдѣющей головой на руку. Но онѣ поняли съ той поры одна другую, что и сознавали ясно. Эта новая боязнь была такъ мучительна, что неотвязно преслѣдовала ихъ обѣихъ, словно призракъ; какъ Луиза, такъ и Сэсси были до того напуганы имъ, что боялись не только за себя, но и другъ за друга.

Между тѣмъ, напускная смѣлость не покидала олуха. Если Стефенъ Блэкпуль не былъ воромъ, то пусть онъ покажется. Почему же онъ отвиливалъ?

Прошла еще ночь. Прошли цѣлыя сутки. Стефена Блэкпуля все нѣтъ, какъ нѣтъ. Гдѣ же онъ пропадалъ и почему не возвращался?

VI Сіяніе звѣздъ.

Наступило воскресенье. То былъ славный осенній денекъ, ясный и прохладный. Сэсси и Рэчель сошлись вмѣстѣ, чтобъ отправиться на прогулку за городъ.

Такъ какъ Коктоунъ посыпалъ пепломъ не только собственную голову, но и всѣ окрестности,—по примѣру тѣхъ благочестивыхъ людей, которые каются въ собственныхъ грѣхахъ, облекая во вретище другихъ—то мѣстные жители, жаждущіе освѣжиться глоткомъ чистаго воздуха—еще не самое преступное изъ всѣхъ суетныхъ человѣческихъ желаній — обыкновенно, садились на поѣздъ и отъѣзжали на нѣсколько миль отъ городскихъ фабрикъ по желѣзной дорогѣ, гдѣ уже, собственно, и начиналась прогулка или отдыхъ среди полей, на лонѣ природы. Сэсси и Рэчель выбрались изъ сферы дыма этимъ же обычнымъ способомъ и сошли на станціи приблизительно на половинѣ дороги между городомъ и дачей мистера Баундерби.

Хотя зеленѣющія окрестности пачкали мѣстами груды каменнаго угля, но все таки земля была одѣта травой, осѣнена кудрявыми деревьями, на широкомъ раздольѣ пѣли жаворонки

(хотя было воскресенье), въ воздухѣ носились ароматы, а надъ всѣмъ этимъ простирался шатеръ яснаго голубого неба. Съ одной стороны вдали выступалъ Коктоунъ въ видѣ чернаго тумана, съ другой—начинались холмы, съ третьей—свѣтъ на горизонтѣ слегка измѣнялся тамъ, гдѣ онъ сіялъ надъ отдаленнымъ моремъ. Свѣжая трава мягко разстилалась подъ ногами; красивыя тѣни древесныхъ сучьевъ мелькали по ней, рисуя причудливые узоры; живыя изгороди роскошно зеленѣли; повсюду царило мирное затишье. Подъемныя машины у спуска въ шахты и тощія старыя лошади, изнуренныя ежедневной работой подъ землею, одинаково наслаждались покоемъ; колеса на короткое время перестали вертѣться и только гигантское колесо земли какъ будто вращалось вокругъ своей оси тихо и плавно, безъ толчковъ и шума рабочей поры.

Молодыя дѣвушки бродили по полямъ и проселкамъ въ тѣни деревьевъ, мѣстами перелѣзая черезъ заборъ, иногда до такой степени сгнившій, что онъ валился при малѣйшемъ толчкѣ ногою; онѣ проходили мимо высокихъ грудъ кирпича и бревенъ, полузаросшихъ травою и обозначавшихъ расположеніе заброшенныхъ копей. Бродя на удачу, Рэчель и Сэсси слѣдовали по дорожкамъ и тропинкамъ, хотя бы даже еле замѣтнымъ, тщательно избѣгая насыпей, гдѣ трава была густа и высока, гдѣ прихотливо переплетались между собою терновникъ, конскій щавель и тому подобная растительность, такъ какъ въ округѣ ходили страшные разсказы о старыхъ колодцахъ, скрытыхъ подъ этими зеленѣющими буграми.

Солнце стояло уже высоко, когда дѣвушки сѣли отдохнуть. Давно не попадалось имъ больше ни одной живой души; кругомъ было полное уединеніе.

— Здѣсь такъ тихо, Рэчель; на дорогѣ не видно никакихъ слѣдовъ; должно быть, мы первыя забрались сюда нынѣшнимъ лѣтомъ.

Говоря такимъ образомъ, Сэсси внезапно замѣтила на землѣ новый обломокъ гнилого забора и встала, чтобъ разсмотрѣть его вблизи.

— Однако я, кажется, ошиблась,—промолвила она; эти перила сломаны недавно. Дерево совершенно свѣжо на мѣстѣ перелома. А вотъ и слѣды чьихъ-то ногъ... О, Рэчель!

Она побѣжала обратно и повисла на шеѣ товарки. Та успѣла уже вскочить на ноги.

— Что случилось?

— Не знаю. Въ травѣ валяется чья-то шляпа.

Онѣ пошли вмѣстѣ въ ту сторону. Рэчель подняла находку, дрожа съ головы до ногъ. Вдругъ она разразилась страшными

слезами и сѣтованіями. Внутри тульи стояли два слова „Стефенъ Блэкпуль", написанныя его собственной рукою.

— О, бѣдняга, бѣдняга! Его убили! Гдѣ нибудь тутъ лежитъ его тѣло!

— А есть... есть на шляпѣ кровь?—съ усиліемъ пробормотала Сэсси.

Сначала ни та, ни другая не рѣшалась взглянуть. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онѣ осмотрѣли шляпу со всѣхъ сторонъ, но не нашли слѣдовъ насилія ни внутри ея, ни снаружи. Очевидно, она пролежала тутъ нѣсколько дней, потому что покрылась пятнами отъ дождя и росы и оставила отпечатокъ своей формы на травѣ, на которую упала. Рэчель и Сэсси со страхомъ осмотрѣлись кругомъ, не двигаясь съ мѣста, но не увидали больше ничего.

— Я пройду немножко впередъ одна,—предложила, наконецъ, воспитанница мистера Гредграйнда.

Она выпустила руку товарки и сдѣлала было одинъ шагъ, какъ вдругъ Рэчель охватила ее обѣими руками съ пронзительнымъ крикомъ, раздавшимся на далекое разстояніе. Передъ ними, у самыхъ ихъ ногъ, былъ край черной зіяющей пропасти, заслоненной густою травою. Дѣвушки отскочили назадъ и пали на колѣна, судорожно обнявшись и спрятавъ свое лицо на плечѣ другъ у друга.

— Боже милостивый! Онъ тамъ! Тамъ, внизу!

Сначала отъ Рэчели нельзя было добиться ничего, кромѣ этихъ словъ и воплей ужаса. Ни слезы, ни мольбы, ни уговоры не могли заставить ее образумиться и умолкнуть. Мало того, понадобилось держать ее изо всѣхъ силъ, чтобъ она сама не кинулась въ шахту.

— Рэчель, дорогая Рэчель, добрая Рэчель, ради всего святого не кричите такъ ужасно! Подумайте о Стефенѣ! Подумайте о Стефенѣ! Подумайте о Стефенѣ!

Повтореніемъ этой мольбы, выливавшейся со всѣмъ отчаяніемъ подобнаго момента, Сэсси удалось, наконецъ, унять несчастную; теперь она смотрѣла на свою спутницу съ неподвижнымъ окаменѣлымъ лицомъ; даже слезы у ней изсякли.

— Рэчель, Стефенъ, пожалуй, еще живъ. Вѣдь, не захотит же вы оставить его искалѣченнымъ на днѣ этой ужасной пропасти ни одной лишней минуты, когда, можетъ быть, есть средство спасти несчастнаго?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Такъ стойте тутъ, не шевелитесь, если вы его любите! Дайте я пойду и послушаю.

Ей было страшно приблизиться къ колодцу, но она подползла къ нему па рукахъ и колѣняхъ и принялась кричать, насколько

хватало ея голоса, окликая Стефена по имени. Послѣ того Сэсси умолкла и прислушалась, но не услыхала въ отвѣтъ ни звука. Она повторила свою попытку нѣсколько разъ, однако, совершенно безуспѣшно. Молодая дѣвушка начинала кричать двадцать, тридцать разъ. Она схватила комъ земли съ изрытой почвы въ томъ мѣстѣ, гдѣ Стефенъ оборвался въ шахту, и кинула его въ глубину. Однако, ея слухъ не могъ уловить даже стука паденія.

Широкій просторъ, такой прекрасный въ своемъ безмолвіи едва нѣсколько минутъ назадъ, вселялъ теперь почти отчаяніе въ ея мужественное сердце, когда она встала на ноги, не видя ни откуда кругомъ никакой помощи.

— Рэчель,—сказала Сэсси,—нельзя терять ни минуты. Намъ нужно идти въ разныя стороны; можетъ быть, мы и встрѣтимъ кого нибудь. Вы сами отправляйтесь по той дорогѣ, по которой мы сюда пришли, а я пойду дальше по этой тропинкѣ. Кого бы вы ни встрѣтили, разсказывайте каждому, что здѣсь случилось. Помните о Стефенѣ, помните о Стефенѣ!

По лицу Рэчели она увидѣла, что на нее теперь можно положиться. Постоявъ еще съ минуту, Сэсси проводила глазами работницу, которая кинулась бѣжать, ломая руки, послѣ чего повернулась и пошла на собственные поиски; она остановилась у изгороди и привязала къ ней свою шаль, чтобъ замѣтить мѣсто катастрофы, послѣ чего швырнула въ сторону свою шляпу и побѣжала со всѣхъ ногъ.

„Бѣги, Сэсси, бѣги, ради всего святого! Не останавливайся, чтобъ перевести духъ. Бѣги, бѣги!“ Подгоняя себя мысленно этими словами, она перебѣгала съ одного поля на другое, съ проселка на проселокъ, съ мѣста на мѣсто, какъ никогда не бѣгала до сихъ поръ. Наконецъ, Сэсси добѣжала до навѣса, у склада машинъ, гдѣ, растянувшись въ тѣни на соломѣ, крѣпко спало двое мужчинъ.

Не легко было разстроенной, запыхавшейся дѣвушкѣ добудиться этихъ людей, а еще труднѣе растолковать имъ, что привело ее сюда; однако, не успѣли они смекнуть, въ чемъ дѣло, какъ переполошились не меньше самой Сэсси. Одинъ изъ нихъ сильно выпилъ передъ сномъ, но когда товарищъ прокричалъ ему, что человѣкъ свалился въ Старый Чертовъ Колодецъ, онъ вскочилъ, сбѣгалъ къ маленькому пруду съ грязной водою, окунулъ въ него голову и вернулся совсѣмъ трезвымъ.

Съ этими двумя рабочими Сэсси пробѣжала съ полмили дальше. Тутъ они подняли на ноги еще третьяго, съ которымъ дѣвушка отправилась за четвертымъ, тогда какъ двое первыхъ побѣжали въ другую сторону. Потомъ нашлась лошадь; и Сэсси послала верхового на станцію желѣзной дороги, приказавъ ему скакать во весь духъ. Съ этимъ нарочнымъ дѣвушка отправила Луизѣ

письмо, написанное ею тутъ же впопыхахъ. Тѣмъ временемъ поднялась на ноги вся сосѣдняя деревня: жители наскоро собирали веревки, вороты, шесты, фонари, свѣчи и другiе необходимые предметы, чтобъ снести ихъ въ одно мѣсто, а потомъ доставить къ Чортову Колодцу

Сэсси казалось, что прошли цѣлые часы съ тѣхъ поръ, какъ она оставила пропавшаго человѣка погребеннымъ заживо въ его страшной могилѣ. Ей не терпѣлось дольше оставаться вдали отъ несчастнаго, котораго какъ будто бросили безжалостно одного, и она проворно пустилась назадъ въ сопровожденiи нѣсколькихъ крестьянъ, въ томъ числѣ и того, который былъ съ похмѣлья, а потомъ такъ скоро протрезвился при ужасномъ извѣстiи. Этотъ человѣкъ оказался какъ разъ самымъ расторопнымъ изъ всѣхъ. Когда они пришли къ Чертову Колодцу, роковое мѣсто было также пустынно, какъ и въ то время, когда Сэсси оставила его; крестьяне окликали упавшаго и прислушивались по примѣру Сэсси, внимательно осмотрѣли край обрыва и рѣшили, какъ произошла катастрофа, послѣ чего расположились на травѣ въ ожиданiи прибытiя необходимыхъ вещей и приспособленiй.

Малѣйшiй звукъ: жужжанiе насѣкомыхъ въ воздухѣ, шелестъ листьевъ, шепотъ среди собравшихся, все заставляло Сэсси вздрагивать; ей всякiй разъ мерещилось, что она слышитъ вопль изъ глубины колодца. Но вольный вѣтеръ напрасно носился надъ нимъ; ни одного звука не поднималось на поверхность земли, и люди сидѣли у зiявшей пропасти въ томительномъ ожиданiи. Нѣсколько времени спустя сталъ понемножку собираться праздный народъ, услыхавшiй о происшествiи. Наконецъ, подоспѣла и настоящая помощь. Вмѣстѣ съ толпой народа вернулась и Рэчель. Въ этой партiи находился въ числѣ прочихъ докторъ, захватившiй съ собою вино и лекарства. Однако, было мало надежды, что Стефена вытащатъ живымъ.

Теперь, когда набралось достаточно народа, чтобъ приступить къ дѣлу, протрезвившiйся рабочiй сталъ во главѣ остальныхъ или, пожалуй, занялъ это мѣсто съ общаго согласiя. Прежде всего онъ разставилъ широкую цѣпь вокругъ колодца и назначилъ людей охранять ее. Кромѣ охотниковъ, допущенныхъ къ работѣ, да Сэсси съ Рэчелью, за эту цѣпь не пропускали никого. Но позднѣе, когда къ мѣсту катастрофы прибыли изъ Коктоуна съ курьерскимъ поѣздомъ по письму Сэсси мистеръ Гредграйндъ съ Луизой и мистеромъ Баундерби съ олухомъ, ихъ также пропустили въ средину круга.

Прошло четыре часа съ той минуты, какъ Сэсси и Рэчель въ первый разъ усѣлись тутъ на травѣ, прежде чѣмъ съ помощью шестокъ и веревокъ соорудили снарядъ, на которомъ можно было

безопасно спустить въ шахту двоихъ человѣкъ. Устройство этого приспособленія при всей его простотѣ встрѣтило извѣстныя трудности; не оказалось нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей, за которыми пришлось посылать. Было пять часовъ пополудни въ тотъ ясный осенній воскресный день, когда, наконецъ, въ колодезь спустили свѣчу, чтобъ испытать свойства воздуха. Три или четыре суровыхъ лица склонилось рядомъ надъ краемъ обрыва, внимательно наблюдая за свѣчей, которую по требованію этихъ людей, рабочіе у ворота спускали ниже или останавливали на извѣстномъ уровнѣ. Тускло горѣвшая свѣча была снова поднята наверхъ; тогда въ шахту плеснули воды, затѣмъ прицѣпили къ канату бадью, куда влѣзъ протрезвившійся рабочій со своимъ товарищемъ, снабженные фонарями; еще минута, и они скомандовали: „спускай".

Когда туго натянувшійся канатъ началъ разматываться, а воротъ заскрипѣлъ, вся толпа, состоявшая не менѣе, какъ изъ двухсотъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, притаила дыханіе; всѣ они напряженно слѣдили за происходившимъ. Но вотъ изъ шахты подали сигналъ, и воротъ остановился съ неразмотаннымъ еще канатомъ. Промежутокъ времени, пока люди стояли въ бездѣйствіи у ворота, показался, должно быть, многимъ подозрительно долгимъ; по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя женщины принялись кричать, что случилось новое несчастіе. Докторъ, державшій въ рукахъ свои карманные часы, заявилъ, что не прошло и пяти минутъ, какъ спустили людей, и сурово заставалъ замолчать кричавшихъ. Не успѣлъ онъ договорить, какъ воротъ завертѣлся въ противоположную сторону. Опытные глаза сейчасъ же замѣтили, что онъ идетъ легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибъ поднималось двое людей; ясно, что только одинъ изъ рабочихъ возвращался на поверхность земли.

Канатъ былъ туго натянутъ; кольцо за кольцомъ навивалось на цилиндръ ворота, и всѣ глаза были устремлены на колодезь. Протрезвившійся рабочій, вытащенный наверхъ, проворно спрыгнулъ на траву. Грянулъ общій крикъ: „Живъ или мертвъ?" И затѣмъ воцарилось глубокое жуткое молчаніе.

Когда спрошенный отвѣтилъ „живъ!", громадная толпа радостно вскрикнула, и у многихъ навернулись слезы на глазахъ.

— Но онъ страшно изувѣченъ,—прибавилъ смѣльчакъ, когда присутствующіе настолько успокоились, что могъ быть слышенъ его голосъ.—Гдѣ докторъ?.. Онъ такъ страшно изувѣченъ, сэръ, что мы не знаемъ, какъ поднять его.

Началось совѣщаніе. Всѣ тревожно смотрѣли на доктора пока тотъ разспрашивалъ рабочихъ и качалъ головою при его отвѣтахъ. Солнце закатывалось, и алый отблескъ вечерней зари ярко освѣщалъ всѣ лица, на которыхъ тѣмъ рѣзче выступало томительное безпокойство.

Въ результатѣ переговоровъ рабочіе вернулись снова къ вороту, спустили въ шахту того же рудокопа съ виномъ и прочими необходимыми вещами, а его товарища вытащили наверхъ. Тѣмъ временемъ нѣсколько человѣкъ подъ руководствомъ врача принесли плетенку изъ прутьевъ, на которой другіе устроили мягкую постель изъ снятаго ими платья, прикрытаго слоемъ соломы, пока докторъ наготовилъ бинтовъ и перевязокъ изъ шалей и носовыхъ платковъ. Когда они были готовы, ихъ повѣсили на руку рудокопа, который былъ поднятъ изъ шахты послѣднимъ, съ указаніями, какъ употреблять ихъ. И когда онъ стоялъ, освѣщенный фонаремъ въ его рукѣ, опираясь могучей свободной рукой на одинъ изъ шестовъ и заглядывая порою въ шахту, а по временамъ обводя глазами собравшійся народъ, то этотъ человѣкъ представлялъ одну изъ выдающихся фигуръ въ необычайной сценѣ. Вслѣдствіе наступившей темноты пришлось зажечь факелы

Изъ немногихъ словъ, услышанныхъ отъ рабочаго стоявшими по близости и тотчасъ переданныхъ за черту круга, оказывалось, что пострадавшій свалился на груду древесныхъ обломковъ, которыми былъ на половину заваленъ колодезь, и что его дальнѣйшему паденію помѣшала глыба земли, застрявшая сбоку. Стефенъ лежалъ на спинѣ, съ подогнутой подъ себя рукой, и, по его собственнымъ словамъ, насколько онъ могъ припомнить, почти не двигался съ той минуты, какъ попалъ въ шахту; другая же свободная рука служила ему лишь для того, чтобъ вытаскивать изъ бокового кармана платья хлѣбъ и мясо, взятые имъ на дорогу. Несчастный бралъ пищу по крошкамъ и отхлебывалъ глотками воду, также бывшую при немъ. Получивъ письмо Рэчель, Стефенъ прямо съ фабрики пустился въ путь и шелъ пѣшкомъ цѣлый день; онъ приближался къ дачѣ мистера Баундерби, когда уже стемнѣло, и тутъ упалъ въ шахту. Бѣдняга рѣшился идти по этой опасной мѣстности въ такую позднюю пору, потому что спѣшилъ оправдаться отъ взведенныхъ на него обвиненій и съ этой цѣлію выбралъ кратчайшую дорогу.

— Видно, Чортовъ Колодезь хочетъ заслужить до конца свою дурную славу,—съ проклятіемъ закончилъ рабочій.—Правда, несчастный малый еще дышетъ и теперь даже заговорилъ, но, должно быть, протянетъ недолго.

Когда все было готово, рабочій напутствуемый послѣдними торопливыми наставленіями со стороны своихъ товарищей и докторъ, послѣ того, какъ воротъ началъ уже опускать его съ бадьею, исчезъ въ отверстіи шахты. Канатъ опять сталъ разматываться попрежнему; попрежнему былъ поданъ сигналъ снизу, а воротъ остановился. Но люди уже не отнимали рукъ отъ колеса. Каждый изъ нихъ былъ готовъ начать вертѣть ее въ обратную сторону и ждалъ

условленнаго знака. Наконецъ, послѣдовалъ сигналъ, и все кольцо зрителей, сдерживаемое цѣпью, подалось впередъ.

На этотъ разъ канатъ натянулся туже прежняго; рабочіе съ трудомъ ворочали колесо, а воротъ жалобно скрипѣлъ. Было почти невыносимо слѣдить за этой работой и думать, что веревка можетъ лопнуть. Но кольцо за кольцомъ благополучно наматывалось на валъ ворота; вотъ показались цѣпи и, наконецъ, висѣвшая на нихъ бадья съ двумя людьми по ея краямъ,—зрѣлище, отъ котораго кружилась голова и сжималось сердце. Они заботливо поддерживали бѣдное, изувѣченное человѣческое тѣло, все забинтованное и привязанное къ бадьѣ.

Глухой ропотъ сожалѣнія пронесся въ толпѣ. Женщины заплакали навзрыдъ, когда эту почти безформенную массу бережно вынули изъ спасительной желѣзной бадьи и положили на соломенную подстилку. Сначала къ пострадавшему приблизился только докторъ. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ уложить его удобнѣе; но самое лучшее, что можно было здѣсь придумать, это прикрыть раздробленные члены Стефена. Осторожно закутавъ его, врачъ подозвалъ къ нему Рэчель и Сэсси. Тутъ взорамъ зрителей представилось блѣдное изможденное лицо, терпѣливо обращенное къ небу и сломаная правая рука, лежавшая поверхъ накинутой на него одежды. Эта рука какъ будто ожидала прикосновенія другой, любящей руки.

Дѣвушки напоили Стефена, освѣжили водой его лицо и заставили его проглотить подкрѣпляющее лекарство съ виномъ. Хотя онъ лежалъ совершенно неподвижно, продолжая смотрѣть на небо, однако, улыбнулся и произнесъ: „Рэчель!“

Она опустилась возлѣ него на траву и нагнулась къ нему, такъ что ея лицо пришлось между взглядомъ Стефена и небомъ, потому что онъ не могъ повернуть глазъ въ сторону, чтобъ посмотрѣть на свою подругу.

— Рэчель, милая!

Она взяла его за руку. Онъ опять улыбнулся и сказалъ:

— Держи ее, не выпускай.

— Ты сильно страдаешь, мой дорогой Стефенъ?

— Я страдалъ, но теперь все прошло. Да, я мучился страшно, жестоко и долго, моя милая, но теперь все миновало. Ахъ, Рэчель, какое болото! Сначала до конца одно сплошное болото.

При этихъ словахъ, онъ на минуту сталъ похожъ на прежняго Стефена, но какъ бы въ призрачномъ видѣ.

— Этотъ колодезь, куда я упалъ, моя дорогая, еще на памяти стариковъ, оставшихся въ живыхъ, стоилъ жизни многимъ сотнямъ людей—отцовъ, сыновей, братьевъ, дорогихъ и близкихъ тысячамъ и тысячамъ человѣческихъ существъ, которыхъ они

защищали отъ нужды и голода. Въ этотъ колодцѣ отъ рудничнаго газа погибла народа больше чѣмъ въ самомъ кровопролитномъ сраженіи. Я читалъ когда-то петицію рудокоповъ, гдѣ они Христомъ Богомъ умоляютъ нашихъ законодателей не допускать, чтобы ихъ трудъ былъ убійственнымъ, умоляютъ пощадить ихъ ради женъ и дѣтей, которыхъ они любятъ такъ же горячо, какъ благородные люди своихъ. Когда эта копь находилась въ дѣйствіи, она убивала людей безъ надобности; когда ее забросили, она попрежнему продолжаетъ убивать народъ ни за что ни про что. Видишь, какъ мы погибаемъ задаромъ, если не черезъ одно, такъ черезъ другое... вязнемъ въ болотѣ... изо дня въ день!

Стефенъ высказывалъ это слабымъ голосомъ безъ всякаго гнѣва противъ кого бы то ни было, просто потому что это была правда.

— Вотъ хоть бы твоя сестренка, Рэчель, вѣдь, ты не забыла ея? Я увѣренъ, что ты не забудешь ея никогда, да и меня вмѣстѣ съ нею. Вспомни, моя бѣдная, терпѣливая страдалица, какъ ты трудилась для нея, а она цѣлыми днями сидѣла въ своемъ маленькомъ креслицѣ подъ твоимъ окномъ. Помнишь, какъ она умерла— такая маленькая и уже калѣка, умерла отъ нездороваго воздуха, который заражаетъ убогія жилища бѣдноты. Этому не слѣдовало быть! Но насъ засасываетъ болото! Намъ нѣтъ изъ него выхода!

Луиза приблизилась къ Стефену; однако, онъ не могъ ее видѣть, потому что лежалъ, обративъ лицо къ небу.

— Еслибъ все, что касается насъ, моя дорогая, не было осквернено болотомъ, я не имѣлъ бы надобности спѣшить сюда. Если бъ мы сами не увязли въ болотѣ, мои товарищи ткачи и другіе рабочіе не поступили бы со мною такъ несправедливо. Еслибъ мистеръ Баундерби зналъ меня лучше... еслибъ онъ зналъ меня хоть сколько нибудь, онъ не обидѣлся бы на меня тогда. Онъ не сталъ бы подозрѣвать меня потомъ въ дурномъ дѣлѣ... Но взгляни-ка туда, Рэчель! Взгляни вверхъ.

Слѣдуя за направленіемъ его взгляда, Рэчель увидала, что Стефенъ смотрѣлъ на одну звѣзду.

— Она сіяла надо мною,—благоговѣйно промолвилъ онъ,— сіяла въ моей скорби и отчаяніи, тамъ внизу. Ея свѣтъ проникъ мнѣ въ душу. Я смотрѣлъ на звѣзду и думалъ о тебѣ, Рэчель, смотрѣлъ и думалъ, пока болото въ моей душѣ начало какъ будто очищаться. Если люди плохо понимали меня, такъ, вѣдь, и я не понималъ ихъ хорошенько. Получивъ твое письмо, я сейчасъ подумалъ, что молодая леди и ея братъ приходили тогда ко мнѣ не спроста, что у нихъ было недоброе на умѣ. Когда я свалился въ колодезь, то былъ въ большомъ гнѣвѣ на нее; я былъ такъ же несправедливъ къ ней, какъ другіе были несправедливы ко мнѣ. Но мы должны быть осмотрительны въ нашихъ сужденіяхъ и поступ-

кахъ; мы должны терпѣливо переносить свои испытанія и быть снисходительными къ ближнимъ. Въ моемъ отчаяніи и скорби я поднялъ глаза, увидалъ надъ собою эту сіяющую звѣзду, и въ головѣ у меня какъ будто прояснѣло. Моя предсмертная молитва заключается въ томъ, чтобы всѣ люди на свѣтѣ сблизились между собою больше и научились лучше понимать другъ друга, чѣмъ тогда, когда я еще жилъ на землѣ слабымъ и грѣшнымъ человѣкомъ.

При этихъ словахъ Луиза наклонилась надъ нимъ съ другой стороны, ставъ на колѣни противъ Рэчели, чтобъ онъ могъ ее видѣть.

— Вы слышали?—спросилъ Стефенъ, немного помолчавъ.—Я не забылъ васъ, леди.

— Да, Стефенъ, я слышала и присоединяюсь къ вашей молитвѣ.

— У васъ есть отецъ. Согласны ли вы передать ему кое-что отъ меня?

— Онъ здѣсь,—со страхомъ отвѣчала Луиза.—Не хотите ли, я приведу его къ вамъ?

— Пожалуйста.

Луиза вернулась съ отцомъ. Стоя рядомъ, рука объ руку, оба они смотрѣли внизъ на измученное лицо съ торжественнымъ выраженіемъ покоя въ чертахъ.

— Сэръ, вы оправдаете меня передъ людьми и возстановите мое доброе имя. Это я завѣщаю вамъ.

Взволнованный мистеръ Гредграйндъ спросилъ, какъ же ему взяться за это?

— Сэръ,—послѣдовалъ отвѣтъ,—вашъ сынъ научитъ васъ. Спросите у него. Я никого не обвиняю, не говорю никому ни слова упрека. Мы видѣлись и разговаривали съ вашимъ сыномъ однажды вечеромъ. Я ничего не требую отъ васъ кромѣ того, чтобъ вы оправдали меня...И я вѣрю, что вы это сдѣлаете.

Носильщики были уже готовы поднять Стефена, а врачъ настаивалъ, чтобъ его перенесли, какъ можно скорѣе; поэтому люди съ факелами и фонарями встали впереди, чтобъ освѣщать дорогу. Прежде чѣмъ изувѣченнаго подняли и пока собирались въ путь, онъ сказалъ Рэчели, посматривая кверху на звѣзду:

— Часто, когда я приходилъ въ себя и видѣлъ, какъ она сіяетъ надо мною въ моемъ отчаяніи, я думалъ, что эта самая звѣзда указываетъ путь къ жилищу нашего Спасителя. Должно быть, такъ оно и есть.

Носилки подняли, и Стефенъ былъ ужасно радъ, что его собирались нести, именно, по тому направленію, куда какъ будто указывала его путеводная звѣзда.

— Рэчель, моя любимая! Не выпускай моей руки. Сегодня вечеромъ мы можемъ идти вмѣстѣ, моя дорогая.

— Я стану держать тебя за руку и пойду съ тобою рядомъ, Стефенъ, всю дорогу.

— Господь да благословитъ тебя! Будьте добры, закройте кто нибудь мнѣ лицо.

И его осторожно понесли по полямъ и проселкамъ на широкомъ раздольѣ; Рэчель не выпускала его руки изъ своихъ. Только тихій шепотъ нарушалъ грустное молчаніе. Вскорѣ скорбное шествіе превратилось въ погребальное. Звѣзда указала Стефену путь къ Богу угнетенныхъ и страждущихъ. И пройдя путемъ униженій, горя и прощенія, этотъ несчастный достигъ, наконецъ, покоя на лонѣ своего искупителя.

VII. Ловля олуха.

Прежде чѣмъ распалось кольцо любопытныхъ, обступившихъ Чертовъ Колодезь, одинъ изъ присутствующихъ скрылся неизвѣстно куда. Мистеръ Баундерби и его тѣнь избѣгали Луизы, стоявшей подъ руку съ отцомъ, и тщательно сторонились отъ нихъ обоихъ. Когда мистера Гредграйнда позвали къ Стефену, Сэсси, внимательно наблюдавшая за всѣмъ происходившимъ, подкралась сзади къ этой злополучной тѣни съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ,—какъ будто бы кто могъ обращать на него вниманіе въ такую минуту,— и шепнула ему что-то на ухо. Не оборачиваясь назадъ, онъ поговорилъ съ нею нѣсколько минутъ и затѣмъ исчезъ. Такимъ образомъ олухъ вышелъ изъ круга раньше, чѣмъ народъ двинулся въ путь.

По возвращеніи домой мистеръ Гредграйндъ написалъ мистеру Баундерби, что желаетъ немедленно видѣть своего сына и проситъ отправить его въ Стонъ-Лоджъ. Мистеръ Баундерби отвѣтилъ, что потерялъ Тома въ толпѣ и думалъ, что онъ отправился къ отцу, такъ какъ его до сихъ поръ нѣтъ дома.

— Я полагаю, отецъ,—сказала Луиза, что Томъ не вернется сегодня вечеромъ въ Коктоунъ.

Мистеръ Гредграйндъ вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова.

Поутру онъ самъ отправился въ банкъ тотчасъ послѣ его открытія и, видя, что мѣсто его сына не занято (у отца не сразу хватило духа заглянуть въ то отдѣленіе) пошелъ обратно въ надеждѣ встрѣтить дорогой мистера Баундерби. Когда они сошлись, мистеръ Гредграйндъ сказалъ зятю, что по причинамъ, которыя объяснитъ послѣ и о которыхъ проситъ пока не разспрашивать, онъ нашелъ нужнымъ дать своему сыну одно порученіе, которое задержитъ его нѣкоторое время въ отлучкѣ. Онъ сообщилъ также и о томъ, что взялъ на себя обязанность очистить отъ всякаго нареканія память Стефена Блэкпуля и указать настоящаго вора. Совершенно сбитый съ толку, мистеръ Баундерби остался стоять

на улицѣ послѣ того, какъ тесть простился съ нимъ и пошелъ своей дорогою. Банкиръ не могъ сразу двинуться съ мѣста, раздуваясь на подобіе гигантскаго мыльнаго пузыря, лишенный, однако, его красоты.

Между тѣмъ мистеръ Гредграйндъ, вернувшись домой, заперся у себя въ кабинетѣ и просидѣлъ тамъ весь день. Когда Сэсси и Луиза постучались къ нему въ дверь, онъ сказалъ, не отворяя:

— Не теперь, мои дорогія; погодите до вечера.

Когда онѣ вернулись вечеромъ, то получили отвѣтъ:

— Я еще не въ силахъ... До завтра.

Онъ цѣлый день ничего не ѣлъ, не спрашивалъ огня когда стемнѣло, и было слышно, какъ онъ до поздней ночи шагалъ взадъ и впередъ по кабинету.

Тѣмъ не менѣе, на другое утро мистеръ Гредграйндъ вышелъ къ завтраку въ обычный часъ и занялъ свое обычное мѣсто за столомъ. Замѣтно постарѣвшій, сгорбившійся и совсѣмъ пришибленный горемъ, онъ, несмотря на это, казался лучшимъ и болѣе мудрымъ человѣкомъ, чѣмъ въ тѣ дни, когда не признавалъ въ человѣческой жизни ничего, кромѣ фактовъ. Передъ выходомъ изъ столовой онъ назначилъ Луизѣ и Сэсси время, когда онѣ должны придти къ нему, послѣ чего удалился, поникнувъ сѣдою головою.

— Дорогой отецъ,—сказала Луиза, когда обѣ онѣ явились къ нему въ назначенный часъ,—у тебя остается еще трое младшихъ дѣтей. Они не пойдутъ по стопамъ старшихъ, да и я сама измѣнюсь съ Божьей помощью.

Она протянула Сэсси руку, точно давая понять, что разсчитываетъ также и на ея подержку.

— Твой несчастный братъ... — заговорилъ мистеръ Гредграйндъ, — какъ по твоему, онъ уже задумалъ тогда совершить кражу, когда пошелъ съ тобою на квартиру Стефена?

— Боюсь, что такъ отецъ. Мнѣ извѣстно, что ему требовалось очень много денегъ; онъ проматывалъ крупныя суммы.

— Тотъ бѣдняга долженъ былъ покинуть городъ, и нашему Тому пришла въ голову подлая мысль бросить на него подозрѣніе, не такъ ли?

— Я думаю, отецъ, она мелькнула у него, когда мы сидѣли тамъ. Вѣдь, это я просила его проводить меня къ Блэкпулю; не онъ вздумалъ провѣдать несчастнаго.

— Томъ, вѣроятно, разговаривалъ съ нимъ? Не отводилъ ли онъ его въ сторону?

— Онъ увелъ Стефена изъ комнаты. Я спрашивала его послѣ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, и братъ привелъ какую-то правдоподобную отговорку; но со вчерашняго вечера, отецъ, и припомнивъ теперь всѣ обстоятельства, я, кажется, безошибочно догадываюсь о томъ, что произошло между ними тогда.

— Посмотримъ, — сказалъ мистеръ Гредграйндъ, — такъ же ли мрачны твои опасенія относительно преступнаго брата, какъ и мои.

— Я боюсь отецъ, — нерѣшительно начала Луиза, — что Томъ сдѣлалъ Стефену Блэкпулю какое нибудь предложеніе — пожалуй, отъ моего имени, пожалуй, отъ своего собственнаго — предложеніе, заставившее этого несчастнаго поступить въ простотѣ души опрометчиво, а именно дожидаться чего то, бродя около банка два-три вечера подъ-рядъ передъ своимъ удаленіемъ изъ города. Раньше Стефенъ никогда не дѣлалъ этого.

— Слишкомъ ясно!—отвѣчалъ отецъ.—Слишкомъ ясно!

Заслонивъ лицо рукою, онъ посидѣлъ съ минуту молча, но потомъ оправился и спросилъ.

— Какъ же теперь его найти? Какъ укрыть отъ правосудія? Въ тѣ немногіе часы, на которые я могу отсрочить обнародованіе истины, какія мѣры можемъ мы принять, чтобъ Томъ попался намъ въ руки, помимо полицейскихъ властей? Этого не устроишь и за десять тысячъ фунтовъ.

— Сэсси уже устроила это, отецъ.

Мистеръ Гредграйндъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояла его воспитанница, подобно доброй феѣ его дома, и сказалъ тономъ умиленной благодарности и мягкой доброты:

— Вездѣ и всегда ты, дитя мое.

— Мы не со вчерашняго дня боялись за него, — заговорила Сэсси, переглянувшись съ Луизой; и когда я увидала, что васъ подвели къ носилкамъ умирающаго и услышала слова Стефена Блэкпуля (вѣдь, я не отходила все время ни на шагъ отъ Рэчель), то подошла къ мистеру Тому, не замѣченная никѣмъ, и сказала ему: — „Не оглядывайтесь на меня. Видите, гдѣ стоитъ вашъ отецъ? Спасайтесь, не теряя ни минуты, ради него и ради васъ самихъ!“ — Его ужъ и раньше трясло отъ страха; когда же онъ услышалъ мой шепотъ, то вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, испугался больше прежняго и произнесъ: — „Куда я дѣнусь? Денегъ у меня очень мало, и я не знаю, кто согласится спрятать меня“. — Тутъ мнѣ пришелъ въ голову странствующій циркъ, въ которомъ служилъ когда то мой отецъ. Я не позабыла, въ какія мѣста направлялся мистеръ Слири въ эту пору года, и его объявленіе только что наканунѣ попалось мнѣ въ газетѣ. Я посовѣтовала мистеру Тому спѣшить туда, назвать свое имя хозяину цирка и просить у него тайнаго убѣжища до моего пріѣзда. — „Я буду тамъ раньше, чѣмъ наступитъ утро“, — сказалъ мистеръ Томъ. — И я видѣла, какъ онъ пробирался въ толпѣ.

— Благодареніе Богу! — воскликнулъ его отецъ. — Пожалуй, намъ еще удастся отправить его заграницу.

На это было тѣмъ легче разсчитывать, что городъ, въ который

Сэсси направила Тома, лежалъ въ трехъ часахъ отъ Ливерпуля, откуда бѣглецъ могъ быстро отплыть въ любую часть свѣта. Однако, сообщеніе съ нимъ требовало большихъ предосторожностей, потому что теперь ему грозила серьезная опасность каждую минуту навлечь на себя подозрѣніе; и никто не могъ поручиться за то, что самъ мистеръ Баундерби въ избыткѣ гражданской доблести не разыграетъ, со свойственнымъ ему бахвальствомъ, роль неподкупнаго римлянина. Поэтому было условлено, что Сэсси и Луиза поѣдутъ въ означенный городъ окольной дорогой, а несчастный отецъ отправится въ противоположную сторону и прибудетъ къ тому же пункту инымъ, болѣе дальнимъ и кружнымъ путемъ. Кромѣ того, они рѣшили, что мистеру Гредграйнду не слѣдуетъ являться прямо къ мистеру Слири во избѣжаніе того, чтобъ его намѣренія не были истолкованы неправильно или чтобъ новость о пріѣздѣ отца не заставила Тома снова обратиться въ бѣгство. Сэсси и Луиза должны были первыя начать переговоры: объяснить виновнику этого бѣдствія и позора причину своего прибытія и подготовить его къ встрѣчѣ съ отцомъ. Когда этотъ планъ обсудили во всѣхъ подробностяхъ, и всѣ три участника достаточно вникли въ каждую мелочь, наступило время приняться за его выполненіе. Едва день склонился къ вечеру, какъ мистеръ Гредграйндъ прямо изъ дома пошелъ пѣшкомъ за городъ до той линіи желѣзной дороги, по которой ему предстояло ѣхать, а нѣсколько часовъ спустя Сэсси и Луиза укатила съ поѣзда въ противоположную сторону, ободренныя тѣмъ, что на вокзалѣ имъ не попалось ни одного знакомаго лица.

Онѣ ѣхали всю ночь напролетъ, если не считать остановокъ для пересадки на узловыхъ станціяхъ, гдѣ приходилось то лѣзть кверху по безконечному числу ступеней, то спускаться въ колодцы, что составляло единственное различіе между желѣзнодорожными развѣтвленіями. Наконецъ, рано поутру путешественницъ высадили на болотѣ въ милѣ или двухъ отъ городка, составлявшаго цѣль ихъ поѣздки. Изъ такого критическаго положенія ихъ вывелъ какой-то старикъ почтальонъ дикаго вида, который поднялся въ тотъ день спозаранку и ѣхалъ мимо въ кабріолетѣ. Этимъ способомъ пріѣзжія были секретно доставлены въ городокъ по задворкамъ, гдѣ жили свиньи; такой въѣздъ въ городскія предѣлы, не ласкавшій ни зрѣнія, ни обонянія былъ обычнымъ доступомъ въ эту трущобу.

Первое, что бросилось имъ въ глаза по прибытіи, былъ ободранный остовъ цирка Слири. Труппа перекочевала уже въ другой городокъ, болѣе, чѣмъ за двадцать миль оттуда, гдѣ наканунѣ вечеромъ открыла свои представленія. Единственнымъ путемъ сообщенія между этими мѣстечками служила холмистая дорога съ заставами, ѣзда по которой совершалась крайне медленно. Хотя

путешественницы только наскоро позавтракали и не успѣли отдохнуть (впрочемъ, при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ объ отдыхѣ не могло быть и рѣчи), однако, наступилъ уже полдень прежде, чѣмъ имъ стали попадаться афиши цирка Слири на овинахъ и заборахъ, и пробило часъ, когда онѣ остановились на базарной площади, гдѣ стоялъ балаганъ.

Въ ту минуту, когда пріѣзжія сошли на мостовую, зазвонилъ колокольчикъ, возвѣщавшій о началѣ большого утренняго представленія. Во избѣжаніе разспросовъ и риска возбудить любопытство въ городѣ, Сэсси посовѣтовала взять входные билеты въ кассѣ. Если мистеръ Слири продавалъ ихъ самъ, то онъ, конечно, узнаетъ ее и будетъ дѣйствовать осторожно. Если же его не окажется у входа, то онъ увидитъ ихъ въ циркѣ и такъ же осторожно сообщитъ имъ вѣсти о бѣглецѣ.

Сильно взволнованныя, товарки подошли къ знакомому имъ балагану. Флагъ съ надписью „Циркъ Слири" попрежнему развѣвался надъ крышей; касса въ видѣ ниши готическаго стиля также красовалась на обычномъ мѣстѣ, однако, мистера Слири тамъ не было. Мастеръ Киддерминстеръ, достигшій слишкомъ зрѣлаго возраста для того, чтобы самая первобытная довѣрчивость могла еще принимать его за купидона, былъ принужденъ уступить неодолимой силѣ обстоятельствъ (а также своей бородѣ) и, сдѣлавшись для цирка тѣмъ, что называется „малый на всѣ руки", возсѣдалъ въ данномъ случаѣ за выручкой, имѣя въ запасѣ барабанъ, съ цѣлью коротать свои досуги и находить исходъ для избытка своихъ физическихъ силъ. Зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы не получить за билетъ фальшивой монеты, мастеръ Киддерминстеръ, какъ его теперь величали, не видѣлъ ничего, кромѣ денегъ, и Сэсси прошла мимо него неузнанной вмѣстѣ съ Луизой.

Японскій императоръ, стоя на старой смирной бѣлой кобылѣ въ черныхъ намалеванныхъ яблокахъ, вертѣлъ на палочкѣ одновременно пять умывальныхъ тазовъ — любимое развлеченіе этого монарха, какъ всѣмъ извѣстно. Сэсси, хотя хорошо знакомая съ его генеалогическимъ древомъ, не знала, однако, лично теперешняго императора, и его царствованіе прошло для нея очень мирно. Послѣ этого нумера должна была появиться миссъ Джозефина Слири въ конномъ представленіи „Тирольская пантомима цвѣтовъ". Ея выходъ былъ возвѣщенъ новымъ клоуномъ; онъ съ большимъ юморомъ брякнулъ: „Пантомима цвѣтной капусты". И вслѣдъ затѣмъ показался мистеръ Слири, который вывелъ артистку на арену.

Едва успѣлъ хозяинъ дать клоуну щелчка своимъ длиннымъ бичомъ, а клоунъ едва успѣлъ крикнуть: — „Если ты сдѣлаешь это опять, я швырну въ тебя лошадью", — какъ Сэсси была узнана отцомъ и дочерью. Однако же, они провели свою пантомиму съ

большимъ самообладаніемъ и, не считая перваго момента, подвижной глазъ мистера Слири выдавалъ такъ же мало его волненіе, какъ и стоячій. Правда, Луизѣ и Сэсси конное упражнніе показалось немножко растянутымъ, особенно когда оно было прервано на время небольшимъ антрактомъ съ спеціальной цѣлью доставить клоуну случай задать мистеру Слири (который говорилъ: — „вотъ какъ, сэръ!“ — на всѣ его замѣчанія самымъ невозмутимымъ тономъ, окидывая взглядомъ публику) загадку о томъ, какъ двѣ ноги сидѣли на трехъ ногахъ и смотрѣли на одну ногу, когда пришли четыре ноги и схватили одну ногу, а двѣ ноги вскочили, схватили три ноги и швырнули ихъ въ четыре ноги, которыя убѣжали съ одной ногой. Эта остроумная аллегорія, относившаяся къ мяснику, трехногому табурету, къ собакѣ и бараньему окороку, хотя была не лишена занимательности, но, однако жъ, заняла порядочно много времени, и несчастныя путешественницы сидѣли, какъ на горячихъ угольяхъ. Наконецъ, маленькая бѣлокурая Джозефина, блестяще закончивъ свой нумеръ, сдѣлала публикѣ реверансъ подъ громъ аплодисментовъ, а клоунъ, оставшись одинъ на аренѣ, разошелся во всю и сказалъ: — „Ну, пришла теперь моя очередь“. Тутъ кто-то тронулъ Сэсси за плечо и поманилъ ее къ себѣ.

Она взяла съ собою Луизу, и обѣ онѣ были приняты мистеромъ Слири въ очень тѣсномъ отдѣльномъ помѣщеніи съ парусинными стѣнами, голой землей вмѣсто пола и покатымъ деревяннымъ потолкомъ, по которому публика въ ложахъ стучала каблуками въ видѣ одобренія, точно хотѣла проломить его насквозь.

— Сесилія, — сказалъ мистеръ Слири, стоявшій со стаканомъ пунша въ рукахъ, — мнѣ пріятно тебя видѣть. Ты всегда была нашей любимицей и, конечно, оправдала впослѣдствіи наше довѣріе, сдѣлала намъ честь. Ты должна повидаться съ труппой, моя милая, прежде чѣмъ мы начнемъ толковать о дѣлѣ, иначе ты кровно обидишь всѣхъ нашихъ, особенно женщинъ. Джозефина моя теперь замужемъ, она вышла за Чайльдерса, и у нея уже есть сынокъ. Хотя ему всего три года, но онъ отлично держится на любомъ пони. На афишахъ мы величаемъ его „маленькимъ чудомъ схоластической верховой ѣзды“, и если ты не услышишь со временемъ объ этомъ мальчикѣ въ циркѣ Астлея, то услышишь о немъ въ Парижѣ. А помнишь Киддерминстера? Еще всѣ подмѣчали, будто бы онъ неравнодушенъ къ тебѣ. Ну, такъ вотъ, онъ тоже вступилъ въ бракъ. Женился на вдовѣ. По годамъ она годится ему въ матери. Сначала она плясала на канатѣ, а теперь бросила совсѣмъ работать въ циркѣ, потому что сильно растолстѣла. У нихъ тоже двое дѣтей, такъ что у насъ теперь полный комплектъ маленькихъ артистовъ для феерій и дѣтскихъ спектаклей. Еслибъ ты видѣла, какъ у насъ поставлены „Дѣти въ лѣсу!“ Представь себѣ: отецъ и мать умираютъ — разумѣется, верхомъ; дядя тоже вер-

хомъ беретъ дѣтей на воспитаніе; потомъ они ѣдутъ верхомъ собирать чернику, а домовой является также на лошади, чтобъ засыпать ихъ листьями. Право, еслибъ ты хоть разъ увидѣла это представленіе, то сказала бы, что ничего лучшаго не можетъ быть на свѣтѣ! Ну, а помнишь Эмму Гордонъ, которая была для тебя второй матерью? Конечно, помнишь, нечего и спрашивать! Такъ вотъ эта Эмма овдовѣла. Ея мужъ упалъ навзничъ со слона; онъ, видишь ли, изображалъ индѣйскаго раджу и сидѣлъ на слонѣ въ такой бесѣдочкѣ въ родѣ пагоды, ну и расшибся, хватившись спиной о барьеръ. Такъ ужъ и не могъ послѣ того поправиться. А его вдова вышла вторично замужъ за торговца сыромъ, который увидалъ ее въ циркѣ и влюбился. Онъ состоитъ попечителемъ бѣдныхъ и сколачиваетъ себѣ состояніе.

Объ этихъ различныхъ перемѣнахъ въ труппѣ мистеръ Слири, страдавшій теперь сильною одышкой, сообщалъ съ большою сердечностью и удивительнымъ простодушіемъ для такого подслѣповатаго стараго ветерана съ его привычкой къ грогу. Подѣлившись съ Сэсси Джюпъ своими новостями, онъ привелъ къ ней Джозефину, и Чайльдерса (у котораго выступали уже довольно глубокія морщины вокругъ рта при дневномъ свѣтѣ) и „маленькое чудо схоластической верховой ѣзды,“ — однимъ словомъ, всю свою труппу. То были презабавныя существа въ глазахъ Луизы: такія размалеванныя, въ такихъ куцыхъ одѣяніяхъ и такъ безцеремонно выставлявшія напоказъ свои икры. Но было очень пріятно видѣть, какъ они окружили Сэсси, и было естественно со стороны дочери клоуна, что она не могла удержаться отъ слезъ.

— Ну, вотъ и хорошо! Теперь Сесилія перецѣловала всѣхъ дѣтей, обняла всѣхъ женщинъ и пожала руки всѣмъ мужчинамъ. Ступайте же, господа, по мѣстамъ. Пора подавать звонокъ для сбора труппы ко второму отдѣленію!

Такъ говорилъ Слири, и когда артисты удалились, онъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Сесилія, я не допытываюсь ни о чемъ; мнѣ нѣтъ дѣла до чужихъ тайнъ, но, если не ошибаюсь, вѣдь, это миссъ сквайръ?

— Да, это его сестра.

— И дочь того, другого?... Ну, я такъ и думалъ. Надѣюсь, вы въ добромъ здоровьѣ, миссъ? Надѣюсь, что сквайру живется благополучно?

— Отецъ мой скоро будетъ здѣсь,—отвѣчала Луиза, которой нетерпѣливо хотѣлось поскорѣе приступить къ дѣлу. А что мой братъ?

— Здравъ и невредимъ,—отвѣчалъ хозяинъ цирка. Мнѣ нужно, чтобъ вы заглянули на арену, миссъ; вотъ отсюда, въ щелку. Сесилія, вѣдь, ты умѣешь подглядывать. Найди себѣ отверстіе въ переборкѣ.

И они всѣ трое припали глазомъ къ щели между досками.

— Теперь у насъ идетъ „Джекъ—истребитель великановъ", комическая пантомина для дѣтей, сообщилъ Слири. Тамъ—какъ видите, — стоитъ загородный домъ, гдѣ скрывается Джекъ. Тутъ передъ вами мой клоунъ съ крышкой отъ кастрюли и вертеломъ въ рукахъ; онъ изображаетъ слугу Джека. А вотъ и самъ малютка Джекъ въ великолѣпномъ вооруженіи. Кромѣ нихъ на аренѣ два арапа комическаго вида въ лакейской ливреѣ, ростомъ вдвое выше жилища героя. Они обязаны стоять возлѣ него во время представленія, приносить и уносить это зданіе прочь. А великанъ—онъ стоитъ мнѣ большихъ денегъ—еще не показывался. Ну, что, всѣхъ разглядѣли?

— Да,—отвѣчали Сэсси и Луиза.

— Посмотрите-ка еще,—промолвилъ хозяинъ цирка, да хорошенько. Ну, всѣхъ видѣли? Отлично. Теперь послушайте, миссъ...— Онъ подвинулъ своимъ посѣтительницамъ скамейку и усадилъ ихъ.—У меня свои мнѣнія,—продолжалъ мистеръ Слири, а у почтеннаго сквайра, вашего батюшки, свои. Мнѣ нѣтъ надобности знать, въ чемъ провинился вашъ братецъ; даже будетъ лучше, если я не узнаю этого. Скажу только одно: сквайръ пріютилъ Сесилію, онъ помогъ ей, а я помогу сквайру. Одинъ изъ тѣхъ араповъ въ ливреѣ—вашъ братъ.

У Луизы вырвался возгласъ не то отчаянія, не то удовольствія.

— Это фактъ,—подтвердилъ Слири,—но даже зная, что братъ вашъ находится передъ вами, вы не отличите его среди другихъ. Пускай пожалуетъ сквайръ. Я удержу молодого человѣка здѣсь послѣ представленія и не сниму съ него костюма, не смою даже гриммировки. Проведите сюда сквайра или приходите сами, когда циркъ опустѣетъ; тутъ вы найдете своего брата, и никто не помѣшаетъ вамъ наговориться съ нимъ досыта: весь балаганъ будетъ къ вашимъ услугамъ. Не обращайте вниманія на такіе пустяки, какъ гриммировка,—благо никто не узнаетъ подъ нею бѣглеца.

Луиза, съ облегченнымъ сердцемъ, осыпала мистера Слири изъявленіями благодарности и не стала задерживать его долѣе. Она послала Тому свой привѣтъ, полный любви, при чемъ у ней навернулись слезы, и ушла въ сопровожденіи Сэсси изъ цирка, чтобъ вернуться туда позднѣе.

Часъ спустя прибылъ и мистеръ Гредграйндъ. Онъ также не встрѣтилъ дорогой никого знакомыхъ и, воспрянувъ духомъ, надѣялся теперь переправить при содѣйствіи Слири своего обезславленнаго сына въ Ливерпуль съ наступленіемъ ночи. Такъ какъ никто изъ нихъ троихъ не могъ сопутствовать бѣглецу безъ риска выдать его головою даже переодѣтымъ, то отецъ заготовилъ

письмо къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, на котораго могъ положиться, умоляя его отправить подателя этого посланія, во что-бы то ни стало, на пароходъ въ Сѣверную или Южную Америку, или въ иную отдаленную часть свѣта, куда онъ могъ бы отплыть изъ Ливерпуля безъ всякихъ проволочекъ и безъ малѣйшей огласки.

Покончивъ съ этимъ, пріѣзжіе пошли бродить по близости балагана въ ожиданіи, пока циркъ покинутъ не только зрители, но и труппа съ дрессированными лошадьми. Наконецъ, спустя довольно долгое время, они увидали мистера Слири, который вынесъ стулъ и усѣлся покурить у бокового входа, точно подавая тѣмъ знакъ, что мистеръ Гредграйндъ и его дамы могутъ приблизиться.

— Къ вашимъ услугамъ, сквайръ,—послышалось его осторожное привѣствіе, когда они подошли. Если я понадоблюсь вамъ, то вы найдете меня тутъ. Не смущайтесь тѣмъ, что на вашемъ сынѣ комическій костюмъ.

Они вошли, и мистеръ Гредграйндъ, съ растеряннымъ видомъ, сѣлъ посреди арены на стулъ, служившій клоуну для фокусовъ во время представленія. На одной изъ заднихъ скамеекъ, казавшейся еще дальше въ сумракѣ этого страннаго помѣщенія, сидѣлъ, мрачнѣе тучи, тотъ жалкій негодяй, котораго почтенный членъ парламента имѣлъ несчастіе называть своимъ сыномъ.

Въ нелѣпомъ кафтанѣ, на подобіе педеля, съ невѣроятно-огромными обшлагами и лацканами, въ длиннѣйшемъ жилетѣ, брюкахъ до колѣнъ, въ башмакахъ съ пряжками и дурацкой трехуголкѣ Томъ имѣлъ самый плачевный видъ. Каждая принадлежность шутовскаго костюма была ему не впору; все это было сдѣлано изъ самаго грубаго матеріала, источено молью, продырявлено; его черное лицо бороздили бѣлыя полосы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жирный составъ былъ смытъ струйками пота, проступавшаго у Тома отъ страха и страшной жары во время представленія. Еслибъ мистеръ Гредграйндъ не видѣлъ этого собственными глазами, то никогда не повѣрилъ бы, что можетъ существовать что нибудь настолько отталкивающее, противное и постыдно-пошлое, какъ его олухъ въ шутовскомъ одѣяніи. Между тѣмъ фактъ, непреложный и осязаемый, былъ передъ нимъ на лицо. Вотъ до чего дошло одно изъ его образцовыхъ дѣтищъ!

Сначала Томъ ни за что не соглашался придвинуться ближе и упорно сидѣлъ въ одиночествѣ. Однако, уступивъ, наконецъ, упрашиваніямъ Сэсси,—потому что Луизу онъ совсѣмъ не хотѣлъ знать,—юноша сталъ нехотя спускаться со скамейки на скамейку, пока не ступилъ ногами въ древесныя опилки на краю арены какъ можно дальше отъ того мѣсто, гдѣ сидѣлъ его отецъ.

— Какъ это произошло?—спросилъ тотъ.

— Какъ произошло что?—угрюмо повторилъ сынъ.

— Кража,—сказалъ отецъ, повысивъ голосъ на этомъ словѣ.

— Я собственноручно взломалъ кассу съ вечера, а, уходя изъ конторы, оставилъ ее полуотворенной; ключъ, найденный возлѣ банка, былъ заказанъ мною задолго до того. На другое утро я бросилъ его на улицѣ въ видѣ доказательства, что наружная дверь была отперта поддѣланнымъ ключемъ. Деньги я бралъ не сразу, а по частямъ, говоря что хожу въ контору каждый вечеръ подводить балансъ. Но это былъ только отводъ глазъ. Теперь тебѣ все извѣстно.

— Еслибъ меня поразило громомъ,—сказалъ отецъ, я и тогда не былъ бы такъ ошеломленъ.

— Рѣшительно не вижу, почему,—проворчалъ сынъ.—На извѣстное количество людей, занимающихъ довѣренныя должности, всегда приходится извѣстный процентъ злоупотребляющихъ довѣріемъ. Я сто разъ слышалъ отъ тебя, что таковъ законъ статистики. Развѣ я могу идти противъ законовъ? Ты всегда утѣшалъ другихъ подобными выводами, отецъ! Теперь утѣшайся самъ.

Отецъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками, а сынъ стоялъ передъ нимъ въ своемъ шутовскомъ нарядѣ, покусывая соломинку: его руки, съ которыхъ частью слиняла черная краска на ладоняхъ, казались совсѣмъ обезьяньими. Вечеръ подходилъ уже къ концу; и отъ времени до времени Томъ вращалъ бѣлками, безпокойно и нетерпѣливо поглядывая на отца. Только одни глаза на его густо размалеванномъ лицѣ сохраняли еще кой-какую жизнь и выраженіе.

— Теперь ты отправишься въ Ливерпуль, а оттуда прямо заграницу.

— Да, кажется, мнѣ не остается ничего иного. Впрочемъ,— захныкалъ олухъ,—не все ли равно? Врядъ ли, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ мнѣ будетъ хуже здѣшняго съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню. Вотъ все, что я могу сказать.

Мистеръ Гредграйндъ подошелъ къ дверямъ и вернулся въ сопровожденіи Слири, которому предоставилъ рѣшить вопросъ, какимъ образомъ сбыть съ рукъ плачевнаго субъекта.

— Да я уже все обдумалъ, сквайръ. Времени терять нельзя, такъ что вы должны сейчасъ рѣшить, согласны-ли послѣдовать моему совѣту. До желѣзной дороги отсюда свыше двадцати миль. Черезъ полчаса тронется дилижансъ, который ходитъ на станцію къ почтовому поѣзду. Съ этимъ поѣздомъ вашъ сынъ доѣдетъ прямехонько до Ливерпуля.

— Но взгляните на него,—простоналъ Гредграйндъ. Развѣ какой нибудь дилижансъ...

— У меня вовсе не было на умѣ отправлять его въ такомъ шутовскомъ видѣ,—подхватилъ Слири.—Скажите одно слово, и че-

резъ пять минутъ я превращу его въ Джоскина въ своей костюмерной.

— Я васъ не понимаю,—возразилъ мистеръ Гредграйндъ.

— Джоскинъ значитъ ломовой извозчикъ. Рѣшайтесь скорѣе, сквайръ. Вѣдь, надо еще сбѣгать за пивомъ. Ничто не смываетъ такъ быстро черной краски съ лица, какъ пиво.

Мистеръ Гредграйндъ поспѣшно согласился; мистеръ Слири проворно вытащилъ изъ чемодана блузу, войлочную шляпу и другія принадлежности извозчичьей одежды; олухъ проворно передѣлся за ширмами, обтянутыми байкой; мистеръ Слири сбѣгалъ за пивомъ и отмылъ до бѣла своего арапа.

— Теперь пойдемте къ дилижансу,—сказалъ онъ ему,—а тамъ прыгайте живѣе на заднее мѣсто; я отведу васъ туда, и содержатель почтовыхъ каретъ подумаетъ, что вы одинъ изъ моихъ служащихъ. Прощайтесь съ родными, и съ Богомъ въ путь.

Съ этими словами мистеръ Слири деликатно удалился.

— Вотъ тебѣ письмо,—сказалъ мистеръ Гредграйндъ.—Тебя снабдятъ всѣми необходимыми средствами. Постарайся раскаяніемъ и исправленіемъ искупить свой гнусный поступокъ съ его ужасными послѣдствіями. Дай мнѣ руку, мой бѣдный мальчикъ, и да проститъ тебѣ Богъ, какъ я прощаю тебя.

Слова и взволнованный голосъ отца растрогали виновнаго, такъ что онъ даже прослезился. Но когда Луиза хотѣла обнять его, онъ оттолкнулъ ее прочь.

— Убирайся! Я не нуждаюсь въ твоемъ прощаньѣ!

— О, Томъ, Томъ! Неужели мы разстанемся съ тобою такимъ образомъ послѣ всей моей любви къ тебѣ?

— Послѣ всей твоей любви!—съ ожесточеніемъ подхватилъ онъ.—Хороша любовь! Ты предоставила старикашку Баундерби самому себѣ; прогнала прочь моего лучшаго друга мистера Гартхауза и ушла къ отцу какъ разъ въ то время, когда я очутился въ самыхъ страшныхъ тискахъ. Ай да любовь, нечего сказать! Ты разсказала слово въ слово про то, какъ мы ходили къ Блэкпулю, хотя ясно видѣла, что это затягиваетъ мнѣ петлю на шеѣ. Какая тутъ любовь, когда ты выдала меня головой? Нѣтъ, ты никогда не питала ко мнѣ привязанности.

— Скорѣе, скорѣе!—торопилъ Слири съ порога.

Всѣ двинулись къ выходу, сбившись въ кучу. Луиза кричала брату, что прощаетъ его и любитъ, несмотря на обиду, и что настанетъ день, когда онъ пожалѣетъ, что разстался съ ней такъ дурно и съ радостью будетъ вспоминать ея прощальныя слова на чужбинѣ. Въ эту минуту къ нимъ подскочилъ какой-то человѣкъ. Мистеръ Гредграйндъ и Сэсси, шедшіе впереди, тогда какъ Луиза

все еще держалась за плечо Тома, вдругъ остановились и попятились.

Передъ ними выросъ, какъ изъ подъ земли, Битцеръ, запыхавшійся, съ полураскрытыми тонкими губами, съ раздутыми прозрачными ноздрями, съ бѣлыми моргавшими рѣсницами; его лицо было еще безцвѣтнѣе обыкновеннаго, точно онъ довелъ себя своимъ отчаяннымъ бѣгомъ до бѣлаго каленія, тогда какъ другихъ людей отъ этого бросаетъ въ краску. Онъ такъ страшно пыхтѣлъ и отдувался, точно бѣжалъ опрометью, не останавливаясь, съ того самаго вечера, много лѣтъ назадъ, когда наскочилъ на мистера Гредграйнда, преслѣдуя Сэсси.

— Очень жаль, что мнѣ приходится разстроить ваши планы,—сказалъ Битцеръ, качая головою,—но я не позволю провести себя скоморохамъ. Я долженъ арестовать мистера Тома; скоморохи не помогутъ вамъ сплавить его подальше! Вотъ онъ въ рабочей блузѣ. Я его арестую!

И Битцеръ овладѣлъ оторопѣвшимъ олухомъ, схвативъ его для пущей вѣрности за шиворотъ.

VIII. Глава философская.

Они вернулись въ балаганъ, причемъ Слири заперъ изнутри дверь, чтобы избавиться отъ вторженія любопытныхъ. Битцеръ, не выпуская изъ рукъ парализованнаго испугомъ преступника, стоялъ на аренѣ, устремивъ въ полутьмѣ свой моргающій взглядъ на бывшаго покровителя.

— Битцеръ,—заговорилъ мистеръ Гредграйндъ, пришибленный горемъ, съ видомъ жалкой покорности,—Битцеръ, есть ли у тебя сердце?

— Безъ него немыслима циркуляція крови, сэръ,—отвѣчалъ съ улыбкой Битцеръ, удивляясь нелѣпости этого вопроса.—Ни единый человѣкъ, сэръ, знакомый съ научными фактами, установленными Гарвеемъ относительно кровообращенія, не усомнится въ томъ, что у меня есть сердце.

— Да, но доступно ли оно состраданію?—воскликнулъ мистеръ Гредграйндъ.

— Оно доступно разуму, сэръ, и ничему больше,—отвѣчалъ превосходный молодой человѣкъ.

Они стояли и смотрѣли другъ на друга; мистеръ Гредграйндъ не уступалъ въ блѣдности лица добровольному сыщику.

— По какой причинѣ—даже съ точки зрѣнія разума,—мѣшаешь ты бѣгству этого несчастнаго,—спросилъ мистеръ Гредграйндъ,—и убиваешь его злополучнаго отца?—прибавилъ онъ.—Взгляни, вотъ его сестра. Пожалѣй насъ!

— Сэръ,—отвѣчалъ Битцеръ чрезвычайно дѣловымъ и разсудительнымъ тономъ,—разъ вы спрашиваете, какая разумная причина заставляетъ меня вернуть мистера Тома въ Коктоунъ, то съ моей стороны будетъ лишь резонно отвѣтить вамъ въ точности на этотъ вопросъ. Я съ самаго начала подозрѣвалъ мистера Тома. Я еще раньше слѣдилъ за нимъ, потому что зналъ, какъ онъ себя ведетъ. Своими наблюденіями я не дѣлился ни съ кѣмъ, но производилъ ихъ втихомолку. И я собралъ массу уликъ противъ него. Бѣгство вашего сына и его собственное признаніе, которое я успѣлъ подслушать, окончательно подтверждаютъ его виновность. Я имѣлъ удовольствіе наблюдать за вашимъ домомъ вчера по-утру и послѣдовалъ за вами сюда, а теперь привезу мистера Тома обратно въ Коктоунъ, чтобъ сдать его съ рукъ на руки мистеру Баундерби. Послѣ того мистеръ Баундерби, навѣрно, поспѣшитъ повысить меня по службѣ и даже назначитъ на должность мистера Тома. Я, признаться, давно точу зубы на это мѣстечко, сэръ, потому что оно выведетъ меня въ люди, сэръ, и принесетъ мнѣ большіе барыши.

— Если тобою руководитъ только одна личная выгода...—началъ опять мистеръ Гредграйндъ.

— Прошу прощенія, что перебью васъ, сэръ,—возразилъ Битцеръ,—но вы, несомнѣнно, знаете, что вся соціальная система построена на личной выгодѣ. Личная выгода—рычагъ, приводящій въ дѣйствіе нашу энергію. Къ ней мы постоянно должны взывать. Это наша единственная опора. Такова уже человѣческая натура, сэръ. Мнѣ съ малолѣтства внушали эти правила, сэръ, какъ вамъ самимъ хорошо извѣстно.

— Какую сумму денегъ,—продолжалъ мистеръ Гредграйндъ,—назначишь ты взамѣнъ ожидаемаго тобою повышенія по службѣ?

— Покорнѣйше васъ благодарю, сэръ, за ваше лестное предложеніе,—отвѣчалъ Битцеръ,—но я не подумаю назначать никакой суммы. Предвидя заранѣе, что вы, какъ человѣкъ практическій и дальновидный, предложите мнѣ эту альтернативу, я заблаговременно прикинулъ въ умѣ, насколько мнѣ было бы выгодно принять ваши условія. И я нашелъ, что занять прибыльное и прочное положеніе въ банкѣ гораздо лучше и безопаснѣе, чѣмъ обогащаться укрывательствомъ вора.

Мистеръ Гредграйндъ простеръ къ нему руки, точно хотѣлъ сказать:—„взгляни, какой я несчастный!“

— Битцеръ,—произнесъ онъ,—у меня осталось одно средство тронуть тебя. Вспомни, сколько лѣтъ учился ты въ моей школѣ. Если въ память моихъ прежнихъ попеченій о тебѣ ты можешь хоть на минуту забыть о своемъ личномъ интересѣ и отпустить моего сына, то умоляю и прошу тебя, тронься моимъ горемъ.

— Я, право, удивляюсь, сэръ,—отвѣчалъ бывшій воспитанникъ тономъ холоднаго резонерства,—что вамъ за охота становиться на такую шаткую позицію? Мое школьное ученіе было оплачено; это была простая коммерческая сдѣлка; разъ я вышелъ изъ школы—всѣ мои обязательства передъ вами прекратились сами собою.

Всякій трудъ долженъ оплачиваться—таковъ былъ основной принципъ философіи Гредграйнда. Никто никогда ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ давать ничего даромъ и не оказывать никому безвозмездной помощи. Чувство благодарности и всѣ вытекающія отсюда добродѣтели должны быть вычеркнуты навсегда изъ человѣческой жизни. Каждый дюймъ существованія человѣчества отъ рожденія до самой смерти слѣдуетъ считать торгомъ изъ-за прилавка. И если мы не попали бы этимъ путемъ на небо, то, значитъ, оно не мѣсто для политической экономіи, и намъ нечего тамъ дѣлать.

— Не отрицаю,—прибавилъ Битцеръ,—что мое школьное воспитаніе обошлось дешево. Но такъ тому и слѣдовало быть, сэръ. Я былъ сфабрикованъ по самой дешевой цѣнѣ, а хочу пустить себя въ обращеніе по самой дорогой.

Тутъ онъ былъ нѣсколько смущенъ плачемъ Луизы и Сэсси.

— Перестаньте, прошу васъ, — сказалъ разсудительный юноша ;—въ этомъ нѣтъ никакого толку: это только надоѣдаетъ. Вы, кажется, думаете, что я питаю какую-то непріязнь къ мистеру Тому? Ничуть не бывало! Я только рѣшился доставить его обратно въ Коктоунъ на основаніи вышеупомянутыхъ разумныхъ причинъ. Еслибъ онъ вздумалъ сопротивляться, я крикнулъ бы:—„держите вора!“ Но онъ не сдѣлаетъ этого, можете быть увѣрены.

Тутъ мистеръ Слири, выслушивавшій всѣ эти доктрины, разинувъ ротъ и выпучивъ свой подвижной глазъ нисколько не меньше стоячаго, выступилъ впередъ.

— Сквайръ,—сказалъ онъ, обращаясь къ мистеру Гредграйнду,—вы хорошо знаете, а ваша дочь знаетъ еще лучше васъ, такъ какъ я говорилъ ей это, что мнѣ рѣшительно неизвѣстно, въ чемъ провинился вашъ сынъ, да я и не хотѣлъ допытываться объ этомъ, потому что считалъ его вину простыми юношескими проказами. Между тѣмъ, по словамъ этого молодого человѣка, дѣло идетъ о кражѣ въ банкѣ, а это слишкомъ серьезная штука, чтобы мнѣ стоило впутываться въ подобную исторію. Слѣдовательно, сквайръ, не сердитесь на меня, если я возьму сторону этого незнакомаго юноши и скажу, что онъ правъ и что тутъ не поможешь горю. Но вотъ, что я сдѣлаю, сквайръ. Я отвезу вашего сына съ его провожатымъ на стан-

цію желѣзной дороги, чтобъ предотвратить непріятную огласку. Ни на что другое я не согласенъ, но это сдѣлаю для васъ.

Новыя сѣтованія Луизы и еще большее огорченіе мистера Гредграйнда были вызваны этой измѣной ихъ послѣдняго друга. Но Сэсси внимательно присмотрѣлась къ нему; она ни на минуту не ошиблась въ его настоящихъ намѣреніяхъ. Когда всѣ опять направились къ выходу, онъ удостоилъ ее мимолетнымъ взглядомъ своего подвижного глаза, давая тѣмъ понять, чтобъ она отстала отъ прочихъ. Когда хозяинъ цирка заперъ за ушедшими дверь, то сказалъ молодой дѣвушкѣ съ большимъ жаромъ:

— Сквайръ помогъ тебѣ въ нуждѣ, Сесилія, а я помогу сквайру. Этотъ бѣлобрысый малый, должно быть, ужасная каналья, одного поля угода съ тѣмъ старымъ хвастуномъ, котораго мои артисты въ тотъ разъ чуть не вышвырнули за окошко. Ночь сегодня будетъ темная. У меня есть лошадь , которая сдѣлаетъ все, что угодно, только не заговоритъ. У меня есть пони, который пробѣжитъ пятнадцать миль въ часъ, когда имъ будетъ править Чайльдерсъ. У меня есть собака, которая по моему приказу продержитъ человѣка на одномъ мѣстѣ цѣлыя сутки. Шепни словечко молодому сквайру. Скажи ему, чтобъ онъ не пугался, когда увидитъ, что наша лошадь начинаетъ бѣситься, и не боялся быть опрокинутымъ, а посматривалъ бы назадъ, не катитъ ли за ними гигъ, запряженный пони. Скажи ему, что, когда гигъ поровняется съ нашимъ экипажемъ, онъ долженъ спрыгнуть на землю. Чайльдерсъ мигомъ подберетъ его и живо домчитъ до станціи. Если моя собака дастъ сдѣлать хоть шагъ тому бѣлобрысому или моя лошадь тронется раньше завтрашняго утра съ того мѣста, гдѣ она начнетъ плясать, значитъ, я непроходимый дуракъ и ничего не стою. А теперь маршъ, живѣе за дѣло!

И дѣйствительно, за дѣло принялись такъ живо, что черезъ десять минутъ мистеръ Чайльдерсъ, слонявшійся по базарной площади въ туфляхъ, получилъ уже всѣ необходимыя инструкціи, а экипажъ мистера Слири былъ запряженъ. Интересное зрѣлище представляла ученая собака, съ лаемъ прыгавшая вокругъ него, тогда какъ мистеръ Слири въ это время движеніемъ своего здороваго глаза указывалъ ей на Битцера, какъ на предметъ ея особаго вниманія. Какъ только окончательно стемнѣло, они втроемъ усѣлись въ телѣжку и покатили. Ученый песъ (сердитое животное внушительныхъ размѣровъ) уже намѣтилъ Битцера и побѣжалъ за телѣжкой съ его стороны, чтобъ быть наготовѣ вцѣпиться въ свою жертву при малѣйшей ея попыткѣ выскочить.

Трое остальныхъ: мистеръ Гредграйндъ съ дочерью и вос-

питанницей, просидѣли всю ночь въ гостиницѣ, жестоко волнуясь неизвѣстностью. Въ восемь часовъ утра мистеръ Слири и собака явилась къ нимъ, оба въ самомъ веселомъ настроеніи.

— Все благополучно!—сказалъ содержатель цирка.—Сынокъ вашъ теперь, пожалуй, ужъ плыветъ на кораблѣ. Чайльдерсъ увезъ его полтора часа спустя послѣ нашего отъѣзда отсюда вчера вечеромъ. Моя лошадь плясала польку до упаду (она пустилась бы даже вальсировать, еслибъ не въ упряжи), потомъ я скомандовалъ ей, она улеглась и заснула, какъ убитая. Когда же тотъ бѣлобрысый мерзавецъ вздумалъ продолжать путь пѣшкомъ, собака повисла на немъ, свалила его съ ногъ и принялась катать по землѣ. Волей-неволей онъ влѣзъ обратно въ телѣжку и просидѣлъ въ ней смирнехонько до половины седьмого утра, когда я повернулъ лошадь и погналъ ее обратно.

Мистеръ Гредграйндъ, разумѣется, осыпалъ Слири изъявленіями горячей признательности и въ самой деликатной формѣ намекнулъ ему на приличную денежную награду.

— Самъ я не нуждаюсь въ деньгахъ, сквайръ,—возразилъ тотъ,—но Чайльдерсъ человѣкъ семейный, и еслибъ вы вздумали предложить ему ассигнацію въ пять фунтовъ, онъ, пожалуй, не отказался бы отъ вашего подарка.. Точно также, если вы купите ошейникъ моей собакѣ или наборъ бубенчиковъ для моей лошади, я съ радостью приму ихъ на память отъ васъ. Что же касается грога, то я готовъ пить его всегда.—Онъ уже спросилъ стаканъ этого напитка и теперь потребовалъ другой.—Кромѣ того, сквайръ, если это не будетъ для васъ слишкомъ накладно, то не мѣшало бы вамъ поставить небольшое угощеніе моей труппѣ, этакъ по три шиллинга и шесть пенсовъ на брата, не считая собаки. Мои артисты были бы рады—радехоньки.

Мистеръ Гредграйндъ весьма охотно согласился исполнить всѣ эти скромныя желанія мистера Слири, хотя, по его словамъ, то были слишкомъ ничтожные знаки благодарности за подобную услугу.

— Превосходно, сквайръ, въ такомъ случаѣ закажите намъ экстренное представленіе, когда мы попадемъ въ ваши края, вомъ мы и будемъ болѣе, чѣмъ квиты. А теперь, сквайръ, если ваша дочь извинитъ меня, я хотѣлъ бы потолковать съ вами на прощанье съ глазу на глазъ.

Луиза и Сэсси вышли въ смежную комнату, а мистеръ Слири, помѣшивая и прихлебывая стоя свой грогъ, продолжалъ:

— Сквайръ, вы, конечно, и безъ меня знаете, какое удивительное животное собака.

— Ея инстинктъ въ самомъ дѣлѣ нѣчто замѣчательное,—подтвердилъ мистеръ Гредграйндъ.

— Называйте это, какъ хотите, дѣло не въ названіи—самъ я ничего не смыслю въ подобныхъ тонкостяхъ—но не могу не удивляться. Взять хоть бы это, напримѣръ:—какимъ способомъ отыскиваетъ васъ собака? И какія разстоянія способна она пробѣжать!

— Ею руководитъ весьма тонкое чутье,—отвѣчалъ мистеръ Гредграйндъ.

— Опять таки въ этомъ я не смыслю ни бельмеса,—повторилъ Слири, покачивая головой.—Но со мной было невѣроятное происшествіе, когда одна собака отыскала меня просто какимъ-то чудомъ. Право, можно было подумать, что для этого она пошла къ другой собакѣ и спросила:—„Не знаете ли вы человѣка по имени Слири? Слири содержателя цирка, косоглазаго толстяка?"—А другая собака какъ будто отвѣтила ей:—„Не могу сказать, чтобы видала его сама, но я знаю одну собаку, которая кажется, знакома съ нимъ".—Тутъ третья собака, когда ее спросили, задумалась и промолвила:—„Слири... Слири!.. О, да конечно, мнѣ знакомо это имя! Одна моя подружка говорила мнѣ о немъ однажды; я могу сейчасъ достать вамъ его адресъ". Благодаря тому, что мнѣ приходится часто выступать передъ публикой и ѣздить по разнымъ мѣстамъ, должно быть, множество чужихъ собакъ знаетъ меня, сквайръ.

Это смѣлое умозаключеніе, видимо, поставило втупикъ мистера Гредграйнда.

— Какъ бы то ни было, — продолжалъ Слири, прильнувъ губами къ своему стакану съ грогомъ,—только,—годъ и два мѣсяца тому назадъ, — попали мы въ Честеръ. Какъ-то разъ поутру на репетиціи феeріи „Дѣти въ лѣсу", на арену черезъ заднюю дверь вбѣгаетъ вдругъ собака самаго жалкаго вида: хромая, почти ослѣпшая, совсѣмъ измученная. Судя по всему, прибѣжала она издалека. Прежде всего бѣдняга обошла и обнюхала всѣхъ нашихъ дѣтей, точно отыскивала кого-то между ними, потомъ подошла ко мнѣ, подняла кверху заднія лапы и стала на переднія, несмотря на свою слабость, повиляла хвостомъ въ знакъ привѣтствія и тутъ же издохла. Сквайръ, эта собака была Меррилегъ.

— Собака отца Сэсси!

— Вотъ именно, старая собака отца Сесиліи. Такъ вотъ, сквайръ, зная хорошо Меррилега, я могу поклясться, что ея хозяинъ былъ уже мертвъ и похороненъ, прежде чѣмъ она пустилась отыскивать меня. Джозефина, Чайльдерсъ и я долго совѣщались между собою послѣ того, писать ли объ этомъ Сесиліи или нѣтъ, и порѣшили, что лучше не писать. Если мы не можемъ сообщить ей ничего утѣшительнаго, то зачѣмъ понапрасну тревожить и огорчать бѣдную дѣвушку? Такъ навсегда и осталось неразгаданнымъ, сквайръ, почему клоунъ Джюпъ покинулъ свою

дочь: — поступилъ ли онъ подло, чтобъ избавиться отъ нея, или предпочелъ лучше умереть съ горя, чѣмъ заставлять ее бѣдствовать вмѣстѣ съ нимъ? Никогда не узнать намъ теперь этого, сквайръ, — или, по крайней мѣрѣ, не узнать до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстно, какъ собаки умудряются отыскивать насъ.

— У Сэсси до сихъ поръ цѣла бутылка съ лекарствомъ, за которымъ посылалъ ее отецъ передъ своимъ уходомъ, и она до гробовой доски будетъ вѣрить въ его любовь, — сказалъ мистеръ Гредграйндъ.

— Мнѣ кажется, отсюда явствуютъ двѣ вещи,—замѣтилъ Слири, задумчиво заглядывая вглубь своего стакана съ грогомъ: во первыхъ, что есть на свѣтѣ любовь, не имѣющая ничего общаго съ корыстью; во-вторыхъ, что эту любовь такъ же трудно объяснить какими нибудь разумными причинами, какъ трудно опредѣлить ту способность, посредствомъ которой отыскиваютъ насъ собаки.

Мистеръ Гредграйндъ разсѣянно смотрѣлъ въ окно и не отвѣтилъ ни слова. Мистеръ Слири молча опорожнилъ свой стаканъ, послѣ чего позвалъ обратно Луизу и Сэсси.

— Сесилія, дорогая моя, поцѣлуй меня и прощай! А вамъ, миссъ сквайръ, позвольте сказать, что мнѣ отрадно видѣть, какъ вы относитесь по-родственному къ Сесиліи. Сейчасъ замѣтно, что вы любите ее, какъ родную сестру, что она пользуется у васъ довѣріемъ и почетомъ. Дай Богъ вашему брату прожить подольше, чтобы сдѣлаться со временемъ достойнымъ такой сестры, какъ вы, и порадовать ваше сердце. Сквайръ, вашу руку — въ первый и послѣдній разъ! Не гнѣвайтесь на насъ, убогихъ бродягъ: — вѣдь, людямъ нужны развлеченія. Нельзя же вѣчно только учиться и работать; человѣкъ не созданъ для этого. Волей-неволей вы должны примириться съ нами, сквайръ. Относитесь же къ намъ снисходительно, смотрите на насъ не съ дурной стороны, но съ хорошей!

— Вотъ ужъ никогда не думалъ раньше, — добавилъ мистеръ Слири, еще разъ заглядывая въ дверь,—чтобъ я могъ быть такимъ пустомелей.

IX. Глава заключительная.

Опасно замѣтить что нибудь въ сферѣ тщеславнаго хвастуна, прежде чѣмъ онъ самъ замѣтитъ это. Мистеръ Баундерби чувствовалъ, что миссисъ Спарситъ смѣло забѣгала впередъ въ его дѣлахъ и хотѣла быть умнѣе его. Онъ не могъ простить ей торжествующаго открытія миссисъ Пеглеръ; онъ такъ много размышлялъ объ этомъ самомнѣніи человѣка, вполнѣ зависимаго отъ него, что вина ея все разросталась въ его глазахъ, какъ комъ снѣга, который

увеличивается по мѣрѣ того, какъ его катаютъ. Наконецъ, онъ пришелъ къ заключенію, что разсчитать эту высокородную леди значило имѣть право трубить о томъ, что „она" дескать „была аристократка и старалась примазаться ко мнѣ, да я не захотѣлъ ея терпѣть и спровадилъ вонъ!" Этотъ рѣшительный шагъ давалъ ему возможность увѣнчать себя несравненной славой и во то же время подвергнуть миссисъ Спарситъ заслуженной карѣ.

Занятый болѣе чѣмъ когда либо своей геніальной идеей, мистеръ Баундерби вышелъ къ завтраку и сѣлъ къ столу въ своей прежней столовой, гдѣ красовался его портретъ. Миссисъ Спарситъ сидѣла у камина, продѣвъ ногу въ стремя изъ вязальной бумаги, ни мало не догадываясь о томъ, куда приведетъ ее сегодняшняя скачка.

Послѣ скандала съ миссисъ Пеглеръ эта благородная леди таила подъ покровомъ меланхоліи и сокрушенія свое соболѣзнованіе къ мистеру Баундерби. Поэтому у ней явилась новая привычка принимать скорбный видъ въ присутствіи хозяина, и съ этимъ видомъ глубокой печали устремила она взоръ на вошедшаго мистера Баундерби.

— Ну что тамъ еще, сударыня? — грубо и рѣзко спросилъ онъ.

— Пожалуйста, сэръ, — подхватила экономка, не вздумайте откусить мнѣ носъ!

— Откусить вамъ носъ, сударыня? — переспросилъ мистеръ Баундерби. *Вашъ* носъ! — произнесъ онъ такимъ тономъ, который ясно далъ понять миссисъ Спарситъ, что онъ считаетъ ея органъ обонянія слишкомъ объемистымъ для этой цѣли.

Послѣ такого обиднаго намека онъ отрѣзалъ себѣ корку хлѣба и швырнулъ ножъ на столъ.

Миссисъ Спарситъ вынула ногу изъ стремени и сказала:

— Мистеръ Баундерби, сэръ!

— Что вамъ опять понадобилось, сударыня? — огрызнулся хозяинъ. Чего вы пучите на меня глаза?

— Смѣю спросить, сэръ, — промолвила экономка, должно быть, васъ разстроили сегодня утромъ?

— Ну да, разстроили, сударыня.

— Можно полюбопытствовать, сэръ, — продолжала оскорбленная леди, — не я ли послужила несчастной причиной того, что вы выходите изъ себя?

— Вотъ, что я скажу вамъ, сударыня, — отвѣчалъ мистеръ Баундерби. — Я пришелъ сюда не для того, чтобъ подвергаться придиркамъ. Какое угодно знатное родство не даетъ еще женщинѣ права мучить и язвить мужчину, занимающаго такое общественное положеніе, какъ мое, и я не намѣренъ потакать этому.

Мистеръ Баундерби почувствовалъ необходимость идти на про-

ломъ, сознавая, что если онъ вздумаетъ останавливаться на частностяхъ, то потерпитъ пораженіе.

Миссисъ Спарситъ сначала подняла, потомъ сдвинула свои коріолановскія брови; затѣмъ уложила въ корзиночку рукодѣлье и встала съ мѣста.

— Сэръ, — произнесла она съ величественнымъ видомъ, мнѣ ясно, что я вамъ мѣшаю въ данную минуту. Лучше я уйду къ себѣ въ комнату.

— Позвольте отворить вамъ, сударыня, дверь.

— Благодарю васъ, сэръ. Я могу сдѣлать это и сама.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, сударыня,—настаивалъ Баундерби, опередивъ экономку и взявшись за дверную ручку; это доставитъ мнѣ случай сказать вамъ кое-что, прежде чѣмъ вы удалитесь. Миссисъ Спарситъ, сударыня, пожалуй, вамъ здѣсь тѣсновато, знаете... Мнѣ сдается, что подъ моей убогой кровлей нѣтъ достаточнаго простора для леди съ вашимъ геніальнымъ умѣньемъ соваться въ чужія дѣла.

Миссисъ Спарситъ кинула на него взоръ полный глубочайшаго презрѣнія, и произнесла съ утонченной вѣжливостью:

— Неужели, сэръ?

— Видите ли, я много думалъ о томъ послѣ недавнихъ событій, сударыня, — отвѣчалъ мистеръ Баундерби, — и по моему убогому разумѣнію...

— Полноте, сэръ, — подхватила миссисъ Спарситъ съ игривой веселостью, къ чему такое самоуничиженіе? Всякому извѣстно, какъ непогрѣшимы сужденія мистера Баундерби. Доказательства тому у всѣхъ налицо. Это, вѣроятно, даже служитъ темой общихъ разговоровъ. Унижайте въ себѣ, что вамъ угодно, только не ваше здравомысліе, сэръ! — со смѣхомъ заключила миссисъ Спарситъ.

Багровый отъ бѣшенства и смущенный, мистеръ Баундерби продолжалъ:

— Я хотѣлъ только сказать вамъ, сударыня, что особѣ съ вашими способностями нужна иная арена дѣятельности. Вотъ хотя бы домъ вашей родственницы миссисъ Скаджерсъ. Не думаете ли вы, что тамъ найдутся дѣла, въ которыя можно было бы вамъ вмѣшиваться?

— Это никогда не приходило мнѣ въ голову раньше,—отвѣчала миссисъ Спарситъ, — но разъ вы подали мнѣ подобную мысль, сэръ, я не нахожу въ томъ ничего невѣроятнаго.

— Тогда, можетъ быть, вы рискнете попытаться,—сказалъ мистеръ Баундерби, опуская въ ея рабочую корзиночку конвертъ съ чекомъ. Вамъ нечего торопиться отъѣздомъ, сударыня, — дѣло не къ спѣху; но до тѣхъ поръ для леди, одаренной такимъ рѣдкимъ умомъ, пожалуй, будетъ пріятнѣе кушать одной, безъ всякой помѣхи? Теперь же мнѣ, право, не мѣшаетъ извиниться передъ вами

въ томъ, что, будучи только Джозіей Баундерби изъ Коктоуна, я такъ долго пользовался вашимъ просвѣщеннымъ обществомъ.

— Не безпокойтесь пожалуйста, сэръ, — возразила почтенная леди. Еслибъ вотъ этотъ портретъ могъ заговорить, сэръ, — но онъ имѣетъ то преимущество передъ оригиналомъ, что лишенъ дара слова, благодаря чему не можетъ компрометировать себя и внушать отвращеніе другимъ—то онъ засвидѣтельствовалъ бы вамъ, какъ много времени тому назадъ обратилась я къ нему впервые, назвавъ его портретомъ болвана. А болванъ, какъ извѣстно, ничѣмъ не можетъ ни удивить, ни оскорбить, чтобы онъ ни сдѣлалъ; онъ можетъ только внушить къ себѣ презрѣніе.

Послѣ такого язвительнаго финала своей рѣчи миссисъ Спарситъ съ ея клиссическими чертами, словно выбитыми на медали ради увѣковѣченія ея насмѣшливаго пренебреженія къ мистеру Баундерби, окинула его съ ногъ до головы надменнымъ взглядомъ, съ презрительной миной проплыла мимо и поднялась къ себѣ въ комнату. Хозяинъ дома затворилъ за нею дверь, подошелъ къ топившемуся камину и съ своимъ прежнимъ запальчивымъ видомъ устремилъ глаза на свой портретъ, — а также въ будущее.

Далеко ли заглянулъ онъ туда?

Мистеръ Баундерби видѣлъ передъ собою миссисъ Спарситъ, выдерживавшую ежедневныя баталіи на всевозможномъ оружіи изъ женскаго арсенала съ завистливой, несносной, сварливой, неуживчивой леди Скаджерсъ, которая (попрежнему прикованная къ постели таинственной болью въ ногѣ) проматывала въ полтора мѣсяца свой скудный доходъ за четверть года, чтобъ остальное время перебиваться съ грѣхомъ пополамъ въ своей тѣсной, душной квартирѣ, гдѣ и одному человѣку негдѣ было повернуться, а не то, что двоимъ. Но видѣлъ ли коктоунскій банкиръ еще что нибудь кромѣ этого? Видѣлъ ли онъ себя, выставлявшимъ на показъ каждому свѣжему человѣку Битцера, въ качествѣ юноши, подающаго большія надежды, который такъ умѣлъ цѣнить достоинства своего патрона, который занялъ мѣсто мистера Тома и чуть не изловилъ его самого, не подвернись тутъ всякіе негодяи, способствовавшіе бѣгству виновнаго? Видѣлъ ли Баундерби слабое отраженіе собственнаго облика въ тотъ моментъ, когда онъ составлялъ тщеславно-хвастливое завѣщаніе, по которому двадцать пять шарлатановъ, переваливщихъ за пятьдесятъ пять лѣтъ, должны были, въ качествѣ стипендіатовъ имени Джозіи Баундерби изъ Коктоуна, обѣдать до конца своихъ дней въ столовой Баундерби, жить въ благотворительномъ учрежденіи Баундерби, молиться въ капеллѣ Баундерби, дремать за проповѣдью капеллана Баундерби, получать пенсію изъ доходовъ съ имущества Баундерби и доводить до тошноты всѣ здоровые человѣческіе желудки избыткомъ вздора и самохвальства все того же Баундерби? Мелькало ли у коктоунскаго богача

какое нибудь предвидѣніе того рокового дня, пять лѣтъ спустя, когда Джозіи Баундерби изъ Коктоуна было суждено внезапно скончаться отъ апоплексическаго удара на коктоунской улицѣ, а его великолѣпному завѣщанію предстояло начать безконечныя мытарства по пути судебной волокиты, грабительства, неправильныхъ исковъ, поборовъ и всяческой канители, отъ которой никому не было проку, а только нажива адвокатамъ и стряпчимъ? Нѣтъ, едвали Баундерби видѣлъ все это... За то его портрету предназначалось увидать всякіе виды.

Въ тотъ же день и часъ мистеръ Гредграйндъ задумчиво сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Далеко ли заглядывалъ въ грядущее *онъ?* Видѣлъ ли себя дряхлымъ сѣдоволосымъ старцемъ, приспособлявшимъ свои до сихъ поръ прямолинейныя теоріи къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, подчинявшимъ свои факты и цифры Вѣрѣ, Надеждѣ, Любви и не пытавшимся болѣе перемалывать это небесное тріо на своихъ пыльныхъ маленькихъ мельницахъ? Видѣлъ ли онъ себя жестоко презираемымъ за такую перемѣну взглядовъ своими недавними единомышленниками? Видѣлъ ли онъ ихъ въ ту эпоху, когда ими было безповоротно рѣшено, что самодовлѣющая партія отечественныхъ мусорщиковъ существуетъ сама по себѣ и не имѣетъ никакого обязательства относительно отвлеченной идеи, именуемой народомъ? Видѣлъ ли онъ ихъ мысленно, какъ на парламентскихъ засѣданіяхъ они травили въ своихъ нелѣпыхъ рѣчахъ „достопочтеннаго джентльмена“ то тѣмъ, то другимъ, то пятымъ, то десятымъ, по пяти вечеровъ въ недѣлю далеко за полночь? Весьма вѣроятно, что мистеръ Гредграйндъ и прозѣвалъ это въ грядущемъ, хорошо зная свою братію.

Вечеромъ того же дня Луиза въ глубокомъ раздумьѣ смотрѣла на пылавшій въ каминѣ огонь, какъ въ былое время, но съ болѣе кроткимъ и терпѣливымъ лицомъ. Какое будущее могло вставать передъ *ея* умственнымъ взоромъ? Раскленныя по всему городу объявленія за подписью ея отца, въ которыхъ мистеръ Гредграйндъ возстановлялъ честь умершаго Стефена Блэкпуля, ткача, снимая съ него несправедливое подозрѣніе, и предавалъ огласкѣ виновность своего родного сына, ссылаясь на такія смягчающія обстоятельства, какъ молодость и легкомысліе (у него не хватало духу прибавить: неудачное воспитаніе), принадлежали уже настоящему. Точно также и надгробный памятникъ Стефену Блэкпулю съ описаніемъ его смерти, составленнымъ ея отцомъ, относился скорѣе къ области настоящаго, такъ какъ Луизѣ было извѣстно, что онъ непремѣнно будетъ поставленъ. Эти предметы она могла видѣть такъже ясно, какъ въ дѣйствительности. Но насколько открывалось передъ нею грядущее?

Фабричная работница, по имени Рэчель, послѣ долгой болѣзни, появилась однажды опять на призывъ колокола между коктоун-

скими рабочими и стала приходить на фабрику ежедневно въ положенные часы. То была женщина задумчивой красоты, неизмѣнно одѣтая въ черномъ, но кроткая и спокойная, даже веселая. Во всемъ городѣ она одна питала состраданіе къ опустившемуся донельзя, вѣчно пьяному существу женскаго пола, которое показывалось порою въ Коктоунѣ и выпрашиваю у нея деньги, и приставало къ ней. Рэчель работала безпрерывно, но не роптала, видя въ трудѣ назначенный ей удѣлъ и предпочитая трудиться, пока ей не измѣнятъ силы въ преклонномъ возрастѣ. Видѣла ли это Луиза въ будущемъ? Если видѣла, то эта картина не обманывала ее.

Не представлялся ли ея воображенію одинокій образъ, заброшенный на чужбину за тысячи миль, который пишетъ ей на бумагѣ, закапанной слезами, что ея прощальныя слова оправдались слишкомъ скоро и что онъ готовъ отдать всѣ сокровища міра за то, чтобъ взглянуть на ея милое лицо? Много времени спустя этотъ изгнанникъ уже на обратномъ пути къ дому. Сердце его трепещетъ надеждой видѣть любимую сестру; но скитальца задерживаетъ дорогой болѣзнь. Потомъ приходитъ письмо, написанное незнакомымъ почеркомъ, съ роковою вѣстью: „онъ скончался въ больницѣ отъ лихорадки, такого то числа, и умеръ съ раскаяніемъ и съ любовью къ вамъ; ваше имя было на его устахъ до самой послѣдней минуты“. Если это мерещилось Луизѣ, то скорбное предчувствіе не обманывало ее.

Сама она вновь замужемъ, —мать семейства, съ любовью наблюдающая за своими дѣтьмя. Ея постоянная забота,—чтобъ у нихъ было дѣтство души, не менѣе тѣлеснаго дѣтства, потому что первое еще прекраснѣе второго, какъ драгоцѣнное достояніе, одна уцѣлѣвшая крупинка котораго служитъ впослѣдствіи источникомъ благополучія и счастья для самого мудрѣйшаго изъ мудрецовъ. Представлялись ли Луизѣ подобныя картины? Если да, то мечты обманывали ее: этому никогда не бывать.

Но видѣла ли она себя окруженной счастливыми дѣтьми счастливой Сэсси? Всеобщей любимицей среди дѣтей, научившейся понимать дѣтскую натуру, особый складъ дѣтской души? Грезилось ли Луизѣ, какъ она забавляетъ ихъ волшебными сказками, сознавая все высокое значеніе этихъ невинныхъ вымысловъ? Видитъ ли Луиза, какъ она усердно старается узнать короче своихъ смиренныхъ ближнихъ и скрасить ихъ жизнь механическаго труда и прозаической дѣйствительности духовными наслажденіями, безъ которыхъ вянетъ дѣтское сердце, безъ которыхъ самая бодрая тѣлесная мощь становится нравственной смертью, безъ которыхъ самое очевидное народное благосостояніе, безошибочно доказанное цифрами, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ роковыми письменами на стѣнѣ во время нечестиваго пиршества Валтасара? Видитъ ли себя Луиза идущей по этому пути не въ силу какого нибудь романиче-

скаго обѣта, или принадлежности къ какому либо союзу, братству, общинѣ самоотверженныхъ сестеръ, не изъ тщеславныхъ разсчетовъ, не ради минутной прихоти, увлеченія показной внѣшностью, а просто ради того, чтобъ исполнить свой долгъ? Если она видитъ себя въ разгарѣ такой дѣятельности, то не ошибается: этому суждено быть.

Дорогой читатель! Отъ насъ съ тобой зависитъ, чтобъ и наша собственная дѣятельность была направлена къ благой цѣли. Пускай же такъ оно и будетъ. Тогда мы съ болѣе легкимъ сердцемъ станемъ сидѣть у своего догорающаго очага и слѣдить за тѣмъ, какъ угольяи въ немъ гаснутъ и подергиваются сѣдымъ пепломъ.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОСѢВЪ.

		Стр.
I.	Единственное, что намъ нужно	3
II.	Избіеніе младенцевъ	4
III.	Сквозь щелку	9
IV.	Мистеръ Баундерби	14
V.	Основной тонъ	20
VI.	Труппа Слири	26
VII.	Мистриссъ Спарситъ	38
VIII.	Никогда не удивляйтесь ничему	45
IX.	Успѣхи Сэсси	50
X.	Стефенъ Блэкпуль	58
XI.	Безъ исхода	63
XII.	Старуха	70
XIII.	Рэчель	75
XIV.	Великій фабрикантъ	82
XV.	Отецъ и дочь	86
XVI.	Мужъ и жена	94

КНИГА ВТОРАЯ.

ЖАТВА.

I.	Событія въ банкѣ	99
II.	Мистеръ Джемсъ Гартхаузъ	111
III.	Олухъ	119
IV.	Братья-рабочіе	124
V.	Рабочіе и хозяева	131
VI.	Увяданіе	137
VII.	Порохъ	148
VIII.	Взрывъ	160
IX.	Кончина миссисъ Гредграйндъ	173
X.	Лѣстница миссисъ Спарситъ	181
XI.	Все ниже и ниже	185
XII.	Паденіе	193

КНИГА ТРЕТЬЯ.

УБОРКА.

Стр.

I. Что необходимо человѣку еще. 198

II. Глава весьма нелѣпая 203

III. Глава весьма рѣшительная. 212

IV. Пропалъ. 220

V. Нашлась. 229

VI. Сіяніе звѣздъ. 237

VII. Ловля олуха. 247

VIII. Глава философская 258

IX. Глава заключительная. 264